

4
А 501

Т.Б. АЛИСОВА
Т.А. РЕПИНА
М.А. ТАРИВЕРДИЕВА

ВВЕДЕНИЕ В РОМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

**ДЛЯ СТУДЕНТОВ-РОМАНИСТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ**

**ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР
В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА
ДЛЯ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ**

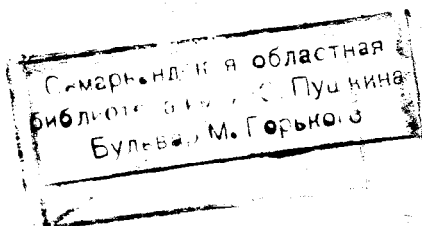
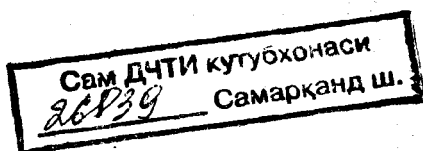

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 1982

ББК 81.2-9

А 50

Рецензенты: сектор романских языков Института языкознания
АН СССР; проф. Гак В. Г. (МГПИ им. В. И. Ленина)

Handwritten signature or initials, possibly 'С.С. 10/89'.

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А.

А 50 Введение в романскую филологию: Учебник, для студ.-романистов филол. фак. ун-тов.—М.: Высш. школа, 1982.—343 с.

В пер.: 1 р. 10 к.

В учебнике рассматриваются вопрос о количестве романских языков, их классификация, область распространения и общественные функции, проблема их структурной общности, исторические факторы их образования и т. п.; роль латинского языка в формировании романских языков, проблема народной латыни; дается характеристика письменных свидетельств народной латыни и первых памятников романских языков; изучается типология романских языковых систем в их соотношении с системой латинского языка.

А $\frac{4602010000-410}{001(01)-82}$ 164-82

ББК 81.2-9
4и

© Издательство «Высшая школа», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «Введение в романскую филологию» предназначен для студентов-романистов 2-го года обучения филологических факультетов университетов и педвузов. Содержание и построение учебника соответствуют программе одноименного курса, подготовленной на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, одобренной Научно-методическим советом по высшему филологическому образованию и утвержденной Минвузом СССР в 1979 г.

Учебник состоит из четырех частей. Часть первая — «Романский языковой ареал и исторические условия его образования» написана Т. А. Репиной, часть вторая — «Истоки романских языков» — М. А. Таривердиевой, часть третья — «Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем» — Т. Б. Алисовой, часть четвертая — «Развитие романского языкознания» — Т. А. Репиной. В учебнике принята сквозная нумерация параграфов. Важнейшие термины и понятия, встречающиеся в книге, вынесены в указатель. Список всех романских звуков-фонем и способов их графической передачи в разных романских языках приводится в § 80. Важнейшие этимологические словари романских языков указаны в § 105. К учебнику прилагается список рекомендуемой студентам литературы. Научная и справочная литература, которой пользовались авторы при написании учебника, вынесена в послестраничные сноски главным образом в случаях прямого цитирования. Примеры из латинских авторов и старых романских литературных памятников сопровождаются традиционными сокращенными пометами, например, Плавт, «Псевдол» — Pl.Ps., «Песнь о Роланде» — Rol., «Песнь о моем Сиде» — Cid и др. Знак > перед романской формой слова или знак < после нее обозначают «происходит от», «восходит к», например, лат. carut > фр. chef или фр. chef < лат. carut. Слова со звездочкой, например, *illei, обозначают незарегистрированные в текстах народно-латинские формы.

Авторы учебника выражают сердечную благодарность кафедре романской филологии филологического факультета МГУ, на которой проводилось обсуждение учебника, и особенно ее руководителю чл.-корр. АН СССР проф. Р. А. Будагову, который взял на себя труд прочесть рукопись и внести в ее текст ряд существенных уточнений.

Авторы глубоко признательны рецензентам рукописи учебника д. ф. н. проф. В. Г. Гаку и сектору романских языков Института языкознания АН СССР — акад. АН СССР проф. Г. В. Степанову, д. ф. н. Е. М. Вольф, к. ф. н. Л. И. Лухт, к. ф. н. Б. П. Нарумову, к. ф. н. А. В. Супрун, Анне А. Зализняк, ценные замечания и рекомендации которых помогли им в работе над книгой.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

Со времени выхода в свет учебника М. В. Сергиевского «Введение в романское языкознание» (изд. лит-ры на иностр. яз. М., 1952, 2-е изд. 1954) прошло около тридцати лет. С тех пор в науке о языке появилось много новых идей и методов, которые не могли не отразиться на интерпретации материала, излагаемого в курсе «Введение в романскую филологию». Авторы настоящего учебника поставили себе целью приблизить традиционную проблематику курса к современному состоянию науки.

Прежде всего, перед авторами стояла задача объединить исторические, филологические и собственно языковедческие части курса. Это можно было сделать двумя путями.

Первый путь — информативно-энциклопедический, сохраняющий автономность каждого раздела. Так построены почти все учебные пособия по этому курсу¹, различающиеся между собой лишь способом дробления материала и степенью глубины его освещения, зависящей часто от индивидуальных научных интересов автора.

Второй путь состоит в преодолении разрыва между социолингвистикой и собственно лингвистикой в области их естественного взаимопроникновения, а именно при исследовании причин распространения языковых изменений (учитывая, что «расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе»²).

Авторы настоящего учебника стремились выделить эту ключевую проблему курса и показать историческую обусловленность как сходства, так и своеобразия романских языковых систем.

Другой ведущей и объединяющей темой учебника является типологическое сопоставление латинской и романских языковых систем (а не описание каждой из них в отдельности, как это сделано, например, в книгах Э. Бурсье, К. Тальявини, В. Д. Элькока, М. В. Сергиевского). Сопоставление систем близкородственных языков не ограничивается их современным состоянием и не является самоцелью: оно лишь помогает обнаружить общность или различие тенденций развития романских языковых систем, отличающихся друг от друга темпом своей эволюции, характером отклонения от языка-основы и степенью сохранности унаследованных от латыни элементов.

При сопоставительном анализе языков используется не только семасиологический подход «от формы к ее смыслу», но и ономасиоло-

¹ См. список рекомендуемой литературы.

² Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 19.

гический подход «от смысла к формам его выражения». Таким образом, некоторые языковые явления, представляющиеся разобщенными при семасиологическом подходе, оказываются органически связанными (как, например, тенденция к распространению номинативного строя предложения и возникновение описательных форм перфекта *habeo factum* и футурума *facere habeo*).

Путь исследования «от смысла к формам» делает обязательным описание самой семантической структуры в терминах смысловых различительных признаков.

Поскольку курс «Введение в романскую филологию» читается после курса «Введения в языкознание», некоторые вопросы теории и истории лингвистики изложены в настоящем учебнике сокращенно. Предшествуя курсам истории отдельных романских языков и литератур, настоящий курс (и учебник) вводит будущих лингвистов и литературоведов в методику филологического исследования и в круг проблем, возникающих в советской и зарубежной романистике. Основной задачей курса и учебника является освещение проблемы генезиса романских языков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОМАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Раздел первый. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Глава I. ПОНЯТИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И РОМАНИИ

§ 1. Романские языки как генетически родственная группа языков. Среди языков мира важное место занимает группа языков, которые принято называть романскими. Романские языки — это группа языков, объединенных общностью происхождения: все они сформировались на базе латинского языка в его разговорной форме.

На романских языках говорит население Испании, Италии, Португалии, Румынии, Франции и некоторых других государств Западной Европы, а также многих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Кубы, Мексики, Перу и т. д. В Советском Союзе на одном из романских языков (молдавском) говорит население Молдавской Советской Социалистической Республики. Романские языки являются официальными языками ряда стран Африки.

Единство происхождения романских языков проявляется в наличии у них общих элементов, этимологически восходящих к соответствующим латинским (хотя в целом романские языки представляют принципиально новый по сравнению с латинским тип языковой структуры, см. § 9).

Генетическое родство романских языков можно проиллюстрировать следующими примерами:

Счет от одного до десяти

лат.	фр.	исп.	порт.	ит.	рум.	молд.
unus, una	un, une	un(o), una	um, uma	uno, una	un(u), una	ун(у), уна
duo, duae	deux	dos	dois, duas	due	doi, două	дой, доуэ
tres	trois	tres	três	tre	trei	трей
quattuor	quatre	cuatro	quatro	quattro	patru	патру
quinque	cinq	cinco	cinco	cinque	cinci	чинч
sex	six	seis	seis	sei	şase	шасе
septem	sept	siete	sete	sette	şapte	шапте
octo	huit	ocho	oito	otto	opt	опт
novem	neuf	nueve	nove	nove	nouă	ноуэ
decem	dix	diez	dez	dieci	zece	зече

Типы спряжений

лат.	фр.	исп.	порт.	ит.	рум.	молд.
I approbare	approuver	aprobar	aprovar	approvare	a aproba	а апроба
II habere	avoir	haber	haver	avere	a avea	а авя
III cognoscere	connaître	conocer	conhecer	conoscere	a cunoaște	а куноаште
IV sentire	sentir	sentir	sentir	sentire	a simți	а симци

Общепотребительная лексика

лат.	фр.	исп.	порт.	ит.	рум.	молд.
‘человек’ homo (hominem) ¹	homme	hombre	homem	uomo	om	ом
‘хлеб’ panis (panem)	pain	pan	pão	pane	pîine	пыне
‘небо’ caelum	ciel	cielo	ceu	cielo	cer	чер
‘трава’ herba	herbe	hierba yerba	erva	erba	iarbă	ярбэ
‘живой’ vivus (vivum)	vif	vivo	vivo	vivo	viu	виу
‘черный’ niger (nigrum)	noir	negro	negro	nero	negru	негру
‘надеяться’ sperare	espérer	esperar	esperar	sperare	a spera	а спера
‘прийти’ venire	venir	venir	vir	venire	a veni	а вени

¹ В скобках дается форма аккузатива: в ней представлена основа латинских существительных и прилагательных, от которой в большинстве случаев происходило образование романских слов.

И хотя в ходе истории каждого языка произошли определенные фонетические и морфологические изменения, в большей или меньшей степени преобразившие внешний облик слов и форм, соотносимость последних с латинскими несомненна. Романские языки обнаруживают сходство в формах некоторых местоимений, предлогов, в окончаниях ряда глагольных времен и т. д.

Свидетельством генетического родства романских языков является также наличие в их структуре таких черт, которые отражают изменения, происходившие в разговорной латыни на протяжении длительного времени.

Так, например, начиная с ранних периодов своей истории (как об этом позволяет судить, в частности, речь персонажей комедий Плавта III—II вв. до н. э.), латинская разговорная речь характеризовалась конкуренцией степеней сравнения прилагательных, образуемых посредством окончаний: **altior** ‘более высокий’, **dulcior** ‘слаще, более сладкий’ и т. п. и словосочетаний, состоящих из наречия **plus** или **magis** ‘больше, более’ и исходной формы прилагательного: plus (magis) altus, plus (magis) dulcis. Второй способ обозначения сравнения в разговорной речи был весьма употребительным во все периоды истории

латинского языка, в письменных же текстах вплоть до IV—V вв. н. э. предпочтение отдавалось формам на *-ior*. Романские языки унаследовали именно тот способ передачи компаратива, который был присущ разговорной форме латинской речи: *исп.* más alto, más dulce; *итал.* più alto, più dolce; *порт.* mais alto, mais doce; *рум.* mai înalt, mai dulce; *франц.* plus haut, plus doux.

В разговорной латинской речи существительные среднего рода в форме множественного числа иногда отождествлялись с существительными женского рода единственного числа: *folia* мн. ч. от *folium* 'лист' (ср. род) могло восприниматься как ед. ч. (этому способствовало, в частности, собирательность значения: листья = листва). Данное изменение также нашло отражение в романских языках: *исп.* hoja; *итал.* foglia, *порт.* fôlha; *рум.* foaie; *франц.* feuille — во всех романских языках это существительное женского рода. Являясь одним из доказательств общности происхождения романских языков, подобные примеры подтверждают мнение о том, что романские языки сформировались на основе латинской речи именно в ее разговорной форме.

Составляя генетически родственную группу, романские языки входят в другую, более многочисленную языковую семью так называемых индоевропейских языков, к которой относятся древние языки — латинский, древнегреческий, древнеиндийский (санскрит) и др., а также ряд современных языков — таких, например, как славянские, германские, албанский, новогреческий, латышский, литовский и др. Сравнение древних языков между собой и сопоставление их с современными приводит к выводу о том, что некогда, в доисторические времена, эти языки представляли языковую общность, что все они развились на основе неизвестного нам общего для них праязыка и что, следовательно, все они являются родственными. Романские языки, как и другие современные языки, входящие в эту языковую семью, образуют новую ее разновидность: их принято называть новоиндоевропейскими языками.

Итак, романские языки — это одна из больших групп новоиндоевропейских языков, сформировавшаяся на основе древнего индоевропейского языка — латинского.

§ 2. Понятие Романии. В произведениях римских историков позднего периода (V—VI вв. н. э.) встречается термин «Романия» (*Roma* — Рим). Этим термином обозначались территории, входившие в состав римского государства. С лингвистической точки зрения понятие «Романия» соответствовало зоне распространения латинского языка.

Современные ученые (филологи, этнографы, историки) используют термин «Романия» как сокращенный вариант термина «романский языковой ареал», который, в свою очередь, обозначает область распространения романских языков в современном мире. Термин «Романия» в его современном понимании условен: он не предполагает ни политической, ни территориальной общности романоязычных стран и районов мира.

Термин, о котором идет речь, употребляется в лингвистической литературе в сопровождении двух антонимичных прилагательных: Старая и Новая Романия. В этом случае противопоставляются два территориальных понятия: Старая Романия — это те государства Европы, где сейчас говорят на романских языках, а некогда говорили на латинском языке; Новая Романия — это области распространения романских языков за пределами Европы.

Термин «Новая Романия» используется иногда и для обозначения современного романского языкового ареала в его совокупности в противопоставлении области распространения латинского языка. В таких случаях говорят о Древней и Новой Романии или о Романии Древней и Современной. Противопоставление понятий хронологическое.

§ 3. Количество романских языков. Вопрос о количестве романских языков относится к числу спорных. Его однозначное решение затруднено отсутствием достаточно надежных критериев разграничения понятий «язык» и «диалект». Предлагавшиеся до сих пор лингвистические критерии: взаимное понимание или непонимание, наличие совокупности определенных фонетических черт, как и социолингвистические: наличие или отсутствие литературного употребления не могут быть признаны удовлетворительными.

Житель сельской местности северной Италии не всегда поймет южанина, однако только на этом основании нельзя говорить о том, что существуют ломбардский или сицилийский языки. В нашей стране белорус и украинец прекрасно поймут русского и наоборот, но это не дает оснований считать два первых диалектными разновидностями русского или русский язык разновидностью белорусского и украинского.

Фонетика — это лишь один из аспектов языка, хотя и очень важный, но не всегда решающий при определении лингвистического статуса того или иного языкового образования. К тому же границы распространения тех или иных фонетических явлений весьма подвижны (см. часть III).

В мире до сих пор есть языки, не имеющие литературного употребления. В истории нашего государства, как и других государств мира, многочисленны примеры того, как некогда бесписьменные языки обрели свою письменность и на них создавалась богатая литература. Совершенно очевидно, что, как и два других критерия, критерий отсутствия литературного употребления и письменности вообще не мешает признанию лингвистической самостоятельности того или иного языка.

Несмотря на трудности, связанные с разграничением понятий «язык» — «диалект», в романистике все же сложилась определенная традиция отнесения ряда разновидностей романской речи к числу самостоятельных романских языков. Эта традиция складывалась в течение длительного времени, поэтому в основу выделения романских языков оказались положены разные критерии.

К романским языкам относятся следующие:

1) *испанский, португальский, французский, итальянский, румынский* — языки, на которых осуществляется официальное общение в рамках единой административной единицы (государства); некоторые из них также служат целям межгосударственного общения;

2) *молдавский, ретороманский, каталанский* — языки, на которых осуществляется общение в пределах неотделимой административной единицы (самостоятельной республики или области, составляющей часть федерации; автономной области);

3) *провансальский (окситанский) и галисийский*¹ — языки, имеющие богатую культурно-литературную историческую традицию;

4) *сардинский* — язык историко-этнической общности людей, характеризующийся ярко выраженными особенностями своей структуры.

Выделение романских языков производится, таким образом, на основании как лингвистических, так и социолингвистических критериев.

К группе романских языков относится также исчезнувший *далматинский* язык. Область распространения романских языков см. § 4.

Кроме того, имеется ряд разновидностей романской речи, по вопросу о лингвистическом статусе которых существуют разногласия. Это: *гасконский, франкопровансальский, арумынский, мегленицкий и истриотский* языки/диалекты (?).

На основе испанского, португальского и французского языков в ходе истории сформировался ряд так называемых *креольских языков*. Они представляют собой своеобразные языковые образования (см. § 5), вопрос о их включении в романскую языковую группу в качестве самостоятельных единиц является спорным: если решать его положительно, необходимо оговорить, что они занимают в ней периферийное положение.

Так называемый *сефардский язык* (см. § 4) включается в группу романских языков только как особая, исторически сложившаяся разновидность испанского языка.

Глава II. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

§ 4. Романские языки в современном мире. Романские языки занимают важное место среди языков мира. Они являются родными языками значительной части населения земного шара: примерно десятой его части (из общего числа жителей нашей планеты, составляющего около 4,5 миллиардов, ими владеют как родными не менее, а возможно более 400 миллионов человек). Кроме того, романские языки широко используются как средство общения, как язык радио, телевидения, прессы, официальных документов во многих странах мира, в первую очередь в многочисленных государствах Африки, а следо-

¹ В отношении статуса галисийского языка существуют разногласия: его рассматривают иногда как диалект португальского. Большинство исследователей, однако, высказывается в пользу его признания самостоятельным романским языком (подробнее см. § 4).

вательно, число лиц, пользующихся романскими языками в целях повседневного общения, оказывается еще большим и, вероятно, превышает полмиллиарда человек. Эти языки изучаются в качестве иностранных в школах и вузах большинства стран мира, некоторые из них входят в число официальных языков международных организаций, конгрессов, конференций, симпозиумов и т. д.

Область распространения романских языков¹ и разновидностей романской речи:

Португальский язык

а) Официальный язык двух государств мира: Португалии с принадлежащими ей Азорскими островами и островом Мадейра (около 10 млн.)² и Бразилии (свыше 120 млн.). Португалия владеет на побережье Южно-Китайского моря так называемой «заморской провинцией» *Аомынь (Макао)* с общей численностью населения 300—400 тыс. человек, официальным языком которой также является португальский.

б) Официальный язык Народной Республики *Ангола*, Народной Республики *Мозамбик*, Республик *Гвинея-Бисау* и *Островов Зеленого Мыса* и Демократической Республики *Сан-Томе и Принсипи* (общая численность населения этих государств составляет около 20 млн.).

в) Используется в *Восточном Тиморе* (часть одного из островов Малайского архипелага), бывшей португальской колонии. До недавнего времени носители португальского языка проживали в бывших колониях на западном побережье Индии — *Гоа, Даман, Диу*, которые в 1962 г. вошли в состав Индии в качестве союзной территории.

В США, в Бразилии и в некоторых европейских странах, в частности во Франции, проживает значительное число португальских эмигрантов.

Общая численность говорящих на португальском языке составляет свыше 140 миллионов человек.

+ Галисийский язык

Носители галисийского языка — *галисийцы* населяют испанскую область *Галисию*, расположенную в северо-западной части Иберийского полуострова на границе с Португалией, и насчитывают свыше 2,5 млн. человек. Некоторое число носителей галисийского языка

¹ Речь идет только о существующих языках. Исчезнувший к концу XIX в. далматинский язык был распространен на территории Югославии (на далматинском побережье Адриатического моря и прилегающих к нему островах).

² Приводятся цифровые данные общей численности населения государств. Они датируются 1978—1981 гг. и взяты из справочников: «Страны мира» (Ежегодник, изд. Политической литературы, М., 1980), «Страны мира сегодня» (изд. ТАСС), «Латинская Америка. Энциклопедический справочник», т. 1, М., 1979, Ежегодников БСЭ и периодической печати. Цифры носят относительный характер, так как численность населения постоянно меняется, а статистические сведения публикуются с заметным опозданием.

проживает в странах Латинской Америки, в основном на Кубе и в Аргентине.

Исторически и генетически галисийский язык тесно связан с португальским и близок ему по своей структуре: это два *близкородственных* языка. Вместе с тем, уже более 900 лет галисийцы являются жителями другой самостоятельной административной единицы: Галисия была присоединена к Кастилии в 1072 г., а при образовании объединенного королевства Кастилии и Арагона в XV в. вошла в его состав, хотя и сохраняла вплоть до XIX в. известную автономию. Галисийский язык живет и функционирует в окружении испанского языка и, следовательно, его развитие уже давно идет по самостоятельному пути, не повторяя развитие португальского языка.

В XII—XIII вв. на галисийском языке (в то время португальско-галисийском) была создана богатая поэзия, в дальнейшем, однако, его письменная традиция ослабла. В начале XX в. предпринимались попытки возродить художественную литературу на галисийском языке, но большого успеха они не имели. В настоящее время галисийский язык как средство повседневного общения сохраняется в основном в сельской местности. Он продолжает жить в фольклоре. На нем издаются книги, но их число невелико, а круг читателей ограничен. Обучение на галисийском в школе не ведется. В последние годы у некоторой образованной части общества, в частности у студенческой молодежи, возрос интерес к галисийскому языку. В высших учебных заведениях он изучается в качестве факультативной дисциплины.

4 Испанский язык

а) Официальный язык 20 государств мира: Испании, в состав которой входят Балеарские острова в Средиземном море и Канарские острова в Атлантическом океане (общая численность населения — свыше 36 млн., из них испанцев примерно 75%)¹, стран Латинской Америки: *Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Никарагуа, Панама, Парагвая, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадора, Уругвая, Чили, Эквадора*. По последним данным Латиноамериканского демографического центра население Латинской Америки в настоящее время составляет около 340 миллионов человек, из них примерно две трети или около 200 млн. приходится на испаноязычные страны. Наибольшую численность населения имеет *Мексика* (свыше 65 млн.). Значительное число носителей испанского языка, выходцев из Латинской Америки, проживает в США (мексиканцы, пуэрториканцы и др.).

В *Пуэрто-Рико* (владение США, имеет статус «свободно присоединившегося» к США государства) два официальных языка — английский и испанский. В *Перу*, наряду с испанским, официальным языком является индейский язык кечуа. На этом языке существует периодическая печать (газеты, журналы), создается художественная

¹ Около 4 млн. испанцев (эмигрантов) проживает за пределами Испании.

литература, ведется обучение в школах. В *Парагвае* широко распространен индейский язык гуарани: на нем издается литература, но статуса официального языка страны он не имеет, хотя численность говорящих на языке гуарани охватывает по меньшей мере 80% населения государства. В целом в Латинской Америке в настоящее время насчитывается около 30 миллионов носителей индейских языков.

Испанский язык стран Латинской Америки, хотя и имеет ряд особенностей в фонетике, лексике, отчасти грамматике, отличающих его от испанского языка Испании, все же в целом не обнаруживает принципиальных с ним расхождений. В то же время каждое латиноамериканское государство представляет собой независимую административную единицу и определенную национальную общность. «Такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности», предлагается называть «национальными вариантами языка»¹. Испанский язык, таким образом, существует в виде ряда *национальных вариантов*².

Для обозначения испанского языка его носителями используется также термин «кастильский язык» (*el castellano*). В Испании к нему прибегают преимущественно носители самого испанского языка, проживающие в сельской местности, и представители национальных меньшинств (каталанцы, баски), считающие испанскими все языки, на которых говорит население Испании, а не только официальный язык страны. В Латинской Америке кастильским называют испанский язык жители как сельской местности, так и городов.

б) Испанский язык является официальным языком африканского государства *Республики Экваториальной Гвинеи* (население 320 тыс.). На испанском языке говорят в основном представители европейской части населения в Западной Сахаре, а также в Королевстве Марокко, где официальным языком является арабский.

в) Испанским языком пользуется незначительная часть населения *Республики Филиппины*. Здесь, однако, испанский язык все более вытесняется английским, который, наряду с тагальским (тагалогским), признан официальным языком страны. Попытки возродить былой престиж испанского языка на Филиппинах, добиться введения его в начальное и среднее образование в целом оказались безуспешными.

Общее число говорящих на испанском языке составляет свыше 240 миллионов человек.

Испанский язык является официальным и рабочим языком ООН, наряду с английским, арабским, китайским, русским и французским языками.

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 100.

² Португальский язык Бразилии является национальным вариантом португальского языка, а французский в Канаде — национальным вариантом французского языка.

г) В ряде стран Балканского полуострова, Малой Азии и Северной Африки существует разновидность испанского языка, вынесенного с территории Испании в конце XV в. Ее называют *сефардским языком*, а носителей этого языка — сефардами (сефарды называют свой язык также ладинским).

Возникновение сефардского языка связано с историческими условиями, сложившимися в Испании в конце XV в. Оказавшись в 711—718 годах под властью арабов, Испания (как и Португалия) в течение нескольких веков вела борьбу за отвоевание захваченных земель. Когда в 1492 году пал последний оплот арабов — испанский город Гранада (см. § 20), одним из событий, знаменовавших полную победу, явилось изгнание (специальным декретом испанских королей Фердинанда и Изабеллы) всех проживавших на ее территории арабов и евреев, не принявших христианства (католичества). Изгнание арабов и евреев (а многие из них с давних пор были носителями испанского языка и испанской культуры) привело к тому, что испанский язык оказался за пределами Испании. Вскоре же после этого события турецкий султан предложил им поселиться на территории Османской империи, в то время либо владевшей странами восточного региона, либо контролировавшей их политическую и экономическую жизнь. Так сефарды оказались на территории Балканского полуострова, в Малой Азии и Северной Африке.

Отсутствие школ на сефардском языке способствовало тому, что язык все это время функционировал преимущественно в устной форме (в основном в кругу семьи). Письменная его форма сохранялась, однако разговорная речь все более отрывалась от нее. Постоянное приобщение сефардов к различным сторонам жизни общества тех стран, в которых они проживают, тесные повседневные контакты с носителями языков соответствующих государств (в том числе во время службы в армии), необходимость свободного владения официальным языком страны, — все эти факторы способствуют тому, что даже в домашних условиях молодые люди уже почти не пользуются родным языком. Историческая судьба сефардского языка определена условиями социальной жизни его носителей: это вымирающая территориальная (территориально-историческая) разновидность испанского языка. С лингвистической точки зрения сефардский язык характеризуется по сравнению с современным языком Испании наличием архаичных черт. Вместе с тем, в течение истекших столетий сефардский язык каждой страны испытал влияние ее собственного языка, в основном в области лексики, отчасти также фонетики и синтаксических способов выражения.

Х КATALАНСКИЙ ЯЗЫК

а) Наибольшее число носителей каталанского языка (около или даже свыше 6 миллионов каталонцев)¹ проживает в восточных об-

¹ Более точную цифру назвать трудно, так как при переписи населения в Испании язык, как правило, не учитывается.

ластях Испании: в *Каталонии*, частично в *Валенсии* и *Арагоне*, а также на Балеарских островах¹. Каталония является одной из наиболее развитых промышленных областей Испании. В ходе своей истории она неоднократно добивалась статуса автономии. После многолетнего перерыва и в результате упорной борьбы в 1980 г. Каталония вновь получила официальный статус автономии.

б) Каталанский язык является официальным языком небольшого государства *Андорра* в Восточных Пиренеях (общее число жителей — около 20 тыс., из них более одной трети — каталонцы). Жители Андорры говорят также на испанском и французском, которые наделены правами официальных языков.

в) На каталанском говорят жители французского департамента *Восточные Пиренеи* (в основном это бывшая область Руссильон) — около 200 тыс. чел. и жители г. Альгеро на острове Сардиния, принадлежащем Италии (около 15 тыс.).

Каталонцы — народ самобытной культуры, поддерживающий, несмотря на сложные социально-исторические условия жизни, свои национальные традиции. На каталанском языке существует художественная литература, широко известна в истории искусства каталанская школа живописи XIV—XV вв. В первые десятилетия текущего XX века на каталанском языке в Испании выходили газеты и журналы, проводились реформы по упорядочению его фонетики, грамматики, словаря, каталанский язык был частично введен в школьное обучение. Приход к власти франкистов задержал развитие культуры и литературы на каталанском языке и только в последние годы вновь наблюдается возрождение культурного и научного интереса к каталанскому языку и расширяются возможности его использования в художественной и научной литературе. Возобновлено издание Большой Каталанской Энциклопедии, активизируется борьба за введение каталанского в школьное обучение и в средства массовой информации, издаются переводы и оригинальные художественные произведения, научные исследования на этом языке. Однако период в несколько десятилетий, когда на каталанском в Испании почти ничего не публиковалось, привел, как и в Галисии, к разрыву между числом говорящих и числом пишущих и читающих на нем.

Каталонцы, галисийцы, а также народ нероманского происхождения — баски (страна Басков, расположенная на севере Испании, в 1980 г., одновременно с Каталонией, добилась официальной автономии) составляют национальные меньшинства населения Испании.

Что касается каталанского языка во Франции, то он ограничен в своих возможностях. Передачи на каталанском ведутся по местному радио весьма ограниченное время. Каталанский язык преподается в некоторых колледжах, но лишь как факультативная дисциплина, примерно час в неделю. В университете г. Монпелье,

¹ Носители каталанского языка (эмигранты) проживают в США и в Латинской Америке, в частности на Кубе и в Аргентине.

правда, создана специальная кафедра, где каталанский язык изучается практически и в научном плане. С 1969 г. организованы летние курсы каталанского языка, где преподавание ведется на этом языке. Специальная группа (Grup Rossellonès d'Estudis Catalans) добивается введения каталанского во Франции в программу школьного обучения, увеличения времени, отводимого на передачи по радио на каталанском языке, его введения в программы телевидения. Эта группа всячески поощряет обмен между каталонцами, живущими по обе стороны Пиренеев ¹.

✕ Французский язык

а) Официальный язык Франции (53,5 млн., из них свыше 90% французы), Бельгии (наряду с языком германской группы — фламандским), Люксембурга (наряду с немецким), Швейцарии (наряду с немецким, итальянским, которые, как и французский, являются официальными языками государства, и ретороманским, включенным Конституцией Швейцарской Конфедерации в число национальных языков Швейцарии, но без статуса официального языка государства), а также небольшого государства *Монако*. Французский язык имеет статус официального языка в *Андорре*, где он сосуществует с каталанским и испанским. Помимо Франции, на территории Европы насчитывается примерно 7—8 миллионов носителей французского языка. Кроме этого, французский язык является официальным языком *Канады* наряду с английским, которому он все больше уступает свои позиции. В *Канаде* насчитывается около 6 миллионов носителей французского языка (франкофонов). В большинстве случаев они двуязычны. Канадский вариант французского языка имеет ряд особенностей по сравнению с современным французским языком Франции: он сохраняет некоторые архаические черты (например, произношение типа *moi* [mwɛ], *goi* [gwɛ], многие вышедшие из употребления во французском языке Франции слова и значения слов и т. д.), в нем значительно больше, чем в европейском варианте французского языка, англицизмов.

б) Французский язык — единственный официальный язык 13 государств Африки (*Бенин* ², *Берег Слоновой Кости*, *Верхняя Вольта*, *Габон*, *Гвинея*, *Заир*, *Конго*, *Мали*, *Нигер*, *Сенегал*, *Того*, *Центральноафриканская Республика Чад*). В *Камеруне* французский делит статус официального с английским. На *Сейшельских островах* три официальных языка: английский, французский и креольский. В пяти африканских государствах (*Бурунди*, *Джибути*, *Руанда*, *Коморские*

¹ О каталанском и других языках (диалектах) национальных меньшинств Франции см.: Olsson L. La politique culturelle de la France à l'égard de ses minorités linguistiques. — Moderna Språk, vol. 74, n°3, 1980.

² Для удобства изложения даются сокращенные названия государств, их полные наименования (Народная Республика Бенин и т. д.) можно найти в названных ранее справочниках, см. с. 11.

острова, Мадагаскар) официальными языками признаны временно французский и один из местных языков или арабский. Таким образом, французский язык обслуживает в качестве официального 20 государств Африки и соседних с ней островов.

Правительства молодых развивающихся стран прилагают максимум усилий для развития народного образования на местных языках и расширения их общественных функций, всячески поощряя лингвистическую деятельность в данном направлении. Однако это требует времени. К тому же французский язык обеспечивает возможность межгосударственного и межконтинентального общения, что укрепляет его позиции. Даже в тех странах, где официальным языком признан арабский (*Алжир, Марокко, Тунис*), позиции французского все еще достаточно сильны, хотя здесь французский язык постепенно вытесняется из общественно-политической и культурной жизни.

Французский язык является также официальным языком *Республики Гаити* (западная часть одноименного острова, входящего в архипелаг Больших Антильских островов).

в) Французский язык используется в качестве официального в «заморских департаментах» Франции, управляемых французскими губернаторами и имеющих свое представительство во французском парламенте, а также на ее «заморских территориях». К ним относятся *Французская Гвиана* (в Южной Америке), *Гваделупа* и *Мартиника* (острова, входящие в архипелаг Малых Антильских островов), *Реюньон* (остров в группе Маскаренских островов в Индийском океане) и ряд островов в Тихом океане (*Французская Полинезия*, в том числе крупный остров Таити; *Новая Каледония*).

г) Французский язык используется определенной, сравнительно незначительной частью населения некоторых стран юго-восточной Азии (*Вьетнам, Лаос, Кампучия*). Официальными языками этих стран являются соответственно вьетнамский, лаосский и кхмерский языки. Французский язык в этих странах все больше сводится на роль иностранного.

Общая численность говорящих на французском языке составляет свыше 80 миллионов человек.

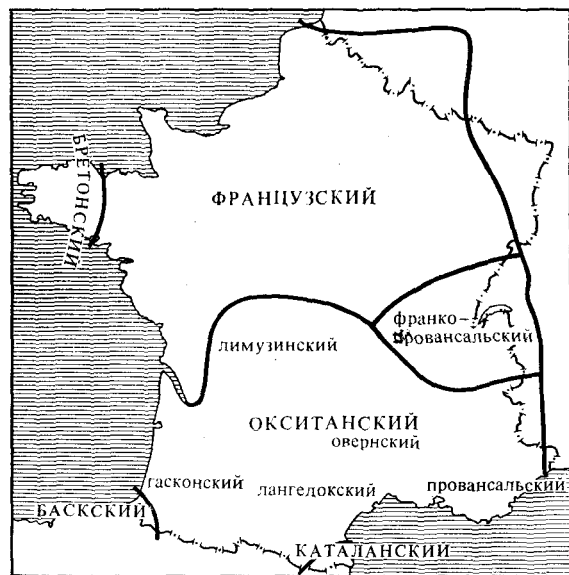
Французский язык является одним из официальных и рабочих языков ООН.

20.04.2011 кутубхонаси
Провансальский (или окситанский) язык Самарканд ш.

Это родной язык (в большинстве случаев наряду с французским) части населения южной Франции (см. карту № 1). Точной цифры носителей провансальского языка нет. Она колеблется от 2 до 8 миллионов человек, причем имеются в виду не только те жители южной Франции, которые активно владеют провансальским (их становится все меньше), но и те, кто уже не пользуется этим языком, а лишь отчасти легко понимает его.

Термин «провансальский язык» образован по названию бывшей римской провинции: *Provincia Romana* или просто *Provincia* (см. § 16). В средние века его называли *la langue d'oc* (oc — утвердительная час-

тица; соответственно старофранцузский, также по утвердительной частице, — *la langue d'oïl*). В начале XIX века был предложен термин «окситанский язык», два первых наименования были признаны

Карта № 1. Область распространения окситанского языка и его основных диалектов

неудачными: по созвучию и этимологическим связям «провансальский» ассоциируется прежде всего с областью Прованс (где говорят на провансальском диалекте окситанского языка), но не покрывает ее; название же *(la) langue d'oc* (лангедок) отождествляется с названием области Лангедок, также значительно меньшей по территории, чем область распространения окситанского языка, а название языка — с названием диалекта (лангедокский), см. карту № 1¹.

В настоящее время термин «окситанский язык» получает все большее признание, однако в научной литературе, посвященной романским языкам, чаще встречается все же термин «провансальский язык», в связи с чем в дальнейшем изложении ему и отдано предпочтение.

История этого языка коротко такова. На юге Франции в средние века (IX—XIII вв.) в качестве языка юридических документов и административных бумаг использовался старопровансальский язык. На XII—XIII века приходится расцвет провансальской литературы

¹ Карта приводится (с некоторыми сокращениями и переводом названий языков и диалектов на русский язык) по книге: *Bec P. La langue occitane*. Серия: «Que sais-je?» n° 1059, Paris, 1973, с. 9.

и особенно лирической поэзии трубадуров. Постепенно, однако, по мере укрепления королевской власти во Франции, отмечается стремление к централизации управления страной, которое в 1539 году вылилось в официальное распоряжение (ордонанс) короля Франции Франциска I, в соответствии с которым было предписано по всей территории государства пользоваться при оформлении юридических актов только французским языком. Осуществление этого предписания значительно подорвало позиции провансальского языка. Проведение политики внедрения французского языка во все сферы общественной жизни, продолжавшееся и в последующие века, привело к постепенной утрате провансальским языком своих общественных функций.

В XIX веке группа поэтов, уроженцев южных областей Франции, во главе с поэтом Фредери Мистралем (эта группа придумала себе таинственное название — фелибры, от которого все движение получило название фелибризма: оба слова представляют искусственные образования) предприняла попытку возродить былую славу своего родного языка. Однако эта попытка завершилась неудачей.

К настоящему времени сложилась следующая ситуация: в силу того, что провансальский язык вытеснен из основных сфер общественной жизни, становится все меньше людей из числа молодежи, которые свободно, легко и охотно пользовались бы им, многие из них просто уже не владеют этим языком. Провансальский в условиях современной Франции сведен до положения местного говора (патуа). К тому же многие из тех, кто еще говорит по-провансальски, не умеют читать на нем. На юге Франции есть целые зоны, где провансальский уже не используется. С другой стороны, однако, в последние два десятилетия резко возрос научный и культурно-исторический интерес к этому языку. Он широко изучается в университетах Франции (в Тулузе, Клермон-Ферране, Монпелье и др.), регулярно собираются международные конгрессы по вопросам современного провансальского (окситанского) языка и старопровансальского. Иными словами, отмирание языка как средства живого общения сопровождается возрастанием интереса к нему в научном плане.

По своему строю провансальский ближе всего к каталанскому.

Один из диалектов провансальского языка (о диалектах см. § 7) — *гасконский* — обладает значительным своеобразием, что отличает его от других диалектов этого языка и позволяет некоторым лингвистам включать данную разновидность романской речи в число романских языков. Гасконский используется в качестве средства местного общения в основном в сельской местности юго-западной Франции (см. карту № 1), в исторической области *Гасконь* (ранее Васкония, еще раньше — Аквитания). Зона его распространения ограничена на севере рекой Гаронной примерно до г. Тулузы, на западе Атлантическим океаном, на юге — Пиренеями.

В некоторых восточных департаментах Франции и частично в прилегающих к ним районах (кантонах) Швейцарии (см. карту № 1) существует группа говоров, сочетающих черты как французского, так и провансальского языков, в лингвистическом отношении, однако,

отличных как от того, так и от другого языка. Эту группу говоров называют *франкопровансальской* разновидностью романской речи и рассматривают либо как диалект провансальского, либо как диалект французского, либо даже как самостоятельный романский язык. На франкопровансальских говорах осуществляется бытовое общение в основном в сельской местности.

На территории Франции проживает ряд народов нероманского происхождения. На крайнем юго-западе, в западной части департамента Атлантические Пиренеи — *баски* (примерно 70 тыс.), которые в большинстве случаев сохраняют свой язык. На полуострове Бретань живут *бретонцы* — потомки кельтов, переселившихся на полуостров (он тогда назывался Арморикой) в конце V в. н. э. из Британии под натиском пришедших туда англо-саксов. Примерно 1 миллион бретонцев продолжает пользоваться бретонским языком как средством общения, но главным образом в сельской местности. На севере, в пограничных с Бельгией областях, проживают носители *фламандского* языка, а в северо-восточных областях Франции — Эльзасе и Лотарингии — часть населения говорит на *диалекте немецкого языка*, многие жители этих областей, помимо французского, владеют как родным немецким языком. Жители острова Корсика пользуются диалектом (*корсиканским*) итальянского языка.

Языковая ситуация во Франции, таким образом, характеризуется наличием, помимо французского, являющегося официальным языком государства, также ряда региональных языков и диалектов, это — баскский, каталанский, провансальский языки, корсиканский диалект итальянского языка; бретонский, фламандский языки, эльзасский диалект немецкого языка (или литературный немецкий язык). Этим языкам (и даже диалектам) отводится некоторое время в радиопередачах, баскскому и бретонскому — также в телепередачах, однако это время весьма ограничено (иногда всего несколько минут ежедневно). Литература на языках национальных меньшинств, если и издается, то в сравнительно незначительном количестве. Языком обязательного обучения является французский. Во Франции, таким образом, существуют области неравноправного двуязычия.

Итальянский язык

а) Официальный язык Италии, включающей, помимо Апеннинского полуострова, также острова Сардинию (см. ниже сардинский язык) и Сицилию. Общая численность населения — 57 миллионов человек, из них 98% — итальянцы. За пределами Италии в разных странах мира, особенно в США и странах Латинской Америки, проживает значительное число эмигрантов из Италии (называется цифра от 4 до 10 миллионов чел.), для которых итальянский язык продолжает оставаться родным и отчасти языком повседневного общения.

Итальянский язык — один из официальных языков *Швейцарии* (итало-швейцарцев насчитывается около 1 миллиона человек), а также официальный язык небольшого государства, рас-

положенного на Апеннинском полуострове, — *Сан-Марино* (население около 21 тыс. чел.). Итальянский язык — родной для некоторой части населения острова *Корсика* (входящего в состав Франции), однако официальным языком он здесь не является.

б) Итальянский язык используется сравнительно небольшой частью жителей (в основном европейского происхождения) в *Сомалийской Демократической Республике* в Африке. Официальными языками в этой стране признаны сомалийский и арабский.

Общая численность говорящих на итальянском языке — свыше 65 миллионов человек.

✓ Сардинский (или сардский) язык

Это язык национального меньшинства (сардов), проживающих на территории острова *Сардиния* (в основном в его центральной и южной части). Примерная цифра носителей сардинского языка — около 0,5 млн. чел.

Ситуация в Сардинии сложилась не в пользу сардинского языка. В школах, специальных средних и высших учебных заведениях преподавание ведется на итальянском языке. Этот же язык, являясь официальным языком государства, используется средствами массовой информации (прессой, радио, телевидением). Миграция населения из сельской местности в крупные города в последние десятилетия стала для Сардинии не менее характерным явлением, чем для других областей Италии. Подавляющее большинство носителей сардинского языка, принадлежащих среднему и особенно молодому поколению, свободно владеют итальянским языком в его литературно-разговорной форме и широко пользуются им в повседневной жизни. Этот процесс имеет еще одно важное в лингвистическом отношении следствие: сардинский язык находится под большим влиянием итальянского — заимствуются и калькируются слова, синтаксические конструкции и т. п.

← Ретороманский язык

В горных районах Альп проживают группы населения, пользующиеся в повседневном общении речью романского типа. Природные условия (горная местность, разбросанность отдельных селений) способствуют тому, что в каждом селении и в каждой области говор местных жителей сохраняет ярко выраженный локальный характер. Многочисленные романские говоры альпийских областей, расположенные в относительной территориальной близости друг к другу и обнаруживающие некоторые черты сходства, объединяются в три группы: западную (швейцарский кантон *Граубюнден* на юго-востоке Швейцарии), центральную (области так называемых Доломитовых Альп — бывший австрийский Тироль, современные итальянские области *Трентино* и *Адидже*) и восточную (области на северо-востоке Италии, в основном *Фриули*, отчасти *Венето*).

Романская речь, на которой говорит население каждой группы, во многом не сходна между собой, ее носители не всегда понимают друг друга, а если учесть, что каждая из них, в свою очередь, состоит из многочисленных говоров, также нередко весьма отличных друг от друга, то станет очевидным, что мы имеем дело с целой совокупностью разновидностей речи романского типа.

В XIX в. итальянский ученый Асколи, изучая многочисленные романо-альпийские говоры, пришел к выводу о наличии у них некоторых общих фонетических черт. Он отметил также, что в своей совокупности альпийские говоры не повторяют ни один из известных романских языков. На основании этих наблюдений Асколи объединил их под общим названием «ладинский язык» (от слова *latina* с озвонченным интервокальным *-t-*: так называют свой язык носители некоторых говоров)¹. Позднее термин «ладинский» был заменен термином «ретороманский» язык, по названию древней области Ретия или Рения, часть территории которой занимают говоры, объединяемые под этим названием. Термин «ретороманский язык» встречается уже в «Грамматике романских языков» Фридриха Дица (см. § 113).

Термин «ретороманский язык» имеет два значения: более широкое — он используется для обозначения всех трех названных выше групп романо-альпийских говоров в их совокупности, в этом случае он носит условный характер; более узкое — им называют граубюнденскую (швейцарскую) разновидность романской речи, которой пользуется примерно 50 тыс. жителей Швейцарии.

Ретороманский язык (в узком смысле термина) в соответствии с Конституцией Швейцарской Конфедерации, имеет статус национального языка Швейцарии, наряду с тремя другими, одновременно национальными и официальными: французским, немецким, итальянским. На нем преподают в учебных заведениях всех ступеней (от начальной школы до университета), издается периодическая печать и художественная литература, частично ведется делопроизводство. Правда, реализуются эти общественные функции языка лишь на ограниченной территории — в тех кантонах, где сосредоточены ретороманцы, и, следовательно, область его распространения невелика. Ретороманский язык в его швейцарской разновидности не имеет единой литературной нормы и существует в 5 или даже 6 литературных вариантах, имеющих свои орфографические, лексические, отчасти грамматические особенности.

Носители двух других групп романо-альпийских говоров (тирольской и фриульской) входят в состав другого государства — Италии, их речь находится под влиянием итальянского языка. Тирольские говоры в ходе истории испытали сильное немецкое (австрийское) влияние. Из всех трех групп романо-альпийских говоров, условно объединяемых под названием «ретороманский язык» (в широком смысле термина) наиболее многочисленны носители фриульской его разновидности (свыше 300 тыс.). Фриулы — народ, наделенный высоко

¹ Ладинским называют свой язык и сепарды.

развитым чувством национального самосознания, поддерживающий свои национальные традиции. Однако исторические условия развития этого народа наложили отпечаток и на его культуру: самобытные элементы в ней сочетаются с чертами, заимствованными у австрийцев и итальянцев.

Точную цифру носителей всех трех разновидностей ретороманского языка (швейцарской, тирольской, фриульской) назвать трудно. По приблизительным подсчетам она составляет 0,5 млн. человек.

Румынский язык

Румынский язык — официальный язык *Социалистической Республики Румынии*, общее число жителей которой составляет свыше 22 миллионов человек. В это число входят также представители национальных меньшинств (примерно 10%). Политика государства по отношению к национальным меньшинствам проводится в соответствии с Конституцией СРР, которая гарантирует совместно проживающим в стране национальностям свободное пользование родным языком.

В государствах, расположенных на Балканском полуострове, существуют три разновидности романской речи, определение лингвистического статуса которых вызывает разногласия: арумынская, мегленитская, истриотская¹. Наиболее распространенным из южнодунайских наречий романского типа является арумынский (примерно 300 тыс.). Истриотский язык/диалект постепенно вымирает. Считается, что все три романских наречия в X—XII веках в результате миграции населения отделились от общерумынского языка.

Молдавский язык

Носители молдавского языка — молдаване — основное население Молдавской Советской Социалистической Республики (общая численность около 4 млн., из них около 65%, или примерно 2,6 млн. молдаван). Молдавский язык является также родным для жителей некоторых областей УССР (например, Одесской и Черновицкой) и некоторых районов РСФСР. В Молдавской ССР проживают представители других национальностей, в первую очередь русские и украинцы.

Генетически и структурно молдавский язык близок румынскому. Исторические условия развития двух близкородственных языков, румынского и молдавского, сложились, однако, различно, что привело к формированию молдавского в качестве языка самостоятельной

¹ В научной литературе применительно к двум последним часто употребляются термины «мегленорумынский» и «истрорумынский». В принятой нами форме эти термины используются в книге Н. Г. Корляну (см. список рекомендуемой литературы).

нации, осуществляющего в пределах отдельной административной единицы всю полноту общественных функций. На молдавском языке существует богатая литература, художественная и научная, издаются многочисленные газеты и журналы, он широко используется средствами массовой информации. Развитие молдавского языка происходит в условиях тесного контакта с русским языком и другими языками народов СССР.

В отличие от типа языковой ситуации, для которого характерно неравноправие языков, преобладание одного из них над другими (диглоссия), тип языковой ситуации многонациональных государств, при которой два и более языка сосуществуют на равных правах, называют ситуацией *билингвизма* (плюрилингвизма) или равноправного двуязычия (многоязычия).

§ 5. Креольские языки. Открытие Америки (1492 г.) привело к переселению на этот континент значительного числа европейцев. Истребление местного населения при постоянно возраставшей потребности в рабочей силе имели следствием массовый завоз в Северную, Центральную и Южную Америку, а также на расположенные вблизи нее острова рабов-негров из различных областей Африки. Многие острова при этом были целиком заселены европейцами и неграми из разных частей африканского континента, на других одновременно использовался труд рабов-индейцев. При завоевании островов в других частях мира, в частности островов в Индийском и Тихом океане, туда также завозились рабы из Африки. Во всех подобных случаях создавалась ситуация, при которой люди, занятые одним трудом и живущие бок о бок, не понимали друг друга и своих хозяев (рабы-негры, как правило, принадлежали к разным этническим группам и говорили на разных языках). Возникла потребность в языке-посреднике. В каждом конкретном случае им становился соответствующий европейский язык. Начинался процесс массового овладения португальским, испанским, французским и другими западноевропейскими языками.

Овладение тем или иным европейским языком происходило на слух, язык усваивался в его разговорно-произносительной форме без какого-либо особого обучения со стороны его носителей. Звуки и формы европейских языков приспособлялись к звукам и формам родных языков. Так на основе европейских, в том числе и в первую очередь романских, языков создавалось некоторое их подобие (своеобразные «ломаные» языки, или языки-пиджины). При всем их несовершенстве они, тем не менее, обеспечивали лицам разного этнического происхождения возможность языкового общения. С течением времени эти языки перерастали в постоянное средство коммуникации, они передавались из поколения в поколение и становились родными для их носителей. Эти языки существуют и в наши дни, их принято называть креольскими.

Термин «креольские языки» этимологически связан с термином «креол» (*criollo*). Этимология самого слова «креол» точно не известна.

Предполагается, что это термин местного (индейского) происхождения. Впервые он засвидетельствован в испанском тексте конца XVI века.

Креолами в период колонизации и в следующие века называли людей европейской расы, родившихся уже в Америке. Затем в некоторых странах креолами стали называть негров, родившихся в Америке от лиц африканского происхождения. Иными словами, первоначальное значение этого слова — потомок некоренного населения Америки (белых или негров), родившийся на ее территории. С течением времени значение слова изменилось: в наши дни креолами в некоторых странах Америки называет себя местное население — в противоположность иммигрантам (в Перу, например, *criollo* значит «местный»).

Принято считать креольские языки продуктом неполного усвоения языка завоевателей. Это справедливо лишь до известной степени. Правильнее, вероятно, рассматривать креольские языки как продукт своеобразного, особого усвоения европейских языков. Своеобразие состояло, в частности, в том, что усвоение романских языков происходило путем имитации иностранной речи, воспринимаемой на слух. Так, например, в речи носителей одного из креольских языков французского типа можно встретить такие слова, как *met*, *conet*, *lot*, *dot* и др. Они соответствуют французским словам *mettre*, *connaître*, *l'autre*, *d'autres* и т. п.

На первый взгляд кажется, что соответствующие французским креольские слова, действительно, «ломанные» слова, не полностью усвоенные носителями креольских языков. В разговорной французской речи они, однако, произносятся именно так, как это восприняли на слух носители будущего креольского языка: *mettre* [mɛt], *connaître* [kɔnɛt], *l'autre* [lot], *d'autres* [dot] и т. п., поскольку в сочетании *-tre*, находящемся на конце слова, во французской разговорной речи слышится только [t]. Следовательно, слова усвоены именно в той форме, которая свойственна разговорному стилю речи, правда, без разграничения открытых и закрытых звуков, но с сохранением их количества.

Неопределенный артикль в креольских языках звучит как [ɛ], на письме *ê* (*ê* *zug* = *un jour*), это тоже отражение произношения: в разговорной французской речи звуки [ɛ] и [œ] не различаются или почти не различаются. Местоимение *il* 'он' принимает форму *i*: в разговорной речи конечный звук [l] перед глаголами, начинающимися с согласного звука, почти не слышится. В креольских языках иногда, как и во французской разговорной речи, теряется в произношении конечный [r]: *pu* вместо *roug*, *vinî* вместо *venir* и т. д. Ср. также воспроизведение словосочетания *un petit coup* (*moment*) *après* 'немного времени спустя' = *ê ti ku apre*.

Весьма своеобразно воспринято носителями некоторых креольских языков существительное с определенным артиклем, оно отождествлено с исходной формой имени, а место артикля при нем отведено

притяжательному местоимению в неизменяемой по родам форме: *mō latet* (= * *ma la tête*), *mō lekor* (= * *mon le corps*) ¹.

Креольские языки используются в основном жителями некоторых островов Атлантического, Индийского и Тихого океанов, ранее колонизованных Португалией, Испанией, Францией и некоторыми другими (не романскими) странами, в первую очередь Англией. Географическая изолированность островов оказалась наиболее благоприятным условием возникновения креольских языков. Имеются и не островные варианты креольских языков, но они немногочисленны.

Следующая таблица дает представление о распространении креольских языков, образованных на романской основе:

<i>Португальский тип</i>	Гвинея-Бисау; о-ва Зеленого Мыса; о. Принсипи; о. Сан-Томе.
<i>Испанский тип</i>	о. Гаити; Колумбия; о. Кюрасао; о. Пуэрто-Рико; о. Тринидад; Филиппины.
<i>Французский тип</i>	о. Гаити; Гвиана; о. Гваделупа; о. Мартиника; о. Сент-Люсия; о. Маврикий; о. Реюньон; Сейшельские острова (три последних в Индийском океане).

В Республике Гвинея-Бисау широко распространен креольский язык, наряду с португальским, официальным языком государства. На острове Гаити носители креольского языка французского типа составляют по приблизительным подсчетам около 90% населения.

По вопросу об основе креольского языка о. Кюрасао (его называют папьяменто) существуют разногласия: иногда его относят, как и креольский Филиппин, к языкам португальского типа, аргументируя это тем, что основным поставщиком рабов-негров была Португалия и что рабы завозились уже после того, как они создали язык-посредник на португальской основе, т. е. уже в момент заселения островов владели своеобразным протокреольским языком.

Завоевание бывшими колониями независимости сопровождается признанием в качестве официального языка одного из европейских языков, что ведет к ограничению общественных функций креольских языков и к сокращению числа их носителей. В тех случаях, когда в качестве официального языка вводится европейский язык, послуживший основой креольского, происходит постепенный процесс «декреолизации» языка, т. е. процесс овладения его носителями соответствующим европейским языком в его литературно-разговорной форме.

¹ Тексты французского креольского языка Сейшельских островов с переводами на французский язык, а также анализ особенностей этого языка можно найти в книге: *Bollée A. Le créole français des Seychelles. Tübingen, 1977.*

§ 6. Понятие литературных романских языков. Национальный или общенародный язык представляет собой сложное и неоднородное понятие. На нем говорят и пишут люди разного социального происхождения и культурного уровня. Одни и те же люди пользуются языком в разных целях и при разных ситуациях (ср. торжественное открытие какого-либо собрания, вечера и т. п. и разговор с друзьями, в кругу семьи и т. д.). Оставаясь общепонятным и не теряя своего национального характера (единства), язык, вместе с тем, в зависимости от условий использования, приобретает определенную стилистическую окраску. То, что принято называть литературным языком, представляет собой такую стилистическую разновидность общенационального языка, которая признана данным языковым коллективом в качестве своеобразного эталона правильной речи (устной и письменной) на данном языке. «Литературный язык — это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами»¹. Литературный язык, таким образом, предполагает существование литературной нормы (кодификации, упорядочения, регламентации).

То, что считается нормой (правильным) в один период истории языка, может оказаться за пределами нормы в другой ее период. Так, еще совсем недавно с позиций нормативного французского языка вопросительное предложение должно было строиться с обратным порядком слов: *Est-il parti ? Etes-vous malade ?* Предложения с прямым порядком слов: *Il est parti ? Vous êtes malade ?*, где вопрос передается лишь интонацией, использовались сравнительно редко и скорее отклонялись от литературной нормы, чем следовали ей. В современном французском языке вопросительные предложения с прямым порядком слов по существу стали нормой. Литературная норма лишь тогда не рискует превратиться в некую искусственную модель, которая оторвана от живого языка, когда она отражает происходящие в языке изменения. В то же время далеко не все инновации спонтанной разговорной речи находят отражение в письменной норме того или иного литературного языка: выработка литературной нормы происходит путем отбора инноваций разговорной речи.

Формирование языков — процесс длительный, он охватывает не одно столетие. В разных странах он происходил по-разному. Однозначно решить, с какого момента можно говорить, что в каждой данной стране сформировался литературный язык, затруднительно, так как нет общепризнанных критериев, которые позволили бы безошибочно определить момент его возникновения.

Многообразие существующих точек зрения по вопросу о хронологии формирования литературных языков можно свести к трем следующим: 1) литературный язык оформляется до его письменной фиксации (в устном фольклоре); 2) любая письменная фиксация языка, в том числе документы, переводы и т. п., есть отражение литературной формы речи; 3) о литературном языке можно говорить лишь с момента

¹ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 5.

появления на нем таких памятников, «в которых обнаруживаются элементы обработанности... и тенденции к нормативности»¹.

В советской романистике принята третья точка зрения. В соответствии с ней первым свидетельством испанского литературного языка считается «Песнь о моем Сиде» (XII в.), португальского и галисийского — так называемые кансьонеры — сборники лирической и сатирической поэзии (XII—XIV вв.), французского — «Песнь о Роланде» (XI в.), провансальского — поэзия трубадуров (XI—XIII вв.), итальянского — произведения поэтов сицилийской школы (XIII в.), румынского и молдавского — первые оригинальные исторические хроники (XVII — нач. XVIII вв.)².

Понятие литературного языка не совпадает с понятием языка художественной литературы, хотя оно соотносимо и взаимодействует с ним. Понятие языка художественной литературы шире: оно предполагает возможность использования индивидуальных способов выражения, диалектных элементов, просторечных слов и выражений и т. п., выходящих за пределы нормированной литературной речи. Вместе с тем, крупные писатели каждой эпохи вносят заметный вклад в развитие литературного языка.

Нормирование литературного языка связано с известной унификацией способов языкового выражения в письменной и устной речи и в принципе оно служит целям выработки единой нормы. Историко-социальные факторы формирования литературного языка могут, однако, привести к созданию нескольких литературных норм, как это произошло, например, в литературном ретороманском языке Швейцарии. Что касается национальных вариантов романских языков (испанского в странах Латинской Америки, португальского в Бразилии, французского в Канаде), то в каждом конкретном случае они приобретают свои особенности в том числе и в отношении их литературной нормы.

Интенсивность выработки литературной нормы и ее строгость с течением времени возрастают. Раннероманские литературные языки характеризовались по сравнению с литературными языками более поздних периодов значительно меньшей нормированностью, а само понятие литературной нормы носило на ранних этапах истории литературных языков относительный характер: обработанность здесь преобладала над нормативностью, имело место не столько нормирование языка, сколько лишь тенденция к его нормированию.

Социальную базу большинства романских литературных языков в период их становления составила речь придворных кругов. Изменения в социальном строе общества в последующие периоды его истории постепенно приводили к большей или меньшей демократизации литературной нормы, к определенному сближению письменной и устной литературной речи. Выработке литературной нормы романских языков во многом способствовала деятельность грамматистов, лексико-

¹ Будагов Р. А. Цит. соч., с. 331 (312—331).

² О диалектной основе литературных языков см. § 7.

графов, теоретиков языка, а также созданных в некоторых романоязычных странах Академий (подробно см. § 110—111).

Период активного существования литературного языка может оказаться ограниченным по времени. Так, провансальский литературный язык, выработанный в средние века и достигший в лирической поэзии трубадуров наивысшего расцвета, постепенно «омертвел», попытки его возрождения (см. § 4) оказались безуспешными. До известной степени аналогична судьба литературного галисийского языка в его письменной форме.

§ 7. Язык-диалект в условиях романской речи.

1. Исторический аспект. Феодалная раздробленность территорий отдельных государств в средние века создавала исключительно благоприятные условия для образования территориальных разновидностей речи (диалектов). Области отличались произношением некоторых звуков, разным набором слов для обозначения одних и тех же понятий, отчасти грамматическими способами выражения. На диалектах создавалась художественная литература (эпические поэмы, лирические стихотворения, басни, фавлю и т. д.).

Наибольшим разнообразием диалектов в ранние периоды истории романских языков характеризовались Италия и Франция. На территории *Италии* уже Данте насчитал 14 наречий (диалектов) и свыше 1000 мелких говоров: «...одна только Италия разнится, очевидно, по меньшей мере четырнадцатью наречиями. Кроме того и внутри всех этих наречий есть различия, как, например, в Тоскане между сьенским и аретинским, в Ломбардии между феррарским и пьяченским; да и в одном и том же городе мы обнаруживаем некоторое различие... Поэтому, если бы мы захотели подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и в этом крошечном закоулке мира пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего множества различий»¹. На территории Франции насчитывалось 11 диалектов французского и 6 диалектов провансальского языка. Многие из них как в северной, так и в южной группе, по своим особенностям заметно отличались друг от друга.

Во Франции в XI—XIII вв. существовала богатая и разнообразная по жанрам художественная литература на англо-нормандском, пикардском, шампанском и некоторых других диалектах. В XIII—XIV веках возрастает роль столицы государства: Париж становится политическим, экономическим и культурным центром страны. Это и определило исторический выбор в качестве основы литературного французского языка столичного (франсийского) диалекта (область, в которой был расположен Париж, называлась Иль-де-Франс). Выдвижение франсийского диалекта имело следствием постепенное «затухание» художественной литературы на других диалектах².

¹ Данте А. Малые произведения. М., 1968, с. 279.

² Существует, правда, и другая точка зрения, согласно которой образование французского языка происходило с участием ряда диалектов. Большинство исследователей, однако, продолжают разделять первую точку зрения.

В Испании Мадрид стал столицей государства лишь в середине XVI в., до этого политическим центром был г. Толедо. Большую роль в политической, экономической и культурной жизни государства играл также г. Бургос. Все три города были расположены в исторической области Кастилии, население которой говорило на кастильском диалекте. Столичный (кастильский) диалект и лег в основу формирования литературного испанского языка.

В Португалии столицей государства до XV в. был один из городов центральной части страны — Куимбра (Коимбра). С XV в. столицей становится город в южной части государства — Лиссабон. В ходе формирования литературного португальского языка произошла смена диалектной основы: центральный диалект был вытеснен южным (впрочем, диалектные различия здесь были не очень резко выражены).

В Румынии литературный язык складывался, начиная с XVII в., вокруг двух политических и культурных центров — городов Яссы (столицы Молдавского княжества — северо-восточный диалект) и Бухарест (столицы Валашского княжества — южный, мунтянский или валашский, диалект). В 1859 г. в связи с объединением княжеств в единое государство и провозглашением Бухареста его столицей роль мунтянского (валашского) диалекта заметно возрастает, и в последующий период выработка литературной нормы румынского языка происходит именно на основе этого диалекта.

Литературное и культурное наследие носителей румынского и молдавского языков до XIX века включительно в основном совпадает. По мере формирования молдавской нации происходит выработка молдавским языком собственной литературной нормы. Литературная норма современного молдавского языка характеризуется, в отличие от румынской, большим удельным весом заимствований из русского языка и большей близостью к разговорному стилю, а также некоторыми фонетическими особенностями, ср. *молд. лит. сарэ*, а *ынтра* (соотв. 'вечер', 'входить, войти') и *рум. лит. seară*, а *întra*.

Итак, формирование литературных языков в странах романской речи происходило по-разному, в зависимости от особенностей исторического развития каждой страны. В ряде случаев литературный язык складывался на основе диалекта столичной области (диалекта столицы), как, например, французский, испанский, португальский, румынский.

Литературные языки на юге Франции (провансальский) и в отдельных областях Испании (каталанский и галисийский) формировались в результате взаимодействия разных диалектов. Пример литературного койне, т. е. литературного языка, норма которого не опирается на превосходство какого-либо одного диалекта, дает поэзия трубадуров.

В Италии возрастание в XIV веке культурного престижа флорентийского (тосканского) диалекта, родного диалекта трех крупнейших поэтов (писателей) и гуманистов эпохи итальянского Возрождения — Данте, Петрарки, Боккаччо, сыграло существенную роль в формировании литературного итальянского языка. В дальнейшем, однако, литературный язык Италии складывался под воздействием разных диалектов. В последние два-три десятилетия, в частности благодаря

возрастающей роли средств массовой информации, на формирование литературной нормы заметное влияние оказывает столица государства Рим.

В Молдавской ССР литературный язык складывается в условиях многонационального социалистического государства, в тесном взаимодействии с русским, отчасти также с украинским языком.

2. Современный аспект. Современные романские языки в территориальном отношении также не едины. Каждый из них представляет совокупность более или менее значительного числа диалектов и говоров. В большинстве случаев современные диалекты являются историческим продолжением ранее существовавших.

Итальянские диалекты объединяются по территориальному принципу в три группы — северную: пьемонтский, лигурийский, ломбардский, эмильянский, венецианский; центральную: тосканский, умбрский, римский; южную: неаполитанский, абруццкий, апулийский, калабрийский, сицилийский¹.

Французский язык во Франции имеет несколько диалектов, из которых наиболее значительные — нормандский, пикардский, лотарингский, бургундский; в Бельгии и в некоторых пограничных с ней областях северной Франции распространен валлонский диалект. В провансальском, если относить к диалектам гасконский, насчитывается шесть территориальных разновидностей, из которых, помимо гасконского, можно назвать лимузинский, лангедокский, овернский.

Территориальные разновидности современного португальского языка объединяются в три группы (северную, центральную, южную), не обнаруживающие, впрочем, резких расхождений. Из диалектов испанского языка можно назвать леоно-астурийский, арагонский на севере и андалузский (андалусийский) на юге. Расхождения между ними также не очень существенны.

В румынском языке (его называют также дакорумынским, в отличие от арумынского, мегленорумынского, исторорумынского) наиболее значительными являются диалекты исторических областей Мунтении (мунтянский), Баната (банатский), Молдовы (молдавский диалект румынского языка).

В молдавском языке территориальные разновидности речи квалифицируются как говоры.

Ретороманский язык Швейцарии представлен территориальными разновидностями, из которых наиболее крупные — сюрсельвский и энгадинский диалекты.

Среди диалектов сардинского языка — центральный логудорский и южный кампиданский.

Каждая страна, однако, и сейчас имеет в отношении диалектов свои особенности. Так, различия диалектов Португалии, а также Испании и Румынии не столь велики, чтобы их носители не поняли бы друг друга. Диалекты же итальянского языка подчас настолько отличаются один от другого, что их носители не всегда достигают взаим-

¹ Шишмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Л. 1972, с. 25—26.

ного понимания. Франция в этом отношении занимает как бы промежуточное положение. Собственно французские диалекты характеризуются сравнительно небольшими различиями, в то же время некоторые диалекты провансальского языка весьма своеобразны и не всегда понятны носителям другого диалекта (речь идет прежде всего о гасконском).

Жизнь любой страны в наше время характеризуется заметным сглаживанием диалектных различий. Этому способствуют радио и телевидение, пресса, а также возрастающая с каждым днем миграция населения и, в частности, молодежи из сельской местности в крупные города. Даже в Италии, где диалектные различия особенно велики и где на некоторых диалектах существует художественная литература, все же происходит известная унификация речи молодежи, особенно вследствие ее большого притока из областей аграрного юга в города промышленного севера. Объединение в условиях одного крупного предприятия рабочих из разных областей (носителей разных диалектов) способствует созданию своеобразного койне, ориентированного на литературную норму, хотя во многом от нее отклоняющегося, т. е. общепонятного итальянского языка с примесью диалектных черт. Наиболее ярко выраженную диалектальную окраску имеет речь жителей сельской местности (не только в Италии, но и в любой другой стране).

Помимо диалектов в каждой романоязычной стране и сейчас есть местные говоры, ограниченные одним или несколькими населенными пунктами.

В целом, однако, социально-политические условия развития романских языков в наши дни таковы, что на смену диалектному дроблению, возникшему в исторически отдаленный отрезок времени (в период феодальной раздробленности территорий), все больше приходит относительная унификация языков в пределах каждой страны, тогда как в более крупных масштабах, напротив, в силу социально-политических условий жизни современного общества, наблюдается все более интенсивное развитие другого рода членения: образование многочисленных национальных (страны Латинской Америки) и территориальных (независимые государства Африки) вариантов романских языков.

Глава III. ОБЩЕРОМАНСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

§ 8. Проблема классификации романских языков. I. Романские языки делятся на две большие группы (или подгруппы): *западную и восточную*. Это деление было введено Фридрихом Дицем еще в прошлом столетии. Классификация касалась, правда, лишь шести романских языков: испанского и португальского (Ф. Диц относил их к юго-западной подгруппе), французского и провансальского (в его делении — северо-западная подгруппа), итальянского и румынского (оба квалифицировались как восточная подгруппа: румынский язык Ф. Диц называет валашским).

Вопрос о необходимости и целесообразности самого деления романских языков на западные и восточные сомнений в наши дни не вы-

зывает. Разногласия, однако, начинаются тогда, когда встает конкретный вопрос об отнесении языков к той или иной подгруппе. Единства мнений нет в основном относительно трех языков: итальянского и далматинского — их относят то к западной, то к восточной подгруппе, и сардинского, которому отводят промежуточное положение.

Критерием деления романских языков на западные и восточные до сих пор служили факторы фонетического, лишь отчасти морфологического характера. Наиболее существенные из них — это озвончение или сохранение в виде глухих интервокальных согласных [p, t, k].

<i>Западнороманские языки</i>	<i>Восточнороманские языки</i>
Определенный артикль является <i>препозитивным</i> (ставится перед именем) и <i>не склоняется</i>; синтаксические отношения, ранее передаваемые латинскими падежами, выражаются <i>предлогами</i>: лат. vicini amicus исп. el amigo del vecino порт. o amigo do vizinho итал. l'amico del vicino фр. l'ami du voisin	Определенный артикль является <i>постпозитивным</i> (после имени), он <i>склоняется</i>; падежные отношения передаются путем склонения существительного с артиклем: рум. prietenul vecinului молд. приетенул вечинулуй
Сложное глагольное сказуемое образуется с участием <i>инфинитива</i>: исп. quiero cantar порт. quero cantar итал. voglio cantare фр. je veux chanter	Сложное глагольное сказуемое образуется преимущественно с участием <i>конъюнктива</i>: рум. vreau să cânt молд. вряу сэ кынт (букв.: хочу, чтобы я спел)¹
В основу формы будущего времени легла латинская разговорная описательная конструкция с глаголом <i>habere</i>: cantare habeo. исп. cantaré порт. cantarei итал. canterò фр. je chanterai	В основу формы будущего времени легла латинская разговорная описательная конструкция с глаголом <i>volere</i> (кл. лат. velle): voleo (volo) cantare. рум. voi cînta молд.: вой кынта
От латинского языка <i>унаследован</i> принцип согласования глагольных времен.	Принцип согласования глагольных времен <i>не унаследован</i>.

¹ В румынском и молдавском языках сложное глагольное сказуемое образуется и при помощи инфинитива, но это не характерный способ его образования, к тому же это возможно не со всеми глаголами: приведенные словосочетания, как и многие другие, не могут быть преобразованы в инфинитивную конструкцию.

При переходе от латинского языка к романским в одних языках происходило их озвончение: *лат.* (разг.) *potere* > *исп.* *poder*, *порт.* *poder*, *франц.* *pouvoir*; в других — подобного изменения не произошло: *итал.* *potere*, *рум.* *a putea*, *молд.* *a путя*. И второе — это сохранение в виде окончания множественного числа существительными мужского рода *-s* (от формы латинского accusativa мн. числа): *лат.* *homines* > *исп.* *hombres*, *порт.* *homens*, *франц.* *hommes* (на ранних этапах истории французского языка *-s* произносилось) или *-i* (от формы латинского, в некоторых случаях позднелатинского, номинатива): *позднелат.* *homini* > *итал.* *uomini*, *рум.* *oameni*, *молд.* *оамень* (в румынском окончание *-i* не произносится, оно смягчает предшествующий согласный, подобно русскому мягкому знаку).

Если делить романские языки по этому принципу, то итальянский и далматинский отойдут к восточной подгруппе, а сардинский, давший озвончение интервокальных согласных (*лат.* (разг.) *potere* > сард. [poðere] и в то же время унаследовавший окончание *-s* (ед. ч. *otipne* — мн. ч. *otipnes*) должен отойти к западной подгруппе.

Данные критерии, однако, представляются недостаточно надежными. Любой человек, знающий или изучающий романские языки, не может не обратить внимание на следующие весьма существенные расхождения в их грамматическом строе: (см. табл. на с. 33).

По всем названным грамматическим особенностям такие языки, как галисийский, каталанский, провансальский, ретороманский, должны быть отнесены к западнороманским. Сардинский язык, хотя в некоторых деталях он отличается от западнороманских языков (ср., например, будущее время в литературном итальянском: *атегò*, *атегай* и т. д., где окончания *-ò*, *-ai* и др., восходящие к латинскому глаголу *habere*, стоят после смысловой части глагола, и в сардинском: *арр'атаре*, *ас атаре* и т. д., где формы вспомогательного глагола, ведущие начало от того же латинского глагола *habere*, стоят перед инфинитивом), характеризуется в названных отношениях теми же чертами, что и западнороманские языки: артикль в нем препозитивен и не склоняется, конъюнктив не конкурирует с инфинитивом и т. д., как в восточнороманских языках. В строе далматинского также не удается обнаружить типично восточнороманских особенностей.

Если делить романские языки на западные и восточные, исходя из приведенной выше совокупности их грамматических характеристик, то к собственно восточнороманским должны быть отнесены только румынский и молдавский ¹.

Из числа разновидностей романской речи, лингвистический статус которых не определен, в восточную подгруппу войдут арумынская, мегленинская и истриотская. Они, правда, дают реализацию не всех приведенных выше восточнороманских черт: так, например, истриотский (язык/диалект) не только не дает конкуренции инфинитива и конъюнктива, но вообще почти утратил последний. С другой стороны,

¹ Некоторые особенности, отличающие восточнороманские языки от западнороманских (такие, например, как постпозиция определенного артикля или замена инфинитива конъюнктивом) сближают их с балканскими языками, не относящимися к романской группе: албанским, болгарским (южнославянским), новогреческим.

арумынский не располагает более инфинитивом, его функции оказались сосредоточенными в основном в конъюнктиве. Есть и другие более частные различия. Однако в целом арумынская, мегленитская и истриотская речь, безусловно, представляют восточнороманскую подгруппу.

Деление на западные и восточные не означает полного структурного совпадения языков, входящих в западнороманскую подгруппу. По некоторым особенностям своего строя один из них может противостоять всем другим (см. § 74). С другой стороны, диалекты некоторых языков (например, южноитальянские) могут иметь общие черты с диалектами или с языками, входящими в другую (восточную) подгруппу (см. § 66). Однако это не противоречит самому делению романских языков на западные и восточные: в вопросах классификации подобные моменты имеют подчиненное значение.

II. Романские языки объединяются в подгруппы также по принципу их *территориальной общности*. На этом основании в 40—50 гг. текущего столетия итальянским ученым Карло Тальявини (см. § 117) были выделены четыре романских зоны: иберо-романская, галло-романская, итало-романская и балкано-романская. В настоящее время в дополнение к названным зонам выделяется также ретороманская.

При классификации строго по территориальному принципу языки, весьма близкие друг другу по своим лингвистическим особенностям, как, например, каталанский и провансальский, оказываются отнесенными к разным зонам (первый к иберо-романской, второй к галло-романской) и объединенными в одну зону с языками, от которых они отличаются значительно больше.

В связи с этим возникла потребность каким-то образом обозначить в классификации промежуточный характер некоторых языков, их переходное положение между зонами. Карло Тальявини прибег к приему наложения фигурных скобок:

французский	}
франкопровансальский	
провансальский (и гасконский)	
каталанский	
испанский	
португальский	}

Тот же прием он использовал применительно к далматинскому языку, расположив его между итало-романской и балкано-романской зонами. Наши сведения о далматинском языке сравнительно ограничены: имеется несколько старых текстов и монография итальянского ученого Маттео Бартоли (опубликованная в Вене на немецком языке в начале нашего столетия). Итальянский романист постарался восстановить строй далматинского языка путем опроса последнего его носителя, жителя одного из островов Адриатического моря, умершего в 1898 г. И, тем не менее, даже эти немногочисленные свидетельства далматинского языка дают основания считать его по строю более близ-

ким к языкам итало-романской зоны, чем балкано-романской, в которую он территориально входит.

Каталанский язык в книге К. Тальявини и в трудах более поздних исследователей получил название «промежуточного (переходного) языка» — *il ponte di passaggio; lingua puente*. Этот термин можно, вероятно, распространить и на далматинский и на некоторые другие языковые образования (см. ниже).

Классификация романских языков в свете сказанного представляется следующим образом:

Западнороманская подгруппа					Восточнороманская подгруппа
Зоны	Иберо-романская	Галло-романская	Рето-романская	Итало-романская	Балкано-романская
Языки	Испанский Португальский Галисийский	Французский Каталанский Провансальский	Ретороманский (швейцарский, тирольский, фриульский варианты)	Итальянский ¹ Сардинский	Румынский Молдавский
Разновидности романской речи	Гасконская	Франкопровансальская			Арумунская Мегленитская Истриотская

Таким образом, три языка (каталанский, провансальский, далматинский) и одна разновидность романской речи, статус которой не определен (язык/диалект?) — гасконская, занимают промежуточное положение (своеобразные *linguas puentes*), образуя две промежуточные зоны, примыкая территориально к одной зоне, а по особенностям своего строя — к другой. В практике преподавания, однако, по традиции чаще всего производят деление все же по территориальному принципу, относя каталанский к иберо-романским языкам, провансальский — к галло-романским.

Франкопровансальская разновидность романской речи, входя в галло-романскую зону, по своим лингвистическим особенностям располагается между провансальским (одним из языков промежуточной зоны) и собственно галло-романским языком — французским (это показано пунктирными стрелками). Ретороманская зона занимает своеобразное промежуточное положение и в территориальном отношении и по своеобразию своего строя между галло-романской и итало-романской (это показано пунктирной линией).

III. Из всех западнороманских языков наибольшие расхождения с латинским, как по фонетическому облику слов, так и в грамматическом отношении, обнаруживает *французский язык*. Это единственный

¹ Имеется в виду итальянский литературный язык. При учете диалектов итальянского языка северные диалекты заняли бы в классификации промежуточное положение между галло-романской и итало-романской зонами, а южные — промежуточное положение между итало-романской и балкано-романской зонами.

язык окситонического типа (при переходе от латинского к французскому послеударные слоги отпали, ср. *лат.* gubernaculum > *франц.* gouvernail). Фонетические переходы в истории французского языка оказались в ряде случаев настолько сложными, что они до неузнаваемости изменили облик многих слов, ср. *лат.* oculus > *франц.* œil, мн. ч. oculus > yeux, *лат.* octo > *франц.* huit и др.

По грамматическому строю французский язык также дальше других отошел от латинского прототипа. Флексия существительного и глагола во французском языке часто уже не служит целям их грамматической характеристики. У существительных четкость разграничения единственного и множественного числа достигается нередко лишь благодаря так называемому «сцеплению» слов (liaison), ср.: **petit enfant** 'малыш' и petits enfants (мн. ч.), в произношении соответственно [pəti-t-ā-fā] и [pəti-z-ā-fā] и т. п. В силу стертости глагольной флексии только во французском языке стало обязательным употребление местоимения-подлежащего при глаголе, ср. *исп.* canto, cantas, canta и т. д. и *франц.* je chante, tu chantes, il chante и т. д. — во всех случаях глагол во французском произносится как [ʃā:t]. По-особому выражается отрицание во французском языке, ср. *исп.* no sé, *итал.* non so и *франц.* je ne sais pas и т. п. Особенности строя французского языка дают основания говорить о его особом положении в группе западнороманских языков.

Основываясь на факте своеобразия французского языка и его отличии от других западнороманских языков, испанский романист Амадо Алонсо предложил выделить его в особую подгруппу, а такие западнороманские языки, как португальский, испанский, каталанский, провансальский (он выделяет также в качестве самостоятельного языка гасконский), объединить под названием Romania continua — «непрерывная Романия». При всех различиях эти языки ближе друг к другу по своим лингвистическим характеристикам, чем к французскому. В понятие Romania continua А. Алонсо включил с некоторыми оговорками и на том же основании и итальянский язык. Можно было бы, вероятно, включить также галисийский и ретороманский. Румынскому языку А. Алонсо отвел особое положение в группе романских языков.

Основываясь на классификации, предложенной А. Алонсо, несколько дополнив ее и воспользовавшись для обозначения языков, не вошедших в группу Romania continua, термином, возникшим в научной литературе в противоположность названному, — Romania discontinua (в переводе на русский язык приблизительно «Обособленная Романия»), можно было бы следующим образом классифицировать романские языки:

Непрерывная Романия
(Romania continua)
западнороманские языки, кроме
французского

Обособленная Романия¹
(Romania discontinua)
французский², румынский, молдавский.

¹ См. также результаты сопоставления романских языков, §§ 79, 104, 109.

² Возможно, также сардинский, который обнаруживает заметное своеобразие по сравнению с другими западнороманскими языками.

§ 9. Проблема структурной общности романских языков. Будучи генетически родственными, романские языки обнаруживают определенное сходство и в отношении своей структуры. В вопросе о структурной общности романских языков, однако, многое остается неясным. Что понимать под структурной общностью языков? Какие особенности строя каждого языка, входящего в ту или иную подгруппу, можно считать ее проявлением? Следует ли рассматривать отсутствие внешне сходных явлений в родственных языках как отсутствие у них структурной общности в данной конкретной области грамматики (фонетики, лексики)?

Ранее (§ 8) уже были выделены несколько критериев, в соответствии с которыми романские языки можно разделить на западные и восточные, и среди них такой момент, как склонение артикла или отсутствие у него способности изменяться по падежам. Вспомним приведенные выше примеры: *исп.* *el amigo del vecino*, *франц.* *l'ami du voisin* и *рум.* *prietenul vecinului*. Казалось бы, что же тут общего между языками, ведь речь идет об отличии языков восточной подгруппы от языков западной подгруппы. Однако на ту же черту грамматики сопоставляемых языков можно посмотреть и с другой стороны.

Распространим зависимое существительное в приведенных словосочетаниях прилагательным: *исп.* *el amigo **del** viejo vecino enfermo*, *франц.* *l'ami **du** vieux voisin malade*, *рум.* *prietenul **bătrînului** vecin bolnav*. При распространении именной группы становится очевидным, что, как в примерах из западнороманских языков, так и в примере из восточнороманского языка, есть одна общая черта: и в том, и в другом случае в именной группе имеется некий грамматический центр (он выделен жирным шрифтом), в котором сосредоточена вся необходимая грамматическая информация — об определенности существительного, о его синтаксической функции, о его роде и числе. В западнороманских языках таким центром является сочетание предлога с артиклем, в восточнороманских языках им оказывается падежная форма артикла, но в обоих случаях наличие грамматического центра в именной группе очевидно.

А теперь для сравнения приведем аналогичное предложение на латинском языке: *vicini veterani et infirmi amicus*. Здесь подобного центра нет: каждое слово достаточно полно охарактеризовано флексией (окончанием). Следовательно, латинскому языку присуща расчлененность грамматической информации в именной группе, романским языкам — ее централизация. То, что отличает романские языки от латинского, сближает их между собой. За внешним различием в форме выражения скрывается глубокое внутреннее сходство языковой структуры.

Проблема структурной общности романских языков самым непосредственным образом связана с другим важнейшим вопросом романского и общего языкознания — вопросом о выделении языков ¹ синтетического и аналитического строя. Языками синтетического строя называют языки с развитой, грамматически полноценной флексией,

¹ Речь идет о языках индоевропейской группы.

т. е. такие языки, в которых грамматические категории выражаются прежде всего различного рода окончаниями (флексиями). Латинский язык представлял собой именно такой тип языковой структуры (к синтетическим, или флективным языкам относится и русский). Об аналитическом строе говорят тогда, когда основную роль в выражении различных грамматических категорий играют служебные слова: предлоги, артикли, вспомогательные глаголы. Романские языки представляют, в большей или меньшей степени, аналитический тип языковой структуры.

Когда противопоставляют языки по принципу «флексия/не флексия», это не значит, что в языках синтетического строя нет служебных слов (впрочем, некоторых из них, действительно, может не быть, например, артикля), а в языках аналитического строя нет окончаний. В романских языках род и число существительных образуются при помощи окончаний, т. е. флективно, однако этих окончаний (даже если они четко выражены) не достаточно для того, чтобы существительное могло употребляться в предложении: в подавляющем большинстве случаев ему необходимо придать артикль, поскольку только артикль способен выразить некоторые очень важные грамматические характеристики (например, определенность или неопределенность). Глагол в романских языках спрягается, такие его грамматические категории, как лицо, число, время передаются посредством изменения самой его формы, т. е. опять-таки флективно, однако система глагола в этих языках не является таковой без сложных форм, в образовании которых участвуют служебные слова (вспомогательные глаголы). Сложные формы были и в латинском языке, в системе времен пассива, ср. *amatus est* 'его полюбили (он был любим)', но они занимали в системе глагольных форм сравнительно небольшое место (ср. в русском языке: «буду петь»). В романских языках сложные формы находятся в центре системы глагольных времен. Решающим в вопросе о своеобразии типа языковой структуры оказывается не столько сам факт наличия или отсутствия тех или иных грамматических средств, хотя и это бывает существенно, сколько соотносительный удельный вес средств грамматического выражения в системе языка, та роль, которую они выполняют в процессе коммуникации.

Будучи наследниками латинского, языка синтетического строя, романские языки, таким образом, переросли с течением времени в его противоположность. В структурном плане они представляют качественно новое образование по сравнению с латинским. В ходе развития от латинского языка к романским основная функция в выражении грамматических категорий существительного перешла с флексии на артикль и предлоги, а в системе глагола важное место заняли временные формы, образуемые при помощи вспомогательных глаголов (и в том и в другом случае — это служебные слова).

Понятия «синтез/анализ» в их лингвистическом значении — понятия исторические. То, что на одном этапе развития языка представляет аналитическое образование, в следующий период его истории может перейти в разряд синтетических (и наоборот). Латинская описательная конструкция *cantare habeo* была аналитическим образованием.

развившиеся на ее основе формы будущего времени в романских языках представляют собой синтетические единицы. Форма родительного и дательного падежа в румынском языке *lupului* 'волка, волку' — это синтетическая форма, в ее основе лежит, однако, слияние существительного с артиклем — аналитическим элементом, и т. д. В подобных случаях говорят о явлении вторичного синтеза.

Лингвистические понятия «синтез/анализ» широко используются и при описании современного состояния романских языков, уже безотносительно к латинскому. Так, говорят об аналитических словах (типа французских: *avoir faim* 'хотеть есть', *avoir soif* 'хотеть пить', *prendre part* 'принимать участие' и т. п.), о различиях в характере флексии (ср., с одной стороны, *исп. casas*, где род и число передаются разными морфемами, и, с другой стороны, *итал., рум. case*, где передача тех же категорий синтезирована в одной морфеме) и т. д. Непосредственного отношения к разграничению синтетического и аналитического типов языковой структуры эти вопросы не имеют, однако решение проблемы структурной общности романских языков требует учета и этих факторов.

И еще один аспект является важным для решения проблемы структурной общности романских языков — это определение степени *архаичности* языка. Критерием архаичности отдельных романских языков вплоть до последнего времени считалась близость инвентаря их форм и способов выражения к латинскому прототипу или удаленность от него. Функциональная сторона, т. е. роль каждого такого способа выражения или каждой формы в процессе общения носителей языка, не принималась во внимание. Инвентарь форм, однако, при всей его важности, составляет лишь одну из характеристик языка (его «материальную оболочку»), не менее важным является место, занимаемое теми или иными способами выражения в системе языка. Так, например, восточнороманские языки унаследовали от латинского, в отличие от западнороманских языков, неличную форму глагола, называемую супином (ср. *рум.*: *greu de scris* 'трудный для написания'). Казалось бы, это свидетельствует об архаичности румынского (и молдавского) языка. Однако по особенностям своего использования современный восточнороманский супин обнаруживает весьма отдаленное сходство с латинским. К тому же для носителей современных восточнороманских языков супин представляет явление живое, продуктивное, отнюдь не имеющее налета архаичности. Его употребительность возрастает, в частности, в связи с все большим ограничением сферы употребления инфинитива. Восточнороманский супин представляет собой такое грамматическое явление, которое следует рассматривать скорее как инновацию по сравнению с соответствующей латинской формой, чем как архаизм.

Исторический процесс в ряде случаев идет в направлении от инновации к архаизму. Так, во французском языке XIV в. образовался новый по сравнению с унаследованными от латыни способ обозначения понятия «очень, много»: *grand coup*. Это была несомненная инновация французского языка. Однако данное наречное словосочетание постепенно вышло из употребления, уступив место другой иннова-

ции — *beausour*. Возникшая в какой-то период развития языка инновация (*grant sour*) перешла в разряд архаизмов.

При решении проблемы структурной общности романских языков с учетом архаичности или новаторского характера отдельных черт их структуры (как и строя в целом), необходимо помнить, по крайней мере, о двух моментах: 1) само понятие архаичности не может рассматриваться как явление статическое, следует принимать во внимание его безусловно динамический характер; 2) те или иные романские формы при сопоставительном изучении с латинскими в целях определения степени их архаичности должны оцениваться не только и не столько по их материальной оболочке, сколько прежде всего в плане занимаемого ими места в системе языка и той роли, которую они выполняют в процессе повседневного функционирования языка.

Раздел второй. РОМАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Глава I. ПРЕДЫСТОРИЯ РОМАНИИ:

ЕВРОПА И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

§ 10. Расселение племен на Апеннинском полуострове. Наиболее крупные группировки племен, населявших Апеннинский полуостров в первом тысячелетии до н. э., представляли этруски и италийцы.

Этруски, древние племена неизвестного происхождения, вероятнее всего неиндоевропейского, достигли в своем развитии высокого уровня экономической, политической и культурной жизни и сыграли значительную роль в истории создания римской цивилизации. Они занимали западную часть центральной Италии, плодородную и благоприятную по природным условиям область Этрурию (современная Тоскана, центр — г. Флоренция), расположенную между реками Арно на севере и Тибром на юге, а во времена своего расцвета (VII—VI вв. до н. э.) также прилегающие к ней с севера и юга обширные области Италии.

Свидетельства языка этрусков сохранились в виде надписей, первые из которых датируются VII в. до н. э., последние — I в. до н. э. Это надгробные надписи, надписи на предметах, имеется также довольно обширный текст на пеленах женской мумии, обнаруженной в конце прошлого столетия в Египте и хранящейся в настоящее время в одном из югославских музеев в г. Загребе, — текст, получивший название «Льняной книги» или «Книги мумии», представляет собой религиозный календарь. Этруские надписи в начале XX в. были опубликованы, они сравнительно легко читаются, так как написаны алфавитом, близким к греческому, но в своем большинстве до сих пор не расшифрованы. В результате многолетнего кропотливого труда с применением самых разных методов ученым удалось определить значение ряда слов (около 150), составить представление о некоторых, правда, весьма немногочисленных, грамматических и словообразовательных приемах, но в целом этрусский язык продолжает оставаться загадкой, не получившей своего окончательного решения.

Изучением этрусков, их истории и языка занимается специальная отрасль исторической и историко-лингвистической науки — этрускология. Среди видных этрускологов можно назвать итальянского ученого Массимо Паллотино, члена Болгарской Академии Наук Владимира Георгиева, советских исследователей профессоров Н. Н. Залесского, А. И. Харсекина и других. Существуют периодические издания по этрускологии. В Тоскане и прилегающих к ней областях Италии ведутся раскопки.

Для обозначения этрусков существует несколько наименований. Греки называли их тирренами или тирсенами, римляне — тусками или этрусками. Сами этруски называли себя расенами. От греческого наименования произошло название Тирренского моря, римское осталось в названии соответствующей области Италии (Тоскана или Этрурия) и в общепринятом в науке термине для обозначения данной группы древних племен.

Италики, многочисленная группа этнически родственных племен индоевропейского происхождения, говоривших на родственных языках, населяли большинство областей центральной и южной Италии (Умбрию, Лациум, Кампанию, Калабрию) и восточную часть острова Сицилии. Наиболее крупные из итальянских племен и племенных группировок — умбры, сабины и самниты, входившие в группу сабелльских племен, оски, bruttii (италийское племя оско-умбрского происхождения), латины и др.

На территории Апеннинского полуострова и на прилегающих к нему островах жили также неиталийские (но индоевропейские) племена: венеты, галлы, мессапы и племена предположительно неиндоевропейского происхождения: лигуры, корсы, сарды, сиканы.

От древних итальянских и неиталийских языков сохранились некоторые письменные свидетельства. Это в основном надгробные надписи и надписи на предметах быта, относящиеся к V—I вв. до н. э. (I в. н. э.).

Письменным свидетельством умбрского языка являются так называемые Игувинские таблицы — семь бронзовых дощечек с текстами религиозного содержания (описание жертвоприношений, ритуалов религиозного характера и т. п.), обнаруженные в XV в. в итальянском городе Игувии (совр. Губбио) в Умбрии неподалеку от Перуджи и хранящиеся в одном из музеев этого города. Текст Игувинских таблиц расшифрован и издан с соответствующим научным комментарием. Точная датировка Игувинских таблиц затруднена, они, вероятно, написаны в разное время: наиболее позднюю из них относят к I в. до н. э.

Надписи на оскском языке, наряду с надписями на латинском языке, были обнаружены, в частности, при раскопках г. Помпеи, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э.

Латины представляли собой итальянское племя, занимавшее часть небольшой области в самом центре Италии на побережье Тирренского моря в устье р. Тибр. Эта область называлась Лациум (Лаций), совр. Лацио, центр — столица Италии г. Рим. В Лации, помимо латин, проживали сабелльские племена — сабины, вольски, герники, эквы.

Рим в начале своего существования представлял собой одну из латинских общин.

По преданию Рим возник в 754—753 гг. до н. э. Древние историки донесли до нас легенду о предполагаемых основателях Рима — двух братьях-близнецах Ромуле и Реме, брошенных по приказу царя в Тибр сразу же после рождения, чудом спасшихся, вскормленных волчицей. Точная история создания Рима неизвестна. Существует мнение, что Рим создали этруски. Оно основывается на сходстве древнейших памятников материальной культуры этрусков и римлян, на общности некоторых ритуалов, общественных должностей, обычаев у обоих народов. При раскопках в Этрурии найдена статуэтка волчицы — это рассматривается как одно из подтверждений этрусского происхождения самого Рима.

Латинский язык постепенно вытеснил языки всех остальных племен Италии. Они исчезли из живого общения к началу новой эры — к I—II вв. н. э.

§ 11. Племенные группировки на территории Западной Европы.

Кельты (римляне называли их галлами). Группа племен индоевропейского происхождения, в которую входили аквитаны, арверны, белги, гельветы, секваны, треверы, эдуи и ряд других племен. Некоторые из них, в частности, аквитаны и белги, возможно, представляли собой смешанные группы племен: первые — кельтских и иберийских, вторые — кельтских и германских. Треверов причисляли либо к кельтским племенам, либо к германским.

Кельтские племена в доримский период древней истории заселяли территории: современных Бельгии и частично Голландии, Франции и значительной части Швейцарии. Кельтские племена (так называемая бриттская их группа) жили в Британии¹. С конца V в. до н. э. часть кельтов, населявших заальпийские земли, переселилась в северную Италию.

Кельтские языки, как и большинство других местных языков, носители которых в дальнейшем были покорены Римом, постепенно вымерли, в основном в течение I—II вв. н. э., в некоторых случаях, однако, они сохранялись до III—IV вв. Бриттская группа древних кельтских языков лежит в основе современных кельтских языков: ирландского, шотландского (его называют также гэльским или гаэльским по названию говорящего на нем народа, проживающего в северной Шотландии), валлийского (на полуострове Уэльс в западной части Великобритании) и некоторых других. К древним кельтским языкам бриттской группы (к языку кельтов, переселившихся на полуостров Арморика в V в. н. э. в связи с англосаксонским наступлением) восходит и современный бретонский язык, на котором говорит население полуострова Бретань во Франции. Связных текстов, которые засвидетельствовали бы древнее состояние кельтских языков, не сохранилось.

¹ Название Англия появилось в IX в., наименование Великобритания закрепилось в качестве официального в начале XVIII в.

Иберы. Группа племен неиндоевропейского происхождения, населявших Иберийский полуостров. В нее входили такие племена, как карпетаны, турдетаны, турдулы, лузитане (последние занимали большую часть современной Португалии) и другие. Северные области Пиренейского полуострова были заселены васконами (как предполагается, предками современных басков), а также астурами, кантабрами, галлаиками (галлеками), некоторые из которых, возможно, относились к группе племен смешанного этнического происхождения — кельтиберам. По поводу происхождения иберийских племен высказываются разные гипотезы, но все они строятся на догадках. Доказать родство иберийских языков с какой-либо из известных языковых групп до сих пор не удалось. Иногда их связывают с языками кавказской группы. Из языков современного мира баскский, который, как полагают, развился на основе иберийского субстрата, также занимает изолированное положение и не входит ни в одну из известных языковых семей.

Германцы. Многочисленная группа древних племен индоевропейского происхождения, которые селились по течению рек Рейна, Эльбы, Одера, Вислы, у берегов Северного и Балтийского морей и на юге Скандинавии. Племена, жившие к западу от Одера, принято называть западногерманскими (лангобарды, свевы, франки и др.), между Одером и Вислой — восточногерманскими (бургунды, вандалы, гепиды, готы и др.). Уклад жизни германских племен во второй половине I тысячелетия до н. э. был в основном первобытно-общинный (общинно-родовой). Их основным занятием были охота и скотоводство.

Фракийцы. Группа древних племен также индоевропейского происхождения, населявших Балканский полуостров и прилегающие к нему северодунайские области. О фракийских языках (фракийском языке) судят главным образом по косвенным свидетельствам: связанные тексты на этих языках не сохранились. Высказывается предположение о том, что фракийский язык был в известной мере близок иллирийскому (иллиры населяли северо-западные области Балканского полуострова, фракийцы — северо-восточные), в связи с чем иногда говорят о фрако-иллирийских племенах и языках. Считается, что продолжением фрако-иллирийской ветви древних языков является современный албанский язык: этот язык несомненно принадлежит индоевропейской языковой семье, однако он не входит ни в одну из известных подгрупп последней. Албанский язык имеет некоторые общие черты с восточнороманскими языками (геты и даки, населявшие области к северу от Дуная, относились к фракийским племенам).

Территорию центральной и восточной Европы занимали *славяне* — древнейшие племена индоевропейского происхождения (см. § 19). Исторические пути этих народов и романизованного населения восточных областей образовавшегося впоследствии римского государства пересеклись лишь в VI—VII вв. н. э., т. е. уже в послеримский период.

§ 12. Древние государства Средиземноморья. Древняя Греция, сильнейшее рабовладельческое государство Средиземноморья, начиная с VIII в. до н. э. и особенно интенсивно в VII—VI вв. до н. э., проводит политику создания на побережье Средиземного моря своих

колоний. Так в Южной Италии возникли Брундизий, Кротон, Тарент, в Сицилии — Сиракузы, Мессана (Мессина), на южном побережье Галлии — Массалия (Массилия) и многие другие. Греческие колонии быстро становились высокоразвитыми, богатыми городами, торговыми и культурными центрами и во многом способствовали проникновению греческой культуры на территории, находящиеся за пределами Греции. Свои южноитальянские колонии греки называли Великой Грецией (*Magna Graecia*).

В начале I тысячелетия до н. э. сильным государством Средиземноморья была Финикия (прибрежная полоса современных Ливана и Сирии). Финикия также создавала свои колонии на берегах Средиземного моря, особенно в его центральной и западной части: в Северной Африке, Сицилии, Сардинии, южной Испании. В VIII—VI вв. до н. э., однако, Финикия утрачивает свою политическую независимость (входит вначале в состав государства Ассирии, затем — Вавилонии), ее политическое и культурное влияние ослабевает.

В то же время происходит выдвижение одной из финикийских колоний на северном побережье Африки, основанной финикийскими купцами в конце IX в. до н. э. — города-государства Карфагена. За сравнительно короткий срок *Карфаген* достиг большого расцвета экономики, значительно укрепил свою военную мощь, создал свои собственные колонии на восточном и южном побережье Испании, в Сицилии и Сардинии. К середине VI в. до н. э. Карфаген становится одним из сильнейших рабовладельческих государств бассейна Средиземного моря.

В самой Италии к середине VI в. до н. э. вершины своего политического, экономического и культурного развития достигает *федерация двенадцати этрусских городов*, созданная еще в конце VII в. Наиболее крупные города этой федерации: Вейи, Вольсинии, Тарквинии, Цере и другие ведут оживленную торговлю с Грецией и Карфагеном.

Глава II. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РОМАНИИ

§ 13. Понятие романизации. Возникнув как самостоятельный город, Рим вошел в состав Латинской федерации городов. Выгодное географическое положение способствовало укреплению экономических и торговых связей с другими городами федерации и быстрому развитию самого города. С конца VI — начала V века до н. э. начинается история постепенного и неуклонного возвышения Рима и его общины среди городов Латинской федерации.

Исторический процесс возвышения Рима проходил сложно, он сопровождался не только успехами римлян, но и их неудачами в борьбе за ведущее положение на полуострове. В конечном итоге, однако, победителем в войнах и столкновениях с другими племенами выходил все же Рим. В течение V — середины III вв. до н. э. римляне проводят целую серию войн: с соседними итальянскими племенами вольсков и эквов, с этрусками, с самнитам, с городами Латинской федерации, с греческими городами южной Италии, они побеждают во всех этих войнах и создают на месте распавшейся Латинской федерации и раз-

битых ими этрусской и самнитской федераций новую Римско-Италийскую федерацию городов, построенную, в отличие от ранее существовавших, не на принципах равноправия городов — членов союза, а на основе подчинения Риму всех остальных вошедших в ее состав городов. 265 г. до н. э., когда римляне завоевали последний из сопротивлявшихся им и не входивших в созданную ими федерацию городов Италии этрусский город Вольсинии, считается годом, завершающим завоевание Римом всей территории центральной и южной Италии.

Быстрое возвышение Рима, успех его наступательной политики объясняются прежде всего быстрыми темпами роста его экономического могущества, которому в немалой степени способствовало выгодное географическое положение: в устье судоходной реки, близ соляных разработок, приносивших значительные доходы. Формирование рабовладельческого государства ускорило процесс классового расслоения общества, а это, в свою очередь, стимулировало стремление к обогащению, к захвату добычи, рабов. К тому же римляне умело пользовались отсутствием единства среди своих противников. Политическое и экономическое возвышение Рима сопровождалось ростом уровня его культурной жизни. Все это и обеспечило успехи римлян в борьбе с другими племенами и народами.

С момента захвата римлянами первых территорий, выходящих за пределы Лациума, одновременно с установлением политического господства Рима, начинается процесс, который принято называть *романизацией*. Под романизацией понимается распространение на захваченные Римом территории латинского языка, римских обычаев и римской культуры и их усвоение местными жителями. «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»¹.

Романизация, начавшись с Апеннинского полуострова (Италии), охватила большинство областей, завоеванных римлянами в период между III в. до н. э. — II в. н. э. Земли вне Италии получали название провинций (*provinciae*), в них назначались римские должностные лица, они поставляли Риму вспомогательные войска, снабжали Италию продовольствием, платили налоги, завязывали торговые отношения с Римом и итальянскими городами. При их завоевании римляне захватывали в плен большое число жителей, превращая их в рабов. Опорой римлян на завоеванных территориях была местная провинциальная знать. В период расцвета Римского государства прокладывались многочисленные дороги, соединявшие Рим и другие города Италии с провинциями. В провинциальных городах всячески поощрялось строительство, создавались школы, театры. Жители провинциальных городов довольно быстро усваивали латинский язык, римские обычаи

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 146.

и его культуру. В сельской местности этот процесс шел медленнее, но постепенно и туда проникало римское влияние.

Римляне проводили политику создания в провинциях городов, населенных в основном римскими гражданами или союзными им латинами — так называемых колоний и муниципий, которые во многом способствовали распространению и укреплению римского влияния в разных частях государства. Колонии и муниципии были, как правило, процветающими городами: в них развивались ремесла, они вели оживленную торговлю как с городами Италии, так и с провинциальными городами.

Романизации населения провинций способствовала политика надежения ветеранов, отслуживших в римских легионах (срок обязательной службы составлял 25 лет), земельными участками по месту их военной службы, а также, начиная с I в. н. э., предоставление им права вступать в брак еще в период службы в армии. Местные жители, заинтересованные в сбыте излишков продовольствия и предметов ремесла, создавали вокруг римских военных лагерей постоянные поселения (так называемые канабы), которые перерастали в города и сравнительно быстро романизировались. Создание канаб особенно интенсивно происходило в пограничных областях, где римляне оставляли значительные контингенты войск, обеспечивавшие безопасность границ.

Захват римлянами новых территорий не всегда сопровождался романизацией их жителей. Так, Греция, азиатские приобретения римлян, северо-восточные области Африки, принадлежавшие эллинистическому миру, сохранили и в период римского господства греческий язык и греческую культуру. Греческий язык сохранялся здесь на правах официального наряду с латинским.

Романизация разных частей Римской империи была неодинаковой по глубине и прочности. Завоевание римлянами Британии, например, возможно, отчасти в силу ее географического положения, если и сопровождалось романизацией населения, то в очень незначительной степени. Недостаточно глубокой была романизация пограничных областей — Верхней и Нижней Германии.

Причинами того, что романский элемент не сохранился в таких провинциях, как Норик, Паннония, Иллирик, Фракия, отчасти Мёзия, могли явиться недостаточная глубина романизации и события их дальнейшей истории: заселение огромными массами народов других этнических групп.

Романизация оказалась прочной и привела к образованию романских языков в самой Италии, на Пиренейском полуострове, в Галлии, в Дакии и отчасти Реции.

§ 14. Романизация Апеннинского полуострова. Взаимоотношения Рима с городами Италии, вошедшими в состав Римско-Италийской федерации, складывались по-разному. Одни области Италии¹, как, например, Умбрия, сравнительно спокойно приняли доминирующее

¹ В настоящем параграфе речь идет только о центральной (средней) и южной Италии, северные области от р. Рубикон и до Альп в рассматриваемый период в состав Италии не входили (см. § 16).

положение Рима в федерации, другие, например, часть этрусских, оскские или самнитские города, неоднократно пытались изменить создавшееся положение. Между тем Рим продолжал наступательную политику, его ведущая роль в федерации становилась все более заметной.

Подчинив себе почти всю Италию, Рим в то же время сохранил характер города-государства. Это выразилось, в частности, в том, что на ранних этапах завоевательной политики римляне предоставляли полные гражданские права — *полное римское право* — прежде всего и почти исключительно жителям самого Рима. Это было право заключения брака, обеспечивающее право наследования и предоставления римского гражданства детям, право приобретения земель, движимого и недвижимого имущества и защиты материальных интересов в римском суде, это было право апелляции к народному собранию на несправедливость решения должностного лица, право устанавливать торговые и деловые отношения и, наконец, право подачи голоса в народном собрании и право выдвигать свою кандидатуру в магистратуры, т. е. на высшие выборные должности.

Города и общины, вошедшие в Римско-Италийскую федерацию, получали так называемое *латинское право*, которое в области частных прав совпадало с римским, но отличалось от него отсутствием права участвовать в политической жизни Рима, т. е. голосовать и выставлять свою кандидатуру. Общины, располагающие латинским правом, считались союзниками Рима, причем в отношении частных прав это была привилегированная часть союзников.

Большинство же городов и общин Италии (нелатины) были связаны с Римом союзным договором, который обеспечивал невмешательство Рима в их внутренние дела, но который лишал их права самостоятельной внешней политики (торговых, брачных союзов с другими общинами, права объявления войны и т. д.). Получая от Рима по союзному договору право на внутреннее самоуправление, союзники должны были поставлять Риму военные корабли и вспомогательные войска. Большинство городов и общин центральной и южной Италии, таким образом, получало наименьшие выгоды от союза с Римом. Некоторым из них, правда, за их особую верность и оказанные Риму услуги время от времени предоставлялось так называемое *неполное римское право*, по существу совпадающее с латинским, т. е. равные с римлянами частные права, но без права избирать и быть избранным на высшие должности (так называемое право без права голоса или пассивное римское право).

Вольноотпущенники имели ограниченные права в отношении участия в голосовании и не имели права выдвигать свои кандидатуры для избрания на политические должности. Рабы были полностью бесправны. Патриции и плебеи — римские граждане номинально по полноте гражданских прав не различались, однако по существу выбор в качестве консула, как и избрание на другие высшие должности представителя низших социальных слоев общества были редким исключением.

Сложная правовая структура в Италии сохранялась вплоть до начала I в. до н. э.

Правом объявлять войны, заключать мирные договоры, назначать военачальников располагал только Рим. В основных войсках (легионах) служили преимущественно римские граждане. Войны, которые не прекращались и в большинстве случаев оканчивались победой Рима, приносили богатую добычу. Номинально из числа союзников право на равную долю движимой добычи имели воины, располагавшие латинским правом, однако на деле это условие далеко не всегда соблюдалось. Другие категории союзников в разделе добычи вообще не участвовали. Надел ветеранов землей также распространялся лишь на лиц, имеющих римское гражданство и в очень незначительной степени на тех, кто имел латинское гражданство. Все это осложняло внутреннюю обстановку в Италии, вызывало рост недовольства союзников и в конечном итоге привело к всеобщему восстанию, получившему название *Союзнической войны* (91—89 гг. до н. э.). Союзническая война окончилась победой восставших: почти все свободные жители Италии получили по ее окончании полное римское право. Уравнение в правах всего населения Италии ускорило процесс его романизации и обеспечило ее успех.

В результате Союзнической войны многие итальянские города приобрели право местного самоуправления, определенную автономию в решении внутренних вопросов, отчасти также вопросов установления торговых и деловых отношений с другими городами Италии. Они имели теперь свои выборные должности по образцу римских, в них стали интенсивно развиваться ремесла и торговля, некоторые города получили право чеканить собственную монету. Процесс приобщения итальянских городов к языку и культуре Рима сопровождался одновременным ростом их политической и экономической самостоятельности. Дальнейшее усиление итальянских городов, укрепление их торговых и экономических связей с Римом и другими городами федерации, этническая близость основной массы населения Италии к римлянам, родство их языков приводили к сравнительно быстрому усвоению италиками, а с течением времени также народами неиталийского происхождения латинского языка, римских обычаев и римской культуры. Без особых усилий со стороны Рима латинским языком постепенно овладевает все население Италии. Особенностью романизации местного населения Апеннинского полуострова явилось проникновение латинского языка в первую очередь и преимущественно *устным путем*, в процессе живого общения носителей латинского и других языков полуострова. Другой особенностью романизации Италии было возникновение своеобразного *разговорного койне*, т. е. понятного всем италикам языка, образованного на основе латыни, но с примесью в каждой области местных черт, отражающих родной для данного италийского племени язык. Это общейталийское разговорное койне усваивалось и местным неиталийским населением Апеннинского полуострова.

С другой стороны, в Риме развивается ораторское искусство, создаются специальные школы риторики, значительные успехи сделало латинское образование, развивается искусство и литература. Все это обеспечивает рост престижа Рима как культурного центра Италии. Римское право, полученное населением Италии в результате Со-

юзнической войны, открыло широкий доступ к образованию и культуре всем свободным италикам, независимо от места их проживания. Круг образованных людей из числа так называемых «новых граждан» увеличивается: получив образование в Риме, они становятся писателями, ораторами, философами. Развивается образование и в других городах Италии. Все это облегчает распространение латинского языка и в его литературной классической форме. Результатом названных процессов явилось постепенное вымирание местных языков Италии. (О романизации северной Италии см. § 16).

§ 15. Романизация Пиренейского полуострова. Южное и восточное средиземноморское побережье Пиренейского полуострова, заселенного иберийскими и кельтиберийскими племенами (см. § 11), начиная с IX в. до н. э., стало осваиваться финикийцами, несколько позднее карфагенскими мореплавателями-купцами. Здесь создаются торговые поселения городского типа, которые впоследствии развиваются в крупные города. Некоторые из этих городов, как, например, Сагунт, вступают с Римом в союзные отношения. Во время Второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) именно на восточном побережье разыгрались военные действия (осада Сагунта Ганнибалом), отсюда карфагенская армия под предводительством Ганнибала двинулась через две цепи гор — Пиренеи и Альпы — на Рим, здесь римляне одержали ряд крупных побед и захватили основанный ранее пунийцами (карфагенянами) город Новый Карфаген. В результате Второй Пунической войны все восточное и большая часть южного побережья Пиренейского полуострова оказались в руках Рима. Именно отсюда и началась романизация Испании.

Завоеванные римлянами во время Второй Пунической войны земли были организованы ими в две провинции: Ближнюю Испанию (*Hispania Citerior*) и Дальнюю Испанию (*Hispania Ulterior*). Первая включала северо-восточные области вплоть до р. Эбро, вторая — юго-восточное и часть восточного побережья. Со временем римляне проникают вглубь полуострова, расширяют границы этих провинций и дают им новые названия — Тарраконская Испания (северо-восточные, восточные и центральные части полуострова) и Бетика (юго-восточные и южные области).

Завоевание Испании происходило в упорной борьбе с местными племенами. Опорой римского влияния были старые испанские города Гадес, Сагунт, Тарракон и созданные римлянами в ходе Второй Пунической войны и после ее завершения города Валентия, Картея, Саратгосса и др. Население западной части полуострова — Лузитании и его северо-западных областей — Астурии, Галлеции,¹ Кантабрии оказали Риму наибольшее сопротивление. Значительными событиями в борьбе с племенами, населявшими эти области, явилось подавление восстания лузитан, возглавляемого Вириатом (147—146 гг. до н. э.) и захват римлянами после длительной и упорной борьбы города-кре-

¹ Древнее название области Галисия. Современное название Галисия встречается в исторических документах начиная с VI в. н. э.

пости Нуманции (133 г. до н. э.). Только к концу I в. до н. э. (19 г.) римляне включили в список своих провинций Лузитанию и ввели в состав Тарраконской Испании области, расположенные в северо-западном углу полуострова.

Захват Пиренейского полуострова длился, таким образом, почти 200 лет (с конца III в. до конца I в. до н. э.). Разное время захвата отдельных частей полуострова, неравномерное распределение городских центров, различия в рельефе местности (наличие горных, трудно доступных районов) обусловили одну из наиболее существенных особенностей романизации Пиренейского полуострова — *неравномерность ее темпов*. Быстрее всего романизация происходила в городах и вокруг них и особенно интенсивной и глубокой она была на юге Испании в Бетике. Медленнее всего римское влияние проникало в горные районы Испании и на территории, в течение длительного времени оказывавшие Риму сильное сопротивление. Неравномерность темпов романизации, возможно, является одной из причин образования на Пиренейском полуострове нескольких романских языков.

На Пиренейском полуострове был оставлен большой контингент римских войск. Полуостров был богат золотом, серебром, медью, свинцом, железом. На рудниках широко использовался труд италиков — носителей латинского языка. Один из действенных путей романизации местного населения представляла также торговля (развитие ремесел здесь отставало от Италии и итальянские купцы находили выгодный рынок сбыта для своих товаров).

Поскольку именно города были опорой римлян в распространении их политического и культурного влияния в Испании (Испаниях), римляне особенно активно проводили политику приобщения городского аристократии к римскому образованию и культуре. В городах создавались многочисленные римские школы. Свободное владение латинским языком рассматривалось как необходимое условие для занятия местными жителями выборных должностей в городском самоуправлении. Уроженцам испанских провинций предоставлялась возможность получать образование в Риме. Из их числа вышли такие крупные представители римской науки и культуры I в. н. э., как Луций Анней Сенека, философ, писатель, политический деятель, Марк Фабий Квинтилиан, известный ритор и педагог, и другие. Росло и число городов в Испании: уже к I в. н. э. их насчитывалось свыше 400.

Стремясь укрепить свое влияние на Пиренейском полуострове, римляне, начиная с Цезаря, проводят политику предоставления отдельным местным общинам латинского права (в 74 г. н. э. Веспасиан дал права латинского гражданства всему населению Испании), некоторым из них, оказавшим поддержку римлянам, даровалось право называться колониями римских граждан.

Постепенно разные, но направленные к одной цели, пути распространения римского влияния приводили к романизации жителей полуострова, к повсеместной замене местных языков латинским, к превращению испанских провинций в часть единого административно-политического целого — Римского государства.

§ 16. Романизация Галлии. Галлией римляне называли земли к северу от небольшой речки Рубикон на Апеннинском полуострове, а за Альпами — вплоть до побережья Атлантического океана на западе, верховий Рейна и Дуная на востоке и почти до низовьев Рейна на севере. Эта обширная область в представлении римлян делилась на две Галлии: Цизальпийскую (Цизальпинскую) — по эту сторону Альп (северная Италия) и Трансальпийскую (Трансальпинскую) — территории современных Франции, Бельгии, отчасти Голландии и Швейцарии. В понятии Цизальпийской Галлии римляне различали Циспаданскую (Падус — древнее название р. По) и Транспаданскую. Все эти территории с течением времени были включены в состав Римского государства и романизовались.

1. *Цизальпийская Галлия* или *северная Италия*, населенная лигурами, венетами и галлами, представляла для Римско-Италийской федерации постоянный источник опасности. В IV в. до н. э. большие массы галлов дошли до Рима, сожгли и разрушили большую его часть, причинив городу огромный материальный ущерб.

Завоевание Цизальпийской Галлии римлянами началось еще в конце III в. до н. э., вскоре после окончания Первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.). С этого же времени римляне стали проводить политику создания на ее территории колоний латинских и римских граждан. К числу колоний, основанных римлянами в этот период, относились, например, города Плаценция (совр. Пьяченца) и Кремона. Во время Второй Пунической войны через Цизальпийскую Галлию прошли войска Ганнибала. Многие местные племена галлов, а также лигуры оказали поддержку Ганнибалу и вступили в его армию. По окончании Второй Пунической войны римляне продолжили завоевание Цизальпийской Галлии и в 191 г. до н. э. она стала полностью зависимой от Рима. Во время Союзнической войны многие ее жители присоединились к восставшим союзникам. По окончании Союзнической войны жителям Цизальпийской Галлии были предоставлены права латинского, а спустя несколько десятилетий (в 49 г. до н. э.) права римского гражданства. Еще через несколько лет Цизальпийская Галлия была официально включена в состав Италии, что ускорило процесс ее романизации. Позднее через северную Италию прошли пути, ведущие в Трансальпийскую Галлию. В городах северной Италии достигло высокого уровня ремесло, а это, в свою очередь, стимулировало развитие торговли, привело к экономическому процветанию городов и способствовало их быстрому приобщению к латинскому языку и римской культуре.

2. На средиземноморском побережье Трансальпийской Галлии важную в политическом, экономическом и культурном отношении роль играл г. Массилия (Массалия, совр. Марсель) — древняя греческая колония, имевшая свои приморские владения и поддерживающая тесные торговые контакты со многими городами Трансальпийской Галлии. Массилия состояла в союзнических отношениях с Римом, это была одна из наиболее могущественных, процветающих и в то же время наиболее преданных Риму союзнических общин. В столкновении с местными кельтскими племенами Массилия не раз обращалась к Риму за по-

мощью и римские войска направлялись за Альпы в прибрежную полосу Трансальпийской Галлии. В 120 г. до н. э. римляне объявили часть территории Трансальпийской Галлии, простирающуюся от Альп до Пиренеев по берегу Средиземного моря, своей провинцией. Ее центром стал древний кельтский город Нарбон, который спустя два года после провозглашения провинции становится римской колонией и по названию которого вся провинция получает название *Нарбонской Галлии*. Нередко римляне называли ее просто Провинцией (отсюда более позднее название одной из областей южной Франции — Прованс). Римляне проводят дороги в Нарбонскую Галлию, поощряют развитие в ней городов. Провинция относительно быстро романизируется. Предоставление Цезарем в 50-х гг. I в. до н. э. римского гражданства жителям Нарбонской Галлии еще более ускоряет процесс ассимиляции местного населения. Массилия, сохранив положение свободного города и верность греческой культуре и греческому языку, тем не менее вступает во все более тесные контакты с Римом и объективно также способствует романизации Нарбонской Галлии.

3. *Трансальпийская Галлия*, основная территория которой оставалась свободной, была населена многочисленными кельтскими племенами, которые постоянно враждовали между собой. Некоторые племена, как, например, секваны, были враждебно настроены по отношению к Риму и обращались за помощью к германским племенам, другие, как, например, эдуи, состояли с Римом в союзнических отношениях.

В 59 г. до н. э. Цезарь получил в управление Цизальпийскую, а вскоре и Нарбонскую Галлию и в 58 г. прибыл с войском в Провинцию. В это время возник конфликт между одним из населявших западную часть современной Швейцарии племен — гельветами и союзными Риму эдуями, через земли которых гельветы двинулись на запад. Эдуи обратились к Цезарю за помощью и это послужило поводом для вступления его войска на территории, находящиеся за пределами Провинции. С победы Цезаря над гельветами начинается завоевание им Галлии, описание которого он оставил в своих «Записках о галльской войне» (*Commentarii de bello Gallico*). В следующие за сражением с гельветами четыре — пять лет Цезарь провел успешные сражения с германским вождем Ариовистом, с белгами, населявшими северные области Галлии, с аквитанами, жившими в ее юго-западных областях между Пиренеями и рекой Гарумной (Гаронной), совершил походы за Рейн на германские земли и в Британию (правда, эти походы не принесли римлянам новых территориальных приобретений, однако они еще раз продемонстрировали силу римского оружия). В 52 г. до н. э. в список римских провинций были включены три новых, образованных на завоеванных Цезарем землях Трансальпийской Галлии, провинции: Лугдунская Галлия, Белгика, Аквитания. В течение двух предшествующих лет Цезарю пришлось вести военные действия по подавлению вспыхнувшего в Галлии восстания местных племен, во главе которого стоял талантливый предводитель Верцингеторикс (Верцингеториг), а в следующие два года были подавлены оставшиеся разрозненные очаги восстания. В дальнейшем, однако, то в одной,

то в другой галльской провинции возникало недовольство и неоднократно вспыхивали восстания.

Завоевание огромной территории Трансальпийской Галлии, длившееся всего примерно 9 лет (58—50 гг. до н. э.), принесло Риму новые источники доходов. Галлия представляла собой густонаселенную страну с высокоразвитой материальной культурой. В ней было большое количество городов, были проложены хорошие дороги, облегчавшие их взаимное общение. Судоходные реки также способствовали развитию межгородского обмена. В Трансальпийской Галлии были высоко развиты ремесла.

Объявив области Трансальпийской Галлии провинциями, Рим здесь, как и в Испании, стал проводить активную политику создания римских колоний. В городах Галлии появилось большое количество чиновников, дельцов, торговцев, были созданы многочисленные римские школы. Многим представителям местной знати было даровано право римского гражданства и их дети получили возможность обучения в Риме. Особенности романизации Галлии состоят в ее сравнительно *быстрых темпах*, которые во многом объясняются высоким уровнем развития самого Римского государства (I в. до н. э. — I в. н. э. — период его наивысшего расцвета), а также в значительной роли таких форм романизации, которые связаны с приобщением населения к латинскому языку и римской культуре через *школу и литературу*.

§ 17. Романизация Дакии. В период между завоеванием Трансальпийской Галлии и завоеванием Дакии (101—106 гг.) римляне значительно расширили свои владения: список пополнился рядом новых провинций. Последними по времени завоевания были территориальные приобретения Рима по течению Дуная. В конце I в. до н. э. — в начале I в. н. э. были образованы провинции Реция, Норик, Паннония, Верхняя и Нижняя Мёзия, Фракия. Граница Римской империи была доведена на севере и северо-востоке до естественных рубежей. Однако эти границы, и особенно северо-восточная, продолжали оставаться наименее спокойными. Особенно часто римлянам приходилось отражать натиск фракийских племен даков (в греческих источниках их называли гетами, часто говорят о гето-дакийских племенах).

Планы завоевания Дакии возникали у римлян еще во времена правления Цезаря (годы жизни: 100—44) и Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.)¹. Император Домициан (81—96) предпринял два похода на Дакию, однако оба они оказались неудачными. И лишь императору Марку Ульпию Траяну (98—117) удалось в результате двух войн, получивших название Дакийских (101—102; 105—106), разбить войска дакийских племен, во главе которых стоял опытный предводитель Децебал, и объявить Дакию римской провинцией. Это было последнее территориальное приобретение римлян. Дакия завершала список римских провинций. Вместе с тем это была первая территория, которую

¹ Начиная с Августа, даются годы правления.

римляне оставили в 271—275 гг. (т. е. спустя примерно 170 лет после ее завоевания) под натиском вестготов.

Время завоевания Дакии (Дакийским войнам предшествовал относительно длительный перерыв в наступательных действиях: последнее территориальное приобретение относится к 40-м гг. I в. н. э.), ее географическое положение и природные богатства (здесь добывались золото, серебро, медь, олово, железо, были богатые залежи мрамора, соляные копи) обусловили *массовый* (стихийный) *приток переселенцев* из самых разных областей Римской империи, в первую очередь и особенно из смежных с ней южнодунайских и балканских областей. Пограничный характер провинции обусловил также особо *интенсивное* ее *заселение* так называемыми организованными колонистами (т. е. лицами, переселяемыми государством и наделяемыми земельными участками) и размещение на ее территории значительного контингента войск.

Все эти факторы способствовали тому, что романизация Дакии происходила очень интенсивно и оказалась глубокой и прочной, несмотря на исторически непродолжительный срок ее пребывания в составе Римского государства. В течение последующих столетий на этих землях поселялись многочисленные народы другого этнического происхождения, территория оказалась отделенной от остального романского мира, и, тем не менее, здесь сохранился романский тип речи.

Долгое время между историками шли споры по двум вопросам: 1) оставалось ли в Дакии после Дакийских войн, сопровождавшихся массовым истреблением даков, местное население или оно было истреблено и произошло полное обновление состава жителей этой области; 2) оставалось ли романизованное население в Дакии после того, как император Аврелиан (270—275) отступил под натиском вестготов и создал на южном берегу Дуная новую небольшую провинцию, которую он назвал Дакией (так называемая Аврелианова Дакия). В настоящее время и тот и другой вопрос решены положительно. Дакийские войны, безусловно, существенно уменьшили численность местного дакийского населения, но преимущественно той его части, которая принимала участие в военных действиях, мирное население в своем большинстве осталось. К тому же еще в ходе войны часть дакийцев-воинов была захвачена в плен, часть перешла на сторону римлян. Есть упоминания о том, что уже после завоевания Дакии римлянами даки служили в римских вспомогательных войсках. Что касается второго вопроса, то археологическими раскопками и исследованиями (сопоставительным изучением эпиграфических, нумизматических и других свидетельств) доказано, что романизованное население оставалось на территориях к северу от Дуная и после того, как Аврелиан отвел к югу от Дуная римские легионы.

* * *

Итак, процесс романизации, длившийся в целом свыше пятисот лет, происходил в каждой области по-своему. В Италии факторами, обусловившими особенности романизации, были, в частности, этни-

ческая общность населения (и как ее результат — создание общепиталийского разговорного койне) и федеративный характер объединения городов (их известная автономия). В Испании — это прежде всего неравномерность темпов романизации разных областей. Галлия была завоевана в короткий отрезок времени, здесь было большое количество городов и они были относительно равномерно распределены по всей территории, галльское общество в момент завоевания Галлии достигло определенного уровня развития, само римское государство переживало период наивысшего расцвета и, хотя по степени интенсивности романизации отдельные области Галлии несколько отличались друг от друга, романизация здесь носила более равномерный характер. Необычайно быстрыми темпами характеризовалась романизация Дакии — это, вероятнее всего, было связано с расселением на ее территории в сравнительно небольшой отрезок времени значительного количества носителей латинского языка.

Глава III. ДРЕВНЯЯ РОМАНИЯ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РИМА И ПОСЛЕ ЕГО ПАДЕНИЯ

§ 18. Кризис общественно-политического строя Римского государства и падение Западной Римской империи. Включение в состав Римского государства (до принципата Августа, т. е. до 27 г. до н. э., это была Республика, затем — Империя) большого числа территорий привело к возникновению новых форм общественно-политических отношений с жителями провинций. С течением времени римляне стали все шире предоставлять провинциалам права римского гражданства, а в 212 г. специальным эдиктом император Каракалла предоставил эти права почти всем свободным жителям Римской империи. Еще с 70-х гг. I в. н. э. представителям провинциальной рабовладельческой знати разрешается занимать высшие гражданские и военные должности. Начиная с Траяна (98—117), который был родом из Испании, императорами становятся уроженцы провинций, а в III в. Римом правят выходцы из провинций, начинавшие свою карьеру простыми солдатами (так называемые солдатские императоры).

Постепенно изменяется и состав армии. Если до установления Империи в основной состав армии принимались только римские граждане, то, начиная со II в. н. э., к службе в основных войсках (римских легионах) широко допускаются уроженцы провинций, независимо от того, имеют ли они статус римских граждан или не имеют его, и даже целые отряды варваров¹, попавших в плен или добровольно перешедших на сторону Рима.

Существенные изменения происходили и в экономической жизни общества. В разных частях Империи развивается натуральное хозяйство, создается система колоната — аренды земельных участков, все больше применяется свободный крестьянский труд. В недрах рабовладельче-

¹ Римляне называли все народы, жившие за пределами Италии, а позднее — за пределами Римского государства в целом, варварами, подобно тому, как греки называли варварами всех негреков.

ского строя зарождается новая социально-экономическая формация — возникают феодальные отношения.

Изменения в общественно-политической и экономической жизни римского общества сопровождались его дальнейшим социальным расстройством, обострением социальных противоречий. То в одном, то в другом конце Римского государства вспыхивали восстания рабов и колонов, к которым нередко примыкали свободные крестьяне (в 80-х годах III в. н. э. в Галлии, например, произошло сильное восстание рабов и разорившихся крестьян, получившее название движения багавдов. Восстание багавдов было подавлено, но в V в. оно разгорелось с новой силой и охватило не только Галлию, но и Испанию). Наблюдалось массовое бегство крестьян, передвижение по дорогам стало небезопасным. В самом Риме не прекращалась борьба за власть и политическое влияние, велись гражданские войны. В провинциях непрерывно вспыхивали антиримские восстания. В римском обществе растет коррупция, приходят в негодность и все реже восстанавливаются дороги, соединяющие Рим с провинциями и провинции между собой, снижается уровень экономической и культурной жизни римского общества. Начиная с III в. н. э., общественно-политический строй Римской империи вступает в период непрекращающегося кризиса (III—V вв. — эпоха поздней Империи).

С 60-х годов II в. н. э. практикуется разделение верховной власти между двумя и даже тремя императорами. Диоклетиан (284—305), один из так называемых солдатских императоров, сын вольноотпущенника из Далмации, закрепил этот обычай, избрав себе в качестве соправителя одного из своих земляков. Каждый из двух императоров взял еще по одному соправителю. Рим по-прежнему считался столицей государства, но он перестал быть резиденцией императоров, ею стал Медиолан (совр. Милан), затем Равенна. В последующие годы Римской империи также не раз правили два императора.

В 330 г. на месте древнего города Византий (бывшей греческой колонии) создается новая столица государства — Константинополь, а в 395 г. происходит официальный раздел между двумя сыновьями императора Феодосия Римской империи на Западную и Восточную (граница прошла по излучине Дуная). Западная часть государства досталась Гонорию, восточная — Аркадию.

Западная Римская империя просуществовала до 476 г., когда варварские наемники, служившие в римской армии, во главе с Одоакром, восстали, свергли последнего императора, пятнадцатилетнего мальчика Ромула Августула, выслали его из Рима, убили правившего от его имени отца и отослали знаки императорского достоинства в Константинополь. Восточная (Византийская) Римская империя (Византия) существовала до 1453 г. (она пала под ударами турок).

§ 19. Возникновение государств на римских территориях. Уже в момент расцвета Римского государства его границы время от времени подвергались набегам варварских племен, главным образом германских, однако проникнуть вглубь римской территории и обосноваться там им не удалось. В период сер. II в. — нач. III в.

часть восточногерманских племен, а именно готы, в поисках новых земель спустились на юг к берегам Черного моря. Одна их часть осела по берегам Днестра (они получили название вестготы, визиготы или западные готы), другая — в низовьях Днепра (их называли остготами, остроготами или восточными готами).

В 271—275 гг. (при императоре Аврелиане) римляне были вынуждены под натиском *вестготов* покинуть Дакию. Вестготы обосновались в Дакии, которой они владели более 100 лет, после чего были вытеснены *гуннами*, кочевыми племенами тюрко-монгольского происхождения, пришедшими с востока из азиатских степей. Союз гуннских племен завоевал ряд территорий, в том числе римских: помимо Дакии, гунны заняли большую часть Паннонии, которая стала центром их объединения, своими набегами они разоряли придунайские провинции, Галлию, готовили даже поход на Рим. Наибольшего расцвета объединение гуннов достигло при Атиле (434—453) — одно время римляне были вынуждены даже платить ему дань. Однако после смерти Атилы гуннский союз распался.

Оставив Дакию, вестготы поселились в качестве федератов на римских землях к югу от Дуная. Римляне обещали вестготам ряд льгот, однако своих обещаний не сдержали, что вызвало два крупных восстания вестготов. Особенно опустошительным было восстание вестготов 395 г., когда восставшие (к вестготам присоединились жители почти всего Балканского полуострова) предприняли под предводительством Алариха поход на Рим (410 г.). Неудача последовавшего за этим похода на юг Италии и смерть Алариха заставили вестготов вернуться в северную Италию. Отсюда они направились в Аквитанию и поселились там в 419 г. формально на правах федератов, фактически же образовав самостоятельное королевство со столицей в г. Тулузе. Так на территории Западной Римской империи еще до ее падения возникло *первое варварское королевство*. В области своей внешней политики Римское государство также переживало период глубокого кризиса.

Спустя несколько десятилетий, вестготы расширили границы своего королевства, присоединив к нему почти всю Испанию и оттеснив оттуда аланов и вандалов, их столицей в 554 г. (уже после падения Западной Римской империи) стал г. Толедо. В Галлии королевство вестготов просуществовало до конца V в., когда оно было завоевано франками (см. ниже), а в Испании оно продержалось до прихода арабов (711 г.).

В течение V века в период, предшествовавший падению Западной Римской империи, внутри Римского государства возникает еще ряд варварских королевств. В 439 г. в Испании возникло государство восточногерманских племен вандалов и аланов, принадлежавших скифско-сарматской ветви ираноязычных племен (аланы во II—I вв. до н. э. переселились с востока в причерноморские степи, позднее — в Паннонию, а затем объединились с вандалами в их передвижении на юг).

Королевство вандалов и аланов, однако, под натиском вестготов вскоре же переместилось в северную Африку, откуда в 455 г. под предводительством короля Гейзериха они совершили набег на Рим, разрушив и разорив город (отсюда название «вандализм» — бессмыслен-

ное разрушение материальных и культурных ценностей). Столицей королевства вандалов и аланов стал Карфаген ¹. В состав королевства вошли Сардиния, Корсика, Балеарские острова. Королевство вандалов и аланов существовало до начала VI в., когда оно было завоевано Восточной (Византийской) империей.

Почти одновременно с королевством вандалов и аланов в Испании возникло *королевство свевов* (западногерманских племен). При перемещении вестготов на Пиренейский полуостров свевы, в отличие от вандалов и аланов, не покинули его, а заняли крайние северо-западные области и некоторое время сохраняли свою независимость. Однако уже в конце VI в. королевство свевов было уничтожено вестготами.

В середине V в. на территории бывшей Лугдунской Галлии (юго-восточная часть Трансальпийской Галлии с центром в г. Лугдунум, совр. Лион, по течению рек Роны и Соны) возникло еще одно варварское государство — *королевство бургундов* (восточногерманских племен), которое просуществовало около 100 лет. В 534 г. оно было завоевано франками.

Падение Западной Римской империи (476 г.) ускорило процесс создания на бывших римских землях варварских государств. Первым из возникших уже после падения Рима было государство Одоакра в Италии. Оно продержалось, однако, всего несколько лет. В конце V в. остготы под предводительством короля Теодориха (до этого государство остготов располагалось в Паннонии) вторглись в Италию и в 493 г. образовали государство, которое охватывало всю Италию, Сицилию, на севере — Норик, Паннонию, на востоке — Далмацию. Несколько позднее в него вошла также часть бывшей римской провинции Нарбонской Галлии (Прованс). Столицей государства остготов стала Равенна, первым королем — Теодорих.

Остготы быстро переняли римские обычаи, основы римской государственной и правовой организации и сравнительно быстро романизовались. При Теодорихе (493—526) королевство остготов достигло высокого уровня развития культуры. В 555 г. государство остготов было завоевано Византийской империей.

Спустя несколько лет, в 568 г., в Италию вторглись западные германцы — *лангобарды* и образовали свое государство, которое включало Италию, кроме областей Рима, Равенны и Неаполя, оставшихся во владении Византии. Столицей государства лангобардов стал город Павия (от лангобардов получила название одна из северных областей Италии — Ломбардия). Государство лангобардов просуществовало свыше 200 лет: в 773—774 гг. оно было завоевано Карлом Великим (см. ниже).

Перемещение огромных масс населения самых различных этнических групп, начавшееся еще в III в. из северного Причерноморья, охватившее большую часть Западной Европы и продолжавшееся до

¹ Во время Третьей Пунической войны (149—146 гг. до н. э.) римляне разрушили Карфаген, перепахав его земли и запретив навечно селиться на его территории. Однако уже спустя несколько десятилетий на территории бывшего Карфагена возникла новая римская колония. В настоящее время развалины древнего Карфагена — один из пригородов Туниса.

VI—VII веков, получило название *Великого переселения народов*. Ф. Энгельс так характеризует этот период: «Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые шкурами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также гнали за собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и отражать нападения, днем — военный поход, ночью — военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми во время этих переходов в результате непрерывных боев, от усталости, голода и болезней, должны были быть огромными. Это была отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на чужой земле; в случае же его неудачи, переселяющееся племя исчезало с лица земли...»¹.

На территориях, расположенных по нижнему и среднему течению Рейна, проживали западногерманские племена франков — салические (приморские, от кельтск. *sal* — море): они жили по нижнему течению Рейна и рипуарские (береговые, от латинск. *gira* — берег): они селились южнее по берегам Рейна. До нас дошел текст свода законов салических франков, так называемая «Салическая правда» (см. § 34). На рубеже V в., еще в период существования Западной Римской империи, салические и рипуарские франки создают королевство, в которое вошли земли римских провинций Нижней и Верхней Германии, отчасти Белгики. В период с конца V в. до конца VIII в. происходит постепенное расширение границ *франкского королевства*. При Хлодвиге (481—511), основателе королевской династии Меровингов, и его преемниках почти вся Трансальпийская Галлия оказалась в составе королевства франков: вестготы были оттеснены в Испанию, а государство бургунов уничтожено.

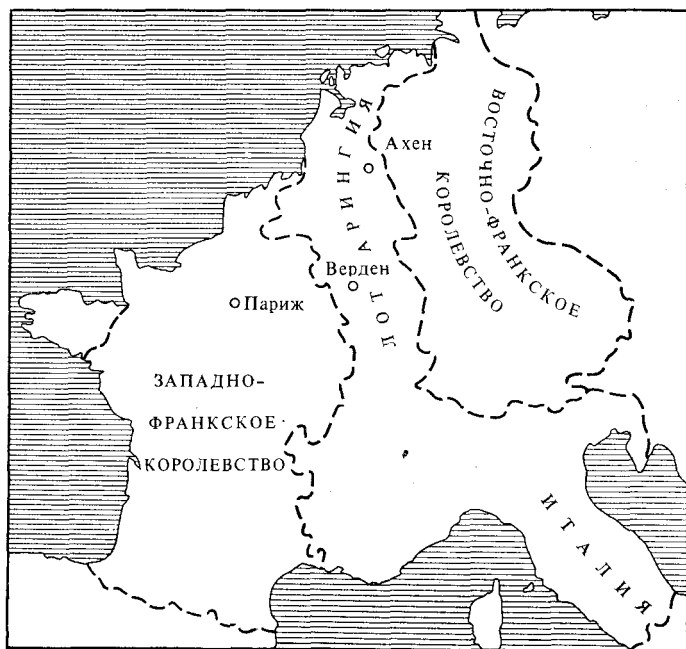
С середины VIII в. у власти находится династия Каролингов (она названа так по имени ее крупнейшего представителя Карла Великого, правившего с 768 по 814 гг.). При Каролингах, и особенно при Карле Великом, в результате целого ряда войн, франкское государство значительно расширило свои границы, в том числе за счет королевства лангобардов. В период своего наивысшего расцвета государство франков доходило на юго-западе до р. Эбро (так называемая «Испанская марка»), на востоке до р. Эльбы, на юге — занимало почти всю северную и центральную Италию. Столицей государства первоначально был Париж², в последние годы правления Карла Великого ею стал Ахен (Аахен), см. карту № 2. В годы правления Карла Великого государство франков было провозглашено Империей, а сам он в 800 г. коронован римским папой как император. В Империи франков при Карле Великом наблюдается повышенный интерес к античной культуре, раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 448.

² В доримский период на месте Парижа существовало поселение одного из галльских племен — паризиев. В период римской истории оно переросло в крупный торговый центр и город получил название Лутетия Паризиев (*Lutetia Parisiorum*), затем — просто Париж.

живается образование, искусство, литература (подробно об эпохе Каролингского возрождения см. § 26).

Еще в VI в. в составе франкского королевства обособились в политическом отношении сравнительно самостоятельные части (каждая из них имела своего короля): Нейстрия (северо-западная Галлия, где находился Париж), Бургундия (бывшее королевство бургундов) и Австразия (северо-восточные области). Позднее, в VII в., названные королевства утратили свою политическую самостоятельность и образовали единое государство. Вскоре после смерти Карла Великого Империя франков распадается, на этот раз окончательно, на три самостоятельных королевства: ядром каждого из них явились прежние Нейстрия, Бургундия, Австразия с прилегающими к ним завоеванными в последние два столетия землями. Три внука Карла Великого по Верденскому договору 843 г. поделили Империю на три части (см. карту № 2): Карл Лысый получил западную часть Империи, Лотарь —

Карта № 2. Империя Карла Великого и ее последующий раздел

ее центральные области, Людовику Немецкому была отдана ее восточная часть. Лотарь одновременно сохранял титул императора, но титул был лишь номинальным и реальной власти над другими частями бывшей Империи Лотарю не давал.

Завоевание романизированных народов племенами разного этнического происхождения, преимущественно германскими, в том числе франками, не оказало существенного воздействия на исторические судьбы языка населения бывших римских владений: впитывая в себя

некоторые сравнительно незначительные иноязычные элементы, латинский язык и развивающиеся на его основе незаметно для его носителей романские языки продолжали служить основным средством общения их жителей. Языки завоевателей не утвердились на бывших римских территориях, более того, сами завоеватели постепенно романизировались, ассимилируясь с романским населением, значительно превосходящим их по уровню своей культуры. С падением Западной Римской империи (Рима) процесс романизации, таким образом, не закончился, он принял лишь новые формы.

Известную роль в процессе романизации «варварских» народов, расселившихся на бывших римских землях, в том числе франков, играло *христианство*, возникшее в I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи. Ф. Энгельс писал: «...христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»¹. Сложные противоречия социально-экономической жизни римского общества способствовали сравнительно быстрому усвоению населением обширной Империи религиозного учения, внушавшего веру в лучшее будущее, даже если оно ожидало человека после его смерти.

Распространение христианства происходило не сразу, сторонники христианской религии подвергались гонениям. Однако, несмотря на это, в течение II—IV веков монотеистическая христианская религия почти повсеместно вытесняет прежнюю языческую политеистическую религию и становится господствующей в разных областях Римской империи.

Варварская знать, вливаясь в римское (романизованное) общество, принимала христианство в его римской форме², что ускоряло ее ассимиляцию с местной аристократией. Постепенно крещение принимали все более многочисленные слои варваров. В то же время по мере увеличения числа христиан возрастало и могущество самой христианской церкви, она превращалась в крупного землевладельца, духовенство относилось к наиболее зажиточным слоям средневекового общества: «Короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений в пользу церкви — землей, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т. п.»³. Церковные проповеди на латинском, а с 813 г. в Галлии на романском языке (см. § 26) закрепляли результаты романизации.

В VI—VII вв. на территорию бывшей Дакии и на Балканский полуостров спускаются большие массы *славянских племен*. Прародиной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 467.

² В христианстве существовал ряд течений, отклонявшихся по толкованию отдельных аспектов религиозного учения от канона, принятого римской церковью. Они получили название ересей. Среди ересей особенно известно арианство (по имени его создателя Ария). Некоторые варвары принимали христианство в его арианской форме. Несмотря на неоднократные осуждения со стороны официальной церкви, арианство довольно долго пользовалось известной популярностью у германских народов.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 499.

славян были обширные пространства восточной и средней Европы. Славяне упоминаются как жители этих мест уже у античных историков, которые называют их венедами. Позднее за славянами, жившими по среднему течению Днестра и Днепра, закрепилось название антов, а за теми, кто населял земли к западу от Днестра — склавинов. Славянские племена, заселившие Балканский полуостров, дали начало южной группе современных славян и славянских языков.

Пройдя через территорию бывшей Дакии, славяне поселились в южнодунайских областях. Во второй половине VII в. на земли к югу от Дуная вторглись кочевые племена восточного происхождения протоболгары под предводительством хана Аспаруха. Дав название одному из славянских народов, протоболгары полностью с ним ассимилировались.

В конце VII в. возникает Первое Болгарское царство (681—1018), достигшее со временем значительного расцвета. В этот период особенно интенсивным оказалось славянское влияние на лексику румынского языка, ср., например: *greblă* 'грабли', *lopată* 'лопата', *nevastă* 'жена' *prag* 'порог', *război* 'война'; *vesel* 'веселый', *zdrăvăn* 'крепкий, сильный'; *a citi* 'читать', *a primi* 'получать, принимать' и др. (см. также § 47).

В IX—X вв. в северном Причерноморье появились кочевые племена финно-угорского происхождения (из центральной Азии) — *венгры* или *мадьяры*, которые к X в. осели в бывшей римской провинции Паннонии (совр. Венгрия). Мадьяры совершили ряд набегов на соседние области и доходили вплоть до центральной Франции и южной Италии.

Об арабах и норманнах см. следующий параграф.

§ 20. Формирование государств на романизованных территориях. 1. *Испания и Португалия.* В 711 г. на Пиренейский полуостров через северную Африку вторглись *арабы*, восточные народы, принадлежащие семитской языковой группе. К середине VIII в. государство арабов включало ряд восточных стран, вплоть до Средней Азии и северо-западных областей Индии, северную Африку и почти весь Пиренейский полуостров. Последний стал важной частью Кордовского эмирата (позднее халифата), столица которого также была расположена в южной Испании (Кордова). В IX—X вв. под контролем арабов оказались острова Средиземного моря (Корсика, Сардиния, Сицилия, Крит), отчасти Прованс и южная Италия.

Почти одновременно с завоеванием арабами Пиренейского полуострова начался процесс его обратного отвоевания, получивший название Реконкисты. *Реконкиста* началась с севера: арабами не были завоеваны северо-западные части Астурии, горные районы Кантабрийских гор (так называемая Старая Кастилия), на северо-востоке — «Испанская марка» (Каталония). Постепенно расширяя свои границы в борьбе с арабами, Астурия образовала королевство Леон, из которого несколько позднее выделилось королевство Кастилия (1037 г.). Вскоре Леон и Кастилия вновь объединились в единое королевство Кастилию. Одновременно на основе бывшей «Испанской марки» формируются

Арагон, Наварра и Каталония, которые в 1137 г. объединяются в королевство Арагонское (Арагон). Так в ходе отвоевания территории у арабов на землях Испании складываются два сильных королевства Кастилия и Арагон, которые в 1479 г. объединяются в единое государство (условием явился состоявшийся за десять лет до этого брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской). Объединенные королевства Кастилия и Арагон и составили основу будущего государства Испании.

К концу XIII в. почти вся территория Пиренейского полуострова была освобождена от арабов, у них осталась лишь небольшая область на юге Испании — Гранадский эмират с центром в г. Гранада. Реконкиста завершилась падением Гранады в 1492 г.

Португалия (ее стали так именовать еще в XI в. по названию графской резиденции города Портус-Кале, совр. Порту), освободившись от арабов, вошла в состав испанского королевства Леон, в XI в. она выделилась в графство, а в начале XII в. — в независимое королевство. В дальнейшем, несмотря на неоднократные попытки присоединения Португалии к Испании и удачу некоторых из них (в конце XVI — нач. XVII вв. в течение нескольких десятилетий Португалия принадлежала испанскому королю), Португалия сумела отстоять свою независимость от Испании.

Оба государства Пиренейского полуострова по мере развития производительных сил в конце XVIII — нач. XIX в. перешли от феодального социально-экономического уклада к капиталистическому (создание мануфактур, развитие капиталистических форм производства и распределения).

2. *Франция, Бельгия, Швейцария.* Название Франция зафиксировано начиная с X в. При разделе Империи Карла Великого в 843 г. ее западная часть была отдана Карлу Лысому (см. § 19). Она получила название Западно-Франкского королевства и считалась самостоятельным и единым государством. Однако в действительности еще в X—XI вв. королю принадлежала лишь сравнительно небольшая область (королевское владение, или королевский домен) вокруг Парижа и Орлеана. На остальной территории жили, вполне независимо от королевской власти, герцогства и графства — по существу самостоятельные феодальные государства (во Франции IX—XI вв. их насчитывалось свыше 15).

В IX—X вв. на территорию Франции время от времени делают набеги норманны (выходцы из скандинавских племен, в переводе со скандинавск. «северные люди», которые в истории русского государства известны под названием «варяги»). В первой половине X в. они осаждают Париж и королю лишь ценою выкупа удается избежать сдачи города норманнам. Одному из вождей норманнов французский король даровал земли в устье Сены, признав его своим вассалом: так на северо-западе Франции образовалось герцогство Нормандия. Поселившиеся на территории Франции норманны сравнительно быстро романизировались.

Постепенно франкские короли расширяют свои владения, вначале за счет соседних, затем более отдаленных от королевского домена

феодалных земель, преодолевая упорное сопротивление их владельцев. Королевский домен постепенно укрепляется, превращаясь в централизованное государство (XVI в.).

Формирование единого государства происходило неравномерно. Южные его области, более отдаленные от Парижа, вошедшие в государственное объединение позднее северных и на первых порах менее прочно (наполовину номинально), долго сохраняли свою самостоятельность, в результате чего на территории Франции сложились две народности — французская и провансальская. Позднее, уже в период формирования капиталистических отношений (наступление новой социально-экономической формации становится особенно очевидным после французской буржуазной революции 1789 г.) на основе этих двух народностей складывается французская нация.

Бельгия с V по IX в. входила в состав Франкского государства. Раздел Империи Карла Великого сопровождался разделом Бельгии на западную часть, отошедшую к Западно-Франкскому королевству, и восточную, которая вошла в состав Лотарингии. Дальнейшая история Бельгии оказалась необычайно сложной: ей пришлось отстаивать свою независимость в борьбе с Францией и Испанией, Австрией и Голландией, она попеременно входила в состав то одного, то другого государства. И лишь в 1830 г. многовековая борьба за политическую независимость завершилась победой Бельгии. В ходе истории в этой стране сложились две народности: фламандцы на севере, говорящие на фламандском языке (германская группа), и валлоны на юге, говорящие на французском языке (или валлонском диалекте французского языка). Это деление сохранило свою силу и в условиях современного государства.

Швейцария. В V—IX вв. почти вся территория современной Швейцарии также входила в состав Франкского королевства, затем Империи. В 843 г. при разделе Империи Карла Великого западная и южная ее части достались Лотарю, а восточная часть вошла в состав государства Людовика Немецкого (Восточно-Франкское королевство). Развитие и тех и других областей шло, как и развитие Европы в целом, по феодальному пути: страна делилась на множество графств, княжеств, кантонов (сельских общин). Швейцарии также пришлось вести борьбу за независимость с рядом европейских стран. В ходе этой борьбы оформлялись союзы и конфедерации кантонов. История страны характеризовалась неустойчивостью политического положения, расформированием и восстановлением союзов и конфедераций кантонов. И лишь в начале XIX в. было создано единое федеральное государство.

Население современной Швейцарии состоит из германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев и ретороманцев.

3. *Италия.* С конца VIII в. северная и центральная Италия входили в состав государства франков. При разделе Империи Карла Великого обе названные части Италии отошли Лотарю. Особенность дальнейшего исторического развития этой страны состояла в том, что политическая власть, от кого бы она ни исходила, была лишь номинальной: феодальные земли и крупные города жили здесь еще

более обособленной и самостоятельной жизнью, чем в любой другой романской стране. Своеобразие исторического развития Италии состояло также в несовпадении исторических судеб северной и центральной Италии, с одной стороны, южной Италии и Сицилии, с другой. Последние, в частности, в XI в. были завоеваны норманнами, создавшими на их территории так называемое Сицилийское королевство, просуществовавшее более ста пятидесяти лет, затем в южной Италии возникло Неаполитанское королевство, часть этих территорий одно время входила в состав испанских владений и т. д.

В Италии раньше, чем в любой другой стране, началось формирование капиталистических отношений, раньше возникли исторические условия, необходимые для формирования нации. Однако политическое объединение страны произошло только во второй половине XIX века, что отразилось на ее историческом развитии (здесь сохранились заметные территориальные различия: диалектная окраска речи, локальные особенности некоторых черт материальной и духовной культуры).

4. *Румыния*. Важным событием в истории Румынии явилось образование в XIV веке двух самостоятельных княжеств — Валашского и Молдавского, а в середине XVI века — относительно самостоятельного княжества Трансильвании. Становление княжеств сопровождалось борьбой за национальную независимость, в ходе которой крепло чувство национального самосознания и формировалась румынская нация.

Образование румынской народности происходило в условиях тесных контактов со славянским населением. Эти контакты восходят к VI—VII вв., когда через территорию Румынии прошли большие массы славян (см. § 19), многие из которых осели на землях бывшей Дакии. В течение всей последующей истории контакты с народами славянского происхождения поддерживались постоянными связями с Болгарией. В XVIII—XIX вв., в период формирования румынской нации, румынский народ участвовал в борьбе с турками совместно с русским народом (русско-турецкие войны).

В 1859 г. произошло объединение Валашского и Молдавского княжеств в единое государство, в которое несколько позднее вошла и Трансильвания. Развитие капиталистических отношений и политическое объединение страны создали необходимые условия для формирования румынской нации. Свержение фашистской диктатуры в стране в 1944 г. и провозглашение Румынской Народной Республики (с 1965 г. — Социалистическая Республика Румыния) определили социалистический путь ее развития и способствовали образованию румынской социалистической нации.

5. *Молдавская ССР*. На территории, составляющей Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, в XII в. возникли ранние феодальные государственные преобразования. В XIII в. эти земли были завоеваны татарами, а в XIV в. большая их часть вошла в состав Молдавского княжества. С XV в. вместе с последним они попали под контроль турок.

В ходе русско-турецких войн по мирным договорам, заключенным соответственно в Яссах и Бухаресте, к России отошла часть левобережной Молдавии по левому берегу Днестра (1791 г.), и правобережная Молдавия или Бессарабия, т. е. территория, расположенная между реками Днестр и Прут (1812 г.). Бессарабия в 1918 г. была захвачена королевской Румынией и воссоединилась с СССР в 1940 г.

В 1924 году на основе левобережной Молдавии была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (в составе Украинской ССР), после воссоединения Бессарабии в 1940 г. была создана Молдавская ССР, в которую вошли МАССР и Бессарабия. В годы Великой Отечественной войны МССР была оккупирована. В августе 1944 г. она была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков, и ее население при всемерной помощи советского государства приступило к восстановлению народного хозяйства.

Как и другие союзные республики СССР, в соответствии с Конституцией СССР, Молдавская ССР имеет свою Конституцию, ее правительственные органы обеспечивают экономическое, социальное и культурное развитие молдавского народа, самостоятельно осуществляют на территории МССР государственную власть и, входя в правительство СССР, участвуют в решении вопросов, находящихся в ведении Союза ССР.

Глава IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДРЕВНЕЙ РОМАНИИ

§ 21. Образование Латинской Америки. Колонизация Канады. К XVI в. два государства Пиренейского полуострова, Португалия и Испания, завершив Реконкисту и окрепнув в ходе этой многовековой борьбы, вышли в число сильных морских держав. Португалия овладела рядом близлежащих и более отдаленных островов у западного побережья Африки. Ее мореплаватели (см. § 22), обогнув африканский континент с юга, проложили Португалии морской путь в Индию или Индию, как тогда говорили, объединяя под этим названием собственно Индию, Китай и Японию — страны, славившиеся своими богатствами и особенно привлекавшими к себе различного рода пряностями, которые в буквальном смысле слова ценились на вес золота.

Испания, завершившая Реконкисту несколько позднее, вышла в число сильных морских держав позднего средневековья тогда, когда морской путь в Индию, находившийся в руках Португалии, оказался для нее закрытым. Сухопутные же пути в восточные страны также были для Испании недоступны. В это время уже была доказана шарообразность земли и было ясно, что должен существовать западный морской путь к богатым Индиям. Добровольным первопроходцем этого пути стал Христофор Колумб, итальянец (генуэзец) по происхождению, предлагавший ранее свои услуги португальскому королю, но

отвергнутый им и принятый благосклонно (хотя тоже не сразу) испанскими королями Фердинандом и Изабеллой.

Колумб совершил четыре морских плавания на запад, достигнув ранее не известных островов Карибского моря (впоследствии они получили название Больших и Малых Антильских островов), в том числе Кубы, Ямайки, Гаити, северо-восточных берегов материка Южной Америки (совр. Колумбия). И хотя Колумб и его спутники не нашли во вновь открытых ими землях ожидаемых праяностей и хотя природа этих островов была не похожа на то, что они знали об Индии, они так и остались уверенными, что пришли к побережью Азии, составлявшей цель их пути.

Путешествия Колумба открыли путь массовым плаваниям к новым землям испанцев, затем португальцев, французов и др. Эти плавания, в свою очередь, дали европейцам возможность освоить новый материк — Америку.

По поводу происхождения названия Америки существуют две гипотезы. До последнего времени его связывали с именем Америго Веспуччи, итальянца по происхождению, находившегося на службе у испанских королей, участвовавшего в заморских экспедициях и первым описавшего новые земли. Однако в последние годы все настойчивее высказывается мнение о том, что это название возникло от наименования одного из индейских племен доколумбовой Америки, проживавшего на золотоносных землях Никарагуа (*ameríccicos*), что название племени *ameríccicos* было завезено в Европу еще во время экспедиций Колумба и что, следовательно, возникшее наименование материка — это своего рода историческая контаминация (по созвучию) племенного обозначения и имени мореплавателя Америго Веспуччи.

Открытые земли объявлялись собственностью Испанского королевства (затем, по мере открытия земель разными странами, собственностью каждой из них). Началась их интенсивная колонизация. Эскадры кораблей привозили в Америку одновременно тысячи людей, скот, имущество. Колонисты становились постоянными жителями этих земель (многие из них, правда, погибли в борьбе с местным населением и от тропических болезней). Когда к берегам Америки вышла Португалия (это произошло в 1500 г.) и колонизировала Бразилию, на американский континент сотнями тысяч стали завозиться из Африки рабы-негры (рабов ранее завозили и испанцы, но в меньших количествах). Так началась заселение будущей Латинской Америки европейцами, в том числе европейцами романского происхождения, и негритянским населением, принадлежащим к разным африканским этническим группам.

Колонизация Америки сопровождалась безжалостным истреблением местного населения, которое Колумб и его спутники, думая, что они достигли Индии, называли индейцами. Были уничтожены такие высоко развитые культуры индейских племен древней Америки, как культура ацтеков в Мексике, инков в Перу и многие другие. Конкистадоры (по-испански: *conquistador* 'завоеватель', *conquistar* 'завоевывать', позднее так стали называть и завоевателей из других стран

Европы), одержимые жадой золота ¹, грабили страну, убивая взрослых и детей, буквально истребляя местное население, проводя политику «выжженной земли».

Колонизация Америки обеспечила выход романским языкам за пределы Европы, как когда-то завоевания римлян имели следствием распространение латинского языка за пределы Лациума и Италии. Результат обоих названных исторических событий: экспансии Рима и экспансии европейских стран, в принципе оказался одним и тем же. Однако эти исторические процессы отличались друг от друга. То, что страны Латинской Америки и некоторые области Канады стали романскими по языку и культуре, лишь отчасти объясняется романизацией, т. е. постепенным приобщением к языку и культуре завоевателей, местного индейского (в Канаде также эскимосского) населения и завезенного из Африки негритянского населения, основными же носителями романских языков и романской культуры были здесь прежде всего сами испанцы, португальцы, французы.

Заселение американского континента европейцами привело, при всех отрицательных сторонах колонизации, к усиленному развитию в странах этого континента производительных сил и производственных отношений. Колониальная зависимость стала тормозом на пути их прогресса. Началась борьба за независимость. В течение XIX века почти все испанские колонии и Бразилия добились политической самостоятельности, а это, в свою очередь, открыло широкие возможности для дальнейшего роста производительных сил, привело к созданию развитых капиталистических государств. Победа социалистической революции на Кубе (1959) определила социалистический путь ее развития. Все это создало необходимые условия для формирования на основе слияния разных этнических групп населения соответствующих наций (кубинцы, аргентинцы, мексиканцы и др.).

История Канады складывалась в ожесточенной борьбе за господство в Северной Америке между Францией и Англией. Эта борьба закончилась к середине XVIII в. в пользу последней (Семилетняя война). Формирование централизованного государства, происходившее в сложных исторических условиях, завершилось в 70-х годах XIX века. Современное население Канады состоит из англо-канадцев и франко-канадцев (численно преобладают первые), а также ряда индейско-эскимосских национальных меньшинств. Французский язык Канады рассматривается как национальный вариант французского языка.

§ 22. Колонизация Африки, Азии, Океании. Процесс деколонизации. Первые территории, находящиеся за пределами Португалии, были захвачены ею еще в начале XV в. (Мадейра, Азорские острова).

¹ Энгельс так характеризует этот период: «До какой степени в конце XV века деньги уже подтолкнули и раздели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жадности золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 408).

В течение XV—XVII вв. происходит интенсивная колонизация отдельных областей Африки (Мозамбик, Ангола), ряда районов Азии и островов Океании (Диу, Гоа, Даман — на территории Индии; Макао на побережье Южно-Китайского моря; островов Малайского архипелага, например о. Тимор и др.). Южный путь в Индию открыл в 1487 г. португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш, а первое путешествие до Индии и обратно совершил, спустя 11 лет, в 1498 г. Васко да Гама. За этими путешествиями последовали многие другие, принесшие Португалии новые территориальные приобретения и обеспечившие ей относительно тесные связи с захваченными землями.

В 1521 г. испанский мореплаватель Фернан Магеллан (португалец по происхождению) предпринял кругосветное путешествие, так же, как и Колумб, отправившись в западном направлении через Атлантический океан. Сам он погиб в борьбе с туземцами на Филиппинах, а один из оставшихся кораблей его эскадры в целом благополучно, хотя и с большими трудностями и потерями, привел в испанский порт, обогнув Африку и пройдя к западу от ее побережья, боцман, а затем штурман экспедиции Эль Канон, баск по происхождению. Это путешествие принесло Испании Филиппины. Еще ранее испанцы захватили Канарские острова у побережья Африки.

XVIII — нач. XIX вв. характеризуются в истории европейских стран распределением сфер их влияния в Азии, Африке, на островах Океании. Среди стран романской речи в разделе участвовали Франция, Португалия, отчасти Испания и Италия. Колонизация этих территорий, уже не относящаяся к эпохе Великих географических открытий, проходила, особенно в Африке, в не менее жесткой борьбе с местным населением. Однако, в отличие от стран Латинской Америки и Канады, соотношение этнических групп населения в большинстве колонизованных стран Африки, Азии, Океании оказалось не в пользу европейского населения: захватив на этих землях ведущие в политическом и экономическом отношении позиции, европейцы, тем не менее, продолжали составлять лишь незначительный процент их постоянных жителей.

Большая Октябрьская социалистическая революция открыла эпоху национально-освободительных революций в колониальных и зависимых странах. Кризис колониальной системы империализма стал особенно очевидным после второй мировой войны. Возрастание могущества стран социалистического содружества и усиление национально-освободительной борьбы привели к распаду колониальной системы империализма.

В 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, а в 1976 г. в результате героической борьбы вьетнамского народа и его вооруженных сил произошло объединение страны и была образована Социалистическая Республика Вьетнам. В течение 50—70-х гг. завоевали политическую независимость две других страны юго-восточной Азии — Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика) и Кампучия (Народная Республика Кампучия). В 1946 г. была провозглашена независимость Филиппин (колониальная зависимость этой страны от Испании сменилась в конце XIX в. зависи-

мостью от США; в годы второй мировой войны страна была оккупирована японскими войсками). В 50-х годах процесс национального освобождения охватил Африку. За срок немногим менее тридцати лет большинство стран этого континента, ранее принадлежавших Испании, Италии, Португалии, Франции, освободились от колониальной зависимости.

Освобождение от колониальной зависимости создало необходимые условия для прогресса экономики и культуры развивающихся стран, для проведения ими внутренней и внешней политики, направленной на укрепление национального суверенитета и международных связей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Раздел первый. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК — ОСНОВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

При изучении романских языков неизбежно встает вопрос об их общем источнике — латинском языке. Проблема эта неоднозначна; она включает такие аспекты, как понятие народной латыни (той формы латинского языка, которая легла в основу романских языков), формы народной латыни в разных частях Романии, хронологические рамки народной латыни, соотношение народной латыни с классической. Решение всех этих вопросов невозможно без обращения к истории латинского языка.

Глава I. ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Историю латинского языка можно условно разделить на три основных периода: архаический, классический, поздний.

§ 23. Архаический период. Архаический период охватывает отрезок времени от первых письменных свидетельств латинского языка до конца II в. до н. э. (или, в более узком понимании, от первых литературных текстов, то есть с конца III в. до н. э., и до конца II в. до н. э.).

Начальный исторический период латинского языка известен по очень немногочисленным памятникам, из которых одним из самых древних является Пренестинская фибула (около 600 г. до н. э.) — золотая застёжка, найденная близ Пренесте, надпись на которой гласит: MANIOS: MED: VNE: VNAKED: NUMASIOI (CIL, I², 3) «Mānius me *fēficit (= fēcīt) Numeriō» «Меня сделал Маний для Нумерия». Сохранились также фрагмент надписи, найденной в Риме при раскопках форума (так называемый «Lapis pīger», около 500 г. до н. э.), надпись Дуэноса (надпись на вазе, приблизительно IV в. до н. э.), надписи на надгробиях Сципионов (III в. до н. э.), несколько религиозных гимнов и некоторые другие тексты.

Несмотря на ограниченность материала, документы этого времени позволяют заметить эволюцию языка. Так, если сравнить надпись Дуэноса DUENOS MET FECED «Vopus me fēcīt» «Меня сделал хороший (человек)» с более ранней Пренестинской фибулой, можно отметить формирование нового типа латинского перфекта: в раннем памятнике удвоение начального согласного (vhevħaked), в более позднем — удлинение и изменение корневого гласного (feced = кл. fēcīt).

К середине III в. до н. э. завершается покорение Римом других италийских племен (см. § 14) и разворачивается борьба Рима с греческими городами юга Италии, составившая заключительный этап в истории объединения Италии под властью Рима. Рим в это время наполнился пестрым и разнообразным населением. Речь торговцев, моряков, ремесленников, рабов, населявших в то время Рим, изобиловала греческими заимствованиями — лексическими, синтаксическими, фразеологическими. Это, естественно, не могло не влиять на начинавший складываться в этот период латинский литературный язык. Может быть, не случайно первый латинский поэт Ливий Андроник (III в. до н. э.) был родом грек, из южноиталийского города Тарента (*Magna Graecia*).

Раннюю римскую литературу представляют также поэты Гней Невий (270—200 гг. до н. э.) и Квинт Энний (239—169 гг. до н. э.). Но их сочинения дошли до нас в отрывках и не дают картины языка той эпохи.

Богатый материал, позволяющий судить о состоянии литературы и языка в III—II вв. до н. э., дают комедии Тита Макция Плавта (253—184 гг. до н. э.) и Публия Теренция Афры (ок. 190—159 гг. до н. э.).

Плавт, родом из Умбрии, вероятно, был актером, его первоначальное прозвище *Massus* — имя одного из основных персонажей ателланской комедии¹; он, видимо, путешествовал по Великой Греции и Сицилии, где хорошо изучил греческий язык. До нас дошло двадцать его комедий целиком и одна в отрывках. В качестве образца Плавт широко пользовался новоаттической комедией², перерабатывая и приспособляя ее к вкусам грубоватого римского зрителя и вводя для большей понятности и занимательности чисто римские подробности и детали быта.

Теренций, африканец по происхождению (*Afer*), был в детстве рабом римского сенатора Теренция Лукана, который, заметив его талант, дал ему хорошее образование и отпустил на волю. Начало творчества Теренция (166 г. до н. э.) приходится на период после блистательного окончания войн Рима с Македонией. I и II Пунические войны и покорение эллинистического Востока обеспечили Риму господство почти во всем Средиземноморье. В это время усиливается тяга к эллинизму. Увеличивается приток в Рим греческих ученых, риториков, художников. Это отразилось и на сочинениях Теренция. Его прологи являются одним из образцов раннего римского ораторского искусства.

Жанровая принадлежность письменных памятников архаического периода (комедия) обусловила тот факт, что в них оказалась зафиксированной, хотя и в обработанной форме, разговорная речь носителей латинского языка того времени (см. § 31).

¹ Римская народная комедия масок.

² Греческая бытовая комедия, пришедшая на смену древней политической комедии и «средней» комедии с ее комическим изложением мифологических сюжетов. Расцвет новоаттической комедии приходится на IV в. до н. э.

§ 24. Классический период. Классический период условно датируется началом I в. до н. э. (81 г. — первые речи римского оратора и политического деятеля Цицерона) — II в. н. э. (120 г. — приблизительный год смерти историка Корнелия Тацита). Иногда термином «классический период» или «золотой век» латинского языка, римской литературы, культуры, искусства обозначают меньший по протяженности отрезок времени — с первых речей Цицерона до начала I в. н. э. (до года смерти императора Августа, 14 г. н. э.).

Принятие в качестве заключающей даты года смерти императора Августа связано с вычлениением второй половины I — II вв. н. э. в самостоятельный период, называемый «серебряным веком». К этому времени относятся оригинальная философская и драматургическая деятельность Луция Аннея Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.); зарождение римского романа — «Сатирикон» Петрония Арбитра (ум. 66 г. н. э.) и «Метаморфозы или Золотой осел» Апулея (род. 124 г. н. э.); жизнь и творчество крупнейшего историка Корнелия Тацита (55 г. н. э. — после 117 г. н. э.); литературная деятельность целого ряда прозаиков, историков и поэтов. Что же касается состояния латинского языка в I—II вв. н. э., то при всем своеобразии в выборе стилистических средств лучшими авторами этой поры он остается практически неизменным: выработанные в продолжение предшествующих столетий нормы латинского языка не нарушаются. Это обстоятельство позволяет считать понятие «серебряный век» чисто литературоведческим, а не лингвистическим термином. При разграничении же периодов развития латинского языка целесообразно объединить в единый классический период время с I в. до н. э. по II в. н. э.

Почему этот период отделяется от предшествующего?

На завоеванных римлянами территориях административное управление осуществлялось на латинском языке, поддерживались регулярные экономические и политические связи с центром — Римом. Все это влекло за собой распространение в провинциях латинского языка; относительное его единообразие обеспечивалось преподаванием латыни в школах. В силу политического, экономического и культурного превосходства римлян над покоренными народами латынь стала постепенно языком ежедневного общения, вытеснив местные говоры. В обширном разнородном Римском государстве сложилось определенное койне — общепонятный разговорный язык, — обеспечивавший связи между удаленными друг от друга его частями.

В этих условиях, в связи с возросшей ролью письменного языка и новыми успехами молодой римской литературы, понятна назревшая необходимость выработки нормативного литературного языка. Такой язык, ориентированный на латинское койне, сложился к I в. до н. э.

В выработке единого литературного языка, становлении литературной нормы огромную роль сыграли писатели этого времени. Поэт-философ Тит Лукреций Кар (99—55 гг. до н. э.) пишет поэму «*De rerum natura*» («О природе вещей»). Римская историография последних лет республики и эпохи Августа представлена военными мемуарами Гая Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.) «*Commentarii de bello Gallico*», «*Commentarii de bello civili*» («Записки о галльской войне», «Записки о

гражданской войне») и трудами его продолжателей; сочинениями крупного историка Гая Саллюстия Криспа (86—35 гг. до н. э.) «*Conjuratio Catilinae*» («Заговор Катилины») и «*Bellum Jugurtinum*» («Югуртинская война»); трудом Тита Ливия (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.) «*Ab urbe condita*» («От основания города»), в котором нашла художественное изображение история республики и начала империи; поэзия — лирикой талантливейшего поэта Гая Валерия Катулла (87—54 гг. до н. э.), произведениями Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.), Квинта Горация Флакка (65—8 гг. до н. э.), Публия Овидия Назона (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.), элегиков Альбия Тибулла (ок. 54 г. до н. э.— 19 г. до н. э.), Секста Проперция (ок. 49 г. до н. э.— после 15 г. до н. э.). Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) выступает как блестящий оратор и автор философских трактатов. Своими сочинениями по теории и истории красноречия он внес огромный вклад в разработку теории стилей. Вот, например, его наставления будущим ораторам («Об ораторе», III):

«11,40... Для чистоты латинской речи следует позаботиться не только о том, чтобы подбор слов был безупречен, и не только о том, чтобы соблюдение падежей, времен, рода и числа предохраняло речь от сбивчивости, бессвязности и беспорядка; но необходимо управлять органами речи, и дыханием, и самим звуком голоса.

12,44. Итак, существует определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не режет слух, не вызывает неудовольствия, не навлекает упрека, не содержит чуждого звука и привкуса. Этот говор мы и усвоим, стараясь избегать не только мужицкой грубости, но и чужеземных особенностей.

13,49... Нужно говорить чистым латинским языком, пользуясь словами употребительными и точно выражающими то, что мы хотим обозначить и изобразить, без двусмысленности как в отдельных словах, так и в связной речи, без слишком длинных периодов ...»¹.

За чистоту и нормативность языка боролись и ученые классического периода. В своих сочинениях они стремились дать научное описание литературного латинского языка, опираясь при этом на теоретические положения греческой грамматической теории, имевшей уже к тому времени богатую традицию. Выдающийся римский ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон Реатинский (116—27 гг. до н. э.) создал фундаментальное сочинение «*De lingua latina*» («О латинском языке») в 25 книгах (из которых до нас дошли, к сожалению, лишь книги 5—10). Ученый I в. н. э. Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 г. н. э.— ок. 96 г. н. э.), авторитетнейший мастер красноречия, открывший в Риме риторическую школу, написал трактат «*Institutio oratoria*» («Обучение оратора») в 12 книгах. Автор призывает своих слушателей и читателей ориентироваться в своей речи на классические образцы, особенно на Цицерона: «Может считать себя сделавшим большие успехи тот, кому особенно понравится Цицерон». В сочинении Квинтилиана дан целый комплекс правил построения «хорошей» ла-

¹ Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972, с. 212—214.

тинской речи: IX, 4 ... «Во всяком сочетании слов необходимо соблюдение трех вещей: порядка слов, соединения их друг с другом и ритма... Если допускает сочетание, самое лучшее вместе с концом фразы заканчивать мысль»¹.

Язык произведений всех этих авторов получил название «классической» или «золотой» латыни. Это язык с твердой нормой употребления, опиравшийся на традиции и авторитет грамматиков, отличавшийся от автора к автору лишь стиливыми особенностями. Для литературной формы речи (ораторы, историография, собственно литературные произведения) характерно соблюдение грамматической «правильности», длинные синтаксические периоды, особый отбор лексики.

Но наряду с этой книжной, официальной латынью все время существовала и развивалась латынь разговорная, латынь всего населения Римской империи².

Сами римляне неоднократно указывали на существование двух форм латыни — устной и письменной. Они противопоставляли их, снабжая соответствующими эпитетами: с одной стороны — *sermo cotidianus, usualis, plebeius, inconditus, vulgaris, proletarius, rusticus, militaris*, с другой — *sermo eruditus, perpolitus, urbanus* (см., например, Quint., *Inst. orat.* XI, 3, 10).

Разговорный язык Рима также не был однороден (что видно и из приведенных выше его наименований) у представителей различных социальных слоев римского общества. *Sermo cotidianus, usualis* — это обыденная, повседневная речь более или менее образованных слоев римского общества. Богатейший материал такого языка представлен в огромной переписке Цицерона, изданной после его смерти другим оратором Аттиком и любимым вольноотпущенником Тираном. Цицерон сам осознает, что язык его писем далек от литературных образцов: *Quid tibi ego videor in epistulis? nonne plebeio sermone agere tecum?* (*Ad fam.*, IX, 21). — «Каким я тебе кажусь в письмах? Разве не простым языком я говорю с тобой...»; *Causas... agimus subtilius, ... ornati; epistulas vero cotidianis verbis texere solemus* (*Ad fam.*, IX, 21). — «Дела... мы ведем более тонким... изящным языком; письма же обычно пишем языком повседневным...». Квинтилиан также упоминает *sermo quotidianus*³ ... *quo cum amicis, coniugibus, liberis, servis loquamur* (*Inst. orat.* XII, 10, 40) — «повседневный язык... на котором мы разговариваем с друзьями, женами, детьми, рабами». В то же время существовала и еще одна форма разговорной речи — *sermo vulgaris*, которую в русском языке принято называть «просторечие». Это — речь необразованных низов римского общества. Образцом такого просторечия мы располагаем благодаря сознательному воспроизведе-

¹ Античные теории языка и стиля. М. — Л. 1936, с. 236—238.

² Не следует забывать о том, что письменный и особенно литературный язык в то время не имел такого влияния на разговорную речь всех слоев населения, как в наши дни, когда в силу массовости современных источников письменной и устной информации, а также образования, это влияние значительно возросло.

³ Варианты *cotidianus, quotidianus* одинаково допустимы в классической латыни.

нию его Петронием (I в. н. э.) в романе «Satyrae» или «Satyricon libri» («Сатирикон», см. § 31).

Все три стиля (литературная форма речи; разговорная, повседневная, обыденная речь образованных римлян; просторечие) хронологически относятся к периоду, названному классическим, но не все они могут считаться классической латынью. Этим термином принято обозначать только первый, литературно-письменный стиль речи. Следовательно, понятие «классическая латынь» — это понятие как хронологическое, так и стилистическое. Классическая латынь — это литературно-письменная, строго нормированная форма речи классического периода, нашедшая отражение в риторических, художественных и историографических произведениях.

В то же время при рассмотрении материала этого периода бывает крайне затруднительно выделить элементы разговорно-обиходной речи, потому что степень проникновения в письменный язык разговорных элементов, в силу прочной школьной традиции и, следовательно, значительной образованности пишущих, в это время очень мала. К тому же письменный материал (единственный источник при изучении латыни, как и любого другого «мертвого» языка), независимо от его жанра (исключение составляет, пожалуй, лишь речь персонажей романа Петрония), обязательно испытывает на себе влияние книжной, литературной нормы.

§ 25. Поздний период. Поздний период латинского языка охватывает III—VII вв. н. э. — эпоху кризиса Римской империи, ее деления на Западную и Восточную, падения Западной Римской империи (V в.) и образования на ее территории варварских государств (подробнее об исторических событиях этого периода см. §§ 18, 19).

События, происшедшие в завершающий период существования Римского государства, резко меняют облик некогда могущественного Рима. Исторические перемены сказываются и на культурной жизни. Приходят в упадок наука и искусство. Угасает деятельность писателей и историков. Литературная норма теряет свой авторитет. Количество школ резко сокращается, и они становятся доступны гораздо меньшему числу людей.

После образования варварских королевств латынь продолжает оставаться языком всех официальных документов, королевских дворов и церкви. Экономическая жизнь этого периода, для которой характерно расширение торговли в Средиземноморье, также требует знания письменности купцами или их секретарями (*mercenarii litterati*), в обязанности которых входило вести корреспонденцию и счета своих хозяев.

Административное управление, которое продолжало совершаться по римскому законодательству в большей части Галлии, Италии, Испании и Северной Африки, вызывало потребность в чиновниках, умеющих читать и толковать законы, а также в многочисленных писцах для оформления и переписывания юридических документов. Именно поэтому светские школы грамматики и риторики, функционировавшие по образцу имперских школ, продолжали существовать вплоть до

конца VII в. Программа этих школ включала, кроме грамматики и риторики, также занятия правом. Историк Григорий Турский (538—594 гг.) рассказывает об одной из таких школ в Марселе, в которой изучались грамматика, арифметика и римское право.

Различались школы для аристократии (так называемые большие школы), предусматривавшие изучение латинской литературы и классического литературного латинского языка (таких школ было очень мало) и намного превосходившие их числом обычные школы, где давали незначительные знания по литературе, но зато обучали ряду практических предметов, что требовалось для административных процедур и торговли. Занятия в таких школах велись на «низком» языке повседневного общения. В связи с исчезновением римской культурной традиции, светские школы становились все более редкими, постепенно вытеснялись монастырскими школами при кафедральных соборах. Образование переходило в руки духовенства и носило теперь преимущественно религиозный характер.

В то же время большая часть населения была вообще неграмотна. Об этом можно, в частности, судить по случаю свинопасом Бракхисом, описанному Григорием Турским. Этот свинопас, впоследствии аббат, усердно молился богу, не зная, о чем он молит господа, *quia litteras ignorabat* «так как был неграмотным» (следовательно, «не знал латыни», поскольку латынь узнавалась через письменные тексты). Даже в таких городах, как Марсель, где, как можно предположить, долго сохранялось культурное влияние не только римской, но и греческой цивилизации, основная масса народа, по всей вероятности, не умела читать. Папа Григорий I Великий (540—604 гг.)¹ пишет епископу Марселя Серену: «Для того в церквях применяется живопись, чтобы те, кто неграмотен, по крайней мере, разглядывая рисунки на стенах, читали то, что они не в состоянии прочесть в книгах».

Отношение духовенства к латинскому языку было далеко не однозначным и не постоянным в разные периоды истории церкви. Конфликт между христианством и латинскими классиками восходит еще к римскому времени, так как латинская литература представляла часть «языческого» окружения, в котором возникла новая религия. Уже на IV соборе в Карфагене в 398 г. было принято решение: *Libros gentiliū non legat episcopus* — «Епископ не должен читать светских книг». Но поскольку церковные книги и документы были написаны тоже на латыни, знание латинского языка вынужденно продолжало оставаться обязательным для всех представителей клира. Правда, изучение латыни ограничивалось теперь, в основном, грамматикой, исключая чтение авторов.

Язык церковных сочинений приводится в соответствие с новыми нормами. Так, в IV в. монахом Иеронимом был выполнен новый перевод библии на латинский язык, в котором были сохранены все разговорно-латинские формы, оказавшиеся в старом переводе в результате неоднократной переписки текста.

С получением христианской церковью политической власти

¹ Григорий I был первым папой, фактически сосредоточившим в своих руках церковную и светскую власть над Римом и Римской областью (годы папства 590—604).

тенденция вытеснения классических образцов христианскими превращается в открытую нетерпимость к старой классической образованности. Вульгаризм возводится в ранг литературной нормы. Достаточно упомянуть варварский акт папы Григория I. Он повелел сжечь все книги Тита Ливия, которые ему удалось найти. Григорий I заявлял, что презирает правила грамматики, так как не хочет подчинять божественные слова правилам Доната¹, и порицал Дезидерия, епископа из Вьенны, за то, что он преподает грамматику своим ученикам.

Так постепенно и последовательно вытраивается привычка обращения к классической литературе, создается престиж религиозных текстов. Постоянное обращение к ним не только образованных людей, но и простого народа (ведь даже неграмотные слушали текст литургии во время религиозных церемоний) превращает их в новый источник языковой нормы и стиля.

Сама идеология христианства требовала восхваления «малых сих»; поэтому их язык становится более авторитетным, чем классическая латынь,— происходит своеобразная «инверсия престижа» (определение итальянского исследователя А. Ронкалья), которая приводит к расшатыванию языкового единства. Это был один из важнейших «скачков» в развитии языка — официально признанное, поощряемое предпочтение «языка рабов и рыбаков» «языку сенаторов» (современники называли иногда язык христианских авторов *sermo piscatorius* ‘рыбацкий язык’, намекая на рыбацкое происхождение св. Петра и других апостолов).

Высказывания о необходимости приспособливать свой язык к тому, чтобы быть понятым людьми без образования, встречаются и в светских сочинениях, в частности у Григория Турского в «*Historia Francorum*» («История франков»): *Philosophantem rhetorem intelligent pauci, loquentem rusticum multi* — «Философствующего ритор мало кто понимает, а когда говорит простой человек, — понимают многие».

Однако в большинстве случаев литературная, письменная латынь в это время еще более отличается от языка простого люда провинций и самой Италии, чем это было в период процветания Римского государства: латинский язык на всей территории его распространения продолжал развиваться в своей разговорной форме, а письменные свидетельства этого времени следовали созданной ранее литературной традиции, их авторы стремились писать в соответствии с выработанной несколько веков назад литературной нормой без учета происходивших в разговорной речи изменений. Создается заметный разрыв между письменной традицией и разговорной речью, развивающейся независимо от установленных ранее норм, чаще всего вопреки им, в соответствии с внутренними законами развития языка.

Изменения, характерные для устной речи этого времени, неизбежно начинают постепенно проникать и в письменность. «Ошибками» грешат не только описания паломников или деловые записи, но и литературные сочинения. Хроника Фредегария (середина VII в.), ме-

¹ Римский грамматик IV в.

ровингские формулы (дипломы меровингских королей, VII в.) показывают, как сильно изменилась к этому времени разговорная речь на территории Франции.

Лингвисты часто отмечают в поздней латыни явления, уже встречавшиеся в архаический период, например, отмечаемые еще в эпитафии консула Луция Корнелия Сципиона (III в. до н. э.) опущение *n* перед *s*, смещение безударных *u* и *o*: *cosentiont* (ср. кл. *consentiunt*), отпадение конечного *m*: *Scipione* (вм. *Scipionem*) и многие другие явления, становящиеся регулярными в поздний период. Это означает, что некоторые тенденции развития языка имели давнюю историю. Не вошедшие в литературную норму, строго ограниченную определенными схемами и моделями, многие элементы, встречавшиеся в архаическом латинском языке, продолжали существовать и в последующие периоды развития языка как просторечный вариант и, укрепившись в разговорном языке, проникали в большей или меньшей степени и в литературу.

Поскольку мы располагаем лишь письменными свидетельствами латинского языка, то представление об истинном состоянии языка в этот поздний период можно составить, лишь учитывая все те «ошибки», разговорные элементы, которые все больше проникали в это время в письменность. Говоря о поздней латыни, нужно постоянно иметь в виду, что это разговорная латинская речь позднего периода истории латинского языка (III—VII вв.), не нашедшая адекватного отражения в письменных текстах, но до известной степени поддающаяся восстановлению по «ошибкам», проникающим в эти тексты, по некоторым прямым и косвенным свидетельствам и по данным сформировавшихся на ее основе романских языков.

Мы выделили три этапа в истории латинского языка от первых письменных свидетельств на нем до письменных памятников той поры, когда была утрачена литературная традиция и норма, когда пишущие на латыни в той или иной мере пытались воспроизвести далекие классические образцы, не находя им подтверждения в повседневной речи.

Как видим, на протяжении всего этого времени латинский язык был неоднороден: начиная с момента появления первых литературных сочинений, параллельно существовали устная разговорная речь, живо отражавшая состояние языка в тот или иной период, и письменный литературный язык с постепенно сложившейся нормой. Однако разговорные формы в той или иной степени проникали и в литературные сочинения, в зависимости от жанра произведения и периода его создания. Задача исследователя — обнаружить рассеянные в литературных источниках элементы разговорной речи, вычленив их и, систематизировав, восстановить, пусть вынужденно неполную, картину развития латинского языка в разных частях Римского государства.

§ 26. Латынь в эпоху Средневековья и в Новое время. После образования на территории бывшей Римской империи варварских государств латынь еще долго продолжала оставаться единым письменным языком для всей Западной Европы. Поскольку большинство писавших на латыни были людьми малограмотными, письменная латынь посте-

пенно превращалась в «антиязык» (термин, введенный современными итальянскими лингвистами: *antilingua*), то есть язык, утративший способность служить средством общения. Создаваемые фразы часто бывали бессмысленны, синтаксис непонятен. Язык юридических, нотариальных и церковных документов этого времени пронизан вульгаризмами, произвольными искажениями. Так, некий священник из Майнца (VIII в.) сопровождал обряд крещения такими словами: *Ego te baptiso in nomine patria (вм. patris) et filia (вм. filii — двойная ошибка: род и падеж) et spiritus sancti* — «Крещу тебя во имя отца и сына и святого духа». А в одном из актов г. Пизы VIII в. встречается такая фраза: *De uno latere corge (романизм) via publica* — «С одной стороны проходит общественная дорога».

К концу VIII в. уровень грамотности становится настолько низок, а различие между латынью и романскими языками настолько велико, что со всей очевидностью возникает необходимость реформы. Эта реформа была задумана и осуществлена на территории Франции при дворе короля франков Карла Великого (742—814, годы правления 768—814).

Карл Великий был для своего времени просвещенным человеком. Хотя он научился писать лишь в зрелом возрасте, он знал латинский и греческий языки. К его двору были приглашены ученые из разных стран: англосакс Алкуин, получивший образование в Йоркской епископской школе, но *Vergilii magis quam psalmorum amator* («более любитель Вергилия, чем псалмов»), главный вдохновитель и автор задуманной Карлом Великим реформы образования; Павел Диакон из Лангобардии, историк и филолог, знаток латинского и греческого языков, автор «*Historia Langobardorum*» («История лангобардов»); вестгот из Испании Теодульф, теолог и поэт; молодой франк Эйнхард, позже написавший биографию Карла Великого «*Vita Caroli*» («Жизнь Карла») и многие другие. При помощи этих ученых Карл организовал школы при епископских резиденциях, главным образом для подготовки грамотного духовенства и чиновников.

Возобновление классических занятий означало прежде всего восстановление «правильной» латыни. Для этого необходимо было обращение к классикам. По приказанию Карла Великого собирались и переписывались древние латинские и греческие рукописи. Создавались специальные *scriptoria* — помещения, где несколько переписчиков одновременно копировали одну и ту же рукопись. Большая часть античных рукописей дошла до нас только в этих списках. Наряду с Вергилием, служившим в средние века образцом для подражания, вновь с энтузиазмом читают Горация и Овидия, снова обращаются к Цицерону. Сочинения Ливия и Светония, Лукана и Стация, Квинтилиана и Плиния, Ювенала и Катона вновь стоят в одном ряду с трудами христианских авторов. К сочинениям грамматиков IV в. Доната и Присциана обращаются в поисках грамматической нормы. Классиков часто цитируют, подражание им становится нормой стиля.

Подобное «очищение» латыни, поддержав античную культурную традицию, привело, вместе с тем, к признанию автономии народных (разговорных) языков.

Реформа Карла Великого распространяла знание «правильной» латыни лишь на дворцовое окружение (к тому же касалась больше лиц духовного звания, чем мирян). Народные слои говорили только на местном диалекте. Таким образом, в период «каролингского возрождения» (как называли время проведения реформы Карла Великого историки Нового времени) письменная латынь приблизилась к классическим образцам, но число пишущих на ней стало гораздо меньше, чем до реформы.

Доказательством осознания того факта, что в это время народ уже говорил на языке, сильно отличавшемся от латинского, служит решение, принятое духовенством на Турском соборе в 813 г. Собор постановил, что проповеди должны произноситься на понятном народу языке, признав тем самым, что латынь таким языком уже не является. XVII статья актов Турского собора гласила: *...homilias quisque aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur.* — «... проповеди каждый должен стремиться открыто произносить на простом (деревенском) романском языке или германском, чтобы всем было легче понимать, что говорится».

Итак, развивавшееся подспудно «неосознанное» двуязычие перешло в двуязычие «осознанное». Этот переход получил подтверждение в том, что местные говоры приобрели свое собственное название: *rustica gotapa lingua* ‘просторечный романский язык’, *theotisca lingua* ‘немецкий язык’. Термин «готапа lingua» встречался и раньше, но лишь для того, чтобы противопоставить латынь языкам, принадлежавшим к другим группам. В документах Турского собора впервые термин готапа употребляется не как синоним термина *latina*. Возникает антиномия. Отныне *lingua gotapa* противопоставляется *lingua latina* как разговорный язык письменному языку. Осознается тот факт, что разговорный язык не идентичен по своей структуре письменному языку, что люди пишут и говорят на разных языках.

Не случайно, что впервые термин для обозначения новых языков возник в Северной Франции. Именно там местные языки дальше всего отошли от общей латинской нормы, особенно в их фонетическом развитии.

В Италии употребление специального названия для местного языка — *volgare* — устанавливается в следующем, X веке. Впервые в этом значении оно встречается в 965 г. в переписке монахов. Кроме того, из эпитафии папе Григорию V, умершему в 999 г., узнаем, что папа знал три языка: *usus francisca, vulgari et voce latina instituit populos eloquio triplici* — «владея французским, вольгаре (то есть будущим итальянским) и латынью, наставлял народ на трех языках». Название «вольгаре» народные романские диалекты Италии сохраняют вплоть до XVI века, когда возникает термин «*lingua italiana*».

Складывавшееся в это время новое лингвистическое сознание нашло отражение в Рейхенауских глоссах (VIII—IX вв.). В отличие от более раннего грамматического памятника латинского языка *Appendix Probi* (III в.)¹, в Рейхенауских глоссах мы уже не встреча-

¹ Подробнее об этих памятниках см. §§ 36, 37.

емя с оценкой «лучше (латинский образец) — хуже (романские формы)». Наоборот, с помощью романских форм (часто с заметными следами германского влияния) объясняются непонятные латинские. Поэтому наряду с *pulchra: bella* (где еще сопоставляются книжное и разговорное латинские слова) читаем: *castro: heribergo, respectant: rewardant* (где латинские слова разъясняются соответствующими германо-романскими). Как видим, латынь перестает быть единственной нормой, а на романских словах уже не лежит печать ошибочности. Глоссы дают ясно почувствовать эту новую лингвистическую ориентацию. Комментируемая латынь воспринимается как нечто устаревшее, в то время как романские языки, в свою очередь, утверждаются как нечто равноправное и противостоящее латыни, что подтверждается двумя этно-политическими глоссами *Italia: Langobardia, Gallia: Frantia*.

Начиная с X—XI вв. во всех государствах Западной Европы начинают появляться письменные документы, воспроизводящие устную романскую речь. В то же время латынь продолжала удерживать позиции языка науки, администрации, церкви. В период, когда новые языки лишь делали первые, пробные шаги, латынь в Западной Европе была языком международных контактов, а также языком литературной традиции. Она проникала во все области культурной и общественной жизни, выполняя функции общего литературного языка, по отношению к которому местные языки иногда рассматривались не как другой язык, а как испорченная народом разновидность того же языка. Так, мы уже знаем, что итальянский язык называли «вольгаре» («народный язык»). Отождествление литературной формы с латинской, а народной, разговорной — с итальянской подчеркивается обычным в XIII—XIV вв. противопоставлением: *scribere (dicere) vulgariter et litterariter* «писать (говорить) по-народному и по-литературному». Сами слова *lettera, per lettera* в староитальянском означали «латынь, на латыни». Одновременно с появлением письменности на вольгаре, отличавшемся многообразием диалектов и неустойчивостью норм, латынь осознавалась как единственно «правильный», то есть подчинявшийся грамматическим правилам язык, который поэтому называли просто *grammatica*.

Латинская письменная традиция обладала большими преимуществами перед народным языком, который не имел зачастую необходимых слов для обозначения отвлеченных понятий. Так, переводчик с латыни Доменико Кавалька (1270—1342) жаловался на бедность итальянского языка: «То, что на латыни кажется хорошо сказанным, то, переведенное на вольгаре, из-за порядка слов кажется ничтожным и менее полезным». Для многих итальянцев латынь была, очевидно, даже более понятной, чем неродные им итальянские диалекты, и, следовательно, представляла большие удобства для общения. В 1290 г. анонимный копиист сборника поучительных рассказов «*Fiore di virtù*» («Цвет добродетели») говорит, что он плохо знает вольгаре: «Народных слов я совсем не знаю, потому что мало ими пользовался. К тому же отвлеченные («духовные») понятия на вольгаре не могут быть переданы так точно, как они передаются на латинском языке

и с помощью грамматики, из-за бедности словаря вольгаре, отличного от словаря других земель и областей. Но грамматика, т. е. латынь, не такова, потому что она общая для всех латинян».

Характерно, что все итальянцы еще в XIII—XIV вв. называли себя, в отличие от других романских народов, *homines latini*, как это видно из вышеприведенного примера, а также из известного определения национальности, данного в «*De vulgari eloquentia*» («О народном красноречии») Данте: *in quantum ut homines latini agimus, quedam habemus simplicissima signa et morum et habitum et locutionis, quibus latine actiones ponderantur et mensurantur* (I, XVI, 3—4). «Поскольку мы поступаем как латиняне, мы имеем определенные простейшие признаки обычаев, привычек и языка, которыми взвешены и измерены действия латинян». Поэтому «в Италии, где наследие древнего Рима всегда осознавалось как национальное достояние, было нелегко дискредитировать латынь, назвав ее иностранным языком»¹.

Теперь рассмотрим роль латинского языка в общественной и культурной жизни средневековой Европы. Это даст возможность лучше понять позиции латыни в средневековом обществе, увидеть обширность ее функций, осознать силу ее влияния на формировавшиеся романские языки.

Сферы применения латинского языка в Средневековье — юриспруденция, образование, наука, религия, литература, то есть, практически, все области общественной и культурной жизни.

Юриспруденция. Германские племена, расселившиеся на территории бывшей Западной Римской империи, не имели своих письменных языков. Поэтому судебники первых варварских государств Западной Европы, так называемые «правды» (*leges*), были составлены на латинском языке. Эта традиция использования латыни в юридических документах сохранялась на протяжении всего Средневековья.

Во Франции, несмотря на появление письменных текстов на народном языке уже в IX в., латынь удерживала свои позиции языка официальных документов довольно долго. Королевская канцелярия стала употреблять французский язык лишь со времени царствования Людовика IX (первый известный текст датирован 1254 г.). В это же время появляются своды законов, а также сборники местных обычаев (*coutumiers*) на французском языке.

В Италии, где в IX—X вв. крепнет самостоятельность городов, новая складывавшаяся в этот период социальная группа — городские жители — говорила в основном на вольгаре, еще не имевшем письменной формы. Но, стараясь самоутвердиться, городское население стремится к получению необходимого для успешной административной карьеры образования, то есть к изучению латыни, единственного в средневековой Италии языка письменности. Германский историк Оттон Фрейзингенский (XII в.) свидетельствует о знании латыни представителями средних слоев населения, принимавшими участие

¹ Kristeller P. O. L'origine e lo sviluppo della prosa volgare italiana.— In: *Cultura neolatina*. X, 1950, p. 140.

в управлении городом. Городские статуты вплоть до XIII—XIV вв. пишутся на латыни. Так, знаменитые статуты Болонской коммуны — *Ordinamenti sacri* et *sacratissimi* (1281 г.), — уничтожавшие все формы феодальной зависимости и признававшие равенство всех людей, так же как и сходные с ними по демократизму и радикальности флорентийские *Ordinamenti di giustizia* (1293 г.), написаны на латинском языке. На латыни ведутся в XIII в. и судебные процессы, демократическая сущность которых не вызывает сомнения в том, что они были понятны тем, чьи интересы защищала городская коммуна. Показателен в этом отношении документ конца XIII в., в котором идет речь о феодале, оскорбившем и побившем камнями крестьянина Лапо и его мать Лапу: *capiendo caules de terra simul cum petrizzis et terra ipsam dominam Lapam percussit in vultu contra Ordinamenta Justitie; et de vultu domine Lape sanguis exivit.* — «... подняв с земли капустные кочерыжки с камнями и землей, он ударил названную госпожу Лапу в лицо против «Установлений справедливости», и с лица госпожи Лапы потекла кровь» (обидчик был приговорен к штрафу, которого, однако, не заплатил). В этом отрывке, помимо народных флорентийских слов (*petrizzis*), принявших латинскую форму, типично итальянского употребления герундия (*capiendo caules*), написания *e* вместо *ae*, обычного для средневековой латыни, интересно применение слова *domina* «госпожа» к простой крестьянке, показывающее постепенное изменение значения этого слова (*итал.* *donna* «женщина»), связанное с его расширенным применением ко всем социальным группам благодаря стиранию сословных перегородок в городских коммунах.

Образование, наука, церковь. В течение всего раннего Средневековья главными центрами культуры и интеллектуальной жизни были монастыри и кафедральные соборы, среди которых наиболее известные — Монтекассино в Италии, Клуни во Франции, кафедральные центры в городах Франции — Шартре, Орлеане, Реймсе; в Испании — кафедральный собор в Толедо. Культурная жизнь сосредотачивалась также при дворах некоторых правителей, в ряде городов Европы (вспомним известную барселонскую библиотеку).

С появлением в XI в. муниципальных и частных школ в систему преподавания стал проникать светский элемент. Латинскую грамматику изучали по учебнику Доната (IV в.), читали отрывки из сочинений Цицерона, Катона о морали и риторике. В XI в. в Италии возрождаются серьезные занятия медициной и правом и возникают крупные центры: медицины в Салерно и права в Болонье. В это же время создается ряд значительных трудов по различным отраслям знаний.

Основой обучения в Средневековье были философия и теология. В теологии Средневековья выделяются различные направления. Представители одного учения — мистицизма — считали основной задачей созерцание божества, относясь к разуму как силе, лишь облегчающей достижение этого созерцания. Среди теологов этого направления — Исахим Флорский (1130—1202), Франциск Ассизский (ок. 1182—1226), Бонавентура (Джованни Фиданца, 1221—1274).

В то же время зарождается и крепнет другое учение — теолого-философский рационализм, получивший название схоластики. Среди основателей схоластики — итальянский ученый Ансельм из Аосты, архиепископ Кентерберийский (1033—1109), французский философ и богослов Петр Абеляр (1079—1142). Наиболее полно это учение представлено в творчестве итальянского философа и теолога Фомы Аквинского (1227—1274), автора «*Summa theologiae*», сочинения, объединяющего учение Аристотеля с христианскими догмами и представляющего собой основу средневековой схоластики. Ученые-схоласты стремились к раскрытию «божественных истин» с помощью разума.

Рационализм схоластов создавал атмосферу полемики и дискуссий, колебля тем самым, независимо от субъективных намерений их авторов, незыблемость католической догмы и стимулируя философскую мысль. Впоследствии из схоластики вышли философские учения Декарта, Спинозы, Лейбница — основоположников философии XVII в.

На базе школ XII в. возникают и новые центры культуры и образования — университеты. Известно определение университета — *universitas societas magistrorum discipulorumque* «университет — это сообщество преподавателей и учеников». В университетах расширяется круг изучаемых дисциплин: кроме *trivium* (грамматика, риторика, диалектика) и *quadrivium* (арифметика, геометрия, астрономия, музыка), которыми ранее ограничивалось традиционное образование, теперь преподают логику и математику. Появляются профессиональные факультеты права, медицины и теологии. Университеты создаются в Болонье (1088 г.) и Париже (1200 г.) В XIII в. создаются и другие университеты: в Падуе в 1222 г., в Неаполе в 1224 г. В Англии возникло двенадцать университетов, наиболее известные из которых Оксфордский и Кембриджский. Орлеанский университет становится центром юридических наук, Монпелье — медицинских. В Испании первые университеты создаются в XIII в., в городах Паленсия и Саламанка.

В связи с возросшим интересом к науке и культуре, расцветом литературы, созданием университетов стремительно растет спрос на книги, а также необходимость уменьшения их стоимости. Поэтому в городах с конца XII в. организуется ремесленное производство рукописных книг.

Языком научной и богословской литературы средневековой Европы был латинский. На латинском языке писали философские трактаты и вели ученые диспуты. Поэтому книги, изготавливаемые в университетских скрипториях, были написаны на латинском языке. В университетских городах книги на латинском языке стоили значительно дешевле, чем редкие книги на новых романских языках.

Для XII века характерно возобновившееся широкое чтение латинских авторов, особенно поэтов, и их комментариев. Впрочем, в это время отбор авторов весьма своеобразен. Ряд античных писателей, например, Ливий, Лукреций, оставались неизвестными. Некоторые другие тексты («*Germania*» Тацита, стихи Катулла) почти не пользовались вниманием и не переписывались. Зато повсюду читали Вер-

гилия, сохранившего большое число почитателей в течение всего Средневековья, Овидия, часто цитировали Марциала, Сенеку, Теренция. Риторику по-прежнему изучали по Цицерону. Читали Плиния Старшего, Сенеку, Фронтину, Авла Геллия, Макробия.

Составлялись антологии. В Ватикане хранится антология XII в., включающая фрагменты из «Сатурналий» Макробия, сентенции философов, выдержки из писем Иеронима и Плиния, текст Апулея, речи и «Тускуланские беседы» Цицерона, письма и «De beneficiis» Сенеки, сочинения Авла Геллия и Эннидия. Другая антология, хранящаяся в римской Национальной библиотеке, составлена несколькими десятилетиями позже и содержит больше поэтических текстов. Входящие в нее отрывки дают представление о римской литературе практически на всех этапах ее развития. Любимой формой литературного обучения было составление кратких глосс (разъяснений непонятных слов) или схолий (комментариев)¹ к древним текстам.

Как видим, и в сфере образования, науки и церкви латынь была практически единственным инструментом общения и выражения мысли, будучи понятной всем и потому единственно удобной для осуществления контактов.

Литература. Хотя латынь продолжала оставаться живым разговорным языком в образованных слоях средневекового общества, в литературе это почти не чувствуется: художественные тексты этого времени строятся строго по образцам античных и церковных классиков, из которых заимствуют зачастую целые фразы. Наиболее авторитетными образцами для подражания были Саллюстий, Теренций, Гораций, Пруденций и, конечно, христианские тексты — библия и сочинения «отцов церкви».

Большое развитие в это время получает рифмованная риторическая проза. Руководством к построению красивой и ученой латинской речи служили многочисленные artes dictandi (средневековые обработки античных риторик), содержавшие рецепты расположения материала и его деления на части, перечень фигур речи и топик («общих мест»).

Artes dictandi, возникшая в XI в., явилась новым этапом для латинского литературного языка этого периода. С ее помощью литературные памятники, канцелярские документы, эпистолярный жанр, сохраняя связь с разговорным языком, приобрели «необходимую авторитетность и подобающее достоинство»². Были выработаны различные стили: туллианский (по имени Марка Туллия Цицерона), более других придерживавшийся классических моделей; григорианский (по имени папы Григория VIII), базировавшийся на курсе (учении о ритмике текста), он лег в основу технического языка администрации; и, наконец, исидорианский стиль, имевший рифму, который сложился под влиянием языка Исидора Севильского. Все эти новшества увеличивали престижность литературного латинского языка.

¹ Подробнее об этих литературных формах см. § 37.

² D'Onofrio G. Profilo di storia linguistica italiana. Firenze, 1960, p. 37.

Обширен список средневековых латинских авторов. За писателями, историками и учеными эпохи каролингского возрождения следует множество новых в последующие века.

Едва ли не половину всей литературной продукции Средневековья составляют проповеди и письма. Владение этими жанрами было необходимо для каждого клирика. Проповедь была основной формой их церковного служения, и, кроме того, на них лежали секретарские обязанности не только в монастырях, но и при светских правителях, так как мирское население было почти сплошь неграмотным. И проповеди, и письма строились по античным традициям, с использованием стилистических фигур.

Значительное место в литературе занимает жанр агиографии — жития святых. Известнейшим образцом агиографической литературы является «*Legenda Sanctorum*» или «*Legenda aurea*» («Золотая легенда») — житийный свод, составленный Якопо из Варацце (1228—1298), в котором даны жизнеописания всех христианских святых Востока и Запада в краткой, но далекой от схематизма форме. Эта книга и в эпоху Возрождения оставалась излюбленным народным чтением в странах Западной Европы и могла поспорить популярностью с библией и рыцарскими романами.

Широко представлен исторический жанр — городские анналы и хроники епископств и аббатств, авторами которых были преимущественно монахи. Поэтому вплоть до самого позднего Средневековья они составлялись на латинском языке. Так, в 80-х гг. XIII в., то есть уже после появления первых литературных сочинений в стихах и прозе на различных диалектах итальянского вольгаре, пармский монах-минорит Салимбене де Адам пишет на латыни хронику Пармы, единственный в своем роде документ, на страницах которого, благодаря непосредственности изложения и простоте языка (не всегда правильного и пестрящего итальянскими словами), предстает перед нами конкретная жизнь эпохи.

Большое развитие в латинской литературе этого времени, в силу ее религиозной окраски, получают моралистические жанры — сентенции, дидактические поэмы, гимны, секвенции (религиозные песнопения), пословицы. В то же время в XI—XII вв., в период ожесточенной борьбы между папским престолом и императорами, поэзия на латинском языке была преимущественно политического или исторического содержания.

Состоявшиеся на протяжении XII в. три крестовых похода оказали значительное влияние на разные стороны общественной жизни Европы, способствовали ее дальнейшему культурному развитию. В это время делается большое число переводов на латинский язык греческих и арабских сочинений. Наиболее крупные переводческие центры того времени — Толедо, Сицилия. К началу XIII в. были переведены почти все сочинения Аристотеля и главные географические, математические, астрономические и медицинские труды греческой и арабской науки.

Перевод выдающихся творений научной мысли способствовал усилению в XII в. интереса к математике и астрономии, истории и

праву. Появляются многочисленные литературные произведения на национальных языках, рыцарские и светские, параллельно которым в самой латинской литературе появляется новый жанр светской лирики, любовной и сатирической — поэзия вагантов.

В поэтических произведениях особенно заметно повышение интереса к античным образцам. Это проявляется как в подражании языку и стилю, так и в использовании античных сюжетов. В латинском эпосе XII в. широко используются основные циклы греческой мифологии — троянский и фиванский, библейские сюжеты, кельтские сказания.

Прозаические сочинения на латыни продолжали возникать и в XIV—XV вв., а латинская поэзия существует и на протяжении всего XVI в.

В начале XVI в., параллельно с ученой латинской поэзией, пародируя ее и создавая новый жанр, возникла так называемая «макароническая поэзия». Макаронический язык состоял из смеси литературного итальянского, различных диалектов, средневековой латыни и латыни классической.

Как видим, латинский язык в Средневековье являлся неотъемлемой частью общественной, политической, культурной и научной жизни всей Европы. Вполне понятно, что он служил авторитетным образцом для делавших первые шаги новых литературных романских языков, которые постоянно обращались к его богатой лексической сокровищнице в поисках средств для обозначения новых понятий и идей. В это время делают много переводов с латыни на романские языки. Первые словари романских языков в XV—XVI вв. составляются на базе латинского (толковые словари этих языков возникают позже, лишь в XVII в.).

Активная жизнь латинского языка обрывается лишь в период Возрождения. Стремление гуманистов возродить язык «великих древних» в период, когда латынь уже была необратимо далека от классических образцов и к тому же должна была выдерживать все растущую конкуренцию со стороны новых языков, привело к окончательному отрыву латыни от повседневного народного языкового творчества, а следовательно, к прекращению ее развития.

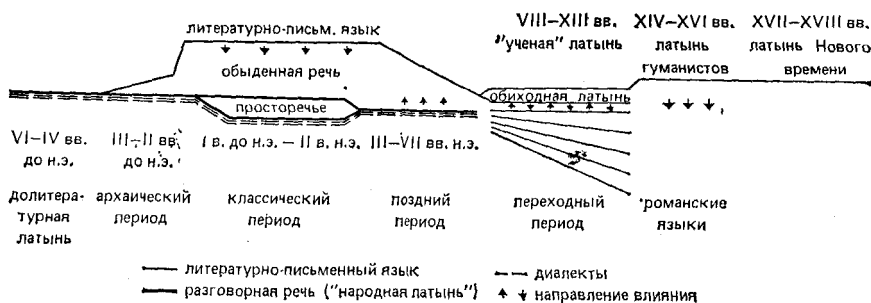
Пользуясь языком античных авторов, гуманисты неизбежно обогащали его элементами народных языки. Таким образом, начав с прямого отрицания народных языков, гуманизм привел в конечном счете к их возрождению в новом качестве.

Тем не менее, и в Новое время латинский язык продолжал вплоть до XVII в. использоваться в дипломатии, а в качестве международного языка науки и до XVIII в. включительно. Труды ученых разных стран в XVII и XVIII вв. написаны на латыни. Так, латинским языком пользовался в своих работах по различным отраслям знаний и в научной переписке М. В. Ломоносов.

Вплоть до наших дней латынь используется в качестве международного языка в медицине. Вся естественнонаучная номенклатура основана на латинской и греческой лексике, оформлена по правилам латинской грамматики. Латинский и греческий языки являются

неиссякаемым традиционным источником научной и технической терминологии, отражающей новейшие открытия международной научной мысли.

Сохраняются и гуманистические традиции использования латыни. Во многих филологических журналах мира публикуются статьи на латинском языке. Ряд периодических изданий посвящен специально современным литературным сочинениям на латыни. Судьба «живой латыни» служит темой регулярно проводимых международных конгрессов, организатором которых является созданная в Риме Международная Академия содействия латинской образованности¹.

Как видно из схемы, латинский язык на всех этапах своей истории был весьма неоднородным организмом. Во все периоды развития (за исключением, пожалуй, самого раннего) разговорная речь и письменный язык существовали параллельно, в той или иной степени влияя друг на друга. Степень и направление этого влияния варьировались в зависимости от исторических и социальных условий.

Разумеется, границы периодов весьма условны, так как невозможно в каждом отдельном случае четко определить сроки окончания одного этапа развития языка и перехода к следующему. Точно так же невозможно четко обозначить момент зарождения романских языков. Следы их возникновения теряются в «темных» VI—VII вв., когда в разрозненных частях бывшей Римской империи были почти полностью утрачены латинская образованность и школьная традиция. Скучные письменные свидетельства VIII в. также не проливают света на эту проблему. Лишь начиная с IX в., благодаря сохранившимся упоминаниям современников и отдельным, пусть весьма малочисленным, письменным фрагментам, воспроизводящим романскую речь, можно с уверенностью говорить о существовании, наряду с латинским языком, романских говоров, в дальнейшем оформляющихся в самостоятельные романские языки. Конкурируя поначалу с письменной латынью в области юриспруденции, литературы, образования, науки, религии, литературные романские языки последовательно вытесняют латынь из всех сфер культурного общения.

¹ Подробнее об этом см.: Боровский Я. М. Болдырев А. В. Латинский язык. М., 1975, с. 18—19.

Глава II. НАРОДНАЯ ЛАТЫНЬ

§ 27. Понятие народной латыни. Общеизвестно утверждение, что романские языки произошли из латинского языка. Более того, как правило, утверждается, что основой романских языков является не нормированный литературный латинский язык («классическая латынь»), а так называемая «народная (вульгарная) латынь» (ср. *англ.* vulgar Latin, *нем.* Volkslatein, *фр.* latin vulgaire, *исп.* latin popular, *ит.* latino volgare).

Однако сам термин «народная (вульгарная) латынь» в течение полутора веков развития сравнительно-исторического романского языкознания имел многочисленные толкования и интерпретации.

Большинство романистов XIX в. понимали под народной латынью язык социальных низов Римского государства (*sermo vulgaris*), противопоставляя ее классической латыни, то есть нормированному языку литературных сочинений римских писателей (Ф. Диц, Г. Шухардт, Ш. Дю Канж, Г. Грёбер, К. Гренджент).

Как уже было сказано выше (см. § 25), в последние века существования Римской империи общий политико-экономический и культурный упадок приводит к ослаблению нормирующего влияния литературного языка на повседневную речь. Видимо, именно это обстоятельство послужило причиной того, что противопоставление понятий «классическая» и «народная латынь» у ряда исследователей приобрело четко выраженный хронологический характер: народной латынью стали называть поздний, следующий за классическим этап развития латинского языка, непосредственно предшествующий возникновению романских языков (Г. Ф. Муллер, К. Баттисти, Е. Косериу).

Некоторые авторы вносили в термин «народная латынь» и территориальные ограничения. Так, например, Р. А. Холл предлагает применять термин «народная (вульгарная) латынь» к латыни предроманского периода лишь на территории будущих западнороманских языков, исключая, на основании фонетических расхождений, латынь южной и восточной частей Романии; для языка этих территорий предлагается термин «поздняя латынь».

Наряду с представлением о народной латыни как о языке беднейших слоев римского населения в последние века существования Римской империи возникает и иная точка зрения на народную латынь. Прежде всего, расширяются хронологические рамки этого понятия: народной латынью называют разговорную речь населения Римского государства во все периоды его существования (Ф. Ж. Моль, В. Мейер-Любке, Е. Косериу). При этом, хотя отдельные исследователи продолжают настаивать на включении в понятие «народная латынь» речи лишь низших или, в крайнем случае, средних слоев римского населения, не подвергавшихся влиянию литературного языка (К. Баттисти, Н. Г. Корлэтану, Е. Косериу), в наши дни все большее распространение и развитие получает плодотворное и перспективное определение народной латыни как разговорной речи всех слоев населения Римского государства во все периоды его существования (Г. Рольфс, М. В. Сергиевский, Б. Е. Видос, Г. Рейхенкрон, К. Тальявини).

В связи с этим качественно иной характер приобретает противопоставление «классическая — народная латынь». Если раньше под этими понятиями подразумевались два последовательных взаимноисключающих этапа в развитии латинского языка, а иногда и просто два различных языка (Г. Шухардт, Г. Грёбер, Р. А. Холл), при новом толковании термина «народная латынь», в сущности, речь идет о противопоставлении повседневно менявшейся разговорной речи и кодифицированного литературного языка (Е. Пульгрэм, В. Д. Элькок, Г. Рейхенкрон) или даже просто противопоставлении устного и письменного языка. Народная латынь теперь рассматривается по отношению к классической латыни как «вариант (временной, пространственный и социальный) общелатинской диасистемы»¹. Отмечается постоянное взаимодействие разговорной речи и письменного языка (М. В. Сергиевский, И. М. Тронский, К. Тальявини).

Вот почему все чаще возникают суждения о ненаучности противопоставления «классическая — народная латынь» (Е. Пульгрэм) и о несостоятельности термина «народная латынь» как не раскрывающего сути заключенного в нем понятия и даже мешающего правильному пониманию процесса образования романских языков (М. Кжепинский). Немецкий романист Г. Рейхенкрон считает, что наиболее соответствующими определениями этой формы латинского языка в античности являлись *lingua communis*, *lingua Romana communis*, *lingua latina communis*.

Заслуживает внимания предложение итальянского исследователя К. Тальявини ввести определения «разговорная латынь» (*latino parlato*) и «общая латынь» (*latino comune*) или «латинское койне» (*koiné latina*), чтобы избежать неверного толкования прилагательного «народная» (*volgare*). Ведь речь не идет лишь о разговорном языке беднейших слоев населения, гладиаторов, рабов, но о разговорном языке всех социальных слоев с бесконечными оттенками, поскольку никогда не существовало абсолютно единой народной латыни.

В последующем изложении, однако, в силу давно сложившейся и весьма устойчивой в наши дни традиции, будет использоваться термин «народная латынь», под которой понимается *общеразговорный латинский язык во все периоды его существования, с особым учетом всех тех инноваций, которые появились в поздний период его развития, непосредственно предшествовавший периоду формирования романских языков*.

Хотя разговорный латинский язык и имел много «предроманских» черт на всех этапах своего развития, однако целый ряд явлений (употребление аналитических глагольных форм, предложных конструкций, фонетические изменения и т. п.) получил окончательное развитие и распространение лишь в поздний период. Это обстоятельство следует учитывать и, не сводя всю народную латынь к поздней латыни, тем не менее, при изучении латинского языкового материала, легшего в основу романских языков, особое внимание уделять позднему периоду развития латинского языка.

¹ Грамматика и семантика романских языков. М., 1978, с. 12.

Разговорная и письменная (в том числе и классическая) латынь представляли собой лишь функциональные стили одного языка и, следовательно, имели больше общего, чем различного. Поэтому романские языки унаследовали от разговорной «народной» латыни как то, что ее отличало от классической, так и то, что было свойственно всем стилям латинского языка в целом. Это дало основание отдельным исследователям (например, польскому исследователю В. Манчаку) утверждать, что романские языки произошли от классической латыни. Поскольку в современной романистике под классической латынью обычно понимается не только нормированный литературный язык, но и язык определенного хронологического этапа в развитии латинского языка, то, разумеется, тексты классического периода также должны учитываться романистами наряду с более ранними и более поздними источниками в рамках проблемы народной латыни и происхождения романских языков.

§ 28. Проблема единства народной латыни. Дискуссию среди романистов вызвал и такой вопрос: являются ли различия между романскими языками результатом лишь разной истории народов, которые на них говорят, или причину следует искать глубже, в неоднородности самого латинского языка в различных частях огромного Римского государства.

Отсутствие ярко выраженных региональных различий в памятниках латинского языка всех периодов, включая и поздний, склоняло многих исследователей к мысли о том, что народная латынь — это своего рода единый праязык, лежащий в основе всего дальнейшего развития романских языков. При этом диалектные черты, встречавшиеся в надписях, рассматривались как случайные (В. Мейер-Любке, А. Мейе, Г. Ф. Муллер).

В то же время в языкознании постепенно утверждалась и иная точка зрения на состав народной латыни.

Г. Шухардт определял народную латынь как «сумму языковых ступеней и диалектов». Существование диалектных расхождений в латинском языке предполагали К. Гренджент, Ф. Ж. Мольт. Последний считал, что в период республики латынь Италии отличалась весьма заметным диалектальным дроблением и что в провинции, завоеванные римлянами до времени правления Августа, попадала именно эта диалектная латынь. В последующий период, по мнению Ф. Ж. Моля, развитие латинского языка пошло двумя путями: в языке провинций происходило сглаживание диалектных расхождений, тогда как в самой Италии они продолжали сохраняться.

Еще древние авторы отмечали различные стилистические варианты латинского языка. Цицероном и Квинтилианом противопоставляются римская *urbanitas* и *rusticitas* (Quint. Inst. orat. XI, 3, 10) или *rustica vox* (Cic. De orat. II, 11, 42). Латынь поздней республики и империи вряд ли могла быть единой, поскольку на ней говорило в прошлом разноязыкое население покоренных территорий.

Систематическая романизация провинций, проводимая различными средствами (школы, военная служба, административное управление)

привела к формированию в I в. до н. э.—I в. н. э. единообразной речи во всех провинциях, что достигалось повсеместным влиянием литературной формы речи. Но естественно предположить, что это единообразие латинской речи достигалось, главным образом, в городах, где внедрение литературного языка проводилось через школы и администрацию. В то же время в сельской местности, куда не простиралось влияние школ, вполне могли сохраняться диалектные особенности и просто местные языки, о чем есть упоминания в текстах современников.

Учитывая, что мы можем судить о состоянии языка лишь на основании дошедших до нас письменных свидетельств, можно предположить, что язык этих документов отражает речь лишь городского, обучавшегося в школах, знакомого с римской литературой населения.

Из вышесказанного следует, что основной тезис сторонников единства народной латыни, а именно, что письменные свидетельства практически не дают материала, достаточного для предположения полидиалектальности латинского языка, ~~наверен~~ по своей сути: письменные свидетельства не отражают устных вариантов народной речи, так как авторы их традиционно стремились к соблюдению литературной нормы. Такое положение дел продолжало сохраняться вплоть до последних лет существования Римского государства. Расхождения диалектного порядка, отчетливо проявившиеся в письменном латинском языке после деления Римской империи на Западную и Восточную (с IV в.) и особенно после распада Западной Римской империи (V в.), вызваны не только влиянием языка германцев — завоевателей бывшей Римской империи, но и большим проявлением, в связи с утратой школьной и литературной языковой традиции, диалектных особенностей, изначально существовавших и сохранявшихся в речи сельского населения.

В лингвистической литературе существуют различные мнения по поводу датировки возникновения диалектов в латинском языке. Одни исследователи предполагают, что народная латынь — это продукт сложного взаимодействия итальянских диалектов и, следовательно, изначально полидиалектальна на территории Италии, но что латынь, проникшая на территорию провинций, уже находилась под сильным влиянием литературной нормы и поэтому должна была быть более или менее едина (Ф. Ж. Моль)¹. Тезис о ранней диалектализации латыни нашел поддержку у целого ряда современных исследователей (М. В. Сергиевский, В. Вээнэн и др.). Другие авторы считают, что явления, особенные для каждой области Романии и не свойственные другим областям, — наглядное доказательство того, что диалектное членение началось со времени завоевания провинций и что различия романских языков были заложены с момента проникновения латыни на эти территории (М. Кжепинский).

¹ Подобную ситуацию отмечают М. Л. Вагнер и А. Алонсо относительно испанского языка в Латинской Америке: от деревни к деревне в самой Испании диалектальных различий больше, чем от страны к стране в Латинской Америке.

К сожалению, мы имеем минимальную возможность реально судить о диалектных особенностях латинского языка. Тем не менее, попытки их выявления предпринимались различными исследователями при изучении конкретного материала, преимущественно надписей. Так, у Р. А. Холла мы находим характеристику диалектных зон народной латыни, А. Карнуа дает описание латыни Иберийского полуострова, М. Боннэ и Ж. Пирсон — галльской латыни.

В. Пизани считает, что именно гетерогенность народной латыни является начальной причиной существования диалектов в романских языках, в частности, итальянских диалектов.

Точка зрения, согласно которой разговорный латинский язык никогда (кроме, может быть, начальной стадии его существования, когда на нем говорило лишь население Рима и ближайших окрестностей) не был единым, а обладал диалектными особенностями в каждой области Италии, в каждой провинции, представляется убедительной и плодотворной. Эти диалектные особенности в период господства литературной нормы подавлялись и не имели доступа в письменную речь, а после утраты литературной и школьной традиции получили свободное развитие и сыграли свою роль в формировании романских языков.

§ 29. Хронологический аспект проблемы народной латыни. Под хронологическим аспектом проблемы народной латыни понимается вопрос о моменте «затухания» латыни как языка живого общения и ее «перерастания» в романские языки.

Этот вопрос всегда рассматривался учеными в тесной связи с вопросом о возникновении романских языков и вызвал не менее острую полемику, чем само понятие «народная латынь» и проблема ее единства.

Уже в языкознании XIX и начала XX вв. исследователи традиционно относили возникновение романских языков к VI—VII вв. Соответственно, рубежом этих веков определялась и дата «смерти» латинского языка.

В то же время, в 20-е гг. XX в., американский исследователь Г. Ф. Муллер, а затем его последователи утверждали, что вплоть до VIII в. общеразговорным языком Романии была народная латынь, о состоянии которой мы можем судить по сохранившимся латинским текстам того времени. Исследователи отодвигали, таким образом, возникновение романских языков к концу VIII в. В доказательство эти авторы приводили тот факт, что самые ранние из дошедших до нас памятников романских языков датированы IX веком. Таким образом, по справедливому замечанию советского романиста Е. А. Реферовской, если согласиться с Муллером, то «окажется, что мервингская латынь прямо переходит в язык древнейших французских памятников»¹. Но ведь зарождавшиеся романские языки никак не могли буквально с первых шагов своего становления получить письменное отражение. И ярким доказательством этого служат сами ранние

¹ Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков. М.—Л., 1966, с. 136.

романские тексты. Как пишет Е. А. Реферовская, «трудно поверить, чтобы эти древнейшие французские памятники были первыми неуверенными шагами новой письменности».

Не нужно, видимо, вообще ставить в последовательные и взаимоисключающие позиции существование латыни и зарождение новых романских языков.

Прежде чем пытаться найти ответ на вопрос, когда латынь перешла в разряд «мертвых» языков, следует уточнить, что называть «смертью» языка, какие критерии позволяют считать язык перешедшим в разряд «мертвых».

А. Мейе, Ж. Вандриес считают, что язык умирает, когда у говорящего возникает ощущение, что он заменил его другим языком, когда те, кто говорит на этом языке, больше не испытывают необходимости, склонности, желания говорить на нем. Подобные определения, не претендуя на абсолютность, правильно оценивают ситуацию, когда утрачивается литературная традиция, культурная престижность языка, и усилия говорящих на нем, таким образом, не поддерживаются никакими стимулирующими факторами. Следствием отсутствия повседневной опоры в устной речи является педантичность, употребление традиционных формул, лишенных содержания. Вся система языка теряет свою эластичность, грамматика фиксируется, окостеневает.

Развитие языка связано с развитием всей культуры общества. Изменение языка происходит в период, когда для определенной группы индивидов определенная форма культуры отступает под натиском новых форм, считает итальянский исследователь Б. Террачини. Поскольку процесс этот длителен, то «смерти» языка предшествует довольно продолжительный период двуязычия — понимая это слово в его общем значении, — одновременного присутствия в одном обществе двух различных форм лингвистической и культурной традиции. Именно такая ситуация возникла на территории Романии в период распада Римской империи и возникновения новых государств.

Любой язык имеет много аспектов: литературный, технический, повседневного общения, экспрессивный и т. д., как справедливо указывают в своих работах Дж. Девото, Г. В. Степанов. Видимо, не следует искать категорического ответа на вопрос, продолжал ли латинский язык существовать в Средневековье или «умер» после падения Римской империи. «Жизнь» и «смерть» языка являются процессами сложными и гетерогенными. Даже если латынь выходит из повседневного устного обихода, это лишь свидетельствует о переходе ряда функций к разговорным романским языкам, но не об «умирании» латыни. Она продолжает реализоваться в ряде других аспектов: литературном, техническом, научном. Такая ситуация сохраняется на протяжении всего Средневековья до формирования письменных романских языков, а отчасти и в первые века после их возникновения. Правда, выступая в роли официально-делового языка науки, юриспруденции, культуры, церкви, латынь, потерявшая к этому времени поддержку устной речи, неизбежно стремилась к единообразию, теряя при этом гибкость и экспрессивность.

Таким образом, можно считать, что латынь как средство живого общения продолжала функционировать еще долгое время после падения Западной Римской империи на протяжении всего Средневековья, постепенно уступая различные сферы употребления новым романским языкам. Окончательный разрыв латыни с языковой активностью народных масс, с устной традицией происходит в период высокого Возрождения (XV—XVI вв.). Этот разрыв, которому немало способствовало творчество гуманистов, был подготовлен всей предыдущей историей латинского языка и поэтому был безболезненным и безвозвратным. Сохранение в дальнейшем латинского языка в качестве международного языка науки и дипломатии вплоть до XVIII века включительно никак не повлияло на его развитие, не повело к раскрытию новых, еще не использованных ресурсов, из чего следует, что сохранение это было искусственным, вызванным не лингвистической, а исторической ситуацией, когда еще ни один из иностранных языков не выдвинулся в качестве средства общения при международных контактах.

Глава III. ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Помня о том, что наука, к сожалению, не располагает прямыми свидетельствами разговорного латинского языка, перечислим те типы памятников, которые могут быть использованы в качестве источников информации о состоянии разговорного латинского языка на различных этапах его существования. Разумеется, этим материалом надо пользоваться с постоянным учетом того, что по самой своей природе (письменные документы) он не мог адекватно передавать разговорную латинскую речь, так как всегда в большей или меньшей степени находился под влиянием письменной литературной нормы.

§ 30. Надписи. Этот вид памятников имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. Преимущество надписей заключается в том, что в силу специфики материала они — единственный вид памятников, дошедший до наших дней в «оригинале», в отличие от всех других, прошедших через руки средневековых переписчиков. К числу достоинств относится и локальная определенность надписей, также обусловленная материалом, — они делались в основном на различных постройках, надгробиях и т. п. (не считая, конечно, надписей на утвари, украшениях, которые могли менять хозяина, а следовательно, и «место жительства»). Благодаря информативному характеру большинства надписей, обычно бывает возможно осуществить их датировку, что немаловажно для выявления диахронической картины изменений в народной латыни. В то же время трудность обработки материала, а также относительное однообразие содержания надписей (как правило, фиксирование наиболее важных моментов общественной и личной жизни) обусловили «связанность» текста, обращение к традиционным формулам. Это неизбежно затушевывало местные, временные и индивидуальные особенности в языке памятников. По-

этому особый интерес представляют надписи личного, частного характера, менее связанные с определенными традиционными моделями.

До нас дошли надписи, относящиеся практически ко всем этапам существования латинского языка: архаическому, классическому, позднему. Это обстоятельство очень важно и ценно, так как благодаря ему мы имеем возможность, сравнивая надписи, относящиеся к различным хронологическим срезам, наблюдать эволюцию латинского языка от периода его формирования до периода перехода в романские языки. При этом обнаруживается, что ряд явлений, унаследованных романскими языками от разговорного латинского языка, уходит своими корнями в самые ранние этапы его развития. Подобное наблюдение служит убедительным доказательством того, сколь необходимо для романиста внимательное изучение латинского языка на протяжении всей истории его существования.

Рассмотрим для примера несколько надписей, представляющих различные этапы развития латинского языка. Для начала возьмем несколько строк из эпитафии консула Луция Корнелия Сципиона (III в. до н. э.):

Honc oino ploirume cosentiont R (omai)
Duonoro optumo fuise uiro
Luciom Scipione... (CIL, I ²)

«В Риме многие соглашались насчет него одного, что он был лучшим из хороших мужей, Луций Сципион...»

Почти во всех словах мы сталкиваемся с отпадением конечного **m** и употреблением в конечном слове **o** вместо **u**: oino вм. unum, cosentiont вм. consentiunt, duonoro вм. bonorum, optumo вм. optimum, uiro вм. virum, Luciom вм. Lucium, Scipione вм. Scipionem; кроме того, наблюдаются и другие фонетические явления: архаический дифтонг **oi** (ploirume вм. plurimi, oino вм. unum), опущение **n** перед **s** (cosentiont вм. consentiunt), архаическое **du**, перешедшее в III в. до н. э. в **b** (duonoro вм. bonorum), закрытый гласный перед губным согласным, обозначавшийся на письме как **u** (с середины I в. до н. э. — как **i**): ploirume = plurimi, optumo = optimum, наконец, honc = hunc.

Уникальными в своем роде явились материалы, полученные при раскопках древнего римского города Помпеи, погибшего в результате извержения Везувия в 79 г. н. э. Застывшая лава, закрыв доступ воздуху, спасла для современных исследователей любопытнейшие свидетельства повседневной жизни в то далекое время. Среди них — фрески, служившие для украшения домов, и различная «настенная литература», от афиш и объявлений до счетов в тавернах и даже личных оскорблений и насмешек, что, видимо, и дало основание одному из жителей, в свою очередь, написать (кстати, на правильном классическом языке, доказывающем образованность пишущего):

Admiror te paries non cecidisse ruinis
Qui tot scriptorum taedia sustineas (CIL, IV, 2487)

«Я удивляюсь, стена, как ты не рухнула, выдерживая пачкотню стольких писак».

Вот некоторые примеры помпейских надписей: *hec* (вм. *haec*) *venatio pugnabit* (вм. *pugnabit*) *Vk Septembres et Felix ad* (вм. *contra*) *ursos pugnabit* (CIL, IV, 1989) — «Это сражение состоится за пять дней до сентябрьских Календ, и Феликс сразится с медведями» (наблюдается упрощение диграфа *ae*, смещение *e* и *i* в конечных слогах, замена предлога); *Virum vendere polo meom* (CIL, IV, 3061) — «Мужа своего продавать я не хочу» (смещение *u* и *o* в конечном слоге — тенденция, прослеживавшаяся еще в архаической латыни; *Quisquis ama* (вм. *amat*) *valia* (вм. *valeat*), *peria* (вм. *pereat*) *qui nosci* (вм. *nescit*, из *non scit*) *amare, bis* (*t*)*anti* (= *tanto*) *peria* (= *pereat*) *quisquis amare vota* (вм. *vetat*) (CIL, IV, 1173) — «Да здравствует всякий, кто любит, да сгинет тот, кто не умеет любить, и дважды пусть сгинет тот, кто запрещает любить» (в этой надписи отмечаем отпадение конечного *t*, *e* перед гласным переходит в *i*, а также зафиксировано архаическое *vo* перед *t*).

Помпейские надписи иллюстрируют нам состояние разговорного латинского языка в одной из римских колоний в классический период его развития.

А вот надписи позднего периода латинского языка: *Secundinus mulomedicus fecit sibi domum eterna* (CIL, VI, 9611, Рим) — «Ветеринар Секундин сделал себе вечный дом» (здесь отмечается отпадение конечного *m* и исчезновение дифтонга *ae*: *eterna* вм. *aeternam*). *Hic requiscunt menbra ad duus fratres Gallo et Fidencio, qui foerunt fili Magno cl. et uixerunt in pace* (анн.) XVIII. (CIL, XIII, 2483, около Лиона) «Здесь покоятся тела двух братьев Галла и Фиденция, которые были сыновьями светлейшего Магна и жили в мире 18 лет...» (в этой надписи зафиксировано развитие предложных конструкций: *ad duus fratres* вм. *duorum fratrum*; смещение конечных *u* и *o*: *duus* вм. *duos*; исчезновение падежей: имена *Gallo*, *Fidencio* и *Magno* приводятся как неизменяемые; диссимиляция: *menbra* вм. *membra*; стяжение гласных в зиянии: *requiscunt* вм. *requiescunt*).

Наиболее полным собранием латинских надписей является *Corpus inscriptionum latinarum*, CIL («Свод латинских надписей»). Это издание осуществил коллектив крупнейших специалистов Берлинской академии наук в области латинской эпиграфики под руководством видного ученого Теодора Моммзена. В основу классификации надписей был положен территориальный принцип, согласно которому 100 000 надписей сгруппированы в 16 томов, причем эти тома состоят из отдельных частей, выпусков и имеют приложения. В качестве дополнения к изданию было выпущено три альбома, где воспроизведен внешний вид и шрифт надписей.

Однако этот самый полный и авторитетный свод надписей из-за своего большого объема не очень удобен в повседневной работе. Для этих целей более удобно сделанное на высоком научном уровне издание Германа Дессау (сокращение *Dess*). Оно состоит из трех томов (пять книг) и включает 9522 важнейшие надписи, сгруппированные не по географическому принципу, а по содержанию и хронологии.

Текст надписей сопровождается подробными комментариями, где указывается время, место находки и хранения и надписи, расшифровка наиболее сложных сокращений.

§ 31. Художественная литература. Наиболее богатый материал дают тексты начального этапа римской литературы, III—II вв. до н. э., когда еще окончательно не сложилась норма литературного латинского языка, — драматургическое наследие Плавта и Теренция. Комедии Плавта написаны на разговорном языке образованных римлян того времени. Но, идя навстречу своему простому зрителю, Плавт наполняет пьесы пословицами, прибаутками и, разными словечками и даже ругательствами, то есть всем арсеналом лексикона римских улиц, благодаря чему язык его персонажей представляет собой прекрасный образец разговорной латинской речи и позволяет судить о характерных для этого времени языковых явлениях.

Рассмотрим несколько строк из его «Ослиной комедии» (Asin. 664 ss.):

Phil.: Da, meus ocellus, mea rosa, mi anime, mea voluptas,
Leonida, argentum mihi: ne nos diiunge $\equiv$ amantis
Leon.: Dic igitur me passerulum, gallinam, $\circ$ coturnicem,
Agnellum, haedillum me tuum dic esse vel vitellum:
Praehende auriculis, compara labella cum $\cap$ labellis

.....
Nimis bella's amabilis

Филения: Дай, мой глазочек, моя роза, душенька, наслаждение,
Леонид, мне денег; не разлучай нас, любящих
Леонид: Тогда скажи, что я воробушек, курочка, перепелка,
Скажи, что я твой ягненок, козленочек или теленок,
Возьми за ушки, приблизь губки к губкам

.....
Красавица милейшая...

Этот отрывок наглядно иллюстрирует особенности разговорной лексики: мы встречаем целый ряд уменьшительных форм, характерных для разговорного языка (ocellus вм. oculus, passerulus вм. passer, agnellus вм. agnus (ср. *ит.* agnello), haedillus вм. haedus, vitellus вм. vitulus (*ит.* vitello), auricula вм. auris (ср. *ит.* orecchio, *фр.* oreille, *исп.* oreja), labellum вм. labrum. Кроме того, вместо звательного падежа используется именительный (meus ocellus), в конечном безударном слого употребляется o вместо u (tuum вм. tuum), i вм. e (amantis вм. amantes), происходит рекомпозиция (этимологическая реконструкция) приставки (compara вм. класс. $\equiv$ compara), употребляется императив с отрицанием ne (ne diiunge вм. класс. noli diiungere), в классический период возможный только у поэтов, а также используется прилагательное bellus (класс. pulcher).

Встречаем мы у Плавта и характерные для разговорного языка предложные конструкции вместо косвенных падежей (ad carnificem dabo (Carp. 1019) вм. carnifici dabo — 'я отдаю ам палачу'), и описательные степени сравнения (plus infesta (Cas. 63.39) — 'более враждебная', ср. класс. infestior), и другие явления разговорной речи.

Горацию язык Плавта не нравился; Цицерон находил его несколько архаичным. Зато любитель грубоватой, но выразительной народной речи Варрон (I в. н. э.) повторял, вслед за грамматиком Элием Стилоном, что на языке Плавта заговорили бы сами Музы, если бы они спустились на землю.

О Теренции нам известно, что его пьесы регулярно покупались эдилами для всенародных представлений, а комедия «*Andria*» («Андрианка») несколько раз возобновлялась даже после его смерти, что доказывает их популярность. В прологах своих комедий автор часто обращается к широкой публике. Поэтому, хотя изящный язык пьес Теренции и очень далек от плавтовской речи, очевидно, что и этот драматург ориентировал речь персонажей своих комедий на многочисленных зрителей, откуда обязательные просторечные обороты, разговорный строй фразы, впоследствии нежелательные в литературной норме, например: *expers partis... de nostris bonis* (Heaut. 653) «лишена части... нашего достояния» (предложная конструкция вместо родительного падежа).

Классический период оставил нам свидетельства живой разговорной речи в поэтических произведениях. Возьмем строки из Катиллы (I в. до н. э.):

Tam bellum mihi passerem abstulistis
O factum male! O miselle passer!
Tua nunc opera meae puellae
Flendo turgiduli rubent ocelli (III, 15—18)
«Ты воробушка чудного похитил.
О злодейство! Увы, несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез соленых, горьких
Покраснели и вспухли милой глазки»
(пер. А. Пиотровского)

И здесь мы опять сталкиваемся с обилием уменьшительных форм: *miselle* вм. *miser*, *turgiduli* вм. *turgidi*, *ocelli* вм. *oculi*, употреблением разговорного прилагательного *bellus* вместо классического *pulcher*. Элизия служит доказательством тенденции языка к устранению зияния.

Интересный материал дает эпистолярное наследие — особенно письма Цицерона. Наибольший интерес представляет переписка оратора с его другом Аттиком. Эти письма часто написаны наспех, они ярко передают настроение автора и, благодаря их необработанности, являются достоверным свидетельством повседневного разговорного языка их автора: *Tantum habeo tibi polliceri* (Ad fam. I, 5) — «Могу только тебе обещать...» (перифраза в значении будущего времени), или *... ut certior fieret quo die in Tusculanum essem futurus* (Ad Att. XV, 4, 2) — «... сообщить ему, когда я буду в Тускулане» (аккузатив при глаголе состояния указывает на смешение этих глаголов с глаголами движения).

Очень большой материал дает первый римский роман, *Satyræ* или *Satyricon libri* («Сатирикон») Петрония. Отрывок из этого романа *Cena Trimalchionis* («Пир Тримальхиона») представляет собой великолепный образец разговорного языка того времени, сознательно

воспроизведенного автором. Это беседы участников пира — разбогатевшего вольноотпущенника Тримальхиона, человека глупого и невежественного, кичащегося своим богатством, и его гостей, таких же выскочек. Так, объявление на дверях дома Тримальхиона гласит: *Noster foras cenat* (30) — «Наш обедает вне дома» (*foras* вм. *foris* — смещение аккузатива и аблатива); в другом месте главный герой, бывший гостем на пиру у Тримальхиона, замечает: *Allata est tamen gustatio valde lauta* (31) — «... между тем подали роскошную закуску» (зафиксирован описательный способ образования превосходной степени). В лексике персонажей много слов разговорного стиля, не встречавшихся в классическом языке. Вот, например, несколько фраз, произнесенных одним из гостей Тримальхиона: *Homo bellus, tam bonus Chrysanthus animam ebuliit... Minoris quam muscae sumus... nos non pluris sumus quam bullae... Placatus est optime... etiam si maligne illum ploravit iuxta* — «Прекрасный человек, очень хороший, Хрисанф отдал богу душу... Мы меньше, чем мухи... Мы не более, чем мыльные пузыри... Прекрасно был он оплакан... даже если жена его оплакивала неискренне». И здесь употреблено разговорное прилагательное *bellus* вместо классического *pulcher*, а также два глагола разговорной лексики *plangere* и *plorare* — «плакать» вместо классического *flere*. И здесь в конечном безударном слоге *i* смешивается с *e*: *minoris*, *pluris* вм. *minores*, *plures*. Речь героев отражает характерные для разговорного языка этого времени фонетические отступления от литературной нормы: *coda* 'хвост' (класс. *cauda*), *derectum* 'прямо' (класс. *directum*). Зафиксированы отклонения в грамматической системе: переход существительных среднего рода в группу мужского рода (*fatus* вм. *fatum* 'судьба'), развитие предложных конструкций (*unus de nobis* вм. *unus nostrum* 'один из нас') и т. д. Много пословиц, чисто разговорных выражений: *Sed mulier quae mulier milvinum genus* 'но женщина есть женщина, коршуново племя'; *habemus aedium trium cauniarum* 'имеем трехгрошового эдила' (стоящего три фиги); *maiores maxillae* 'обжоры' (буквально: 'огромные пасти', метонимия) и т. д.

§ 32. Специальная литература. «Специальная литература» — это трактаты по медицине, кулинарии, сельскому хозяйству, архитектуре и другим отраслям знаний.

Авторы этих сочинений, знатоки своего дела, как правило, не искушены в тонкостях литературного языка. Примером может служить кулинарная книга известного римского гастронома I в. н. э. Апиция «*De re coquinaria*» («О кулинарном деле»). Ее автор не только воссоздает перед нами картины повседневной жизни Рима того времени, благодаря собранным в книге полезным советам, *ut ut diu servantur* «как (букв. чтобы) сохранить виноград», *de liquamine emendando* «об улучшении вкуса бульона», *ut carnes sine sale quovis tempore recentes sint* «как долго сохранить мясо свежим, не присаливая его» и т. д.; он произвольно дает и любопытный материал для лингвиста, демонстрируя разговорный синтаксис: *Ex moris succum facito, et cum sapa misce, et in vitro vase cum moris mitte, custodies*

multo tempore — «Сделай из ежевики сок и смешай с виноградным соком и помести (влей) в стеклянный сосуд с ежевикой, сохранишь в течение долгого времени»; массу слов из ежедневного обихода, часто заимствованных из других языков: германизмы *beta* 'свекла', *lomentum* 'ломоть, кусочек', грецизм *sinapi* 'горчица' и т. д. Язык книги очень прост, даже лаконичен, что обусловлено самим ее характером.

Широко известен трактат «*De architectura*» («Об архитектуре») Марка Витрувия Поллиона, жившего во времена Юлия Цезаря и Августа (I в. до н. э.). Витрувий часто использует в своем сочинении различные разговорные обороты, выглядящие с точки зрения литературной нормы просто как ошибки, что понимает и сам автор, оговариваясь: *non enim architectus potest esse grammaticus* «ведь архитектор не может быть грамматиком».

Следует упомянуть также перевод с греческого ветеринарного пособия, приписываемого Хирону «*Mulomedicina Chironis*» (вторая половина IV в.), фармацевтический справочник Марцелла Эмпирика «*De medicamentis liber*» (V в.), трактат по кулинарии греческого врача Анфима (первая половина VI в.) и т. д.

Написанные в форме советов и рекомендаций и преследующие в первую очередь цель быть понятными для любого читателя, тексты этих произведений содержат много разговорных элементов; в них не обнаруживается стремления следовать литературной норме, благодаря чему мы получаем возможность наблюдать живую речь горожан того или иного столетия.

§ 33. Исторические сочинения. В эту группу намятников входят анналы, хроники. Поскольку авторы, осознавая книжный характер своих трудов, стремились к общепринятой литературной норме, то материал по народной латыни можно извлечь лишь из поздних текстов, относящихся к периоду, когда утрачивались литературная и школьная традиции, когда не только разговорный, но и письменный язык даже образованных людей сильно отличался от традиционной литературной нормы. Интересен пример с известным историком VI в. Григорием Турским. Выходец из знатной галло-римской семьи, впоследствии епископ г. Тура, пользующийся уважением и почетом у франкских королей, он получил наилучшее по тем временам образование. Его «*Historia Francorum*» является важным источником по истории Франкского государства в период правления династии Меровингов. Тем не менее, язык этого сочинения нередко грешит отступлениями от классической нормы, доказывающими, что для автора эта норма — результат заучивания, а не естественного употребления: *Siacrius Romanorum rex... apud civitatem Sexonas... sedem habebat* (HF II, 27) — «Сиагрий, римский наместник (Григорий Турский называет его королем, так как он получил эту должность по наследству от своего отца) находился в городе Суассон» (*apud civitatem* вм. *class. in civitate*); *Quem Chlodovechus receptum custodiae mancipare praecipit; regnoque eius acceptum, eum gladio clam feriri mandavit* (HF II, 27) — «Схватив его (Сиагрия), Хлодвиг велел держать его под стражей; и завладев его королевством, приказал тайно убить его

мечом» (*regnoque... acceptum* вм. *regnoque accepto*; смешение форм аблатива и аккузатива в обороте *ablativus absolutus*).

Употребление *apud civitatem* вместо класс. *in civitate* иллюстрирует характерный для поздней латыни свободный незначимый выбор среди синонимических форм под влиянием механизма неиндивидуальной речи — узуса. Особенно широко тенденции на уровне узуса представлены предпочтением падежным именным формам предложных, синтетическим глагольным формам перифрастических. Эти более употребительные формы то и дело возникают в тексте, несмотря на стремление автора следовать классической норме.

Аналогичные примеры отклонения от литературной нормы и отбора форм на уровне узуса можно встретить и в других хрониках раннего Средневековья: у готского историка VI в. Иордана, у образованнейшего историка лангобардов VIII в. Павла Диакона и др.

Еще разительнее и регулярнее нарушения классической нормы в тех случаях, когда составлением этих хроник занимались люди с невысоким образованием (например, хроника Фредегария, VII в.). Если у Григория Турского отступления от правил классической грамматики наблюдаются от случая к случаю и средневековая принадлежность текста определяется, главным образом, по новому «предроманскому» синтаксису, то хроника Фредегария буквально наводнена грамматическими неправильностями. Вот, для сравнения, наиболее понятный отрывок из нее: *Consenso senato* (вм. *consensu senatus* — смешение конечных **u** и **o** и уподобление падежа) *et militum elevatus est Justinianus in regnum. Oppraesso* (вм. *oppresso* — гиперкоррекция) *rege Persarum, cum vinctum tenerit* (вм. *teneret* — смешение конечных **i** и **e**) *in cathedram* (вм. *in cathedra* — гиперкоррекция в связи со смешением асс. и abl. и отпадением конечного **m**) *quasi honorifice sedere jussit, quaerens ei civitatis* (вм. *civitates* — смешение конечных **i** и **e**) *et provincias rei publice* (вм. *publicae* — исчезновение диграфа) *restituendas; factisque, pactionis vinculum firmarit* (вм. *firmaverit* — косвенная речь). *Et ille respondebat «Non dabo». Justinianus dicebat: «Daras»* (вм. *dabis*) *Ob hoc loco illo, ubi haec acta sunt, civetas* (вм. *civitas* — смешение безударных **i** и **e**) *nomen* (вм. *nomine* — смешение асс. и abl.) *Daras fundata est iusso Justiniano* (вм. *iussu Justiniani* — смешение конечных **u** и **o** и уподобление падежа) *quae usque* (вм. *usque ad*) *hodiernum diem hoc nomen* (вм. *hoc nomine* — смешение асс. и abl.) *incipiatur* (вм. *incipitur* — смешение безударных **u** и **o**) (II, 62). «С согласия сената и воинов на царство взошел Юстиниан. Победив и связав царя персов, он приказал ему сидеть на троне как бы в знак почета, прося у него вернуть города и провинции государства. Если это будет сделано, то он подпишет мир. И тот отвечал: «Не дам». Юстиниан говорил: «Дашь». В том месте, где это происходило, был основан город под названием «Дарас» («Дашь») по приказу Юстиниана, который по сей день носит это имя».

Именно в хронике Фредегария впервые зафиксирована романская форма будущего времени (*daras* = **dare has* < *habes*).

§ 34. Юридические документы. Это судебники («правды») германцев, поселившихся на бывших римских территориях, написанные на латинском языке; в силу малограмотности писавших, они донесли до нас особенности устной латинской речи того периода, изобиловавшей варваризмами.

Видимо, при Хлодвиге, в конце его правления, создается сборник судебных законов франков «Lex Salica» («Салическая правда», датируется началом VI в.), где отразился общественный строй франков конца V — начала VI вв. Документ этот был составлен на латинском языке. Приведенные ниже некоторые пункты этого судебного закона служат иллюстрацией состояния латыни в этот период на территории Франкского государства: Si quis servo aut caballo vel jumentum furaverit... MCC dinarios, qui faciunt solidos XXX, culpabilis iudicetur (10, 1) — «Если кто украдет раба или лошадь, или выючное животное, присуждается к уплате 1200 динариев, что составляет 30 солидов».

Мы видим отпадение конечного **m** и фонетическое смешение безударных **u** и **o** (классические формы: *servum*, *caballum*), чему способствует характерное для этого периода смешение аккузатива и аблатива (ср. ниже *dinarios* вм. *denariis*), в связи с ломкой всей падежной системы; в том же слове *dinarios* мы видим в начальном безударном слове переход **e** в **i**, ср. *ит.* *nipote*, *sicuro* из *лат.* *nepote* (**m**), *securu* (**m**).

К VI в. относится и «Lex Ribuaría» («Рипуарская правда») — судебник рипуарских франков, живших на среднем Рейне, чья территория во время правления Хлодвиги была включена в состав Франкского королевства. Текст «Рипуарской правды» обнаруживает значительное влияние «Салической правды». В языке этого документа также отмечаются многочисленные отступления от классической нормы.

Дошел до нас и текст кодекса законов лангобардов «*Edictus Rothari*» (643 г.), составленный в правление короля Ротаря (636—652 гг.), при котором укрепляется политический строй Лангобардского королевства и лангобарды достигают новых успехов в борьбе с Византией. Отражая архаические обычаи племени лангобардов, эдикт содержит также ряд установлений, явившихся следствием завоевания Италии и возникновения Лангобардского государства. Написанный на латинском языке, документ содержит большое количество лексических заимствований, необходимых для передачи понятий германского быта: Si quis in exercito ambulare contempserit aut in sculca dit regi et duci suo solidos XX (IV, 21) — «Если кто пренебрежет пойти в военный поход или в караул, уплатит королю или своему герцогу 20 солидов».

Здесь, наряду с уже знакомым нам смешением падежей, а также переходом **e** в **i** (*dit* вм. *det*), встречаем слово **sculca** — заимствование из германского *skalka* ‘вахта’, ‘караул’. Или: Si quis servum alienum bovilco de sala occiderit, conponat solidos viginti (IV, 133) — «Кто убьет раба-скотника из господского двора, выплачивает 20 солидов» (*sala* — германизм, означает ‘жилище’, ‘дом’).

На латинском языке составлен и судебный кодекс вестготов «*Lex Romana Visigothorum*» (V—VI вв.).

§ 35. Литература религиозного содержания. («Христианская литература»). Это понятие охватывает обширный круг сочинений, неоднородных по своему характеру.

Прежде всего, это переводы библии. Ранние (до IV в.) переводы библии известны под общим названием «Itala». Они были сделаны с греческого языка (Septuaginta, «Перевод 70 толковников»). Исследователи особо отмечают рукописи Италы, известные под названием «Afra» — перевод библии, осуществленный в Африке, — как источник изучения особенностей африканской латыни. В конце IV в. монах Иероним делает новый, адаптированный *ad usum vulgi* («для народного пользования») перевод библии на латинский язык, откуда и его название «Vulgata».

Будучи сам образованнейшим человеком, владея древнееврейским, древнегреческим и латинским языками, знаток Цицерона (в силу чего, как сокрушался сам Иероним, язык его перевода получился *ciceronianus non christianus*), Иероним, тем не менее, убежден, что *in ecclesiasticis rebus non quaerantur verba, sed sensus* (Comm. in Ezechiel, PL, XXII, 394) — «в церковных делах надо искать не слова, а смысл». Следовательно, нет нужды в усвоении правильного латинского языка, а знакомство с языческой литературой, дающей образец этого языка, просто вредно: *Daemonum cibis est carmina poetarum, saecularis sapientia, rhetoricorum pompa verborum* — «Бесовская пища — стихи поэтов, мирское знание, пышность риторических речей». Образование, в представлении Иеронима, должно строиться на изучении одних только христианских текстов.

Язык нового перевода библии явил собой новую, достаточно простую модель латинского языка — новый источник нормы и стилистический образец. Более того, это было «Священное Писание», (*Sacra Scriptura*), изменения которого были недопустимы.

Другую значительную группу текстов «христианской литературы» составляют сочинения «отцов церкви» — жизнеописания святых, проповеди и т. д., — ориентированные на широкие народные массы. Если язык литургии застывает, кристаллизуется, то язык проповедей должен был быть максимально гибким и приспособляться к речи прихожан, имевшей различную диалектальную окраску в каждом городе и каждой деревне. Это прекрасно понимали «отцы церкви»; так, Иероним писал о латыни, что она *regionibus cotidie mutatur et tempore* — «постоянно меняется в зависимости от места и времени». Таким образом, чтобы быть понятными народным массам, авторы проповедей и текстов, рассчитанных на широкого читателя или слушателя, вынуждены были все более удаляться не только от далеких моделей классической латыни, но и от современного им образца библейской латыни. Августин писал: *Consuetudo vulgaris utilior est quam integritas litterata* (De doctr. christ. XIII, 20) — «Народная речь полезнее, чем литературная безупречность». Ему же принадлежат слова: *Melius est reprehendat nos grammatici quam non intelligant populi* (De doctr. christ., XV, 10) — «Лучше пусть осудят нас грамматик, чем не поймет народ». А у Цезария Арльского находим такое рассуждение: *Quia imperiti et simplices ad scholasticorum altitudinem non*

possunt ascendere eruditi se dignentur ad illorum ignorantiam inclinare (Sermones, LXXXVI) — «Если простые и необразованные (люди) не могут подняться на высоту ученых, пусть образованные спустятся на уровень их невежества». Отсюда — сознательное «упрощение» языка, «подлаживание» под разговорный стиль.

И наконец, значительное место в «христианской литературе» занимают описания паломничеств монахов к святым местам, дающие наиболее благодатный материал для исследователя, так как авторы их часто — из простонародья, с очень незначительным образованием. В их сочинениях, несмотря на стремление авторов следовать литературной норме, в изобилии встречаются разговорные элементы. К тому же все описания паломничеств составлялись в Средневековье, отделенное уже несколькими столетиями от эпохи господства классической нормы. Особенной популярностью у исследователей народной латыни пользуется «*Silviae vel potius Aetheriae Peregrinatio ad loca sancta*» («Странствование к святым местам Сильвии, или вернее Этери»), памятник, называемый также «*Itinerarium Egeriae*» («Описание путешествия Эгерии»), датируемый предположительно V веком и представляющий собой путевой дневник испанской монахини, совершившей паломничество в Иерусалим и другие «святые места» Палестины и Востока. Следующие примеры из этого текста могут дать представление о языке его автора: *Nos ergo sabbato sera ingressi sumus montem* (3, 1) — «Мы в субботу вечером поднялись на гору» (*sabbato* — лексическое заимствование из древнееврейского); *quia iam sera erat* (4, 8) — «... так как уже был вечер» (образование существительного *sera* на базе прилагательного *serus*, а, um); *ecclesiae valde pulchra et nova dispositione* (19, 3) — «церковь очень красивая и новой конструкции» (описательная превосходная степень прилагательного); *Habebat autem de eo loco ad montem Dei forsitan quattuor milia totum per valle illa, quam dixi ingens* (1, 2) — «Было же от того места до божьей горы приблизительно всего четыре мили по той долине, которую я назвала огромной» (*per valle illa* употреблено вместо *per vallem illam* — отпадение конечного *m*, поддержанное смещением падежей; *quam dixi ingens* вм. *quam dixi ingentem* — опять смещение падежей, небрежность разговорного языка).

§ 36. Грамматики. Римские грамматики как республиканского периода (от которого сохранились лишь книги V—X уже упоминавшегося трактата Марка Теренция Варрона «*De lingua latina*»), так и периода империи (Квинтилиан, «*Institutio oratoria*») почти не указывали на разговорные и диалектальные явления в латинском языке. Это объясняется тем, что грамматики писали свои труды для школ, ориентируясь только на литературную норму. Труды же грамматиков поздней империи и раннего Средневековья представляют определенный интерес для романистов: указывая, как надо говорить, авторы исходили из «неправильной» формы, более часто встречавшейся в ежедневном употреблении, — формы, содержавшей «неправильности» фонетического или морфологического характера. Таковы работы по

орфографии Веллия Лонга и Теренция Сквавра (II в.), грамматики Доната (IV в.), Присциана (VI в.). Сервий (ок. 400 г. н. э.) сообщает нам об изменении характера латинского ударения (из музыкального в динамическое): *accentus in ea syllaba est, quae plus sonat* (GL, IV, 426) — «Ударение на том слоге, который сильнее звучит». Ценным источником являются труды лексикографов. Среди них выделяются труд Веррия Флакка (августовская эпоха) «*De significatu verborum*» («О значении слов»), дошедший до нас отчасти в сокращении Помпея Феста (III в. н. э.) и извлечении из Феста Павла Диакона (VIII в.), лексикографическое сочинение африканского грамматика Нония Марцелла (III—IV вв.) «*De compendiosa doctrina ad filium*» («Краткое наставление сыну»), «*Etymologiae*» («Этимологии») Исидора Севильского (570—636 гг.).

Примечательна личность Валерия Проба (I в. н. э.), лингвиста и филолога. В своих изысканиях Проб исходил из концепции языка, постоянно находящегося в движении, обновляющегося, подверженного изменению. Он считал необходимым исследовать язык путем систематического сравнения его прошлого и настоящего состояния — отсюда его интерес к авторам архаической эпохи, единственным свидетелям *sermo antiquus*. Широта его исследований, устранявшая догматический и нормативный подход к проблеме, позволяет считать Проба в определенной степени историком языка.

Не случайно именно Пробу был приписан исследователями и традиционно получил его имя уникальный документ, «*Appendix Probi*», справочник-приложение к грамматике III в. н. э. Этот словарь-справочник представляет собой список из 227 слов, данных параллельно в «правильном» и «неправильном» вариантах. Правая часть каждой из строк этого любопытнейшего документа, содержащая «неправильную» форму, и является для нас ценнейшим свидетельством языка своего времени, отражая новую форму говорения. Прежде всего, это указания на различные фонетические изменения, как, например, переход в ударном слоге *u* в *o*: *columna non colomna* (20), частичную редукцию гласных в безударных слогах: *senatus non sinatus* (64); *vulpes non vulpis* (88), синкопу в срединном безударном слоге: *calida non calda* (53), *viridis non virdis* (201), исчезновение дифтонгов: *auris non oricla* (83), стяжение гласных в положении зияния: *februarius non febrarius* (208) или их консонантизацию: *vinea non vinia* (55), исчезновение в произношении придыхательного *h*: *hostiae non ostiae* (207), а также *n* перед *s*: *mensa non mesa* (152). В «Аппендиксе Проба» нашли отражение и изменения в морфологической системе. Так, для III склонения, где номинатив часто отличался от других падежей, характерно выравнивание основ: *pecten non pectinis* (20); уже цитированное выше по другому поводу *auris non oricla* (75) иллюстрирует также сдвиги в категории рода: форма Nom. Pl. среднего рода *auricula* (здесь *oricla*) воспринималась уже как Nom. Sing. женского рода; ряд примеров указывает на перемещения прилагательных из одной морфологической категории в другую: *asce non ascum* (38), *pauper mulier non paupera mulier* (39).

§ 37. **Глоссы и схолии.** Глоссы (разъяснения непонятных читателю слов) делались обычно на полях сочинений (маргинальные глоссы) или между строк основного текста (интерлинейные глоссы), что делает очевидным сопоставление классической и разговорной форм. Наиболее важны для романиста Рейхенауские глоссы (найлены в Швейцарии, близ г. Рейхенау, VIII—IX вв.). Сборник состоит из двух частей. В первой части — 821 глосса, содержащая толкования слов Вульгаты. Вторая часть (822—1163 глоссы) представляет собой алфавитный глоссарий. Ряд примеров из этого памятника дает представление о ценности содержащегося в нем материала для исследователя: *pulchra* — *bella* 'красивая' (предпочтение разговорной лексики), *optimum* — *valde bonum* 'очень хороший' (замена синтетического способа образования степеней сравнения аналитическим), *canere* — *cantare* 'петь' (вытеснение суффиксальными глаголами I спряжения обычных), *is* — *ille* 'то', 'он' (сокращение числа указательных местоимений, предпочтение местоимения *ille*, из которого позднее развились личное местоимение 3-го л. ед. ч. и определенный артикль) *in ore* — *in bucca* 'во рту' (перенос значения слов на близкие понятия: класс. лат. *bucca* 'щека', здесь 'рот') и т. д.

Любопытны Кассельские глоссы (VIII—IX вв.), — первый «разговорник» для германцев, путешествующих в романских странах:

TUNDIMEOCAPILLI	skir minfahs	‘постригите меня’
RADIMEMEOCOLLI	skir minan hals	‘побрейте мне затылок’
RADIMEOPARBA	skir minan part	‘побрейте мне бороду’

Схолии — это комментарии критического, философского, исторического, а также грамматического и стилистического характера. В целях большей доступности, а также в силу особенностей языка в период их составления они приближались по языку и стилю к разговорной речи. Это привлекает к схолиям внимание не только историков и источниковедов, но и лингвистов. Наиболее известные схолии — Элия Доната, комментатора Теренция и Вергилия (IV в.) и Мавра Сервия Гонората, также комментатора Вергилия (IV в.).

§ 38. **Приемы и методы восстановления народной латыни.** Как видно из вышеизложенного, косвенных свидетельств разговорной латыни довольно много на всех этапах существования латинского языка. Особенно же их число увеличивается в поздний период, когда, в связи с постепенной утратой литературной и школьной традиции, вновь происходит сближение письменной и разговорной форм речи.

И все же многие особенности разговорной латинской речи остались незафиксированными письменно. Поскольку романские языки являются прямым продолжением народной разговорной латыни, то об этих особенностях в ряде случаев можно судить на основании сопоставления романских языков.

Многие романские слова восходят к общему этимону, который не засвидетельствован в латинских памятниках. В то же время сам

факт совпадения слов в романских языках заставляет предположить широкую употребительность этого слова в разговорной латыни. На основании сравнительно-исторических данных, полученных при изучении истории современных романских языков, восстанавливались не обнаруженные в текстах формы и публиковались со знаком звездочки (астериском). Этот метод получил название сравнительной реконструкции. Впоследствии, в результате обнаружения этих форм при изучении текстов, у многих восстановленных слов звездочка была снята. Так, например, на основании романских слов: *ит.* vecchio, *рум.* vechi, *исп.* viejo, *порт.* velho, *ст. фр.* vieil, *пров.* vielh,— была реконструирована форма *veclus, при засвидетельствованной в текстах форме vetulus. Переход $tl > cl$ зафиксирован и в других словах: $fist(u)la > fiscla$ 'труба, свирель'. Позднее звездочка у *veclus была снята, в связи с обнаружением этой формы в «Аппендиксе Проба»: *vetulus non veclus* (5).

Благодаря методу сравнительной реконструкции удалось восстановить вокализм народной латыни, характеризующийся переходом количественных различий в качественные, изменения в словесном ударении, установить наличие диалектных различий в народной латыни. Ученые XIX в. весьма высоко ценили метод сравнительной реконструкции. Г. Грёбер, В. Мейер-Любке придавали этому методу первостепенное значение в вопросе восстановления народной латыни.

В то же время злоупотребление этим методом привело в ряде случаев к произвольным и нереальным реконструкциям. Поэтому использовать его следует осторожно, оставляя результаты на уровне гипотезы, до тех пор, пока они не будут засвидетельствованы в письменных источниках.

Самым существенным недостатком метода сравнительной реконструкции является то, что, пользуясь им, можно восстановить лишь отдельные слова, словоформы, даже отдельные фонетические и грамматические изменения, но отнюдь не этапы развития языка в целом. Поэтому этим методом можно пользоваться лишь как вспомогательным приемом, ни в коем случае не подменяя им исследования и изучения латинских текстов, относящихся к различным хронологическим срезам. Вот почему популярность метода сравнительной реконструкции в первые десятилетия после его создания сменилась в первой половине XX в. почти полным забвением со стороны исследователей, отдававших теперь предпочтение скрупулезному филологическому исследованию текстов.

К середине XX в. окончательно была уяснена необходимость применения как сравнительного, так и филологического методов исследования. Эффективным может быть лишь комплексное изучение источников народной латыни. Анализ текстов подтверждает результаты метода сравнительной реконструкции, который, в свою очередь, играет роль ориентира, предлагая возможные пути поисков и помогая правильно понять результаты интерпретации текстов. Лишь объединение сведений, полученных при исследовании всех источников, позволяет составить приблизительную картину состояния латинского языка к моменту формирования романских языков.

§ 39. Особенности народной латыни. Для разговорного латинского языка во все периоды его существования характерны многочисленные отклонения от классической нормы. В поздний период эти отклонения становятся регулярными и приобретают характер тенденций, нашедших свое окончательное развитие во всех романских языках¹.

Фонетика народной латыни в этот период характеризуется, в первую очередь, сменой музыкального ударения динамическим. Гласные утрачивают различия по долготе и краткости. В ударной позиции долгие гласные стали произноситься как закрытые, а краткие — как открытые. При этом произошли некоторые тембровые изменения: *i, ē > e; ū, ō > o* (лат. *mīnus* > ит. *meno*, исп. *menos*, фр. *moins*² 'меньше'; лат. *turrem* > ит., исп. *torre*, фр. *tour*² 'башня'). В безударной позиции изменение ударения и утрата количественных различий гласных привели к редукции: частичной (взаимозамена *i* и *e*,

и o в начальных и конечных безударных слогах: ср. лат. *nepotem* ит. *pipote* 'племянник', лат. *corona* и фр. *couronne* 'корона') и полной (синкопа — выпадение срединного безударного гласного: лат. *viridem* > ит., исп. *verde*, фр. *vert* 'зеленый' и апокопа — отпадение конечного безударного гласного: лат. *habere* > исп. *haber*, фр. *avoir* 'иметь'). По той же причине исчезли и латинские дифтонги.

Значительные изменения происходят в консонантизме народной латыни позднего периода. Важнейшие из этих изменений — ряд палатализаций: [kel], [kil] > [tsel], [tsil] (лат. *caelum* > ит., исп. *cielo*, фр. *ciel* 'небо'); [tj], [dj] > [ts], [dz], [tʃ], [dʒ] (лат. *diurnum* 'дневной' > ит. *giorno*, исп. *jornada*, фр. *jour* 'день'); [lj], [nj] > [λ], [ŋ] (лат. *palea* > ит. *paglia*, исп. *paja*, фр. *paille* 'солома'; лат. *vinea* > ит. *vigna*, исп. *viña*, фр. *vigne* 'виноградник'). Необходимо выделить также ослабление интервокальных согласных: переход глухих в звонкие (лат. *pacare* 'успокаивать' > ит. *pagare*, исп. *pagar*, фр. *payer* 'платить'); звонких в фрикативные (лат. *habere* > ит. *avere*, исп. *haber*, фр. *avoir* 'иметь'); геминат в простые (лат. *catto* > исп. *gato*, фр. *chat*, но ит. *gatto* 'кот'). Из других изменений наиболее общий характер носят отпадение конечных согласных (лат. *bonus* > ит. *buono*, исп. *bueno*, фр. *bon* 'хороший'), замолкание аспираты *h* (лат. *honorem* > ит. *onore*, исп. *honor*, фр. *honneur* 'честь'), выпадение *n* перед *s* (лат. *insula* > ит. *isola*, исп. *isla*, фр. *île* 'остров'). Перед сочетанием «*s* + согласный» в начале слова появляется так называемый «протетический гласный», до VII в. *i*, позже *e* (в итальянском впоследствии не сохранился): лат. *studium* > ит. *studio*, исп. *estudio*, фр. *étude* 'занятие'.

В морфологии происходит замена некоторых синтетических форм аналитическими. В системе глагола — это развитие аналитического прошедшего совершенного вида (*habeo factum-feci*), аналитического будущего (*scribere habeo* > ит. *scriverò*, исп. *escribiré*, фр. *j'écrirai*)

¹ Подробному рассмотрению языковых изменений и лингвистической характеристике этого периода посвящена часть III настоящей книги.

² Во французском языке *e > ei > oi > oe > ue* (орф. *oi*) в XIII в., *o* под ударением в закрытом слове > *ou* в XII—XIII вв.

и будущего в прошедшем, из которого впоследствии разовьется так называемое условное наклонение (*cantare habebam* или *habui* > *ut. cantarei, исп. cantaría, фр. chanterais*), аналитического пассива (*scriptus est, scriptus fuit*). В системе имени — замена падежей предложными конструкциями, упрощение системы склонений (сокращение до трех), исчезновение категории среднего рода, у прилагательных — развитие аналитических степеней сравнения.

Тенденция к аналитической передаче грамматических отношений отразилась и на системе местоимений. Регулярным становится употребление личных местоимений, в связи с чем их парадигма пополняется местоимением 3-го лица *ille, illa*, ранее выступавшим в этой роли наряду с другими указательными местоимениями. Регулярным становится и употребление этого местоимения перед существительными для передачи общего значения определенности, что является ступенькой к формированию определенного артикля.

Синтаксис народной латыни характеризуется прежде всего «прямым» порядком слов, который начинает выполнять грамматическую функцию, возмещая утрату падежных форм. Устраняются формы сжатой, «вторичной» предикации: обороты *ablativus absolutus, accusativus cum infinitivo* заменяются придаточными предложениями, многие неличные формы глагола либо выходят из употребления (*supinum, participium futuri, gerundivum, инфинитивы будущего времени*), либо ограничивают сферу своего употребления (*participium praesentis, gerundium*).

Лексический состав языка сильно видоизменяется под действием новообразований и изменения значений слов. Большое распространение получает «эмоциональная» лексика (слова с уменьшительным, увеличительным, уничижительным и прочими оттенками значения), от постоянного употребления постепенно теряющая свою стилистическую окраску (ср. *класс. лат. auris* ‘ухо’, *нар. лат. auriculum* ‘ушко’, затем ‘ухо’ > *ит. orecchio, исп. oreja, фр. oreille* ‘ухо’). С помощью приставок и суффиксов образуется много новых существительных, прилагательных и глаголов с детализованной нюансировкой значений. Многие из этих новообразований не были зарегистрированы в латинских текстах, но восстанавливаются из романских языков, например: *ит. usare, исп. usar, фр. user* восходят к *лат. *usare* ‘использовать’; *ит. aggravare, фр. aggraver* — к *лат. *aggrare* ‘прибывать’ и т. д. Изменения значений слов происходят благодаря собственной разговорной речи метафоре (ср. *лат. testa* ‘горшок’ и *ит. testa, фр. tête* ‘голова’), расширению и ограничению смысла (*лат. camera* ‘свод’ и *ит. camera, исп. cámara, фр. chambre* ‘комната’), сокращению в устном обиходе описательных выражений (*лат. tempus hibernum* ‘зимнее время’ и *ит. inverno, исп. invierno, фр. hiver* ‘зима’; *лат. dies dominica* и *ит. domenica, исп. domingo, фр. dimanche* ‘воскресенье’). Для большей выразительности широко используют сложные наречия и предлоги (*лат. de retro* > *ит. dietro, исп. detras, фр. derrière* ‘сзади’). Многочисленны заимствования из языков соседних народов (подробно об этом см. § 40 и след.). Все это вместе взятое сильно видоизменяет лексический облик языка.

Как видим, большинство особенностей, характерных для латинской разговорной речи на разных хронологических этапах, прочно закрепились в языке и оказались весьма продуктивными в поздний период, что обеспечило их дальнейшее развитие в романских языках.

Раздел второй. ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Факторы дифференциации народной латыни и формирования на ее основе романских языков условно делятся исследователями на хронологические, социальные и этнические.

Под хронологическими факторами имеется в виду то обстоятельство, что покорение и романизация римских провинций происходили на протяжении весьма длительного срока, в течение которого сама латынь претерпела значительные изменения.

Говоря о социальных факторах, подразумевают индивидуальные особенности политического, экономического и культурного развития разных частей бывшей Римской империи.

Этническими факторами называют влияние на латынь языков народов, с которыми римляне находились в относительно длительном контакте.

Глава I. ЭТНИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

§ 40. Понятия субстрата, адстрата и суперстрата. Самое большое число сторонников и приверженцев нашла теория субстрата.

Субстратом обычно называется исчезнувший язык побежденного и ассимилированного автохтонного населения, оставивший следы в восторжествовавшем языке народа-победителя.

На протяжении всей своей истории Римское государство расширялось и крепло за счет покорения сначала соседних племен Апеннинского полуострова, затем народностей западной и центральной Европы. На значительной части покоренной территории латинский язык постепенно вытеснил языки местного населения. Разумеется, предшествовавший этому период сосуществования двух языков на каждой конкретной территории не мог пройти бесследно для латинского языка. Исчезнувшие местные языки оставили свои следы в утвердившемся вместо них латинском языке.

Наряду с «субстратом» выделяют также понятия «адстрата» — языков, территориально близких, находившихся, в силу тех или иных исторических причин, в контакте и повлиявших друг на друга — и «суперстрата» — исчезнувшего языка народа-победителя, растворившегося в более развитом языке побежденного народа, но оставившего в нем следы.

Теория субстрата была сформулирована еще в 1866 г. немецким ученым Г. Шухардтом и получила новый толчок и дальнейшее развитие в трудах известного итальянского диалектолога Г. И. Асколи. Начиная с Асколи, субстрат стал считаться определяющим моментом в истории романских языков. Два лингвистических конгресса (римский конгресс «Société de linguistique romane» (1932) и III Международный конгресс лингвистов (Рим, 1933)) посвятили субстрату целые дискуссии. Проблему субстрата не может обойти ни один современный лингвист, пытающийся определить природу языковых изменений. Этой проблеме посвящено большое число исследований в разных странах. О субстрате писали такие известные ученые, как Кл. Мерло, П. Кретчмер, Р. Менендес-Пидаль, В. Брэндал, Г. Рольфс, советский исследователь Б. А. Серебренников и др.

§ 41. Предроманский субстрат Апеннинского полуострова. За счет влияния предроманского субстрата относят в романских языках ряд фонетических тенденций и немало лексических элементов, причем часто следы субстрата проявляются в романских языках, не будучи засвидетельствованы в письменном латинском языке.

Влиянием итальянского (оскского) субстрата иногда объясняют такие фонетические явления, как превращение индоевропейских аспират в интервокальном положении в спиранты (а не в звонкие взрывные, как было свойственно латинскому языку): *um. bufalo* < **bufalus* = *lat. bubalus*, где вм. *lat. b* мы видим *f*, как и в оскских надписях; ассимиляцию *pd* > *pp*, *mb* > *mp*, встречающуюся во всех итальянских центрально-южных диалектах (от романского до сицилианского, за исключением лишь южной оконечности Калабрии и Саленто): *монно* = *um. mondo*, *гамма* = *um. gamba*.

Этрусским влиянием объяснялась отдельными исследователями так называемая *gorgia toscana*, то есть аспирация и спирантизация глухих интервокальных *c*, *t*, *p* (*fiho* «fico», *la hasa* «la casa», *statho* «stato», *iurho* «iuro»). Необходимо отметить, что эта гипотеза встретила возражение у большинства современных лингвистов, например, у Г. Рольфса.

Бесспорные следы этрусков остались в топонимике: Chianti восходит к этрусскому имени Clante, Modena — к этрусскому *mutana* «холм, курган». Само название Roma этрусского происхождения: оно возводится к названию этрусского племени *ruma*. Антропонимы с суффиксами *-enna*, *-inna* также заимствованы из этрусского.

Лигурийский субстрат проявляется в основном в топонимике северной Италии и прилежащих районов. Особо следует отметить продуктивный суффикс *-asc-* в топонимах и этнических именах: *bergamasco* (от *Bergamo*), *comasco* (от *Como*) и т. д.

Из средиземноморских языков латынь заимствовала некоторые названия животных и растений, которые впоследствии перешли в романские языки: *vinum*, *rosa*, *figus*, *asinus*.

§ 42. Грецизмы. Престиж греческого языка и греческой культуры в греческих колониях на юге Италии (*Magna Graecia*) был столь велик,

то сильно затруднил процесс романизации. Вот почему результатом контактов греческого и латинского языков была главным образом цепь греческих лексических заимствований в латинском языке. Греческая колонизация юга Италии началась еще в середине VIII в. до н. э., и поэтому греческий язык на этой территории носил следы древнего дорического диалекта. Но среди слов греческого происхождения в латинском языке встречаются фонетические дублеты, иллюстрирующие два этапа заимствований из греческого: *malus* 'яблоня' и *malum* 'яблоко', засвидетельствованные первое у Варрона, второе у Плавта, берут свое происхождение из дорической формы *mālon*; но в романские языки перешла более поздняя форма ионийско-аттического происхождения *melum* < *mēlon* (ср. *ит.* *melo*), засвидетельствованная у Петрония. Аналогичным образом *machina* (встречается уже у Плавта) свидетельствует о заимствовании из дорического диалекта, в то время как *mēchanicus* (зафиксировано у Луцилия) доказывает своим *ē* ионийско-аттическое происхождение. Ионийско-аттические заимствования оказались возможны после завоевания римлянами Греции в 146 г. до н. э. Богатый материал по изучению влияния греческого языка на латинский дает словарь Г. Рольфа «*Lexicon graecanicum Italiae inferioris*», Tübingen, 1964.

На территориях, где не произошло лингвистической романизации, и народы, живущие по соседству, продолжали говорить на двух языках — латыни и греческом, — вначале в силу торговых контактов между римлянами и греками, а затем благодаря культурному влиянию эллинизма, в латинский язык проникло довольно большое число греческих слов как из повседневного обихода (*petra* < греч. *πέτρα* 'скала, каменная глыба', *charta* < греч. *χάρτη* 'лист бумаги'), так и различных областей науки и культуры (*theatrum* < греч. *θέατρον* 'театр', *chorus* < греч. *χορός* 'хор', *physica* < греч. *φύσις* 'природа'). Христианство повлекло за собой новый поток грецизмов. Одни из них и в латинском языке продолжали быть связаны с христианской религией (*monachus* < греч. *μοναχός* 'отшельник, монах', *ecclesia* < греч. *ἐκκλησία* 'народное собрание'; 'помещение для народного собрания'; 'церковь'); другие в дальнейшем расширили свое значение и стали общепринятыми (*hymnus* < греч. *ῥυμος* 'гимн', *mysterium* < греч. *μυστήριον* 'тайнство').

Интересна судьба греческого слова *παραβολή* 'сравнение, сходство', встречающегося в этом значении уже у Сенеки (Ер. 59); у христианских авторов это слово выходит из круга риторической терминологии и, потеряв исходное значение, приобретает в связи с проповедованием посредством сравнений и примеров из жизни Христа значение «пример», а затем, в «Вульгате», более общее значение «слово»: *assumptaque parabola sua dixit* (23,7) «взяв слово, сказал». В этом значении *parabola* распространяется по всей территории Рومании, вытеснив *verbum* (ср. *ит.* *parola*, *исп.* *palabra*, *фр.* *parole*) и т. д.

Некоторые исследователи считают (например, Е. Косерну), что влияние греческого языка на латинский не ограничивалось многочисленными лексическими заимствованиями, но оставило значительные следы и на латинской грамматике. Так, греческим влиянием объ-

ясняется распространение в позднелатинских текстах, в первую очередь у христианских авторов, конструкции *facere* + инфинитив, весьма употребительной в греческом языке, и вообще развитие в народной латыни вторичной перифрастической глагольной системы.

§ 43. Кельтизмы. Первые заимствования из галльского языка относятся еще к V—IV вв. до н. э., когда кельты распространили свою власть на северную Италию: *braca* ‘шаровары’ (*фр.* *braie*, *ит.* *brache*, *исп.*, *порт.*, *пров.*, *кат.* *braga*, *рум.* (im-)braca); *caballus* ‘лошадь’ (*фр.* *cheval*, *ит.* *cavallo*, *исп.* *caballo*, *порт.* *cavalo*, *пров.* *caval*, *рум.* *cal*).

Романизация Цизальпийской, а затем Трансальпийской Галлии, повлекшая за собой тесные контакты между римлянами и кельтами, дала лингвистические плоды. Латинский язык, распространившийся на покоренной территории, не остался изолированным от кельтского влияния, результатом которого является длинная цепь кельтских лексических заимствований: *лат.* *sagrus* ‘повозка’ (*фр.* *char*, *ит.*, *исп.*, *порт.* *carro*, *пров.*, *кат.*, *рум.* *car*); *camisia* ‘солдатская рубаша’ (*фр.* *chemise*, *ит.* *camicia*, *исп.* *camisa*); *caminus* ‘путь’ (*фр.* *chemin*, *ит.* *cammino*). Значительны следы кельтского субстрата в топонимике Франции и Северной Италии: Rouen < Rotomagus, Verdun < Virodunum, Lyon < Lug(u)dunum, Autun < Augustodunum, (dunum = oppidum), Milano < Mediolanum.

Как правило, римляне заимствовали у галлов слова, обозначавшие понятия, отсутствовавшие в римском быту. Так случилось с рассмотренными выше словами *camisia*, *sagrus*, *braca*. По этой же причине во французском языке много галльских слов, связанных с сельскохозяйственными работами: *gaie* ‘борозда’, *soc* ‘лемех’, *javelle* ‘вязанка’. *Фр.* *guche* ‘улей’ восходит к **gūsca* ‘кора дерева’. Это заставляет предположить, что галлы устраивали ульи в дуплах деревьев, как, кстати, до сих пор поступают на юге Франции; от галлов римляне переняли и неизвестный им ранее напиток *cervisia* ‘хлебный квас, пиво’ > *ст. фр.* *cervoise* ‘пиво’. На галльской территории римляне познакомились с новыми растениями и животными, галльские названия которых сохранились в современном французском языке: *chêne* ‘дуб’, *sapin* ‘пихта’, *mouton* ‘баран’, *bouc* ‘козел’, *alouette* ‘жаворонок’, *saumon* ‘лосось’ и т. д. Примечательно, что основная масса кельтизмов связана с сельской местностью, почти не затронутой романизацией.

Как видим, наряду с кельтизмами, разошедшимися вместе с латынью по всей Романии (такими, как *sagrus* и *braca*) много галльских слов областного характера сохранились лишь в отдельных романских языках. Кстати, в тех случаях, когда кельтизмы не зафиксированы в латинских текстах, именно романские свидетельства помогают определить кельтское происхождение слова: *милан.* *ktōui*, *ktōi* ‘твердый’, *ст. ит.* *sgoio* *‘твердый’, *пров.*, *катал.* *sgoi* ‘жестокий’ позволяют предположить, что в галльском некогда существовало **crodius* ‘твердый’ (*ср.*, *древнеирл.* *crúaid*, *совр. ирл.* *cruidh* ‘твердый’).

Изучение слов кельтского происхождения в лексике романских языков было впервые поставлено на научную основу крупным немецким кельтистом Р. Турнайzenом.

В значительной степени дискуссионной является проблема перехода $u > \ddot{u}$, объясняемого многими лингвистами влиянием кельтского субстрата. Мнения ученых по этому вопросу разделились. Сторонниками галльской природы $\ddot{u}$ выступали Г. И. Асколи и Г. Шухардт, подчеркивая, что на романской территории это фонетическое смещение наблюдается только во французском, частично в ретороманском и в диалектах Северной Италии. В подтверждение этой гипотезы привлекалась тенденция средневекового и современного кельтского к трансформации $u > i$, предполагающая промежуточный $\ddot{u}$ (напр., ирл. *dup* 'город' — кимр. *din*). В. Мейер-Любке, напротив, выдвигал веские аргументы против этой точки зрения, главные из которых: отсутствие палатализации с перед $\ddot{u}$ (фр. *cuivre* < лат. *cuprum*), отсутствие в древне- и средневерхненемецких заимствованиях из галло-романского звука $\ddot{u}$, хотя данная фонема имела в фонологической системе этих языков (*mûl* < *mulus*); отсутствие $\ddot{u}$ в каталанском. Кроме того, отмечалось, что во Франции есть области, где переход $u > \ddot{u}$ случился относительно недавно, и области, где до сих пор сохраняется u .

Следы кельтского субстрата встречаются и на Иберийском полуострове, как, например, другое фонетическое явление, связываемое с кельтским субстратом, — переход $ct > it$ во французском, португальском, провансальском и в галло-италийских диалектах (пьемонтском). Современное испанское *ch[tʃ]* также восходит к *it*: лат. *postem*, фр. *puît*, порт. *poite*, пьем. *pöit*, исп. *poche*, пров. *nuech*. Переход $ct > it$ предполагается следующим образом: $ct > ht > \dot{h}t > it$ (где $\dot{h}$ — палатальная аспирата).

§ 44. Иберийский субстрат. Ситуация на Иберийском полуострове наиболее интересна. Здесь с древнейших времен сохраняется баскский язык, не являющийся индоевропейским языком, принадлежащий одному из древнейших народов Иберийского полуострова. Со времен римского завоевания этот язык постоянно находился в контакте с латынью.

В качестве заимствований из баскской лексики следует отметить в латинском языке *agguia*, откуда исп. *аггоуо*, порт. *аггоио* 'ручеек', баск. *argouilo* 'ров, канал' (в баскском *argouila* 'впадина, ров'), или непосредственно в романских языках: исп. *izquierdo*, порт. *esquerdo*, катал. *esquerre*, баск. (es)queгг, 'левый' (баск. *ezkerr* 'левый'); среди фонетических следов иберийского субстрата отмечают переход $f > h$ (f отсутствует в фонологической системе баскского языка) в испанском языке: лат. *faba* 'боб', исп. *haba*; лат. *ferrum* 'железо', исп. *hierro*. Впрочем, некоторые ученые указывают, что подобное явление встречается и в Южной Италии. К тому же, в ранних заимствованиях из латыни баски заменяли f не на h , а на билабиальный согласный: лат. *pesta* 'праздник', баск. *pesta*, *besta*.

Опровергается и другая фонетическая особенность, приписываемая баскскому субстрату: испанское произнесение *s*. Аналогичное явление отмечается во многих ранних английских заимствованиях из французского: *push*, *finish*, из чего должно следовать, что апикальное *s* было и в старофранцузском, а следовательно, это — одна из черт разговорной латыни.

§ 45. **Германизмы.** Контакты римлян с германцами начались еще на ранних этапах римской истории, когда они сводились к торговым отношениям. Главным центром контактов в то время была долина Рейна. Разговорная латынь, использовавшаяся, видимо, как язык большего престижа, в качестве общего языка, дала жизнь целому ряду слов и топонимов в немецком языке: *Köln* < *Colonia*, *Koblenz* < < *confluentes*, *Münze* < *moneta*, *Strasse* < *strata*, etc. Меньшим было количество германских слов, проникших в то время в латинский язык: *alces* 'лось' (*Caesar*), *ganta* 'гусь', *sapo* 'мыло' (*Plinius*).

После романизации провинций контакты с германцами усилились. В римской армии возросло число наемников-германцев. Это вызвало новый приток германизмов в латинскую речь.

Тем не менее, количество германизмов в латинском языке в тот период, когда он еще сохранял относительное единство, было невелико, и проникли они в латынь довольно поздно, так что не успели распространиться по всей Романии. Доказательством служит почти полное отсутствие древних германизмов в румынском языке.

На позднем этапе истории Римского государства, с началом нашествия германских племен жители Романии в разных ее частях сталкивались с различными германскими языками. Поэтому большинство германизмов, отмечаемых в романских языках, имеют различное происхождение: для итальянского характерны заимствования из языка остготов и лангобардов, для французского — франков и бургундов, для испанского — вестготов и вандалов, отчасти севов.

Остготское пребывание (не очень продолжительное, 493—555 гг.) оставило следы, главным образом, в топонимике на севере Италии: *Goito* (Mantova), *Codega* (Treviso), *Godò* (Milano) etc.

Лангобардские элементы в итальянской лексике, гораздо более многочисленные, нежели остготские, составляют около трехсот слов, распространившихся на разные области и частично проникших в литературный язык: *ланг. guspi* 'грубый' сохранилось в *вен. guspio*, *мил. gusrap*; *ланг. spēhon* 'внимать, наблюдать' несколько сузило в итальянском свое значение: *spiare* 'шпионить'; *банка, панка* дали в итальянском *banca, panca*; *balk, palk* дали *balco, balcone, palco*. Множество топонимов также лангобардского происхождения: *ланг. braida* 'равнина' > *Braida* (Trento, Udine), *Breda* (Treviso), *Brera* (Milano); *ланг. berg 'ropa'* > *Valperga* (Torino), *Valdiperga* (Pisa); *ланг. gastald* 'управляющий' > *Gastaldi* (Vicenza), *Gastaldia* (Padova), *Gastalto* (Chioggia) etc. Многочисленны заимствования лангобардских имен, напр. *ланг. Berto* (ср. *ланг. berht* 'блестящий') и сложные *Adelpert, Alapert* дали в итальянском имена *Adalberto, Alberto*, фамилии *Berti, Bertoni, Bertini, Bertolini*, etc.

В Галлии влияние франкского обнаруживается не только в лексике, но и в фонетике и словообразовании. В фонетике — это восприятие германской аспираты *h*: *haut* < *altum* (ср. нем. *hoch*); в словообразовании — суффикс *-ard* (*-hard*), *-art*, берущий начало из герм. *hart*, который образует сначала собственные имена (*Bernhard*), а затем нарицательные существительные и прилагательные (см. фр. *bastard*, фр. *bâtard*); суффикс *-aut* или *-aud* (см. фр. *-alt*), восходящий к герм. *wald*, также образующий сначала собственные имена (*Guiraud*, *Regnaud*), а затем нарицательные (*ribalt* > *ribaudo*, ит. *ribaldo*).

Испанский и португальский выделяются среди всех западно-романских языков наименьшим числом германизмов. Среди слов, засвидетельствованных только в иберо-романских языках: исп., порт. *ganso* 'гусенок' < гот. **gansus*, порт. *luva*, см. исп. *lu(v)a* < гот. **lofa* 'перчатка'. Свевского происхождения, видимо, порт. *britar* 'дробить, разбивать' < свев. **briutan*. С вандалами некоторые исследователи связывают топоним *Andalucia*, хотя переход **Vandalucia* > *Andalucía* не вполне объясним.

§ 46. Арабизмы. Арабы, семитский народ, перемещаясь в течение VII в. из областей Аравии через Египет и северное побережье Африки, после продолжительной борьбы с берберами в 711 г. проникли на Иберийский полуостров и почти полностью захватили его. Попытки занять затем юг Франции окончились неудачей, так как арабы здесь натолкнулись на сопротивление франков сначала под предводительством Карла Мартелла (732—739 гг.), а затем Пипина Короткого (759 г.), в результате чего были отброшены за Пиренеи. На Иберийском полуострове арабы оставались почти восемь столетий (падение Гренады в 1492 г.). В 827 г. арабы проникли в Сицилию, где оставались до норманнского завоевания (конец XI в.), а также на Балеарские острова и на остров Мальту.

Среди арабской лексики — значительное число терминов средневековой арабской культуры (астрономии, математики, медицины, философии), занимающей значительное место в европейском культурном наследии: *algebra* < араб. *al-gabr* 'восстановление', 'приспособление', *cifra*, *zero* < араб. *sifr* 'пустой', *azimut* < араб. *as-simut*, *as-sumut* множ. ч. от *as-samt* 'направление' etc. Эти слова вошли не только в иберо-романские языки, в большинстве случаев они стали международным достоянием.

Примеры топонимов арабского происхождения: *Gibraltar* < араб. *ġebel Tāriq* 'гора Тарик' (имя арабского полководца, начавшего с этого места в 711 г. завоевание Испании); *Guadiana*, *Guadalquivir* < араб. *wādī al-kabīr* 'большая река'.

Некоторые топонимы латинского происхождения на Иберийском полуострове сохранились в арабской фонетической интерпретации: *S(ae)sara(u)gusta* > араб. *Saraqusta* > *Zaragoza*.

Любопытно, что иберо-романские языки заимствуют арабские слова обычно с арабским определенным артиклем *al*, в то время как в других романских языках это наблюдается крайне редко, напр.:

араб. (as-)sukkar > *ит.* zucchero, *фр.* sucre, *исп.* azúcar, *порт.* açúcar; *араб.* (az-)za'-faran > *ит.* zafferano, *фр.* safran, *исп.* azafran, *порт.* açafraão.

§ 47. Балканский адстрат. В некоторых частях бывшей Романии языки, находившиеся длительное время в контакте, не вытеснили друг друга. В таких случаях говорят о «языковых союзах». Известная близость языков, входящих в «языковой союз», вовсе не всегда должна подразумевать единый для всех них субстрат. Подобная близость могла оказаться результатом последующих языковых сближений. Примером «языкового союза» на территории бывшей Романии является «Балканский языковой союз».

Географическое расположение и исторические причины обусловили также длительное соседство и постоянные контакты жителей этой части Романии с разноязычными народами Балканского полуострова и Восточной Европы.

В современном румынском языке представлены слова славянского, венгерского, турецкого, в меньшей степени ново-греческого и албанского происхождения. В количественном отношении заметно преобладают славянизмы. Вот некоторые из многочисленных славянских заимствований: drag 'дорогой', bogat 'богатый', slab 'слабый', trup 'тело', a iubi 'любить' и т. д. (см. также § 19). Следы венгерского влияния: város > oraş 'город', szállás > sălăş 'жилище'. Получившие широкое употребление турецкие слова: oda > odaie 'комната', şoban > cioban 'пастух'. Из новогреческих заимствований можно назвать folos 'польза', a plictisi 'надоедать', a schimonosi 'искажать'. В румынском языке есть ряд слов, общих с албанским: brad 'ель' < алб. bredh, mal 'берег' < алб. mal 'гора' и др. Их объясняют общностью фракийско-иллирийского субстрата. Тем не менее основу румынского словаря составляет лексика латинского происхождения: a tăcea 'молчать', a pune 'класть', a simți 'чувствовать', iarbă 'трава', ierure 'заяц', cîine 'собака', coadă 'хвост', fiu 'сын', frumos 'красивый', lung 'длинный' и т. д.

§ 48. Латинский культурный суперстрат. Латинский язык, имевший большую литературную традицию, прошел рядом с романскими языками весь долгий и трудный путь их становления от устных говоров до литературных языков. Более того, как уже отмечалось, латынь и впоследствии продолжала использоваться как язык науки, дипломатии и церкви, оказывая регулярное воздействие на новые романские языки. Хотя это влияние и носило преимущественно книжный характер, многие заимствованные элементы впоследствии распространялись и в разговорной речи, и даже в диалектах.

Значительным было влияние средневекового латинского языка на синтаксис новых романских литературных языков. Но наиболее очевидны многочисленные примеры расширения лексического фонда романских языков с помощью латинизмов. Слова, заимствованные из средневековой латыни книжным путем, получили в итальянском языке название «ученых латинизмов», в испанском — «культизмов»,

во французском — «ученых слов». Основная масса их проникла в западные романские языки в XV—XVI вв., в период Возрождения.

«Ученый латинизм» в большинстве случаев легко узнаваем по его фонетическому облику, не отражающему закономерной эволюции латинских звуков в романских языках, например в *ит. vizio* < *лат. vitium* 'порок' сохранился ударный *i*, перешедший в народной латыни в *e* > *ит. e* (ср. возникшее из того же слова в результате естественного фонетического перехода *ит. vezzo* 'привычка'; 'ласка'). Два разных пути проникновения (естественный устный и позднейший книжный) хорошо видны на французских примерах, благодаря большим фонетическим расхождениям: *fragile* и *frêle* 'хрупкий, ломкий', *direct* и *droit* 'прямой', *legalité* 'законность' и *loyauté* 'лояльность'. Иногда латинизм отличим по его морфологическому облику: *ит. intelligibile* 'понятный, ясный' (латинский суффикс *-ibile*, ср. итальянский суффикс *-evole*). Нередко опознавательным признаком служит ударение: *ит. càttedra* 'кафедра' < *лат. càthēdra* 'кресло' (тогда как в *порт. cadeira* 'стул' отражено *нар. лат. cathēdra*).

Интересны семантические латинизмы. Слово *captivus* 'пленник' уже в I в. н. э. употреблялось в переносном смысле: *irae captivus* (Sen) 'охваченный гневом'. У христианских авторов оно встречается в этом смысле в сочетании *diaboli captivus* 'пленник дьявола', откуда значения *см. фр. chaitif* 'несчастный', *ит. cattivo* 'плохой'. Поэтому, когда у Данте мы читаем: *Ecuba trista, misera e cattiva* (Div. Com., Inf. 30, 16) «Гекуба в горе, в бедствиях, в плену» (пер. М. Лозинского), перед нами — семантический латинизм.

В румынский язык книжная латинская лексика стала проникать в конце XVIII в. благодаря творчеству католических писателей. Одновременно с вводом алфавита «латиницы», пришедшего на смену «кириллице», использовавшейся в румынском до середины XIX в., восстанавливалась традиционная орфография слов латинского происхождения: *credentia* вм. *creдинță* 'вера'. Большинство латинизмов проникли в румынский, как и в многие другие европейские языки, через французский язык: *рум. erudiție* < *фр. érudition* 'эрудиция, ученость', *рум. colecție* < *фр. collection* 'коллекция'.

Многочисленные заимствования из латыни в романских языках способствовали их взаимному лексическому уподоблению, что позволяет говорить о возникновении вторичной общности романских языков.

§ 49. Взаимовлияние романских языков. Говоря о различных адстратах, не следует забывать и о влиянии самих романских языков друг на друга в различные периоды их истории. Это влияние определялось ходом исторического развития новых государств на территории бывшей Романии и их взаимоотношениями на различных исторических этапах.

Наиболее сильное влияние французского языка на итальянский проявилось буквально в самом начале их истории: в IX—X вв., когда французская и итальянская территории были частями одного франкского государства; в XI в., когда Италия испытала набеги норманнов,

уже романизовавшихся во Франции; в XII в. в связи с общим участием Франции и Италии в крестовых походах. Определенную роль сыграла и церковь, рассылавшая по Италии миссионеров из французских монастырей. Из французского пришла в итальянский административная и феодальная терминология: *ит.* marchese < *фр.* marquis 'маркиз', *ит.* maresciallo < *фр.* maréchal 'маршал'; *ит.* conte < *фр.* comte 'граф'; названия музыкальных инструментов: *ит.* viola < < *фр.* viole 'виола'; *ит.* liuto < *фр.* luth 'лютня'. Вместе с поэзией провансальских трубадуров, явившейся основой и образцом для итальянской поэзии, пришла в Италию и соответствующая терминология: *ит.* trovatore < *пров.* trobador 'трубадур'; *ит.* giullare < *пров.* joglar < *лат.* ioculator 'поэт-певец, менестрель'.

Периодом же наиболее сильного влияния итальянского на французский стал XVI в., когда вслед за популярностью итальянского искусства и вообще итальянской культуры во Франции в моду входит и итальянский язык: *фр.* mosaïque < *ит.* mosaico 'мозаика'; *фр.* cantilène < *ит.* cantilena 'кантилена'; *фр.* grotesque < *ит.* grottesco 'гротеск'; *фр.* pantalon < *ит.* pantalonі 'брюки'; *фр.* parasol < *ит.* parasole 'зонтик от солнца'; *фр.* bastion < *ит.* bastione 'бастион'; *фр.* cartouche < *ит.* cartoccio 'патрон'.

Влияние испанского на итальянский связано, главным образом, с испанскими владениями в Сицилии и Неаполе в XIII—XV вв., а также с испанским влиянием в Италии в XVI и XVII вв. Именно в это время вошли в итальянский различные испанские слова: *ит.* mozzo < *исп.* tozo 'мальчик', *ит.* sussiego 'спесь' < *исп.* sosiego 'спокойствие' и т. д. В эпоху Великих географических открытий испанский явился для итальянского каналом проникновения многих слов из языков народов ранее неизвестных земель, обозначавших прежде незнакомые европейцам вещи: patata 'картофель', cacaо 'какао' и т. д. Аналогичную роль играл и португальский, через который, в частности, пришло во все европейские языки слово banana 'банан'.

Итальянский для испанского явился культурным суперстратом, особенно сильным в период Возрождения: *исп.* madrigal < *ит.* madrigale 'мадригал'; *исп.* bufón < *ит.* buffone 'шут'; *исп.* pedestal < < *ит.* piedistallo 'пьедестал'. Много слов военного обихода было заимствовано испанскими солдатами во время службы в Италии: *исп.* centinela < *ит.* sentinella 'часовой'; *исп.* alojamiento < *ит.* alloggiamento 'расквартирование' и т. д.

Займствования из французского и провансальского языков в испанский и португальский относятся в основном к XIII и XIV вв., в связи с популярностью в Испании и Португалии французской литературы и провансальской лирики: *исп.* jardin, *порт.* jardim < *фр.* jardin 'сад' (ср. *ит.* giardino). Французский заимствовал из испанского военные термины: *фр.* adjudant < *исп.* ayudante 'помощник', слова из сферы политики, торговли.

Территориальное соседство, торговые и культурные контакты обеспечили взаимное влияние испанского и португальского языков.

В румынском языке, в котором, начиная с XIX в., наблюдается глубокое (хотя и искусственно осуществляемое, благодаря деятельности писателей и лингвистов) обновление, происходит обогащение лексики за счет многочисленных заимствований из французского вследствие литературных подражаний (большинство румынских писателей и филологов получали образование во Франции), а также влияния французской науки и литературной критики: *рум.* a soră < *фр.* sœur 'копировать, подражать', *рум.* tablou < *фр.* tableau 'картина', *рум.* tandră < *фр.* tendresse 'нежность' и т. д. Французское влияние заметно и на синтаксисе румынского языка. Гораздо в меньшей степени сказалось на румынском итальянское влияние.

Изучение взаимных контактов романских языков также чрезвычайно важно для романистики, так как их взаимное влияние способствовало, наряду с латинскими заимствованиями, их сближению.

§ 50. Теория Моля. Оригинальную теорию формирования романских языков выдвинул чешский ученый Ф. Ж. Моль. По мнению Моля, главная причина различий романских языков, и прежде всего отличия всех остальных романских языков от итальянского, заключается в том, что сама латынь на Апеннинском полуострове и в других частях Римского государства была неодинаковой: на территории Италии и первых провинций латинский язык представлял собой результат естественного распространения и свободной контаминации с местными говорами еще до возникновения литературного языка и, следовательно, без его сдерживающего влияния, а в остальные провинции проникло уже сформировавшееся к тому времени и вытеснившее местные диалекты общепитийское разговорное койне, находившееся под сильным влиянием литературного языка. Моль приводит примеры явлений в современных романских языках, корни которых, по его мнению, следует искать в италийских наречиях: звучание группы *ti* как *ts* или *s* в оскском (*оск.* Bansa = Bantia), стяжение дифтонга *ai* в *e* — в умбском и т. д. Элементы старых диалектов продолжают сохраняться в разговорной латыни, но их развитие и распространение сдерживается традицией литературного языка. Лишь с нашествием варваров единство народной латыни вновь распадается. В разных частях Романии, изолированных друг от друга, латынь начинает свободно развиваться в диалекты, все сильнее отличающиеся от официального языка. Так зарождаются романские языки, которые постепенно приобретают все более индивидуальные черты.

В теории Моля таятся противоречия: он пишет об унификации разговорного языка в императорскую эпоху и в то же время настаивает на сохранении в его недрах старых диалектальных черт. Отрицая влияние субстрата и следовательно, теорию стратов, Моль, тем не менее, утверждает, что именно романизированные варвары являются источником нового диалектального дробления латинского языка. Кроме того, теория Моля не опирается на реальный языковой материал и выглядит скорее как умозрительная гипотеза. Именно это обстоятельство дало основание В. Мейеру-Любке назвать ее «самой прекрасной из существующих фантазий о вульгарной латыни».

О преувеличении влияния итальянских языков на латынь пишут также И. М. Тронский и В. Ф. Шишмарев. Тем не менее, теория Моля нашла сторонников и продолжателей. Среди них — ведущий советский романист М. В. Сергиевский, известный испанский романист Р. Менендес-Пидаль, объясняющий ряд явлений в испанском языке влиянием оскского.

§ 51. Понятия адстрата и суперстрата в свете современной теории стратов. При сопоставлении определений субстрата и суперстрата, однако, становится очевидным, что дифференциация этих понятий, по существу, лингвистически не обоснована, так как они выводятся на основании экстралингвистических критериев. Так, язык галлов, чьи попытки завоевания Апеннинского полуострова окончились неудачей, и которые впоследствии сами были покорены римлянами, явился по отношению к латыни субстратом, а язык пришедших в романизованную Галлию и утвердившихся там франков — суперстратом. Другими словами, субстрат — вытесненный латынью язык побежденного народа, а суперстрат — вытесненный латынью язык народа-победителя.

Многие исследователи отмечали, что свойство языка быть субстратом, адстратом и суперстратом нельзя считать постоянным, раз навсегда данным. Соотношение языков зависит от исторических условий. Каждый язык-субстрат на предыдущем этапе своей истории был языком-адстратом; таким языком-адстратом был галльский, прежде чем римляне заняли Галлию, и оставался им некоторое время после занятия Галлии в течение периода двуязычия. Субстратом его можно считать с момента окончательного выхода из употребления и замены латинским языком. Греческий для латыни, внесенной в Великую Грецию, был субстратом, и, таким образом, можно говорить о влиянии греческого субстрата в этих областях. В грекоязычных областях Балканского полуострова и Египта, где латинскому языку не удалось утвердиться как всеобщему разговорному языку, греческий был адстратом, а в византийских колониях юга Италии на романизованной территории греческий представлял преимущественно суперстрат.

В силу этих обстоятельств понятия стратов в последнее время пересматриваются в свете общей теории языковых контактов.

Как в Римском государстве периода интенсивной романизации, так и в средневековой Романии сложилась ситуация диглоссии — сосуществования латыни и местных языков, делящих между собой сферы употребления. Латынь в обоих случаях выступала как язык официальной администрации, юридического законодательства, литературы, науки, а в Средневековье — и церкви, оставляя местным языкам сферу ежедневного устного общения, эмоционально-экспрессивную. Ситуация диглоссии в этих двух случаях привела к различным результатам: в первом — латынь постепенно возобладала над местными языками, окончательно вытеснив их и в обиходно-разговорной сфере, во втором — произошло обратное: развивавшиеся романские языки этап за этапом отвоевывали у латыни сферы употребления — сначала юридической документации, где прежде всего была важна точность и адекват-

ность передачи мыслей и слов участников, затем административного управления, литературы и в последнюю очередь науки и церкви. Разные результаты в данных случаях объясняются обстоятельствами не лингвистического, а политико-экономического и социального порядка: в первом случае — образованием единого Римского государства, во втором — распадом Римской империи и образованием на ее территории новых феодальных государств.

Общая ситуация устойчивой диглоссии обусловила в обоих случаях процесс интерференции — взаимопроникновения двух контактирующих языковых систем. В ходе постоянных «маргинальных контактов» (на языковых границах) и «внутрирегиональных контактов» (на одной территории) — в терминологии Б. А. Серебренникова — изменились как латынь, так и местные языки. Длительный процесс интерференции в каждом случае оставил следы в победивших языках. Контактующие языки следует считать адстратами по отношению друг к другу, а результаты интерференции — определять как языковой субстрат. Понятие суперстрата оказывается излишним, не соответствующим никакой лингвистической сущности.

Интерференцию, явление, затрагивающее сами системы контактирующих языков, не следует смешивать с заимствованием, явлением, при котором элементы одной системы, проникая в другую, подвергаются в последней различного рода ассимиляции. Заимствование характерно для наименее строго организованной системы в языке — лексической. Оно может иметь место при слабых, кратковременных контактах, даже через письменную форму речи, в то время как интерференция возможна лишь при длительных непосредственных контактах носителей разных языков, что и имело место в античном Риме и средневековой Романии.

Глава II. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Проблема формирования различных романских языков из единого источника — латыни не исчерпывается теорией стратов. Более того, многие лингвисты зачастую не только не уделяли этой теории должного места в ряду других теорий, но отрицали ее, выдвигая свои объяснения.

§ 52. «Хронологическая» теория Грёбера. Немецким ученым Г. Грёбером была выдвинута хронологическая, или историческая, теория происхождения романских языков. Исследователь исходил из того, что на протяжении почти четырех веков, в течение которых происходили покорение и романизация римских провинций, сама латынь не оставалась неизменной, а следовательно, форма ее, вносимая в каждую из провинций, была различной на отдельных хронологических этапах. Наличие в сардинском языке ряда черт, отсутствующих в других языках, Грёбер объяснял тем, что в период завоевания Сардинии латынь была архаичнее, нежели когда завоевывались, например, Галлия или Дакия. Грёбер пишет: «Расчленение романских языков, таким образом, является древним. Оно началось со времени романизации первой вне-

италийской провинции и совершалось при завоевании каждой новой области романского языка снова; язык первых римских поселенцев в этих областях каждый раз являлся исходным пунктом для отдельных романских языков; он мог предохранить себя от языка позднейших пришельцев, ассимилировать себе этот последний и, не подвергаясь его фонетическому влиянию, развиваться в романский» (ALL, I, 213) ¹.

Ход рассуждений автора таков: в сардинском языке сохранилось различие *ē* и *ī*, *ō* и *ū* в ударной позиции (ср. *sard.* *fide*, *bukka* и *ит.* *fede*, *bossa*), *k* перед *e*, *i* (*sard.* *kimbe*, *kentu*, *ит.* *cinque*, *cento*), конечные *s* и *t* (*sard.* *tempus*, *ит.* *tempo*). Во французском наблюдаются следы только последнего из указанных явлений. В итальянском и румынском все они отсутствуют. Отсюда делался вывод, что *ī* перешел в *e*, а *ū* в *o* уже после завоевания Сардинии, конечный *t* отпал после завоевания Галлии, конечный *s* — перед завоеванием Дакии и т. д. На основании подобных наблюдений была составлена хронологическая схема романизации провинций в следующем порядке: Сардиния, Испания, Португалия, Каталония, Южная Франция, Северная Франция, Реция, Дакия, Италия.

Принять теорию Грёбера можно лишь отчасти. Хотя факт изоляции и играет определенную роль в языковом развитии, однако, нельзя утверждать, что латинский язык, попав в ту или иную провинцию, в дальнейшем, в отличие от языка метрополии, не претерпевал никаких изменений. Теория Грёбера объясняет лишь отдельные различия в романских языках, никак не затрагивая факторов, обусловивших эти различия.

§ 53. Социальные предпосылки дифференциации народной латыни. Другие ученые объясняли возникновение романских языков социальными факторами. Так, В. Мейер-Любке относил распадение общероманского языкового единства к IV—VI вв., т. е. к периоду раздела Римской империи на Западную и Восточную, нарушения связей между провинциями, падения Западной Римской империи, — периоду возникновения новых политических, социальных, а следовательно, и языковых контактов.

Преимущественно социальными факторами объяснял образование романских языков и Г. Ф. Муллер. Продолжая развивать свою мысль о существовании единого латинского языка на территории всей Романии вплоть до конца VIII в., даты, которой Муллер определяет возникновение романских языков, он дает этому следующее объяснение. К концу VIII в. Романия перестает быть реальным активным единством. Попытка политического объединения Романии при Карле Великом уже не могла изменить существующего положения вещей. Рим окончательно утратил свое главенствующее положение. Возникает тяготение к новым центрам, различным для каждой области. Эти изменения политического и социального порядка не могли не отразиться и на

¹ Перевод цитируется по кн.: Сергеевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1954, с. 158.

культурной жизни областей, на их языке, вызвав и в этой сфере аналогичные процессы.

Теория Муллера, из которой следует, что романские языки появились внезапно в IX—X вв. без длительного подготовительного периода, представляется неубедительной. Формирование различных романских языков могло произойти лишь в результате длительного скрытого периода накопления и систематизации диалектных различий, возникших намного ранее. В то же время несомненна важность подчеркнутых Муллером новых социальных условий, способствовавших дифференциации разговорного латинского языка.

§ 54. Дифференциация народной латыни и формирование романских языков как результат развития внутриязыковых тенденций. Все упомянутые теории, пытаясь выявить причины расхождения романских языков, оставляют в стороне другую сторону проблемы: а именно, объяснение причин той трансформации, которую претерпела латынь на пути к романским языкам, трансформации, основные черты которой являются общими для всей Романии.

Как любая другая социальная структура, язык содержит в себе самую необходимость определенных изменений. Во всякой лингвистической системе наблюдаются противоположные тенденции: с одной стороны, стремление к унификации, к регулярности форм, с другой — к дифференциации, к выразительности, что открывает пути для новых изменений. Латинская грамматика располагала различными типами склонений и спряжений, множеством частных случаев в каждой из парадигм. Распространившись на огромной территории, латынь не могла сохранить все эти особенности. Не замедлили появиться изменения в грамматической системе, направленные на упрощение и унификацию грамматических правил. Эти изменения облегчал и стимулировал тот факт, что огромная масса людей, для которых латынь не была родным языком, часто не отмечала всех языковых нюансов. К тому же в период поздней империи, с понижением общего культурного уровня падает авторитет литературного языка, который еще сохранял многие особенности классического периода. А расшатывание языковых традиций — это и есть, по сути, появление новых тенденций, уже не латинских, а романских, на что справедливо указывают советские исследователи Э. Ф. Шишмарев, Е. А. Реферовская. В этой ситуации получает свое логичное развитие весь тот комплекс факторов, который в конечном счете обусловил формирование из латинского языка множества хоть и похожих друг на друга, но в то же время столь индивидуальных романских языков. Здесь и подспудно сохраняемые в языке древние диалектные черты, и следы контактов с языками соседних народностей, и инновации из языков народов-завоевателей. При отсутствии литературной нормы и традиции все эти факторы быстро и резко изменяют латинский язык, а прекращение контактов между отдельными частями Романии способствует индивидуальности изменений в каждом отдельном случае, усиливая различия между новыми романскими говорами.

Таким образом, говоря о причинах дифференциации народной латыни и формирования романских языков, недопустимо склоняться лишь к

какой-либо одной из изложенных выше теорий. В современном языкознании при рассмотрении этой проблемы учитывается весь комплекс факторов, как лингвистического, так и исторического и социального характера. Только при этом условии возможно объективное и верное решение проблемы.

Глава III. ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Антонио Грамши, прогрессивный политический деятель Италии, один из основателей ИКП, выдающийся публицист и филолог (1891—1937) в своем сочинении «Gli Intellettuali» («Интеллигенция») писал: «I volgari sono scritti quando il popolo riprende importanza» — «Народные романские говоры получают письменность, когда народ обретает значимость». И действительно, первые тексты на романских языках — это юридические документы, свидетельствующие об участии народа в общественной жизни: произносимые войском клятвы во Франции, показания свидетелей из народа по поводу земельной собственности итальянского монастыря Монтекассино и т. д. Первые тексты на романских языках появляются не раньше IX—X вв. С развитием новых государственных и экономических отношений, возросшей общественной значимостью различных слоев населения, приходит развитие народных говоров, а затем и формирование литературных романских языков.

§ 55. Французский язык. Первый текст на романском языке датирован серединой IX в. и возник на территории Франции. Это знаменитые «Страсбургские клятвы». Текст «Клятв» дошел до нас (в записи 1000 г.) благодаря сочинению историка Нитгарта (ум. 844 г.), бывшего свидетелем этого события.

В 842 г., в ходе усобиц между внуками Карла Великого два брата — Людовик Немецкий и Карл Лысый — заключили под Страсбургом соглашение о борьбе с Лотарем, старшим братом, принявшим императорский титул. Людовик Немецкий был королем восточных франков, говоривших на немецком языке; Карлу Лысому принадлежала западная часть, где был распространен галло-романский язык. Скрупулезность процедуры соответствовала политической важности события. Сначала каждый из королей обратился к своим воинам на языке, который они могли понять: на немецком Людовик, на романском — Карл (*alter teudisca alter romana lingua*); затем, чтобы клятва была понята противоположной стороной, правители поклялись: Людовик на романском (*romana lingua*), Карл на немецком (*teudisca lingua*). Наконец, клятву дали войска (*utroque populus*), прибегнув каждое к своему языку (*utique propria lingua*).

Нитгарт излагает события на латинском языке, но текст клятв, в котором необходима пунктуальная точность в каждом слове, чтобы избежать неверных толкований, он приводит так, как он был произнесен.

Приведем отрывок из этого ценнейшего документа на романском языке. Это клятва Людовика:

Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, d'ist
i in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai eo cist
meon fradre Karlo, et in ajudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit
on fradra salvar dift, in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaid
unqua prindrai, qui, meon vol, cist meon fradre Karle in damno sit.

«Ради любви к господу и спасения христианского народа и нашего
общего спасения отныне и впредь, насколько бог даст мне знания и
сил, я буду поддерживать моего брата Карла помощью и всем осталь-
ным, поскольку по справедливости должно поддерживать своего брата,
при условии, что он будет поступать так же по отношению ко мне, а
с Лотарем никогда не заключу никакого соглашения, которое по моей
воле обернулось бы ущербом для моего брата Карла».

Язык клятв значительно отличается от последующих текстов своей
арханчностью (сохранение ударного **a** в открытом слоге: *fradre*, *sal-
var*, *returnar*; отсутствие романских дифтонгов: *Deo*, *poblo*; сохранение
[k] перед **a**: *Karlo*, *cadhuna*, *cosa*; передача с помощью **i**, **u** дифтонгов
ei, **ou**, развившихся из латинских гласных **e**, **o**, что было характерно
уже для VIII в.: *savir* < *sapēre*, *podir* < *potēre*, *dift* < *dēbet*, *amur* <
amōrem, *dunat* < *dōnat*). Некоторые исследователи даже называют
язык «Клятв» «предфранцузским».

Но ряд фонетических особенностей «Страсбургских клятв» служит
наглядным доказательством того, что этот текст действительно является
памятником романского языка. Так, в большинстве слов исчезли
все посттонические гласные, кроме **a**. Сравнивая оставшиеся варианты:
Karlo и *Karle*, *fradre* и *fradra*, нетрудно заметить, что буквы **o**, **e** и **a**
представляют один и тот же звук, скорее всего, неясный гласный
[ə], в совр. фр. *e muet*. Другой западнороманский признак — озвонче-
ние или спирантизация интервокальных взрывных согласных *savir* <
sapēre, *dift* < *dēbet*, *podir* < *potēre*, *fradra* < *frater*, *ajudha* < *adjutum*.
Еще одна французская черта — введение так называемого эпен-
тетического вставного согласного между двумя плавными, не могу-
щими образовать надежной слоговой границы: *sendra* < *senior*. Из
морфологических и синтаксических черт необходимо отметить двухпа-
дежное склонение: *Nom. Deus*, *Karlus*, *Lodhuuigs*, *Acc. Deo*, *Karlo*,
Lodhuuig; развитие неопределенного местоимения *om* < *homo*; будущее
нового романского построения *salvarai*, *prindrai* (но *er* < *ego*). Старо-
французской чертой является также употребление *si* < *sic*, вводящего
глагол, не сопровождаемый личным местоимением: *si salvarai*. В сло-
варе «Клятв» привлекают внимание впервые появляющиеся *di* < *diem*,
ajudha (существительное, образованное от народнолатинского глагола
adjutare), *cadhuna* < *cata una*.

Хотя «Страсбургские клятвы» и являются первым письменным сви-
детельством французского языка, их еще нельзя считать литературным
памятником. Но к концу IX в. во Франции появляется также и лите-
ратурный текст: «Секвенция о св. Евлалии» — короткий гимн из 29
строк, посвященный христианской мученице конца III — начала IV в.
Евлалии из Мериды.

Buona pulcella fut Eulalia
 bel auret corps, bellezour ani-
 ma,
 Uoldrent la ueintre li Deo inimi,
 uoldrent la faire diaule seruir

Хорошая девушка была Ев-
 лалия,
 Имели прекрасное тело и еще
 более прекрасную душу,
 Враги господи хотели одо-
 леть её,
 Хотели заставить её служить
 дьяволу и т. д.

Ранняя французская литература представлена в основном религиозными жанрами. Кроме «Секвенции о св. Евдании», это — комментарий к латинской «Проповеди о пророке Ионе», пэм а о страстях Христовых и «Житие св. Леодегария» (X. в.), «Житие св. Алексея» (XI в.).

Но в том же XI в. возникает и светская литература. Это исторический жанр — героический эпос, представленный дошедшими до нас примерно 90 поэмами, из которых древнейшие сохранились в записях начала XII в., как «Песнь о Роланде», а наиболее поздние относятся к XIV в.

§ 56. Провансальский язык. Первые тексты на провансальском языке (об истории термина см. § 4) появляются довольно рано. Отдельные слова и фразы встречаются уже в документах VIII—IX вв. Самый же древний документ, целиком написанный на провансальском, относится к 1102 г. (сохранился в архиве департамента Авейрон) и является нотариальным актом.

Несомненный исторический интерес как самые древние памятники провансальской литературы представляют «носимые к XI в. и написанные на провансальском тексты: «Воëcis» («Поэма о Боеции»), от которого остался фрагмент из 257 стихов, и «Chanson de sainte Foi» («Песнь о святой Вере»), состоящая из 593 строк. XI—XII веками датируются также несколько прозаических и стихотворных текстов религиозного содержания.

Уже с XI в. в Окситании начало складываться литературное койне, которое окончательно утвердилось в следующем веке, в поэзии трубадуров.

§ 57. Каталонский язык. В Каталонии, как и в других западных романских областях, в документах, составленных на латыни, довольно рано появляются элементы разговорного народного языка.

От раннего периода, вплоть до XII в., до нас дошли лишь смешанные латинско-каталонские тексты, в которых каталонский представлен отдельными лексическими и грамматическими элементами. Среди первых документов, целиком написанных на каталонском, — «Forum Judicum» («Свод законов»), инвентарный список и некоторые другие тексты (первая половина XII в.).

Древнейший литературный памятник на каталонском — это фрагмент книги проповедей церкви Органья епархии Уржель («Homelies d'Organyà»), датируемый концом XII — началом XIII вв.: Qar enaixí trobam qe éi dejuna, XLa dies (e) XLa nuitz, qe anc no beg ne mengà,

et enaprès sí ag fam. S(einors) éi no dejunà gens per zo que éi agés peccad feit per qué éi degés fer penitència in degés dejunar, mas per exemple o fét de nós, e per zo que nós dejunàsem per los nostres peccads. — «Между тем, как считают, постился 40 дней и 40 ночей и ничего не пил и не ел, и после этого почувствовал голод. Синьоры, он ничего не ел не потому, что он совершил грех и должен был каяться и поститься, но он сделал это, чтобы показать нам пример и чтобы мы постились из-за наших грехов».

Из типичных окситано-каталанских черт можно отметить отпадение конечного *n* (*pa* < *rape m*); выпадение заударных гласных (*peccads* < *нар. лат. peccatos*); отсутствие дифтонгов на месте латинских ударных *e*, *o* (*om* < *homo*, *pedres* > *petras*); переход *ct* > *it*, как во французском и португальском (*nuitz* < *noctes*, *feit* < *factum*) и некоторые другие.

Возникновение литературного каталанского языка связано с именем Рамона Люля (Ramon Llull, 1235—1315), писателя-энциклопедиста, автора прозаических произведений самых разных жанров. Тесные каталано-провансальские контакты, чему немало способствовала территориальная близость, явились причиной того, что вплоть до конца XII в. каталанские поэты писали на провансальском. А первые стихи на каталанском языке появились значительно позже, в XV в. Это была поэзия Аузиаса Марка.

§ 58. Испанский язык. Наиболее древнее свидетельство испанского языка датируется серединой X в. Это жизнеописание отцов церкви и молитвы на латинском языке с большим количеством глосс на испанском (Эмилианские глоссы, получившие это название по Сан-Мильтянскому монастырю в западной части провинции Логроньо, где была найдена рукопись): *cono ajutorio de nuestro dueno, dueno Christo, dueno Salbatore, qual dueno get ena honore, a qual duenno tienet ela mandatione, cono Padre cono Spiritu Sancto, enos sieculos delos sieculos, Facanos Deus omnipotes tal serbitio fere ke denante ela sua face gaudioso segamus* — «С помощью нашего господа, господа Христа, господа спасителя, который имеет славу и власть с отцом и святым духом во веки веков. Господь всемогущий, яви нам эту милость, чтобы пред твоим ликом мы были радостны».

В этом отрывке интересны формы определенного артикля в сочетании с предлогом *con* и *en*, где артикль утрачивает *l*, как в португальском: ж. р. *a*, м. р. *o*, *os* (*cono*, *ena*, *enos*). Всеобщий характер носит дифтонгизация открытых гласных (*tienet* < *tenet*, *sieculos* < *saeculos*, *dueno* < *dominum*, *nuestro* < *nostrum*).

Старейшие документы практического содержания на испанском языке, так называемые *fueros* (записи прав и привилегий), датируются XII веком. Вот образчик такого текста из «*Fueros de la Novenera*», XII в.: *De pastor, cómo deue catar oueillas Nuyll ombre qui oueillas cate de seynnor et sea pastor, ha se de leuantar de nueytes tres uezes et ha de leuantar las oueillas tres uezes, et con su iura ha de seer creydo; et si non lo faze, ha a peytar la oueilla* — «О пастухе, как он должен стеречь овец. Любой человек, который стережет овец господина и является пасту-

хом, должен подниматься ночью три раза и поднимать овец три раза, и он клянется, а ему должны поверить; а если он не делает этого, то должен платить овцу».

В середине XII в. (около 1140 г.) появляется и эпическая поэма на кастильском, — «Песнь о Сиде» (*"Cantar de mio Çid"* — сказание о подвигах национального героя средневековой Испании, участвовавшего сначала в борьбе Кастилии за политическую гегемонию, а затем за освобождение Испании от мавров, выходца из высшей кастильской знати, Родриго Диаса (Сид — слово арабского происхождения, означающее «господин»). «Песнь о Сиде» сохранилась в единственной рукописи 1307 г. Поэма состоит из 3730 стихов, разделенных на три песни.

§ 59. Португальский и галисийский языки. Давние связи Галисии с Португалией привели к тому, что в языках этой части полуострова развился ряд общих черт. Язык древнейших памятников обеих стран тождествен, несмотря на то, что в середине XII в. Португалия обрела самостоятельность, в то время как Галисия осталась в составе Испании. Поэтому, рассматривая древние тексты, невозможно отделить португальский от галисийского.

«Testamento de D. Afonso II» («Завещание Д. Альфонсо II»), датируемое 1214 г., является одним из древнейших португальских текстов. Вот отрывок из этого «Завещания»: ...*Primeiramente, mado que meu filio, infante Don Sancho, que ei da raina Dona Orraca, agia meu reino entregamente e en paz. E, ssi este for morto sen semmel, o maior filio que ouuer da raina Dona Orraca agia o reino entregamente e en paz.* — «Прежде всего, я завещаю, чтобы мой сын инфант Дон Санчо, рожденный (букв.: которого я имею) от королевы Доны Орраки, правил моим королевством безраздельно и в мире. И если он умрет без наследников, то старший сын, который будет от королевы Доны Орраки, пусть правит королевством нераздельно и в мире».

В этом тексте уже проглядывают основные романские черты, характерные для португальского языка в XII—XIII вв. Латинское указательное местоимение *illu(m)*, *illa(m)* утратило *l*, в результате чего образовались формы ж. р. *a*, м. р. *u* (орфография формы м. р. *o*). Эти формы служат и как определенный артикль, и как местоимение. В отличие от испанского, в португальском нет дифтонгизации полуоткрытых гласных (*morto*, *исп.* *muerto*). Довольно частым является употребление дифтонга *ei*, возникшего из *ē + j*, а также из *a + j*, через этап *ai* (*ei < habeo*). Латинский дифтонг *au* остался в португальском на стадии *ou* (*ouuermos < habuerimus*). Следует отметить также палатализацию согласных (*agia < habeat*, *segia < sedeat*), модификацию гласных под влиянием носового (*mado = mando*, *barō = barone*, *nō = non*).

На галисийско-португальском была создана так называемая галисийская лирическая поэзия, сложившаяся в XIII в. не без влияния провансальской и французской лирики. Многочисленные *saupioneiros* («песенники») явились первыми памятниками галисийско-португальской литературы и литературного языка. Они служили образцами для поэтов соседних стран. В Кастилии галисийская поэзия была популярна и пользовалась влиянием вплоть до XV века.

§ 60. Итальянский язык. Первым памятником итальянского языка считают "Indovinello veronese" («Веронскую загадку»). В одном мосарабском молитвеннике, сохранившемся в библиотеке Веронского капитула, найдены несколько строк на итальянском языке, относимых к VIII или IX вв.:

Se pareba boves, alba pratalia araba,
albo versorio teneba, negro semen seminaba
(ред. А. Монтеверди)

«Готовились быки, пахали белое поле, тянули белый плуг, сеяли черное семя» (бумага, перо и буквы).

Ряд языковых особенностей позволяет утверждать, что это — текст из области Венето.

Следующий памятник — формулы свидетельских клятв конца X в., сохранившиеся в архиве бенедиктинского монастыря Монтекассино. Первая из них, включенная в латинский текст «Капуанской тяжбы» ("Placito capuano") 960 г., выглядит так: Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki contene, trenta anni le possette parte Sancti Benedicti — «Я знаю, что эти земли в этих границах в течение тридцати лет принадлежат монастырю св. Бенедикта».

Во всех формулах свидетельских клятв прослеживаются диалектные особенности Кампании. Общим для диалектов Южной Италии являются *sao* (*um.* *so*), *ko* < *quod* (*um.* *che* < *quid*), *kelle* < *eccu*, *illae* (*um.* *quelle*).

К концу XII в. в Италии впервые появляется литература на вольгаре. XIII век принес быстрое развитие лирической поэзии трех школ: сциллианской, болонской и тосканской.

§ 61. Сардинский (сардский) язык. До нас дошло очень много древних текстов на народном языке, большинство из которых относится к XI—XII вв. Одной из причин такого изобилия, может быть, является слабое распространение латинской образованности в этой части Романии.

Наиболее интересны текст «Логудорской привилегии» (1080—1085 гг.), сохранившийся в Государственном архиве Пизы, нотариальный документ из Кальяри (1089—1103 гг.), хранящийся в Марселе, а также так называемые *condaghi* — юридические акты и списки документов, хранившиеся в церквях и монастырях (XII—XIII вв.).

Вот несколько строк из «Логудорской привилегии»:

Ego iudice Mariano de Lacon fazo istâ carta ad onore de omnes homines de Pisas pro xu toloneu ci mi pecterunt; e ego donolislu pro ca lis so ego amicu caru e itsos a mimi: ci nullu inperatore ci lu aet potestare istû locu de non apat comiatu de levarelis toloneu in placitu; de non occidere pisanu ingratiss...

«Я, судья Мариано из Лакони, составляю этот документ для всех людей Пизы, ради (избавления от) пошлины, о чем они меня попросили. И я уступаю им, потому что я им дорогой друг, а они мне. Чтобы никакой правитель, который будет обладать властью в этом месте, не смог отнять у них это (освобождение от) пошлины, данное постановлением, ни убить необоснованно пизанца...».

Бросается в глаза архаичность языка сардинского текста по сравнению с другими романскими памятниками: например, сохранение — *g* — в слове *ego*, конечного — *t* и др.

Диалектные черты, прослеживающиеся в ранних сардинских текстах, свидетельствуют о том, что в это время уже начал складываться, на базе лугудорского диалекта, сардский (сардинский) язык.

§ 62. Ретороманский язык. В понятие «ретороманский язык» объединяются различные говоры, распространенные на территории старой римской провинции Реции. Главные из них — энгадинский, ладинский, фриульский.

Единственным письменным свидетельством ретороманского языка до XVI в. (не считая Кассельских глосс, датируемых началом IX в., в которых некоторые ученые усматривают ладинские черты) является интерлинеарный перевод проповеди Псевдоавгустина, принадлежащий монастырю Эйнзидельн.

Текст можно датировать приблизительно началом XII в. Это всего лишь 15 строк. Тем не менее, они дают наглядное представление о языковом типе, имеющем много общего с романским языком Галлии. Сохраняются конечное *s*, двухпадежное склонение, хотя уже встречаются нарушения этой системы. Романских дифтонгов еще нет: *sarege* выглядит как *savir* (ср. «Страсбургские клятвы»). Поведение интервокальных согласных почти такое же, как в галлороманском. Интересен отбор латинской лексики: сохраняется *decet*, утерянное повсюду, в форме *des*; *placitare* 'говорить' в форме *plaidar* (совр. *plidar*, *pledar*). Типично ладинское слово *afunda*=*avunda*, *avonda* 'достаточно' (ср. *анг.* *avounda*, *фр.* *abonde* < *abundat*).

Этот документ очень ценен, так как от последующих трех веков ничего не сохранилось. Лишь, начиная с Жака Траверса (1483—1563) начинается ретороманская литература, впрочем, почти не выходящая за рамки религиозной тематики.

§ 63. Румынский и молдавский языки. В то время как на Западе языком культуры и церкви был латинский, на византийском Востоке функции государственного и административного языка выполнял греческий. С IX века славянская церковь заменяет в литургии греческий язык старославянским. Румынская церковь с 1020 г. начинает подчиняться болгарской церкви, провозглашенной аутокефальной (независимой от других православных церквей) в 891 г. Так, еще задолго до основания первых монастырей в XIV в. на территории Молдавии и Валахии появляются религиозные тексты на старославянском языке. Что касается текстов светского содержания, наиболее древние из дошедших до нас относятся ко второй половине XIV в. Это главным образом хроники. Во всех документах можно встретить следы народной восточнороманской речи. Имена и топонимы часто имеют романскую форму (с постпозитивным артиклем и в косвенных падежах): *Albul* (1422 г.), *Amarul* (1430 г.), *voda Amarului*, *Bărbătești* (1428 г.), *jude* < *лат.* *judex* (1409 г.), *buor* < *лат.* *bubalus* (1479 г.), *cumnat* < *лат.* *cognatus* (1469 г.), *lac* < *лат.* *lacus* (1468 г.), *portar* < *лат.* *portarius*

(1474 г.) и т. д. Иногда романское влияние сказывается в синтаксисе и фразеологии текста.

Первым письменным свидетельством румынского и молдавского языков считается письмо боярина Някшу из Длагополя правителю в Брашов (город в Трансильвании), датированное 1521 годом, в котором сообщается о движении турок по Дунаю. Начало и конец письма, а также отдельные слова в самом тексте написаны на славянском языке. Все письмо написано алфавитом кириллицей, который использовался в Валахском, Молдавском княжествах вплоть до середины прошлого века. Вот отрывок из этого письма (дается латинским алфавитом):

...I **pak** dau ştire do(m)nietale za lucrul Turcilor, cum amŭ auzit eu că împăratul au eşit den Sofîja şi aimintrea nu e, şi seau dus în sus pre Dunăre. I **pak** să ştii domniîata că au venit un om de la Nicopoe de mie meu spus că au văzut cu ochii loi că au trecut ceale corabii ce ştii şi domniîata pre Dunăre în sus. I **pak** să ştii că bagă den tote oraşele câte 50 de omîn să fie în ajutor în corabii...

«...А также сообщаю Твоей Милости о делах с турками. Как я слышал, император выехал из Софии совершенно точно (букв. и не иначе) и отправился вверх по Дунаю. А также пусть Твоя Милость знает, что прибыл один человек из Никополя и сообщил мне, что он видел своими глазами, как прошли те корабли, о которых знает Твоя Милость, по Дунаю вверх. Также знай, что они берут из всех городов по 50 человек из каждого для помощи на кораблях...».

Бросаются в глаза изменения, ставшие характерными для румынского и молдавского языков: [kl] + гласный > [kj] (ochii < нар. лат.* oculi, класс. лат. oculi), s + i > ş (eşit < лат. exitum) и др.

К XVI в. относится целая серия переводных религиозных текстов. Происхождение этих текстов одними исследователями связывается с распространением гуситской ереси, выступавшей за ведение церковной службы на народном языке, и, таким образом, относится ко второй половине XV в. (ученые Н. Йорга, И. А. Кандря и др.). Другие авторы относят эти тексты к началу XVI в., объясняя их возникновение лютеранской реформой, также, как известно, отставившей употребление в церкви народных языков.

§ 64. Далматинский язык. Документы далматинского языка очень скудны и не носят литературного характера. Прежде всего это — текст завещания X в., составленный на латинском языке, с вкраплением элементов народного языка. Много изолированных далматинских слов встречается в рагузском инвентарном списке 1280 г.

Самые древние тексты, целиком написанные на далматинском языке, — это два письма из Зары XIV в. (1325 и 1397 гг.). Вот первые строки письма 1325 г.:

A ser Pom unuriuol canceler de Ragusa, Todru de Fomat d'Çara saluduui cun oni uostro unur. A mi fo ditu qui lu frar d'maistru Nicola Murar si dimanda rasun nanti la curti de Ragusa contra Franciscu, meu fiol de soldi XX de g'r, li qual avia dat maistru Nicola a Franciscu p. durli a mi...

«Господину Пом, уважаемому канцлеру Рагузы, Тодру де Фомат из Зары выражает свое почтение. Мне сказали, что брат магистра Николы Мурар возбуждает дело при дворе Рагузы против Франциска, моего сына, из-за 20 больших сольдов, которые магистр Никола дал Франциску для передачи мне...».

Даже в этих нескольких строках мы неоднократно встречаемся с характерными для далматинского языка переходами **а** и **о** в **и** в открытом слоге (saliduuu < salutavit, unur < honorem, curti < cohorti). Для далматинского вообще характерно значительное изменение картины гласных по сравнению с латынью, обилие дифтонгов при консервативности и стабильности консонантизма. Латинский элемент силен также и в лексике.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Раздел первый. ФОНЕТИКА

Генетически родственные романские языки имеют много общих типологических черт в области грамматики, сохраняют относительное единство основного словарного фонда, доставшегося им по наследству от народной латыни, и обнаруживают максимальные расхождения в области фонетики. Именно фонетический облик слов затрудняет или делает невозможным взаимопонимание между людьми, говорящими на разных романских языках или диалектах. Так, романские «потомки» одного и того же латинского слова, имеющие одно и то же значение и одинаковые грамматические категории, настолько сильно расходятся по своей фонетической форме, что только знание исторической фонетики романских языков позволяет возвести их к одному латинскому этимону. Ср., например: *лат.* aqua > *исп.* agua, *рум.* apă, *фр.* eau; *лат.* filius > *ит.* figlio, *фр.* fils, *исп.* hijo; *лат.* oculus > *ит.* occhio, *исп.* ojo, *кат.* ull.

Основная причина подобного положения вещей кроется в том, что звуки (фонемы), из которых состоит материальная оболочка слов, непосредственно не связаны со смыслом последних. Изменение значения слова в контексте не влияет на его звучание и, наоборот, фонетические вариации слова безразличны для его значения (ср. 'сейчас' — 'щас'). В случае необходимости облечь в звуковую форму новое понятие или дать имя новому предмету говорящие прибегают к уже готовым фонетическим формам корневых и словообразовательных морфем или используют старое слово в новом значении, но не изобретают новые звуковые комбинации и тем более новые звуки.

Стремление как-то отобразить, классифицировать или назвать явления объективного мира, лежащее в основе лексических и грамматических преобразований и придающее им относительное единообразие в разных языках, не имеет отношения к фонетическим процессам. Звуковые изменения связаны, во-первых, с артикуляторным механизмом коммуникации, во-вторых, с различительной функцией звуков-фонем, позволяющих отличать одно слово от другого по его звуковой оболочке, и, в-третьих, с так называемыми социолингвистическими явлениями, т. е. с теми историко-культурными и политическими событиями в жизни языкового коллектива, которые способствуют (или препятствуют) распространению новых языковых норм и образцов. Взаимодействие

всех этих факторов определяет тенденции развития фонетической структуры каждого языка.

Сопоставление типов фонетических изменений, преобразовавших латынь в романские языки, с типами фонетических различий между кодифицированной литературной нормой и разговорной речью какого-либо современного языка, например, русского, позволяет заметить параллелизм первых и вторых: выпадение интервокальных взрывных — «хочит/хоит» — *lat. cadit* > *исп. cae*; выпадение носовых гласных после назализации гласных и образование назализованного дифтонга — «например/наприэр» — *lat. planum* > *порт. chão*; количественная редукция безударных гласных — «хорошо/харшо» — *lat. saeculum* > *иср. siglo*; качественная редукция безударных гласных — «наблюдаются = наблюдается» — *lat. vinea* > *н. лат. vinia* (*ит. vigna*, *исп. vña*, *порт. vinha*, *фр. vigne*); упрощение групп согласных за счет выпадения первого из них, закрывающего предыдущий слог — «когда/када», «смотри/смари» — *лат. mensem* > *н. лат. mese* (*ит. mese*, *исп. mes*, *фр. mois*), и т. п. В этих совпадениях нечего удивительного, так как в основе современных романских языков лежит разговорная латинская речь, которая, очевидно, обладала следующими характеристиками, типичными для этой формы общения: 1. снижение роли фонетической системы в передаче информации за счет усиления роли интонационных средств, жеста, мимики, использования значения обстановки речи вследствие близкого контакта собеседников¹; 2. увеличение «возможностей нейтрализации, синкретизма и уменьшение расчлененности (каждая отдельная фонема и звук — играть уже меньшую роль, ...звуки могут менять свои качества, ослабляться или совсем исчезать в потоке речи, так что часть фонем в словах оказывается совсем не представленной)»².

После того, как разговорная речь романизованного населения распавшей Римской империи вышла из-под контроля латинской литературной нормы, она существовала в Западной Европе шесть — семь веков (а в восточных областях Романии — 12 веков) в виде бесписьменных диалектов. Поэтому фонетические различия между романскими словами, передававшимися из уст в уста на протяжении многих поколений, и их латинскими этимонами содержат богатый материал для изучения эволюции звуков разговорной речи. Закономерности этой эволюции были детально изучены школой лингвистов младограмматического направления (см. § 114), которые дали название фонетического закону тому эмпирически установленному факту, что один и тот же звук в одних и тех же фонетических условиях в данный промежуток времени и на данной территории изменяется одинаковым образом во всех словах, где он встречается. Под фонетическими условиями понимается при этом как место звука относительно смежных ему звуков, так и его позиция в структуре слова и слога. Так, например, начальная латинская группа звуков [kl] в каталанском и французском не изменилась, в

¹ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 40.
² Там же.

итальянском и румынском дала [kj]¹, в испанском — [λ], в португальском [ʃ]:²

лат. [kl]	н. лат. [kl]	ит. [kj]	рум. [kj]	исп. [λ]	порт. [ʃ]	фр. [ki]
clamare 'звать', 'кричать', clavis 'ключ'	clamare clave	chiamare chiave	chema cheie	llamar llave	chamar chave	clamer clef

Та же группа согласных [kl] в интервокальном положении развивается иначе:

лат.	н. лат. [kl]	ит. [kj]	рум. [kj]	исп. [χ]	порт. [λ]	фр. [j]
oculus 'глаз', vetulus 'старый'	oclu(s) veclu(s)	occhio vecchio	ochi vechi	ojo viejo	olho velho	œil vieil

В приведенных выше примерах представлены и другие фонетические законы: [a] во французском под ударением в открытом слоге дает [e] (clave > clef); заударный гласный в трехсложных словах между взрывным и плавным согласным в народной латыни подвергается синкопе (ср. App. Probi vetulus non veclus, oculus non oclus).

Таким образом, нарушения классической латинской нормы произношения, порицаемые как ошибки в период сохранения престижа этой нормы (и, несомненно, ощущавшиеся культурными людьми того времени как «небрежность», «порча языка») отличались регулярностью, имели в каждой области свою направленность и в конечном счете привели к созданию романских фонетических систем, подчас не менее сложных, чем латинская.

Глава 1. ПУТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

§ 65. Понятие «фонетического закона».

«Фонетический закон» — термин условный. Он относится только к результатам регулярных изменений звуков в данном языке. В период протекания самого изменения можно говорить лишь о тенденции развития, которая может сочетаться с другими, иногда противо-

¹ В тех случаях, когда румынский и молдавский языки дают одинаковые результаты развития, в дальнейшем в качестве иллюстрации приводятся лишь румынские формы.

² О графической передаче латинских и романских звуков см. § 80.

положными тенденциями. Подчас языковая норма фиксирует результаты «закона»; остановившегося на полпути. Так, в старофранцузском конечное [r] в инфинитивах, восходящих к I-му и IV-му лат. спряжениям, стало замолкать: *cantare* > *ст. фр. chanter* [tʃânté], *finire* > *ст. фр. finir* [fini]. Однако консервативная тенденция восстановила угасающий звук, но только для глаголов IV спр.: *совр. фр. chanter* [ʃâté], *finir* [finir].

«Фонетический закон» предполагает различную эволюцию одного звука в разных фонетических условиях. Однако идентичность или различие условий определяется на основании уже совершившихся изменений и только для данного языка. Так, условия развития народно-латинского звука [e] (из *клас.* лат. ĭ, œ, ē) в словах лат. *cīrcus, cīrculus* > н. лат. *cercu, cercu* 'круг'; лат. *cœna* > н. лат. *cēna* 'трапеза'; *cēra* > *сега* 'воск'; лат. *pīrum* > н. лат. *peru* 'груша' одинаковы для итальянского, но различны для румынского, где ассимилирующее воздействие звукового окружения на развитие гласных гораздо более ошутимо, чем в итальянском: под влиянием последующих носовых согласных [e] закрывается на одну ступень: *e* > *i*, конечное *a* (закрывшееся на одну ступень в безударной позиции *a* > *ä*)¹ обуславливает дифтонгизацию *e* > *ea* в составе предшествующего слога, губной согласный [p] и согласный [r] вызывают открывание звука *e* на одну ступень и передвижение его в срединный ряд *e* > *ä*:

н. лат.	<i>cercu,</i>	<i>cercu</i>	<i>cena</i>	<i>cera</i>	<i>peru</i>
ит.	—	<i>cerchio</i>	<i>cena</i>	<i>cera</i>	<i>pero</i>
рум.	<i>cerc</i>	—	<i>cină</i>	<i>ceară</i>	<i>păr</i>

Изменения, затрагивающие лишь единичные случаи появления данного звука в данных условиях, называются спорадическими. Так, в окружении двух губных согласных произошла ассимиляция (лабиализация) [a] лишь в одном португальском слове: лат. *fame* (m) 'голод' > порт. *fome*. Когда изменение распространяется на несколько широко употребительных слов, можно говорить о тенденции, как, например, в случае лабиализации [e] перед губными согласными в итальянском: лат. *debere* > ит. *dovere*; лат. *demandare* > ит. *domandare*; лат. *demanē* > ит. *domani* (но лат. *demorare* > ит. *dimorare*). Фонетическим законом может условно называться лишь такое изменение, которое в определенный исторический момент развития языка автоматически распространилось на все случаи появления данного звука в данном окружении.

§ 66. Позиционно обусловленные и спонтанные изменения. Фонетические изменения могут быть контекстуально (позиционно) обусловленными или спонтанными. Первые возникают в результате артикуляторной реакции на фонетическое окружение звука, которая вызывает явления *ассимиляции, диссимиляции, метатезы; афerezы, синкопы, апокопы; протезы, эпентезы и эпитезы*.

¹ В данном случае *ä* обозначает закрытое редуцированное [a], характерное для румынского языка.

Ассимиляция может быть прогрессивной (*mundus* 'мир' > ю. ит. *monpo*; н. лат. *gamba*, *samba* 'нога' > *катал.* *sama*), регрессивной (*factum* > ит. *fatto* 'сделанный') полной или частичной (*capra* 'коза' > *порт.*, *прованс.*, *исп.* *cabra*), контактной (*scriptum* > ит. *scritto* 'написанный') или дистантной (*denarius* > ит. *danaro*). Особым случаем дистантной ассимиляции является метафония (умяют), т. е. закрывание гласного на одну ступень (или его дифтонгизация) под действием конечного гласного. Явление метафонии, вызывающее чередование гласных корня, представлено в сардинском, португальском, ю. ит. диалектах и в балкано-романских языках, где под воздействием конечного *a* (ослабленного в *ā*) и *e* происходит дифтонгизация *o* > *oa*, *e* > *ea* (см. спряжение глаголов типа *рум.* *a purta* 'нести': 1) *port*, 2) *portī*, 3) *poartā* или образование ж. рода прилагательных: *siccus* 'сухой' > *рум.* *sec*, *sicca* 'сухая' > *рум.* *seacă*). К ассимилятивным процессам относятся также п а л а т и з а ц и я согласных перед гласными переднего ряда и перед йот, характерная для всех романских языков (напр. *dies*(m) 'день' > *рум.* *zi* [zi], *medium* > ит. *mezzo* [meddʒol], *mulier* > ит. *moglie* [moʎe], в о к а л и з а ц и я согласных, замыкающих слог (*falta* 'недостаток' > *фр.* *faute*, *nocte* 'ночь' > *фр.* *nuît*, *порт.* *noite*); л е н и ц и я (ослабление) согласных в интервокальном положении, которая проявляется в озвончении глухих (*laci*(m) 'озеро' > *исп.*, ит. *lago*), с п и р а н т и з а ц и и звонких взрывных (*videre* 'видеть' > *пров.* *vezer*; *habēre* 'иметь' > *исп.* *haber* [aber]), в у п р о щ е н и и г е м и н а т, т. е. двойных согласных *bucca* > *исп.* *boca*); н а з а л и з а ц и я гласных перед носовыми согласными (*bonum* > *ст.* *фр.* *bon* [bɔ̃n], *совр. фр.* [bɔ̃], *порт.* *bon* [bõ], л а б и а л и з а ц и я гласных в соседстве с губными согласными (*debere* > ит. *dovere*).

Диссимиляция может возникнуть между элементами одного долгого звука, который превращается в сложный (дифтог или аффрикату). Так, гласные под ударением в открытом слоге удлиняются и могут дифференцироваться качественно: *bonus* > * *boopo* > ит. *buopo*, (*исп.* *bueno*, где элементы дифтонга разошлись еще дальше). Двойные согласные *nn* и *ll* в испанском упростились, пройдя через ступень диссимиляции [*n'n*] > [*ŋ*], [*l'l*] > [*ʎ*]; полугласный йот [*j*], неустойчивый по природе, склонен к выделению смычного элемента. Так, латинский [*j*] уже в поздней народной латыни превратился в [dʒ]: *januarius* > ит. *геннайо* [dʒennajo].

Контактная диссимиляция двух согласных (по участию органов речи) представлена тремя румынскими фонетическими переходами: *ct* > *pt*, *ks* > *ps*, *gn* > *mn*: *factu*(m) 'факт' > *fapt*; *soxa* 'ляжка' > *soapsă*, *lignu*(m) 'дерево' > *lemn*. Дистантная диссимиляция типична для сонорных согласных: *arbore*(m) > *исп.* *árbol*, ит. *albero*; *monimentu*(m) 'памятник' > *рум.* *mormînt* 'могила', *anima* 'душа' > *прованс.* *arma*, *исп.* *alma*.

Метатеза, т. е. перестановка звуков, связанная с упреждением артикуляции, также затрагивает только сонорные согласные и йот: *palude*(m) 'болото' > ит. *palude*, но и *padule*, *рум.* *pădure* 'лес'; *elemosyna* 'милостыня' > *порт.* *esmola*; *periculu*(m) 'опасность' > *исп.* *peligro*, *miraculu*(m) 'чудо' > *исп.* *milagro*, суффикс *-ariu* > *порт.* *-eiro* (*alta-*

riu(m) > *outeiro* 'холм'). Протеза, энпентеза и эпитеза, т. е. добавление неэтимологического опорного или переходного звука для удобства произношения в начале, в середине или в конце слова, имеют место в следующих случаях: протеза *е* во всех иберороманских и галлороманских языках, а также в сев. ит. диалектах существует как живой или (во французском) как исторический закон, перед начальной группой *s* + *согласный* (*spereare* > *исп.* *esperar*, *фр.* *espérer*); энпентеза гласного встречается в ю. ит. и сицилийских диалектах (*barba* 'борода' > *сиц.* *variva*); энпентеза согласного встречается в португальском для устранения зияний (*laudare* > * *louar* > *порт.* *louvar*; *audire* > * *ouir* > *порт.* *ouvir*, ср. также во французском: *н. лат.* *potere* > *родер* > *роуейг* > *роувейг* > *совр. фр.* *pouvoir*), в испанском и французском — как переходный звук между сонорными согласными, попавшими в контактное положение после синкопы гласного (*homine(m)* 'человек' > * *homne* > *исп.* *hombre*; *ponere* 'класть' > * *ponre* > *фр.* *pondre* 'класть яйца'); эпитеза гласного *о* — фонетический закон в итальянском для 3-го л. мн. ч. глаголов; *amant* > *aman* > *амано*, *ama(ve)runt* > *amaron* > *амаропо* и т. п. ✱

Афереза, синкопа и апокопа, т. е. исчезновение начального, срединного или конечного безударного гласного, приводят к сокращению фонемного состава слова, типичного для разговорной речи. Афереза характерна для итальянского языка, в словах, где за начальными *i*, *e*, *o* следует сочетание *s* + *согласный*: *hospitale(m)* > *ит.* *spedale*, *Hispania* > *ит.* *Spagna*, а также и в других условиях: *episcopus* > *ит.* *vescovo*, *ecclesia* > *ит.* *chiesa*.

Синкопа предударных или заударных гласных — регулярный фонетический закон для галлороманских и иберороманских языков и сев. ит. диалектов (*manica* 'рукав' > *фр.* *manche*, *исп.* *manga*).

Апокопа конечных гласных также типична для галлороманских языков, сев. ит. диалектов и, частично, для испанского и румынского: *bene* > *фр.* *bien*, *исп.* *bien*, но *рум.* *bine*; *siccu(m)* > *фр.* *sec*, *рум.* *sec*, но *исп.* *seco*.

Реакции артикуляторного аппарата на звуковой контекст хорошо изучены и большей частью оказываются достаточными для объяснения превращения латинской звуковой оболочки слова в романскую. Однако некоторые *регулярные изменения латинских звуков* (т. е. «фонетические законы») в разных романских языках не зависят от звукового окружения и реагирующих на него артикуляторных тенденций, и по традиции называются спонтанными. Среди них следует различать изменения, обусловленные местом звука относительно ударения, типом слога и т. п., и изменения полностью спонтанные. К первым относятся, в частности, дифтонгизация гласных под ударением: *лат.* *petra* > *ит.* *pietra*, *фр.* *pierre*, *исп.* *pedra*, *рум.* *piatră*; переход ударного [a] в открытом слоге в [e], типичный для Северной Галлии (Франции) и для Северной Италии: *лат.* *hospitale(m)* > *фр.* *hôtel*, *сев. ит.* *sbdel*; синкопа заударных гласных и др.. Полностью спонтанным является превращение [i] > [e], имевшее место в народной латыни на всей территории Римской империи, кроме Сардинии: *лат.* *pisce(m)* > *ит.* *pesce*, *лат.* *dormit* > *ит.* *dorme*. Полностью спонтанно также

превращение начального латинского *f* в спирант *h* [*χ*] в староиспанском: *fergit* > *hiegit* и последующее замолкание этого спиранта в современном испанском и т. п. Для объяснения перечисленных выше спонтанных процессов часто прибегают к гипотезе иноязычных влияний (языковых контактов): изменение [*a*] > [*e*] приписывалось кельтскому субстрату, позднее — германскому суперстрату; переход [*i*] > [*e*] связывался с осским влиянием на разговорную латынь, т. к. латинскому окончанию 3-го л. перфекта ~ *it* соответствовало в осском окончание ~ *ed*: *lat. fecit* — *feced* (CIL, 12, 4); дифтонгизация объяснялась как кельтским, так и германским влиянием, так как эти языки обладали сильным экспираторным ударением, вызвавшим удлинение и потом расщепление ударных гласных в латинском языке Галлии — Франции, Сев. Италии, Испании. Наконец, изменение *f* > *h* > *ø* в испанском (как и в гасконском диалекте Франции) объясняется баскским субстратом — адстратом, так как баскскому языку, область распространения которого непосредственно примыкает к Гаскони и Сев. Кастилии, еще со времен покорения Испании Римом был неизвестен звук *f*, как это можно заключить по латинским заимствованиям в баскском: *lat. festa* — *bask. pesta, besta*.

Ассимиляции, диссимиляции, редукции или добавления звуков могут быть также стимулированы субстратом. Так, латинской группе *nd*, соответствовала в осско-умбрском гемината *nn*. Поскольку ассимиляция *nd* > *nn*, *mb* > *mm* характерна именно для южно-итальянских диалектов (*mundus* > *monno*, *tipni*; *samba*, *gamma* > *gamma*), есть все основания полагать, что она восходит к осско-умбрской манере произношения упомянутых латинских групп. Точно так же, латинская группа *-ct-* давала регулярно рефлекс *-it-* в областях, заселенных до романизации кельтами. Известно, что в кельтском латинскому *-ct-* соответствовало *-ht-*, так что вокализация [*k*] (*noctem* > *порт. noite*, *фр. nuit*, *катал. nit*, *пров. nuoit*, *пиеит*, *пиеч*, *исп. noche*) с полным основанием относится лингвистами за счет влияния кельтского субстрата.

С другой стороны, спонтанные изменения могут быть независимы также и от субстрата и как бы «необъяснимыми». Это так называемые замены звуков близких по способу или месту образования. В романских языках такие замены часто наблюдаются с плавными апикальными согласными: в доархаической латыни и. е. звук [*s*] в интервокальном положении подвергся ротацизму, т. е. превратился в [*r*], откуда *N. tempus*, *Gen. temporis*, и т. д., *арх. lat. N. honos*, *Gen. honoris*, и т. д. Переход интервокального [*l*] > [*r*] — фонетический закон румынского языка на начальной стадии его формирования: *sole(m)* > *soare*, *sale(m)* > *sare*, *tale(m)* > *tare*. В римском диалекте артикль имеет форму *er* < *лат. illu(m)*; в португальском начальная группа взрывной + *l* дает параллельно два рефлекса — ассимиляцию [*kl*] > [*ʃ*] или замену [*kl*] > [*kr*]: *clavum* > *cravo* 'гвоздь', но *clavem* > *chave* [*ʃave*] 'ключ'.

В сардинском (логудорском) изменение [*kl*] > [*kr*] имеет регулярность фонетического закона.

Как позиционно обусловленные, так и спонтанные звуковые изменения могут быть действующими («живыми») или историческими. Живые фонетические законы автоматически распространяются на звуки или звукосочетания, «неприемлемые» в данный момент для фонетической структуры языка (диалекта). Так, протеза *e* перед начальным *s* + *согласный* в испанском языке (*scribere* > *escribir*) распространяется не только на латинизмы (*espectaculo*, *especial*), но и орфоэпически (не орфографически) на заимствования типа *sputnik*. Во французском языке этот закон прекратил свое действие в XVI в. — очевидно в связи с выпадением *s*, ставшего имплозивным (т. е. закрывающим слог) после добавления протетического [e] (*scribere* > *escriure* > *écrire*), а также в связи с наплывом латинизмов (*spectacle*, *spécial*). Живые фонетические процессы — это все те изменения, которым обязано подвергнуться заимствование для того, чтобы по своей фонетической форме не отличаться от всех прочих слов языка. В то же время это устойчивая артикуляторная привычка, которая окрашивает в тона местного варианта языка или диалекта все слова *общелитературного* языка или изучаемого иностранного языка. Такая привычка («акцент», «выговор») может восходить к глубокой древности, как напр.: протеза [e] в испанском, присутствующая начиная с первых памятников языка, или упрощение двойных согласных (геминат) в северном региональном варианте литературного итальянского языка, которое возникло под воздействием диалектального субстрата, где геминаты упростились, по-видимому, уже в народной латыни, на которой говорили романизированные кельты, т. к. это изменение характерно не только для диалектов Северной Италии, но и для Галлии и Испании.

Все регулярные фонетические изменения могут возникать не только в пределах слова, но и в составе ритмической группы. Вариативность звукового состава слова в зависимости от его ближайшего синтаксического окружения и места в предложении характерна прежде всего для разговорной речи, вышедшей из-под контроля письменной нормы и частично утратившей статус отдельности слова в ритмической группе. Отсюда и разнообразные формы ассимиляции, добавления или устранения звуков на стыке слов, а также в абсолютном начале или конце ритмической группы. Естественно, что явления фоносинтаксиса широко представлены в диалектах и в ранних письменных памятниках романских языков. По мере становления письменной нормы, ее фиксации в словарях и грамматиках и ее распространения через школьное обучение, позиционное варьирование фонетической формы слова резко сокращается. Тем не менее, некоторые фоносинтаксические факты закрепляются нормой литературного произношения, а иногда также и написания. Таково, например, явление *liaison* («связывание») во французском языке: *les beaux arts* [lebozar] ‘изящные искусства’. Орфоэпическая норма современного итальянского языка требует удвоения начального простого согласного после служебных слов *ma* < *lat. magis*, а < *lat. ad.*, *da* < *lat. de* + *ab*, *che* < *lat. quid*, где исчезнувший конечный согласный ассимилировался согласному последующего слова: *ma come* [maccome], *a casa* [accaza], *da capo* [daccapo]. Эта норма, не закрепленная на письме, отсутствует в северном региональ-

ном варианте литературного языка благодаря влиянию местных галлоитальянских диалектов, упростивших двойные согласные.

К фоносинтаксическим явлениям относится также зависимость фонетического развития слова от его синтаксической автономности или неавтономности. Так, предлоги и союзы, лишенные собственного ударения, образуют одно фонетическое слово со следующей за ними автономной лексической единицей. Латинские притяжательные и указательные местоимения, употребляясь то в субстантивной, то в адъективной функции, дали в романских языках два разных ряда форм — ударные и безударные: ср. *исп.* *mío, tuyo, suyo/mi, tu, su*; *фр.* *mien, tien, sien/mon, ton, son*; из неавтономно употребляемого указательного местоимения *illu, illa, illos, illas* развился романский артикль — напр. *исп.* *el, lo, la, los, las*. Устойчивой безударной позицией в синтаксической группе объясняется отсутствие дифтонга в таких ит. словах, как *bene* (хотя *фр.* *bien*) и ега *лат.* *egat* ‘был’, и сохранение звука [a] во *фр.* слове *mal* ‘плохо’ (согласно фонетическому закону ударное [a] в открытом слоге должно было дать [e], т. е. *malum* > *фр.* *mel*; такая форма зарегистрирована в ст. *фр.* в субстантивной функции: *cel mel* ‘это зло’).

Фонетическое слияние неавтономных слов с предшествующим словом (энклиза), или с последующим словом (проклиза) регулярно происходило в сочетаниях предлогов с артиклями — например, *de + illu ut.*, *исп.* = *del*; *ad + illu, исп., ум.* = *al* и т. п. Артикль во всех романских языках, кроме румынского, развился из указательного местоимения в проклитической позиции: ср. *н. лат.* *illu lupu* ‘этот волк’ > *фр.* *le loup*, но *lupu illu* ‘волк этот’ > *рум.* *lupul*.

Зависимость конца слова от начала последующего слова проявляется в чередовании форм некоторых французских прилагательных *beau/bel, fou/fol, vieux/vieil* и др. При этом одна из форм освобождается от условий контекста и закрепляется как основная. Ср. *ип beau garçon* ‘красивый мальчик’, *ип bel homme* ‘красивый мужчина’, *il est beau* ‘он красивый’.

§ 67. Системность фонетических изменений. Фонетическое изменение и различительная функция фонем. *Звуковые изменения, как спонтанные, так и обусловленные окружением, находятся в зависимости от закономерностей высшего порядка: места звука-фонемы в фонетической системе языка, места звука внутри просодической структуры слова, функциональной нагрузки различительных признаков звука.*

Как известно, звуки речи, рассматриваемые с точки зрения их различительной функции, представляют собой фонемы языка. Фонемы образуют систему, объединяясь по одним различительным признакам и противопоставляясь по другим. Фонемы, обладающие общим признаком места или способа образования, имеют тенденцию изменяться одинаковым образом. Так, если в позиции между гласными происходит озвончение глухого взрывного согласного [k], то одновременно или последовательно озвончаются другие глухие взрывные — [t] и [p] — в этой позиции. Если глухой взрывной заднеязычный [k] палатализуется перед йот и гласными переднего ряда, то и звонкий взрывной

заднеязычный подвергается аналогичному изменению в том же окружении. Если открытый гласный переднего ряда в открытом слоге подвергается дифтонгизации ($e > ie$), то же почти во всех языках происходит и с открытым гласным заднего ряда ($o > uo, ue$). Итак, фонемы, образуя систему, изменяются систематически, что позволяет им сохранять свои различительные возможности.

Различительную (функциональную) нагрузку несут только различительные (фонологически релевантные) признаки, образующие соотносительную пару фонем, взаимозамена которых в одной и той же позиции или служит для различения фонетических форм двух разных по смыслу слов, или искажает фонетический облик слова до неузнаваемости (Н. С. Трубецкой, 1960, 55). Такому требованию отвечает, например, парный признак глухости/звонкости у двух апикальных фрикативных фонем французского языка [s] и [z], объединенных по признакам места и способа образования: *casser* [kasé] 'ломать' — *caser* [kazé] 'совать', 'пристраивать'. В том случае, если два звука регулярно взаимозаменяемы в одном и том же окружении, но не способны различать фонетические оболочки двух разных по смыслу слов, они представляют собой свободные (факультативные, стилистические, региональные) варианты одной фонемы, например, г — увулярное и г — апикальное во французском языке. Если два разные звука, объединенные какими-либо общими признаками места или способа образования, не способны заменять друг друга в одной и той же позиции (окружении), они представляют собой позиционные (комбинаторные) варианты одной фонемы. Так, в испанском языке фонема /s/ представлена двумя вариантами — основным [s] и комбинаторным [z], который реализуется только в позиции перед звонким согласным: *casa* [kasa] 'дом', но *mismo* [mizmo] 'сам'. Таким образом, признаки глухости и звонкости у испанских звуков [s] и [z] являются не различительными, а сопровождающими. Неразличительный сопровождающий признак не всегда обусловлен окружением. Он может быть постоянно сопряженным с релевантным признаком фонемы при ее нормативной реализации. Так, во французском языке закрытые гласные [a:], [o:], [ø:] обладают потенциальной долготой, которая в полной мере реализуется в закрытом слоге под ударением, например, *raume* [ro:m]. Признак долготы у этих гласных, лишенный своего противочлена — краткости, лишней с точки зрения функциональной, закреплен нормой французской орфоэпии. Итак, фонема, воплощенная в звуке, помимо различительных (фонологически релевантных) признаков, содержит также признаки, обусловленные позицией, нормативной реализацией и стилем (региональным вариантом) речи.

Фонетические изменения поначалу касаются лишь фонологически нерелевантных признаков. Так, например, к I в. н. э. у латинских гласных возникает новый сопряженный признак: долгие гласные приобретают закрытый тембр, краткие — открытый. Латинские согласные [t], [d] в позиции перед йот приобретают к IV в. свистящий оттенок, о чем сохранились свидетельства латинских грамматистов. Для того, чтобы сопутствующие признаки превратились в различительные, т. е. фонологизировались, а позиционные или свободные варианты приоб-

рели статус фонем, оказывается необходимым какой-либо дополнительной сдвиг на другом участке системы. Например, признак закрытости/открытости фонологизировался в народной латыни тогда, когда долгота и краткость закрепились, соответственно, за открытым и закрытым слогом, утратив тем самым способность различать гласные в одной и той же позиции. Фонологическая функция долготы/краткости переместилась на другой парный признак — закрытости/открытости, бывший прежде сопутствующим. Превращение возникших в поздней народной латыни аффрикат (из латинских взрывных в позиции перед йот и гласными переднего ряда) в самостоятельные фонемы произошло уже после распада Римской империи, когда в результате интенсивного действия других фонетических законов и массовых заимствований из языков-адстратов (суперстратов) аффрикаты получили возможность противопоставляться соответствующим взрывным в одной и той же позиции. Так, например, на территории Тосканы и центральной и южной Италии, а также в восточно-романских областях взрывные заднеязычные превратились в аффрикаты [tʃ], [dʒ] в позиции перед гласными переднего ряда:

лат. caelum > *ит.* cielo [tʃelol], *рум.* cer [tʃer]

лат. gelum > *ит.* gelo [dʒelol], *рум.* ger [dʒer].

Из позиционных вариантов согласных фонем /k/, /g/ аффрикаты [tʃ], [dʒ] превратились в самостоятельные фонемы не позже VI—VII вв., т. к. к этому времени в народном языке Италии и романизованного населения Дакии произошла йотизация согласного [i] в группах [ki] и [gi]: *лат.* clavem > *ит.* chiave, *рум.* cheie; *лат.* glaceum, glacea > *ит.* ghiaccio, ghiaccia, *рум.* gheață; *лат.* clinare > *ит.* chinare — так что в позиции перед гласными переднего ряда простой взрывной заднеязычный и соответствующая ему аффриката оказались одинаково возможными (взаимозаменяемыми) и, следовательно, получили смысловозначительную нагрузку (ср. *ит.* giro [dʒirol] ‘круг’ — *ghiro* [girol] ‘сурок’). В Италии фонологизация противопоставления взрывного согласного [k] и палатализованного [kʰ], близкого к аффрикате [tʃ] произошла гораздо раньше, к концу III в. н. э., когда у лабиовелярной фонемы /kw/ исчез перед гласными переднего ряда лабиальный элемент: *лат.* quis > *ит.* chi [ki], *лат.* quem > *ит.* che [kel]. (В румынском также и этот делабиализованный k^w > k в позиции перед e, i подвергся палатализации и совпал по звучанию с простым k в том же окружении: quem > ce [tʃel].)

Фонетические изменения в речи не только порождали новые звуки (из которых потом возникали новые фонемы), но и приводили к устранению из фонетической системы языка релевантных фонологических признаков, а следовательно, и несущих эти признаки фонем. Так, возникшее в XVII в. в народном языке Парижа произношение ill [ɛ] как [j] в конце концов (к XIX в.) привело к вытеснению звука-фонемы [ɛ] из литературной нормы, а вместе с ним и фонологического противопоставления двух фонем /ɛ:/[j/ по признаку палатальность/апикальность. Одновременно увеличилась частотность фонемы /j/, уже существовавшей в языке. (Аналогичное совпадение фонемы /ɛ/ с фонемой /j/ имело место и в других областях Рومании: в римском диалекте италья-

янского языка — *ит.* moglie [moʎe], *римск.* [moje] < *лат.* mulier), в андалузском диалекте испанского языка, в говоре Мадрида и в латиноамериканском варианте испанского, где звук [ʎ] — орфографически ll — совпал со звуком [j] — орфографически y — так что, например, слова calló 'он замолчал' и cayó 'он упал' стали звучать одинаково. Возникновение единичных омонимов не препятствует устранению некоторых фонологических противопоставлений и уменьшению количества фонем в системе языка. Наиболее ярким примером подобного рода может служить преобразование системы согласных фонем в испанском языке на рубеже XVI—XVII в., где звонкие взрывные -b-, -d-, -g- приобрели в интервокальном положении фриктивный позиционный вариант, приведший к смешению фонем /b/ и /v/ путем превращения их в позиционные варианты одной фонемы (ср. vivir [biβir] 'жить' и beber [beβer] 'пить'); сибиллянты утратили корреляцию по глухости/звонкости, аффрикаты [ts] и [dz] слились в глухом дентальном [θ], аффриката [dʒ], упростившись в [ʒ], оглушилась и слилась со звуком [ʃ], который приобрел заднеязычную артикуляцию [X]. Так, вместо десяти фонем староиспанского /b/:/v/, /s/:/z/, /ts/:/dz/, /t/:/dʒ/, /ʃ/:/ʒ/ осталось только 5. Все эти изменения не обусловлены фонетическим контекстом и относятся исследователями за счет баскского влияния.

На звуковые изменения, приводящие к смешению фонем, язык часто реагирует так называемой «цепной реакцией» изменений. Так, например, упрощение геминат в провансальском, испанском, португальском сопровождалось ослаблением артикуляции простых взрывных согласных в интервокальной позиции (лениция, озвончение глухих, спондантизация) и исчезновением звонких, так что функциональная нагрузка, передаваемая ранее оппозицией /t/:/t/:/d/ (или ноль):

лат. cattus — vita — credere

пров. cat — vida — crezer

исп. gato — vida — creer

порт. gato — vida — crer

Системный характер фонетических изменений проявляется также в их зависимости от общей структуры всей фонетической системы в целом. Так, спонтанное изменение апикальной артикуляции фонемы на увулярную во французском языке, не изменившее ничего, кроме нормативной реализации фонемы, отвечало тенденции к увеличению количества заднеязычных артикуляций, обусловленной наличием в системе носовых согласных. Сравнительно недавно увулярная артикуляция двойного [rr] возникла в португальском, где также присутствуют носовые гласные. Кроме того, противопоставление /r/:/r/ было изолированным в португальском языке, из-за упрощения всех геминат, кроме [rr], так что замена двойного [rr] простым, но увулярным [R] привела нормативную реализацию оппозиции /r/:/R/ в соответствие с общей системой языка.

Выполняя свою различительную функцию, фонемы противопоставляются друг другу не сами по себе, а в определенной позиции внутри просодической структуры слова. Понятие основного варианта и позиционных (комбинаторных) вариантов фонемы тесно связано с ее мес-

том в слоге или в слове. Основной вариант фонемы реализуется в так называемых «сильных» позициях: для гласных это ударный слог, для согласных — начальное положение в слове или в слоге. В сильных позициях фонемы не только более четко произносятся, но и наиболее полно реализуют систему фонологических противопоставлений. В слабых позициях (безударные слоги для гласных, конец слова или слога для согласных) система фонологических противопоставлений представлена сокращенно. Практически, для каждой позиции фонемы в слове существует своя система противопоставлений. Так, в итальянском (тосканском диалекте и литературном языке) максимальная система гласных представлена в открытом слоге под ударением: — i, e, ε, а, o, o, u, ie, uo; под ударением в закрытом слоге отсутствуют дифтонги, заударные и междударные слоги допускают только пять гласных — i, e, а, o, u, конечные безударные — четыре гласных — i, e, а, o. В португальском языке в позиции максимального различия, т. е. между гласными — сибиллянтами представлены двумя звонкими и двумя глухими фонемами: /s/ : /z/, /ʃ/ : /ʒ/. В позиции перед глухим согласным и в абсолютном исходе слова все четыре сибиллянта представлены одним звуком [ʃ], а в позиции перед звонким согласным — только одним звуком [ʒ]. Минимальные системы являются как бы редукцией максимальных: две, три или даже четыре фонемы нейтрализуют свои различительные признаки в позиционном варианте минимальной системы. Так, каталанский неясный гласный [ə], реализующийся только в неударном слоге, является позиционным вариантом трех фонем максимальной системы — /a/, /e/, /ε/. Сокращение различительных возможностей фонем в слабых позициях (ограничение на их сочетаемость), соответствует нечеткости, беглости их произношения в речи и их подверженности изменениям в диахронии и варьированию в синхронии. Так, сочетание -ct-, содержащее фонему /k/ в слабой позиции (в имплозии) и фонему /t/ в сильной позиции (в эксплозии), упростилось за счет вокализации $k > i$ на территории Галлии и Испании еще в протороманский период. Однако та же самая тенденция к открытому слогу продолжает действовать и в современном испанском, где, например, слово *caracter*, заимствованное из книжной латыни, произносится в разговорной речи как *carater*, *caraiter* или *carauter*.

§ 68. Причины отклонения от стандартного развития звуков.
Отклонение от стандартного фонетического развития у слов исконного фонда возникает благодаря аналогическому уравниванию звучания слов, объединенных по значению. Чаще всего уравнивание наблюдается у корневых морфем слов одного словообразовательного гнезда или одной словоизменительной парадигмы. Так, из-за различного развития гласных под ударением и в безударной позиции в староитальянском и в старофранцузском возникает чередование гласных корня, которое позднее устраняется, как например, у глагола «находить» *ит.* trovare, *фр.* trouver в 1 л., 2 л., 3 л. ед. ч., *ст. ит.* truovo, truovi, truova, *ст. фр.* trueve, trueves, trueve(t) дифтонг заменился простым гласным — *ит.* trovo, trovi, trova, *фр.* je trouve, tu trouves, il trouve по аналогии с инфинитивом и с множественным числом тех же глаголов — *ит.*

troviamo, *фр.* nous trouvons и т. д. Иногда за образец принимается результат развития гласного под ударением: ср. *ит. фр.* (j)'aime — (nous)aimons — *фр.* j'aime, nous aimons. Вместе с тем, во французском и в итальянском некоторые наиболее частотные глаголы до сих пор сохраняют чередование гласных и согласных корня, доставшееся им по наследству от глубокой древности, ср. *ит.* venire, *фр.* venir; (io)vengo, (tu)viene... (noi) veniamo; je viens, tu viens . . . nous venons. Для испанского и румынского языков, где чередование звуков корневой морфемы в глагольной парадигме широко распространено и поэтому почти морфологизовано, т. к. наряду с флексией несет грамматическую нагрузку, фонетическое уравнивание корня по аналогии не характерно. Ср. *ит.* penso, pensi, pensa, pensiamo . . . *исп.* pienso, piensas, piensa, pensamos; или *рум.* pot, potî, poartă, purtăm . . .

Отклонение от регулярного фонетического развития наблюдается у высокочастотных слов, в том числе у грамматических морфем, которые в большинстве случаев представляют собой фонетические аномалии. Они объединяют тенденцию к максимальному сокращению своего фонемного состава с максимальной устойчивостью и сопротивляемостью к изменениям по аналогии. Так, наиболее частотный глагол во всех индоевропейских языках — «быть» — наиболее нерегулярный и наиболее консервативный. Попадая в условия, увеличивающие частотность, слово может дать неожиданные отклонения в своем фонетическом развитии. Так, например, слово dominus 'хозяин, господин' > *н. лат.* domni, в первом значении развивалось регулярно и дало в испанском dueño, а во втором, употребляясь как титул, превратилось в don (а в провансальском и каталанском в en); слово domina > *н. лат.* donna получило во французском нерегулярное развитие dame. Одним из условий увеличения частотности является грамматизация автономной лексемы. Так, слово casa 'дом' сохранилось в итальянском, румынском, испанском и португальском без изменений, тогда как во французском, благодаря его специализации в функции локального предлога при именах лиц, оно утратило конечный гласный: chez — 'y', 'к'.

§ 69. Звуковой облик слов книжной традиции («латинизмов»). *Займствования как источник изменения фонетической системы языка. Регулярным изменениям подвергаются только народно-латинские слова непрерывной устной традиции («исконные»).* Напротив, слова «ученой» традиции, попадавшие в романскую разговорную речь из сфер культурного общения или употреблявшиеся исключительно в этих сферах, обнаруживают отклонения от фонетических законов, сохраняя большую близость своей фонетической формы к классическому латинскому этимону. Таким образом, **латинизм** в каком-либо романском языке узнается чаще всего по отсутствию в его фонетической форме регулярных, типичных для данного языка звуковых изменений, которым подвергались слова устной народной традиции. Так, [k] перед [a] во франсийском диалекте (лежащем в основе литературного французского языка) с V по VIII вв. регулярно превращался в [tʃ]: cattus > chat *ит. фр.* [tʃat], *фр.* [ʃa]. Этого изменения не про-

изошло, например, в слове *catholique*, которое, хотя и употреблялось в разговорном народном языке, отчетливо сохраняло свою принадлежность к «ученым» словам (*mots savants*). Консервативность фонетической формы типична для слов, связанных с религиозным культом, философией, юриспруденцией, медициной. Так, например, французские и испанские слова *фр. monde, исп. mundo (лат. mundus), фр. siècle, исп. siglo (лат. saeculum), фр. église, исп. iglesia (< лат. ecclesia)* — ранние латинизмы. Большинство ранних латинизмов принадлежит к так называемым «полукнижным» словам, которые подвергались действию фонетических законов с опозданием и преобразовались иначе, чем слова устной народной традиции. Так, обиходные латинские слова *oculus, vetulus* рано утратили заударный гласный (о чем свидетельствует *Appendix Probi: oculus non oclus; vetulus non veculus*). Народно-латинские *oclu(s), vecu(s)* дали в испанском и французском регулярный рефлекс *ojo, viejo* и *œil, vieil(vieux)*. В полукнижном слове *saeculum* заударный гласный сохранялся дольше: в испанском успел озвончиться интервокальный [k], а в первом слоге, сохранявшем дольше свой открытый характер, ударный гласный успел дать дифтонг *ie*, который потом стянулся в испанском *ie > i* — отсюда *фр.: siècle, исп. siglo*. Очень часто одно латинское слово, в зависимости от сферы его употребления имело в романских языках народный, полукнижный и книжный звуковой облик. Так, например, латинское слово *aequalis* во французском языке XII в. существовало в трех вариантах: *ivel, igal* и *egal* (из которых совр. французский сохранил только последний). Еще один пример: латинское слово *regula* — 1) «линейка, планка», 2) «правило, норма» — приняло в ст. французском три фонетические формы, частично отличавшиеся друг от друга по смыслу: 1) народную, развивавшуюся согласно фонетическим законам синкопы заударного гласного и преобразования группы *gl > il*, т. е. *regula > regle > reille*, сохранившую оба значения лат. этимона (и заимствованную в английском в виде *gail*); 2) полукнижную, которая из-за сохранения заударного гласного и под влиянием латинской формы попала под действие другого фонетического закона, а именно утраты звонкого интервокального взрывного согласного: *regula > geule, gieule, giule*. В соответствии со своим полукнижным происхождением, эта форма закрепилась во втором, более абстрактном значении «правило» (и была заимствована в английском в виде *rule*); 3) книжную форму *gègle*, наиболее близкую по звучанию к латинскому этимону, которая вытеснила впоследствии своих менее ученых конкурентов и сохранилась в обоих значениях в современном французском языке. В испанском языке *лат. regula* также дало два рефлекса — ученый и народный, которые сохранились в современном испанском в разных значениях: *regla* «правило» и *reja* «решетка».

Слова, восходящие к одному латинскому этимону, но имеющие разную фонетическую оболочку, и, как правило, разные значения, называются этимологическими дублетами. Один из них обычно соответствует более конкретному (обиходному) значению латинского слова, другой — более абстрактному, «книжному».

Многие этимологические дублеты — общие для большинства ро-

манских языков, что позволяет зачастую отнести начало фонетической дифференциации двух разных значений одного слова к протороманскому периоду, т. е. к поздней народной латыни. Так, латинское слово *pensare* 1) «взвешивать», 2) «думать», употребляясь в первом значении, утратило звук [n], регулярно исчезавший в позиции перед [s], начиная с I в. н. э. Отсюда *лат. pensare* > *н. лат. pesare* > *ит. pesare*, *исп. pesar*, *фр. peser* ‘взвешивать’. За вторым, более абстрактным значением прочно закрепилась классическая латинская форма, устоявшаяся перед фонетическим законом *ps* > *s*. Отсюда *лат. pensare* > *ит. pensare*, *исп. pensar*, *фр. penser* ‘думать’. Латинское слово *causa* в устной народной традиции дало в испанском и итальянском *cosa*, во французском *chose* ‘вещь’, а в значении «причина» за ним удержалась латинская или близкая к латинской форма: *исп., ит. causa*, *фр. cause*. Латинское слово *materia* 1) «лес, древесина», 2) «материал, материя» в народной речи Испании, употребляясь в первом значении, приняло форму *исп. madera*, *порт. madeira*, тогда как за вторым значением в обоих языках закрепилась идентичная латинской форма *materia*. Как видно из примера *лат. regula* > *ит. фр. regle*, *reille*, *riule*, этимологические дублеты могли включать более двух слов. При этом ранние латинизмы, встречающиеся в старых романских языках, обычно вытесняют народные варианты того же слова, если оно относилось к культурной (абстрактной) лексике. Так, ст. французские — *ocoison*, *ochison*, *achaison* и др. уступили место латинизму *occasion*, отвечающему общей тенденции литературного языка к унификации звуковой оболочки слова. Латинизм *gloria* вытеснил встречавшиеся в ст. итальянском такие варианты этого слова, как *groga* и *grogliä*. Заимствования из латыни (т. е. фонетические и лексические латинизмы), а также латинизация фонетической формы слов народной традиции принимают в романских языках наибольший размах в XV—XVI вв., когда ученые-гуманисты во Франции, Испании, Италии сознательно латинизировали родной язык, чтобы его обогатить и облагородить.

Так, в итальянском языке многие существенные, обозначающие обиходные понятия, никогда не выходившие из употребления в разговорной речи, имеют «народную» фонетическую оболочку, тогда как производные относительные прилагательные того же корня или однокоренные более абстрактные существительные оказываются латинизмами: *лат. vitium* ‘порок’, *ит. vizzo* ‘привычка’, но *ит. vizio* ‘порок’; *лат. debere*, *ит. dovere* ‘долженствовать’, но *лат. debitum*, *ит. debito* ‘долг’. Все же в итальянском, где этимологические связи слов с их латинским источником достаточно прозрачны, многие латинизмы автоматически подвергались тем несложным изменениям, которые претерпели исконные слова, и, как бы повинувшись все еще живым фонетическим законам, органически вписывались в фонетическую структуру народного языка: *лат. actu* > *ит. atto* (*фр. acte*, *исп. acto*); *лат. constante(m)* > *ит. costante* (*фр. constant*, *исп. constante*). Иногда согласно фонетическим законам итальянского языка некоторые латинские слова вообще не должны были испытать никаких изменений, кроме апокопы конечных звуков, например, *лат. facile(m)* > *ит. facile*, *лат. maturitate(m)* > *ит. maturità*. Поэтому в итальянском да-

деко не всегда удается отличить книжное слово от исконного по фонетическим признакам. В испанском, португальском и особенно во французском, где из-за радикальных преобразований слов народной традиции была утрачена очевидная связь с латинским этимоном, массовый наплыв латинизмов в эпоху Возрождения вернул языку те комбинации звуков, которые были закономерно преобразованы на предыдущих этапах его развития, как например, а > е или ie в открытом слоге, -ct- > -it-, исчезновение заударных гласных, исчезновение взрывных интервокальных согласных. Например:

лат. *dictare* 'диктовать', ст. фр. *ditier*, но фр. *dicter*;

лат. *avarus* 'скупой', ст. фр. *aver*, но фр. *avare*;

лат. *maturitate(m)* 'зрелость', ст. фр. *meürté*, но фр. *maturité*.

Отсюда резкое противопоставление фонетической структуры ученых слов и слов устной традиции, объединенных зачастую в одно слово-образовательном гнезде: *nudus* > фр. *nu*, но *nuditate(m)* > фр. *nudité* (ст. фр. *nueté*), *maturus* > *mûr*, но *maturitate(m)* > *maturité* (ст. фр. *meürté*), *securus* 'безопасный', 'уверенный' > фр. *sûr*, но *securitate(m)* > фр. *sécurité* 'безопасность' и *sûreté* 1) 'безопасность', 2) 'уверенность'. Как показывает последний пример, сохранение обеих форм — ученой и народной было оправдано их частичной семантической дифференциацией.

Результатом латинизации романских языков явилось не только обогащение их словарного состава, но и расширение границ сочетаемости звуков в слове и, соответственно, увеличение количества значимых (фонологических) противопоставлений в тех или иных позициях и уменьшение позиционной вариативности фонетической системы. Не случайно, поэтому, что именно во французском языке, где латинизмы оказались поначалу чужеродным телом в системе, их интеграция сопровождалась постепенным прекращением действия многих фонетических законов, например, оглушения звонких согласных в абсолютном исходе слова, озвончения и исчезновения взрывных интервокальных, протезы е перед s + согласный и последующего исчезновения s перед взрывными согласными. Ср., например, развитие следующих двух латинских слов во французском языке:

лат. *stabulu(m)* 'стойло', ст. фр. *estable*, фр. *étable*

лат. *stabile(m)* 'устойчивый', ст. фр. *estable*, фр. *stable*

Как показывает последний пример, латинизация фонетической формы ст. французского слова *estable* 'устойчивый' восстановила разное звучание двух слов, ставших омонимами в результате действия фонетических законов.

Еще один аналогичный пример:

лат. *monte(m)* 'гора' > ст. фр. *mont*, фр. *mont*;

лат. *mundu(m)* 'мир' > ст. фр. *mont*, но фр. *monde*.

Также и в этом случае приближение фонетической оболочки последнего слова к латинскому этимону устранило достаточно «неудобную» омонимию, т. к. оба слова могли встречаться в одном контексте.

Латинизмы, как источник пополнения научной, юридической, церковной и вообще абстрактной лексики, широко представлены во всех романских языках, кроме румынского, где ранних латинизмов не-

много, т. к. основным источником «ученых» заимствований был для проторумынского древнеболгарский (старославянский) язык. Начиная с VI—VII вв. в результате интерференции славянского суперстрата, в языке романизованного населения Дакии, Македонии, Мёзии существенная часть латинского лексического наследия была заменена славянизмами. Древнеболгарские заимствования приотсталили действие многих фонетических законов балканской народной латыни и способствовали фонологизации комбинаторных вариантов фонем, например, *лат. dīcere* > *рум. zīce(ge)*, но *слав.* заимствование *grādinā* сохраняет сочетание *dī* без изменений, или *лат. sole* > *рум. soare*, но славянизм *silā* сохраняет интервокальное *-l-* без изменений и т. п. Таким образом, румынский язык с самого начала своего формирования получил широкие возможности сочетания звуков и их противопоставления в одной и той же позиции.

Лексические заимствования, расширяя границы сочетаемости звуков, обычно не несут с собой новых фонем, т. к. содержащиеся в них «чужие» звуки передаются с помощью более или менее близких звуков-фонем воспринимающего языка. Так, многие германские слова, проникшие в позднюю народную латынь через солдат-германцев, содержали начальный звук [w], не свойственный романской речи, который был передан уже существовавшим в латыни лабиовеллярным gw, встречавшимся в латинских словах только в середине слова (напр., *sanguis, lingua*). Поэтому все романские слова, начинающиеся с *gu* — германского происхождения: *ит., исп. guerra, фр. guerre* < *герм. wirra; ит. guardare, исп. guardar, фр. garder* < *герм. wardjan, ит. guarire, исп. guardare, фр. guérir* < *герм. wahrjan*. Все же, на севере Франции, где германское (франкское) влияние было более глубоким, чем в других областях Романии, в романскую речь проникла вместе с германизмами фонема *h*,¹ (которая не была полностью чуждой для романоязычного населения, т. к. она существовала в классической латыни и сохранялась в письменном языке в виде пустой графемы *h*). Этот возрожденный франками звук [h] проник даже в исконно латинское слово *altus* ‘высокий’, которое, скрестившись с германским *hoch*, дало в ст. французском *haut* (*совр. фр. [ol]*). Внедрение в язык новой «чужой» фонемы является примером интерференции, т. е. взаимопроникновения двух контактирующих языковых систем в условиях устойчивого двуязычия (см. выше § 51).

Наряду с латынью источником заимствований могли быть романские языки и диалекты друг для друга (см. § 49). Так, развитию [ga] > [za] (*gamba* > *jambe* *ит. фр. [dʒābəl], фр. [zāb]*) характерно только для Северной Франции. Поэтому, такие слова, как *исп. joia* ‘драгоценность’, *ит. gioia, пров. joī* ‘радость’, восходящие к латинскому слову *gaudia, gaudium* или *исп. jardín, ит. giardino*, восходящие к германскому слову *garten* ‘сад’, могли попасть в эти языки только через посредство французского. Вместе с тем, различие между автохтонным фонетическим развитием и результатом изменения, импортированным из соседних родственных языков и диалектов, не всегда легко установить. Так, в итальянском существует много слов, в которых глухие интервокальные согласные озвончились: *лат. lacu(m)* ‘озеро’ > *ит.*

lago; *лат.* p̄recare 'просить' > *ит.* p̄regare; *лат.* litu(s) 'берер' > *ит.* lido; *лат.* spatha 'меч' > *ит.* spada 'шпага'; *лат.* recipere 'уводить' > *ит.* ricevere 'получать'; *лат.* recipere 'получать обратно' *ит.* ricoverare 'приютить' и т. п. Количество подобных слов в тосканском диалекте (и в итальянском литературном языке) столь велико, что некоторые лингвисты считали озвончение глухих интервокальных исконным тосканским явлением, своего рода незавершенным фонетическим законом. Однако тот факт, что в наиболее употребительных словах и морфемах в литературном итальянском всегда сохраняется глухой согласный: *лат.* dico 'говорю' > *ит.* dico; *лат.* amicus 'друг' > *ит.* amico, ср. также *н. лат.* potere 'мочь' > *ит.* potere, но *н. лат.* potere 'владение' > *ит.* podere; суффикс причастия -atus, -itus, -utus *ит.* -ato, -ito, -uto и т. п. — свидетельствует о заимствованном характере слов, озвончивших глухой интервокальный согласный.

Двоякая (тройкая) трактовка одного и того же латинского звука в одной и той же позиции, т. е. одновременное действие двух (или более) фонетических законов в одном и том же языке, свидетельствует о контактах двух (или более) языковых коллективов в момент складывания общей языковой нормы. Полиморфия фонетических форм слов типична для ранних литературных романских языков, норма которых еще не опиралась на абсолютное превосходство какого-либо одного диалекта. Так, например, в ст. провансальском литературном койне, на котором писали трубадуры XII—XIII вв. многие слова имеют фонетические варианты, отражающие фонетические законы разных областей Окситании, ср., например, разную трактовку группы ct и различный рефлекс открытого [q] в слове nocte(m) > *ст. пров.* noit, pueit, puech, puoit; cantione(m) > *ст. пров.* canso, chançon, chanzo — эти варианты, несмотря на их разное «географическое» происхождение, были одинаково употребительны и взаимозаменяемы.

§ 70. Роль социальных факторов в распространении фонетических изменений. Распространение фонетических изменений связано с социальными и историческими судьбами языкового коллектива, явившегося первичным очагом инновации. Так, за констатацией того факта, что в испанском языке латинскому согласному *f* в начальной позиции перед простым гласным регулярно соответствует пустая графема *h*, которая до XVI в. обозначала звук [x], стоит целая история испанского народа: контакты римских завоевателей на севере Испании и на юге Франции с аквитанами и васконами, племенами, родственными современным баскам, в языке которых отсутствует (и, надо полагать, отсутствовал) звук [f] — отсюда его замена через другой спирант *h* при произнесении латинских слов (ср. русское произношение греческих имен, начинающихся с *ѳ*: Хведор — Федор,); закрепление этой особенности произношения в Гаскони и в Старой Кастилии — горной области в районе Кантабрийских гор, о тавшейся свободной от арабского владычества и возглавившей впоследствии освободительную войну против арабов; расширение, в результате Реконкисты, границ Кастильского королевства с севера на юг, а вместе с ними и границ

изменения $f > h$: *лат. fabulare > исп. hablar, лат. forma > исп. forma, лат. folia > исп. hoja, лат. filius > исп. hijo*; возникновение литературного испанского языка на базе кастильского диалекта и принятие изменения $f > h > \emptyset$ в качестве нормы для тех слов, которые попали под действие этого фонетического процесса (еще не завершено в XVI в.).

Фонетические изменения, для того, чтобы распространиться за пределы своего первоначального «эпицентра» и быть принятыми в качестве нормативных, должны были совершиться в языке того коллектива, который в определенный исторический момент приобретал политическое или культурное превосходство. Поэтому многие изменения, не попавшие в такие благоприятные условия или остались на уровне региональных явлений или были обращены вспять. Показательна в этом отношении история звука [z] во французском слове *chaïse* 'стул'. Это слово восходит к латинскому слову *cathedra*, которое пройдя через много поколений говорящих на территории Франции, получило фонетическую форму *chaïre*, имевшую значения 1) «стул», 2) «кафедра». Оба этих значения сохраняются до сих пор у заимствованного из французского языка английского слова *chair* и у развившегося самостоятельно из латинского этимона португальского слова *cadeira*. В XIII в. в одном из южнофранцузских говоров интервокальное [r] стало произноситься как [z]. Замена [r] > [z] в XVI в. проникла в разговорный язык парижских горожан, произносивших *mazi* вм. *mari*, *Pazis* вм. *Paris*, *chaïse* вм. *chaïre* и т. п. Однако сложившееся уже к тому времени ревностное отношение к фонетической норме языка среди ее носителей — придворной знати, высшего духовенства, писателей, ученых-гуманистов — не позволило этому изменению перейти за социальный барьер, отделявший народ от аристократии и ученой элиты. Лишенное социального престижа новшество не удержалось, оставив по себе воспоминание в слове *chaïse*, обозначающем предмет домашнего обихода, тогда как за формой *chaïre* сохранилось только значение «кафедра».

Двумя веками позднее изменения, возникшие в языке парижского народа и мелкой буржуазии — произношение мягкого [λ] как [j], т. е. слова *filie* как [fij] вм. [fiλ] и произношение дифтонга [we] — в написании *oe*, *oi* — как [wa], т. е. слова *roil* как [rwa] вм. [rwe], долго порицаемые как вульгарные, получили после французской революции право гражданства в литературном языке, а их более «благородные» конкуренты сохранились лишь в провинции, как диалектальные варианты.

Очевидно, язык часто обновляет свою фонетическую систему путем демократизации норм произношения. Это положение справедливо также относительно процесса образования романских фонетических систем из латинской.

Если описанные в § 66 и § 67 артикуляторные и системные закономерности представляют собой условия возникновения фонетических изменений, то социальные смещения и смешения внутри языковых коллективов являются причиной распространения этих изменений, их постепенного проникновения как вширь, за пределы очага первоначального возникновения.

чального возникновения, так и вглубь, внутри самой системы языка, путем охвата все большего количества слов, подчиняющихся данному фонетическому закону. Таким образом, «социальный фактор, который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней. Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе»¹.

§ 71. Пространственные границы фонетических изменений. Как всякое социальное явление, язык существует во времени и в пространстве. Пространственные границы фонетических явлений — изоглоссы или изофоны — отличаются тем, что, как правило, ни одна из них полностью не совпадает с другими.

Так, на территории Франции звук [k] в позиции перед [a] дает в различных диалектах результаты [kl], [ts], [tʃ], [ʃ], [tyl]. Звук [a] после k в открытом слогѣ > ie, e, i; группа согласных -pr- > vr, br, v, b, g; конечный -a > -a, -ə, o.

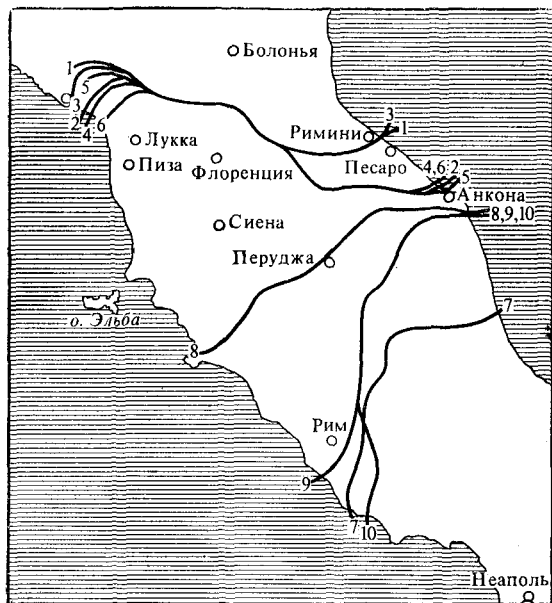
Поскольку каждое из этих изменений имеет собственную область распространения, латинское слово сарга, содержащее перечисленные комбинации звуков, принимает в разных диалектах и говорах самые разнообразные фонетические формы.

Сопоставление провансальского сабго с испанским, португальским, каталанским сабга показывает, что изоглосса -p- > -b- охватывает юг Франции и Пиренейский п-ов, а из сопоставления лат. сарга > фр. *chèvre*, сев. ит. (болонск.) *kevrа*, центр. ит. (абруцц.) *керга*, юж. ит. (луканск.) *кгерэ* видно, что изменение ударного а > е объединяет Францию с Северной Италией, Адриатическим побережьем Центральной и Южной Италии (где это изменение распространилось сравнительно недавно).

Таким образом, фонетический облик каждого романского языка или диалекта складывается из неповторимой комбинации изоглосс, почти каждая из которых свойственна не только данному языку (диалекту), но и какой-либо смежной с ним области. Географическая непрерывность изоглоссы позволяет предполагать циркуляцию населения между языковыми коллективами и наоборот, разрыв изоглоссы свидетельствует о нарушении социальных контактов и о независимом развитии какого-либо явления в двух или нескольких языках. Так, установлено, что до варварских нашествий, т. е. до V в., романизованные Балканские провинции поддерживали тесные контакты с Италией, так что общность изменения лат. [kl] > ит. и рум. [kj], лат. [gl] > ит. и рум. [gj] казалось бы позволяет отнести этот фонетический закон к периоду, предшествовавшему изоляции Дакии от Италии (т. е. до 271 г); однако данные истриотского и арумьнского (македорумынского) диалектов отражают стадию фонетического развития групп kl, gl, предшествующую результату kj, а именно k'l', g'l'. Таким образом, между итальянским и румынским находится более архаическая зона, сохранившая то состояние развития, которое существовало

¹ Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. 1962, с. 19.

до изоляции Дакии, т. е. вплоть до 271 г. Разрыв изоглоссы $kl > kj$, $gl > gj$ свидетельствует о независимом развитии этого изменения в итальянском и в румынском языках. В Дакии активность фонетического процесса $kl > kj$, $gl > gj$ должна была окончиться к VI в., т. к.

Карта № 3. Основные изоглоссы итальянского ареала (по Г. Рольфсу и К. Мерло)

1. Южная граница озвончения взрывных, интервокальных согласных: $-c- > -g-$, $-t- > -d-$.
2. « — » апокопы конечных гласных (кроме а).
3. « — » озвончения и фрикативизации интервокального $-p- > -v-$.
4. « — » упрощения двойных согласных $-tt- > -t-$, $-ll- > -l-$ и т. д.
5. « — » синкопы предударных гласных.
6. « — » назализации гласных перед носовыми согласными.
7. Северная граница озвончения $nt > nd$.
8. « — » ассимиляции $nd > nn$, $mb > mm$.
9. « — » метафонических дифтонгов $o > uo$, $e > ie$ под воздействием конечных гласных i , u .
10. « — » метафонического изменения гласных $o > u$, $e > i$ под воздействием конечных гласных i , u .

рум. *fijo*, *лат.* *muliere* > *рум.* *muïere*, *рум.* *moje*.

Границы между группами языков, между языками и между диалектами устанавливаются на основании важнейших изоглосс, распределение которых всегда находит себе (или должно найти) историческое объяснение.

Прежде всего это древнейшие границы расселения разных этнических групп, подвергшихся романизации — италиков, этрусков, кель-

многочисленные славянские низмы, проникшие в язык будущих румын в эту эпоху сохранили сочетания kl , gl без изменения: *clădire*, *clevetire*, *oglundire* < *слав.* *ogle-dati*.

Фонетическое явление может иметь один эпицентр и распространяться от него в разные стороны подобно «масляному пятну», но может иметь также множество очагов распространения, не связанных друг с другом во времени и в пространстве. Примером последнего случая может служить йотизация палатального $[λ] > [j]$ в романских языках. Этот неустойчивый звук слился с фонемой $/j/$ во французском языке к XVIII в., в разных диалектах и говорах Испании и Латинской Америки в период от XVI до XX вв., а в румынском языке и римском диалекте итальянского языка переход $[λ] > [j]$ произошёл в дописьменный период: *лат.* *folia* > *рум.* *foaie*, *рум.* *foja*, *лат.* *filiu* > *рум.* *fiu*.

тов, кельтиберов и т. п. — границы, устойчивость которых поддерживалась последующим политико-административным членением Римской империи (*provinciae, civitates*), а потом и средневековой феодальной Романии (диоцезы, епископства, графства). Так, важнейший пучок изоглосс, противопоставляющий Западную Романию собственно Италии (Тоскане и Центрально-южным диалектным областям (см. карту № 3), проходит от городов Анкона, Песаро, Римини на Адриатическом побережье до города Специя¹ на Лигурийском побережье, точно следуя южной границе расселения галльских племен в VI—IV вв. до н. э.

Северная граница ассимиляции *-nd- > -nn-, -mb- > -mm-* (*mundus > монно, муппи; gamba > гамма*) проходит точно вдоль речки Эзино возле Анконы, некогда отделявшей итальянские племена умбров и осков от галлов-кельтов и от этрусков.

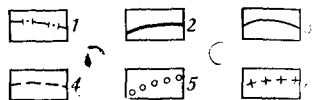
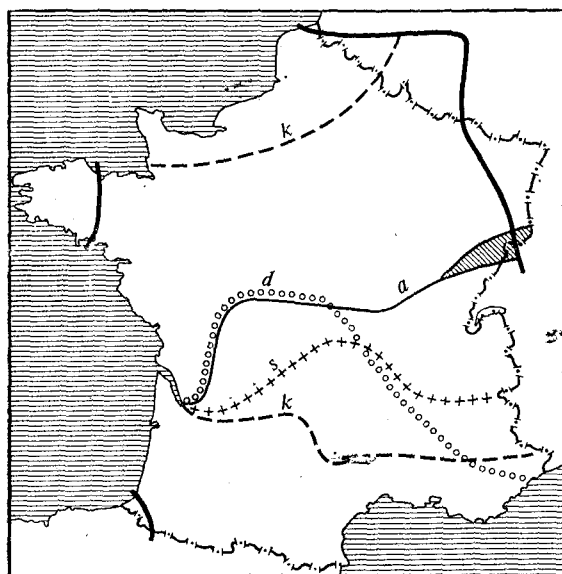
Поскольку еще во времена Римской империи торговые и военные пути (*militares viae*) сооружались согласно принципу *divide et impera*, с учетом географического и этнического членения местности, многие изоглоссы совпадают с древними римскими дорогами. Так, северная граница изоглоссы *[ka] > [tʃa], [ʃa]*, отличающая французский диалект от норманно-пикардских, где латинское *[k]* в положении перед *[a]* не палатализуется, проходит несколько севернее старой этнической границы по Сене и Марне, отделявшей галлов от белгов, вдоль бывшей римской военной дороги, пересекающей область белгов до Руана (*Rotomagus*) через Бовэ (*Bellovacum*), Суассон (*Ession*), Реймс (*Durocortorum in Remis*); граница изоглосс, по которым окситанские диалекты противопоставлены собственно французским, т. е. 1) *-t- > -d-*, но *фр. [ø] (vita > пров. vida, фр. vie)*; 2) *a > пров. а*, но *фр. е (pratu > пров. prat, фр. pré)*; 3) *s + Cons. > пров. s + Cons, фр. [ø] + Cons. (testa > пров. testa, фр. tête)*; 4) *ka > пров. ка, фр. [ʃa] (cantat > пров. canta, фр. chante)*, совпадает с древней римской дорогой, проходившей от Лиона (*Lugdunum*) до Бордо (*Burdigala*), огибая с севера Центральный Массив. См. карту № 4².

Важнейшие изоглоссы, отделяющие центрально-итальянские диалекты от южно-итальянских проходят вдоль древних римских дорог — *via Flaminia* и *via Salaria*, а также тянутся вдоль северных границ бывшего лангобардского герцогства Сполето, которое во времена господства лангобардов (568—773 гг.) было отделено от Тосканы узкой территорией, пересекавшей Умбрию и соединявшей Папскую область (*Patrimonium Sancti Petri*) с Равеннским экзархатом. Эта давно забытая политическая преграда оказалась стойкой диалектной границей, т. к. именно здесь прерывается целый ряд южно-итальянских фонетических (и не только фонетических) изоглосс, например, озвончение глухих взрывных после носовых согласных и метафоническая дифтонгизация *e > ie, o > io* под влиянием конечных гласных *i* и *u*: *tempus > ум. tempo, юж. ум. tiembu, tiembə* (см. карту № 3).

¹ г. Специя изображен кружком в левом верхнем углу карты № 3.

² Карта № 4 заимствована из кн.: *Guiraud P. Patois et dialectes français*. Paris, 1971, p. 31.

Географические границы изоглосс изменчивы, так как культурный престиж или политическая экспансия какого-либо языкового коллектива меняет лингвистическую карту страны.

Карта № 4. Некоторые важнейшие изоглоссы галло-романского ареала (по П. Гиро)

1. --- государственная граница Франции.
2. — граница галло-романского ареала.
3. ... а южная граница изменения а > о в открытом слоге под ударением: *pratum* > *pré/prâ*.
4. --- к северная и южная границы палатализации. *k* перед *a*: *cantat* > *tchante/canta*.
5. o o o o o o o o d южная граница исчезновения взрывных интервокальных согласных: *amata* > *aimée/amada*.

6. + + + + + s южная граница исчезновения s перед согласным: *ascultat* > *ecoute/escouta*.

§ 72. Временные границы фонетических изменений. Их абсолютная и относительная хронология. Географическое распределение фонетических явлений тесно связано с их хронологией. Чем шире ареал распространения какого-либо изменения, тем более древним оно является. Так, ни один романский язык с самых первых своих памятников не сохранил звука-фонемы *h* [χ] в словах исконного латинского фонда, не сохранил фонематического признака долготы/краткости латинских гласных и дифтонгов *ae*, *oe*, не удержал звука [m] в абсолютном исходе неодносложных латинских слов. Все эти изменения совершились в народной латыни задолго до распада Римской империи, как о том свидетельствуют настенные надписи Помпеи (79 г. н. э.) Вместе с тем, изменения могут быть очень древними, но не общероманскими. Так, например, конечный *-t* в 3-м л. ед. и мн. числа глаголов отсутствует во многих надписях I в. н. э. (Помпеи, CIL, IV, 1173, *quisquis apa valia*), дифтонг *au* упрощался в *o* в народной речи уже в II—I в. до н. э. (*Clodius* вм. *Claudius*); конечное *-s* также начало было исчезать в архаической латыни, но было восстановлено в литературном языке под влиянием греческого. Тем не менее, конечное *-s* сохранилось во всех иберороманских языках как морфема мн. числа и 2-го л.; конечные *-t*, *-s* существовали в ст. провансальском и ст. французском и сохра-

няются в Сардинии и в Сев. Калабрии и Лукании. Дифтонг *au* сохранился в провансальском, в балкано-романских языках и в юж. ит. диалектах: *лат.* *audire* > *пров.* *auzir*, *рум.* *auzi(re)*, а в старофранцузском исчез уже после того, как его начальный элемент успел палатализировать предшествующий взрывной согласный заднего ряда: *лат.* *gaudia* > **jaudie* > *joie*; *causa* > **chause* > *chose*.

Свидетельство надписей в Помпеях позволяет утверждать, что преобразование долготы/краткости латинских гласных в тембровое различие закрытости/открытости и связанное с этим совпадение по тембру долгого *ē* и краткого *i*, долгого *ō* и краткого *u* происходило уже в I в. н. э. Однако, несмотря на свою древность и широту распространения, это изменение не является общим для всей Романии, как это следует из сравнения романских языков:

	<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>пров.</i>	<i>фр.</i>	<i>рум.</i>	<i>сард.</i>
I	<i>sītis</i> <i>filum</i>	<i>sete</i> <i>filo</i>	<i>sed</i> <i>hilo</i>	<i>set</i> <i>fil</i>	<i>seif</i> > <i>soif</i> <i>fil</i>	<i>sete</i> <i>fir</i>	<i>sidis</i> <i>filu</i>
II	<i>būcca</i> <i>luna</i>	<i>bocca</i> <i>luna</i>	<i>boca</i> <i>luna</i>	<i>boca</i> <i>luna</i>	<i>bouche</i> <i>lune</i>	<i>bucă</i> <i>lună</i>	<i>bucca</i> <i>luna</i>

Очевидно, изменение *i* > *ē* распространилось по всей Романии после языковой (и социальной) изоляции Сардинии, и предшествовало изменению *u* > *ō*, которое могло распространиться только после изоляции Дакии.

Надписи, обнаруженные на всей территории Романии, показывают, что к IV в. н. э. в интервокальной позиции взрывные глухие согласные начали озвончаться, а заударные гласные в трехсложных («дактилических») словах имели тенденцию исчезать уже в I в. н. э. Тем не менее, каждая область Романии реализовала эти общие тенденции в разной степени и в разной последовательности. Так, во французском языке в дактилических словах типа *manīca* 'рукав', *collocat* 'ставит' заударный гласный исчез до озвончения интервокального согласного, который, не успев озвончиться, дал в позиции перед *[al]* звук *[tʃ]*: *manīca* > *manca* > *manche*; *collocat* > *colcat* > *colche(t)* > *couche* 'он укладывает'. В испанском языке выпадение заударного гласного произошло после озвончения интервокального согласного: *manīca* > *manega* > *manga*; *collocat* > *cologat* > *cueloga* > *cuelga* 'он вешает'.

Последовательность фонетических изменений, выводимая как чисто логически, так и путем сопоставления романских языков, носит название *относительной хронологии*. Относительная хронология фонетических явлений дает гораздо более точное представление об их временных границах, чем их прямая датировка, которая зачастую может просто отсутствовать. Так, свойственная большинству романских языков дифтонгизация гласных *[ɔ]* и *[ɛ]* в открытом слоге под ударением в народно-латинских письменных памятниках не засвидетельствована. Нет дифтонгов в глоссах Рейхенау и в «Страсбургских клятвах» (842 г.). Первые памятники итальянского языка — «Тяжбы монастыря Монтекассино» (960 г.) также их не содержат. Большинство исследователей рассматривают дифтонгизацию как явление сравни-

тельно позднее (V—VI вв.), возникшее под влиянием германского суперстрата и протекавшее независимо в каждом романском языке. Однако исследования, основанные на данных относительной хронологии фонетических явлений, позволили установить следующее:

1. Дифтонгизация гласных ϵ и δ происходила не одновременно. Первым расщепился гласный $\epsilon > ie$, т. к. этот дифтонг засвидетельствован в большинстве романских языков: рѣтра 'камень' $> \text{ит. pietra, исп. piedra, фр. pierre, рум. piatră}$. Поскольку дифтонг ie свойствен испанскому, французскому, итальянскому и румынскому, т. е. имеет длинную непрерывную изоглоссу, он должен был появиться до обособления Дакии, т. е. до середины III в. н. э. (Отсутствие дифтонгизации $\epsilon > ie$; $\delta > io$ в Португалии, в Юж. Италии и Сардинии объясняется периферийностью этих областей относительно центра инновации, а отсутствие спонтанной, т. е. позиционно необусловленной дифтонгизации в провансальском — устойчивостью латинской культурной традиции в этой области). Дифтонгизация распространилась на гласный δ в открытом слоге после 27 Fg., т. к. дифтонг $\delta > ue$, uo отсутствует в румынском, ср.: *лат. fōcu(m) > исп. fuego, фр. feu, ит. fuoco, рум. foc*. Вместе с тем, дифтонгизация $\delta > uo$, ue произошла не позже IV в., т. к. мы находим в ст. французском дифтонг в таких словах, как *mobile(m) > ст. фр. mueble > фр. meuble*; *populu(m) > ст. фр. pueble > фр. peuple*; *juvene(m) > jovene > ст. фр. juene > фр. jeune*, где он мог возникнуть только в открытом слоге, т. е. только до выпадения заударных гласных в дактилических словах (это последнее явление датируется IV веком).

2. Широкое распространение фонетического изменения и его глубокая древность не исключают специфических особенностей его проявления в каждом романском языке. Так, в румынском и испанском дифтонг $\epsilon > ie$ имел место не только в открытых, но и в «закрытых» слогах, ср.: *лат. terra > ит. terra, фр. terre, исп. tierra, рум. țară* (из *tieara); *лат. testa 'гопшок', ит. testa 'голова', фр. tête, исп. tiesta 'голова', рум. țeastă 'чепен'*. Это расхождение объясняется различными принципами слогоделения: *ит. tes/ta, исп. tie/sta, рум. țea/stă*.

3. Как показывает географическое распределение явлений сохранности или исчезновения конечного -s, латинского дифтонга au , дифтонгизации $\epsilon > ie$, совпадения или несовпадения $\dot{\imath} = \bar{e}$, $\bar{o} = \dot{\imath}$, некоторые фонетические процессы принимали различную направленность в разных областях Романии с того момента, когда побежденные народы заговорили на языке своих победителей¹.

В заключение следует заметить, что для каждого звука (или группы звуков) период его преобразования в другой звук обычно не совпадает с временными границами других фонетических изменений. Причины различной длительности и неодновременности фонетических изменений можно искать как в социальных явлениях, так и в консервативных тенденциях говорящих, не допускающих одновременной

¹ См.: Сергиевский М. В. Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания. — Вестник МГУ, 1946, № 1.

замены большого количества звуков, которое могло бы нарушить взаимопонимание между поколениями. Вместе с тем, не всегда удается объяснить, почему в каком-либо языке одни фонетические законы сохраняются как «живые», т. е. автоматически действующие, тогда как другие прекращают свое действие.

Глава II. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛАТИНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РАЗНЫХ ОБЛАСТЯХ РОМАНИИ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

§ 73. Просодическая структура слова. Ударение. Его характер в латинском и романских языках. Просодическая структура латинского слова отличается от просодической структуры слов в романских языках характером ударения и различительными признаками долготы/краткости слога. Все латинские слова, в зависимости от их ритмического исхода, делятся на 1) окситонные (*oxýtōna*), т. е. имеющие ударение на конечном гласном; к ним принадлежат только односложные слова, напр., *cor* ‘сердце’, *res* ‘вещь’, *sal* ‘соль’ и т. п.; 2) парокситонные (*paroxýtōna*) с ударением на втором слоге от конца; к ним принадлежат все двусложные слова, напр., *víta* ‘жизнь’, и трехсложные типа *catēna* ‘цепь’ или *pedēster* ‘пеший’, где предпоследний слог — долгий, т. е. содержит долгий гласный или краткий гласный в закрытом слоге; 3) дактилические или пропарокситонные (*proparoxýtōna*) с ударением на третьем слоге от конца типа *saecŭlum*, *ocŭlus*, *palpēbra*, *colŭbra*, где предпоследний слог — краткий, так как содержит краткий гласный в открытом слоге (группа согласных, содержащая взрывной и плавный, так называемая *mŭta cum liquidā*, всегда относится в латинском и романских языках к последующему гласному, оставляя предшествующий слог открытым).

Относительно типа ударения в латинском языке наука не располагает точными данными. Предполагается, что в архаической латыни сосуществовали два ударения — силовое (экспираторное, динамическое) и музыкальное. Первое имело разграничительную функцию и падало на начальный слог слова. Место второго зависело от количества слогов в слове и от долготы/краткости предпоследнего слога, т. е. также было фиксированным и поэтому не несло смысловозначительной функции. Второстепенная роль ударения в латинской фонетической системе отразилась на правилах латинского стихосложения, где метрический рисунок основан только на чередовании долгих и кратких слогов, независимо от места ударения в словах.

При распространении латыни за пределы Лациума как на Апеннинском п-ове, так и за его пределами, эти сложные просодические нормы не были усвоены иноязычным населением и подверглись перестройке: музыкальное ударение заменилось более энергичным экспираторным, ударные гласные в открытом слоге стали произноситься как более долгие по сравнению с ударными гласными в закрытом слоге и тем более по сравнению с безударными. Эти изменения были заложены в самой системе латинского языка, где долгие по природе гласные вызвали упрощение двойных согласных, т. е. «открывание»

закрытого слога (*арх. лат. caussa* > *кл. лат. causa*, *мед + com* > *мессит* > *тесит*). Таким образом, если в классической латыни долгота/краткость гласного не зависела от типа слога, то в народной латыни постепенно долгота гласного закрепились за открытым, а краткость за закрытым слогом.

Кроме того, в поздней народной латыни в результате действия аналогии со стороны наиболее распространенной акцентной модели латинского языка — *ragoxyton* — в ряде случаев происходило перемещение ударения с третьего от конца слога на предпоследний. Это слова: 1) содержащие зияние: *filiōlus* > *н. лат. filiōlus* > *ит. figliōlo*, 'ребенок'; *pariētem* > *н. лат. pariēte*, *парēte* > *ит. parēte*, *исп. paréd* 'стена'; *petiōlus* 'стебелек' > *н. лат. petiōlus* > *рум. picior* 'нога'; 2) содержащие в предпоследнем слоге группу *muta cum liquida*: *colūbra* > *н. лат. colōbra* > *исп. culēbra*, *фр. coulēuvre* 'уж'; *intēgrum* > *н. лат. intēgru* > *исп. entéro*, *фр. entier* 'целый'; *catēdra* > *н. лат. catēdra* > *порт. cadeira*, *фр. chaire*, *чаіse* 'кафедра', 'стул'.

Другим случаем перемещения ударения была так называемая «рекомпозиция» (перенос ударения с приставки на корень и восстановление редуцированного корневого гласного) — явление не чисто фонетическое, связанное со стремлением разговорной речи к выделению основной значимой части слова и выравниванию по звучанию однокоренных слов: *convēnit* > *н. лат. convēnit* > *ит. conviēne* 'подходит'; *recīpit* > *н. лат. recēpit* > *ит. ricēve*, *исп. recibe*, *фр. reçoit* 'получает'; *incīpit* > *н. лат. incēpit* > *рум. începe* 'начинает'.

Аналогичными причинами, возможно, объясняется перемещение ударения в формах перфекта 3-го л. мн. ч.: *amavērunt* > *н. лат. amā(ve)runt* > *ит. amárono*, *исп. amáron*, *фр. aimèrent*; *dixērunt* > *н. лат. díxērunt* > *ит. díssero*, *фр. dirent*, *рум. ziseră*, *fuērunt* > *н. лат. fúērunt*, *ит. fúrono*, *фр. fúrent*, *рум. fúrá*. С другой стороны, можно предположить, что здесь имело место не перемещение ударения в поздней народной латыни, а сохранение в народном языке архаической формы с ударением на основе. В своем последующем развитии из народной латыни романские слова непрерывной устной традиции не изменяли места ударения, что является важной типологической чертой романских языков (в отличие, например, от славянских).

В поздней народной латыни музыкальное ударение повсеместно вытесняется экспираторным ударением, которое приобретает наибольшую силу в областях, где влияние германского суперстрата было наиболее длительным и глубоким, т. е. в Сев. Италии и Сев. Галлии (Франции).

Сила экспираторного ударения способствовала дифтонгизации ударных гласных в открытых слогах, расщепляя долгий однородный звук на два элемента, и, выделяя ударные гласные за счет безударных, приводила к редукции последних (см. ниже, § 74).

§ 74. Изменения в ударном вокализме. Типы дифтонгизации. Романские максимальные системы гласных. Изменения в ударном вокализме затрагивают прежде всего различительный признак долготы/

краткости, свойственный латыни и отсутствующий в романских языках. Система латинских гласных под ударением и в безударных позициях одна и та же. Она содержит 10 простых фонем, которые различаются по степени подъема (верхний, средний и низкий), по ряду (передний, средний, задний) и по количеству (долгие и краткие). Кроме того, существовали три дифтонга — *ai*, *ae*, *oe*. Между долгими и краткими гласными существовали сопутствующие тембровые различия: первые были закрытыми, вторые открытыми. В народной латыни, в связи с постепенным закреплением долготы за ударным открытым слогом, противопоставление по долготе/краткости теряет свою различительную функцию (дефонологизируется). Эта функция переносится на другой артикуляторный признак — закрытость/открытость, который из сопутствующего превращается в ведущий, т. е., наоборот, фонологизируется. Так, в минимальных парах различие, ранее осуществлявшееся за счет одного фонологически релевантного признака — долготы/краткости гласного, сохраняется благодаря другому — закрытости/открытости. Например: *mālum* 'зло'/*mālum* 'яблоко'; *lēvis* 'легкий'/*lēvis* 'гладкий, скользкий'; *q̄s* 'рот'/*q̄s* 'кость'; *rōpulus* 'тополь'/*rōpulus* 'народ', а также грамматические противопоставления *venit*, *fūgit* 'идет, бежит'/*vēnit*, *fūgit* 'пришел, убежал', *casā Nom.* *casā Abl.* 'домик'.

Почти одновременно с дефонологизацией долготы/краткости и фонологизацией закрытости/открытости происходило совпадение смежных по ряду фонем и стяжение дифтонгов (оба явления отчасти объясняются воздействием на разговорный латинский язык италийских диалектов). Только совпадение *ā*, *a* > *a* и стяжение *oe* > *ē* и *ae* > *ē* распространились на всей территории Романии. Остальные сдвиги в вокализме народной латыни, протекавшие по-разному в разных областях, разделили Романию на четыре неравные зоны: западную (Сев. Италия и Этрурия, т. е. Тоскана, Галлия, Испания, Реция), восточную (Дакия, Далмация), сицилийскую и сардинскую. Наиболее распространенным был западнороманский тип, развитие которого схематически выглядит так:

Таблица № 1

классическая латынь	<i>ī</i>	<i>ī</i>	<i>ē</i>	<i>oe</i>	<i>ae</i>	<i>ē</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>āu</i>	<i>ō</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>
народная латынь классической эпохи	<i>ī</i>	<i>ī</i>	<i>ē</i>		<i>ē</i>	<i>ē</i>	<i>a</i>		<i>ō</i>	<i>āu</i>	<i>ō</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>
поздняя народная латынь Западной Романии	<i>i</i>		<i>e</i>		<i>e</i>		<i>a</i>		<i>o</i>	<i>au</i> (ou)	<i>o</i>	<i>u</i>	

Соотношение всех четырех типов вокализма, лежащих в основе системы гласных соответствующих романских языков, можно представить следующим образом:

Таблица № 2

Типы	народная латынь классической эпохи	i	e	a	ae	au	o	u	11 фонем
Западный	поздняя народная латынь Тосканы, Северной Италии, Галлии, Испании	i	e	a	ae	au	o	u	7 фонем
Восточный	поздняя народная латынь Южной Италии, Далмации, Дакии	i	e	a	ae	au	o	u	6 фонем
Сицилийский	поздняя народная латынь Южной Калабрии, Сицилии	i	e	a	ae	au	o	u	5 фонем
Сардинский	поздняя народная латынь Северной Калабрии, Сардинии	i	e	a	ae	au	o	u	5 фонем

Примечание: дифтонг ae сливался в долгое открытое ē, которое, противопоставляясь долговому закрытому ē̄, образовало первую фонологическую оппозицию по признаку открытость/закрытость уже в классическую эпоху. Стяжение ae > ē — умбрский диалектизм, встречающийся у Плавта; дифтонг au стянулся в долгое открытое ō тоже сначала на территории Умбрии. Простое o вместо au встречается в «Письмах» Цицерона. Дифтонг au сохранился в румынском, молдавском, провансальском, ретороманском и в южно-ит. диалектах; в галисийском и в португальском au ассимилировался в ou (в совр. португальском ou > o).

Примеры:

лат. звуки	лат.	н. лат.	ит.	порт.	исп.	кат.	фр.	рум.	сиц.	сард.
ī	filum	filu	filo	fio	hilo	fil	fil	fir	filu	filu
i	sitis	site(s)	sete	sēde	sed	set	soif	sete	siti	sidis
ē	cera	cera	cera	cēra	cera	cera	cire	ceară	cira	kera
ē	fel	fele	fiele	fel	hiel	fel	fiel	fiere	feli	fele
a	caput	capu	capo	cabo	cabo	cap	chef	cap	capu	kabu
o	rota	rota	ruota	roda	rueda	roda	roue	roată	rota	roda
ō	sol	sole	sole	sol	sol	sol	soleil	soare	suli	sole
ū	bucca	bucca	bocca	bōca	boca	boca	bouche	bucă	vucca	bukka
ū	luna	luna	luna	lua	luna	lluna	lune	lună	luna	luna
			западно-романский тип					вост.	сиц.	сард.

Итак, при усвоении латыни разноразычным населением Римской империи произошло упрощение классической латинской системы гласных.

Во всех протоброманских зонах не изменили своего места в системе только три гласных: ī, a, ū, представляющие максимально отличные друг от друга фонемы.

В результате смещений образовались три разных системы простых гласных:

а) четырехступенчатая, семифонемная в западной зоне:

i u
e o
e o
 a

б) трехступенчатая пятифонемная в Сицилии и Сардинии:

i u
e o
 a

в) несимметричная шестифонемная восточной зоны:

i u
e o
e o
 a

Одинаковые по составу простых гласных системы, сицилийская, сардинская и испанская, дают разное распределение гласных в словах, из-за различной истории одинаковых латинских фонем в разных языках: *лат.* sole > *сард.* sole, *сиц.* suli, *исп.* sol.

Все типы протороманского вокализма, существовавшие на всем протяжении Романии, были представлены в диалектах Италии. Это служит иллюстрацией того не раз отмечавшегося факта, что диалектные различия всегда более ярко выражены в области первоначального распространения какого-либо языка, чем в областях его позднейшей экспансии.

Вторым этапом на пути становления романского вокализма явилось расщепление ударных гласных [e] и [o] на восходящие дифтонги ie и io, ue.

В стороне от этого процесса остались такие периферийные области как Сардиния, Сицилия и Португалия; В Окситании и Каталонии дифтонгизация этих гласных происходила только перед палатальным согласным или йот, т. е. была позиционно обусловлена: *ноcte(m)* > *пров.* puoit, *пиейт*, *пиеч*, *кат.* nit; *oculum* > *oclu* > *пров.* uolh, *уелх*, *кат.* ull; *lectum* > *пров.* lieit, *лиеч*, *кат.* llit (в каталанском эти дифтонги стянулись). В южно-итальянских диалектах дифтонгизация латинских e, o происходила только перед латинскими конечными гласными i, u, т. е. была обусловлена ассимилирующим метафоническим воздействием закрытых гласных следующего слога. Поскольку в большинстве южно-итальянских диалектов все конечные гласные слились в неясном гласном [ə], чередование гласных корня, возникшее благодаря метафонии, приняло на себя морфологическую нагрузку флексии: *bonus* > *неап.* buonə, *bona* > *неап.* bonə; *venit* (3-е л.) > *вене* > *неап.* venə, но *venis* 2 л. > *вени* > *неап.* vienə.

В Балканской латыни распространился только один спонтанный (т. е. позиционно необусловленный) дифтонг e > ie (как в открытом, так и в закрытом слоге). Гласные [o] и [o] слились в одну фонему, которая не давала спонтанного дифтонга. Однако, подобно южно-итальянским диалектам, румынский располагает метафоническими

дифтонгами [e], [e] > [ea], [o] > [oa], которые возникли под действием конечного латинского — [a] (первый) и конечных латинских — [a] и [e] (второй). Чередование гласных корня в румынском также несет морфологическую нагрузку (образование рода, числа существительных, 1, 2 и 3 л. у глаголов). Спонтанный дифтонг ё > ie также попадает под действие конечного [a] и через стадию [iea] превращается в [ia]: pētra > pietra > pieatra > piatră. Все дифтонги в румынском возможны как в открытом, так и в закрытом слоге.

В итальянском языке (тосканском диалекте) существует только спонтанная дифтонгизация е > ie, о > io и только в открытом слоге. В испанском языке существует так же, как в итальянском, только спонтанная дифтонгизация е > ie, о > io > ue, но так же, как в румынском, она распространяется на открытый и на закрытый слог.

Во французском языке спонтанная дифтонгизация затронула сначала (IV—V в.) только два открытых гласных в открытых слогах: е > ie, о > io > *ст. фр.*, ue > *совр.* [œ]; однако после франкского нашествия (V—VIII в.) дифтонгизировали в открытых слогах еще три гласных: о > ou > eu > *совр. фр.* [œ]; е > ei > oi > [œ] *совр. фр.* [wa], и гласный а > ae, который еще в дописьменный период стянулся в [e].

Различные условия дифтонгизации латинских гласных в основных романских языках представлены в следующей таблице:

звуки языки	откр. сл. е	закр. сл. е	откр. сл. е	закр. сл. е
лат. порт. ит. исп. рум. фр. перевод	mel mel miele miel miere miel ‘мед’	ferrum ferro ferro hierro fier fer ‘железо’	credit cre crede cree crede croit ‘верит’	sicca seca secca seca seacă sèche ‘сухая’
звуки языки	откр. сл. о	закр. сл. о	откр. сл. о	закр. сл. о
лат. порт. ит. исп. рум. фр. перевод	focum fogo fuoco fuego foс feu ‘огонь’	fortem forte forte fuerte foarte fort ‘сильный’; ‘очень’	florem flor fiore flor floare fleur ‘цветок’	forma forma forma horma (formă) forme ‘форма’

§ 75. Изменения в безударном вокализме. Романские минимальные системы гласных. Изменения в безударном вокализме, общие для всей Романии, кроме Сардинии, где латинские долгие и краткие гласные попарно совпали как в ударных, так и в безударных слогах, сводятся к трем типам сокращений гласных: 1) полная редукция, т. е. синкопа заударных или предударных и апокопа конечных; 2) совпадение фонем путем нейтрализации противопоставления по степени подъема; 3) образование в безударных слогах неясных (беглых) гласных среднего ряда.

Заударные и предударные гласные. Синкопа заударных.

Наиболее ранние случаи синкопы имели место уже в архаической латыни: н. лат. *dédērunt* > *dedro* (CIL, I, 2378); *domīna* > *domna*; *calīdus* > *caldus* у Плавта. В народной латыни синкопе подвергались заударные гласные в пропарокситонных словах, находящиеся между взрывной и плавной или плавной и взрывной, т. е. между согласными, образующими уже существующие в классической латыни группы *kl*, *pl*, *ld*, *rd*, *st*, *sc*, *sp* и т. п. Ср., напр., *App. Probi*: *oculus non oculus*, *vetulus non veclus*, *calida non calda*, *viridis non virdis*. Это — протороманская синкопа, т. к. все эти «ошибочные» формы разговорного латинского языка лежат в основе соответствующих романских слов:

ит. *occhio*, *vecchio*, *caldo*, *verde*

исп. *ojo*, *viejo*, *caldo*, *verde*

фр. *œil*, *vieil*, *chaud*, *vert*

Дальнейший процесс исчезновения заударных гласных в *proparoxytona* проходил в разных областях Романии с различной интенсивностью. В Сев. Галлии (Франции) заударные исчезли во всех словах устной традиции еще в дописьменный период, т. е. к IX в., тогда как в народной латыни Прованса и на Пиренейском п-ове многие слова сохранили заударный гласный, утратив конечный: лат. *iūvenem* 'молодой' > н. лат. **joveue* > **juevene* > **juevne* > ст. фр. *jueue* > фр. *jeune* [ʒœn], но прованс. *jove*, исп. *jóven* [χowen]; *arbōrem* 'дерево' > фр. *arbre*, но исп. *árbol*, порт. *arvore*. В сардинском, южно-итальянских диалектах, в итальянском и в румынском заударные гласные, не исчезнувшие в народной латыни к IV в. н. э., обычно сохраняются. Таким образом, синкопа заударных — регулярный фонетический закон только для Сев. Галлии, тогда как в других областях речь идет лишь о большем или меньшем количестве *proparoxytona*, утративших этот гласный:

лат.	н. лат.	фр.	исп.	сард.	ит.	рум.
<i>homines</i> 'люди' <i>pectinem</i> 'гребень'	<i>homnes</i> <i>homines</i> <i>pectne</i> <i>pectine</i>	<i>hommes</i> [ɔm] <i>peigne</i> [peɲ]	<i>hombres</i> [ombres] <i>peine</i>	<i>omines</i> <i>pettene</i>	<i>uomini</i> <i>pettine</i>	<i>oameni</i> <i>pieptene</i>

В румынском и молдавском языках сохраняются некоторые пра-
 рагохутона, превратившиеся в итальянском в парохутона после утраты
 заударного гласного (большая консервативность румынского объяс-
 няется изолированным положением Дакии и ее «периферийностью»
 относительно очага народно-латинских нововведений — Средней и
 Северной Италии):

лат.	рум.	ит.
púlīcem 'бл о х а'	púrīce	púlce
dígītum 'п ал е ц'	déget	díto
nébūl am 'тум а н'	négură	nébbia

Точно так же португальский, как язык удаленной области по срав-
 нению с испанским, проявляет, точнее, проявлял до XVI в., большую
 консервативность, зачастую сохраняя заударный гласный в словах,
 где он был утрачен в испанском, ср. homines исп. hom̃bres из н. лат.
 homnes, но порт. homens из лат. homines.

Синкопа предударных неначальных гласных характерна для галло-
 романских и иберо-романских языков, в отличие от сардинского,
 итальянского, румынского.

лат.	ит.	исп.	фр.
collocare 'помещать', 'ставить'	coriicare 'укладывать'	colgar 'вешать'	coucher 'укладывать'
masticare 'жевать'	masticare	mascar	mâcher
judicare 'судить'	giudicare	juzgar	juger

В некоторых сев.-ит. диалектах (пьемонтский, эмилиано-романь-
 ольский) синкопируются все предударные, в том числе и начальные:
 pectinare 'причесывать' > ит. pettinare, болон. p̃neg;
 stomachum 'желудок' > ит. stomaco, болон. st̃meg;
 peccatum 'грех' > ит. peccato, болон. p̃ca;
 hospitalem 'приют', 'госпиталь' > ит. spedale, болон. sb̃del.

Апокопа гласных, в отличие от синкопы, не регистрировалась
 поздними латинскими грамматиками и не отражена в надписях. По-
 видимому, она должна была начаться в галло-романском варианте
 народной латыни в период франкского и лангобардского нашествия
 (V—VI вв.), т. к. именно во Франции и в Сев. Италии она представ-
 лена наиболее широко. Апокопа всех конечных гласных кроме [a]
 является регулярным фонетическим законом для французского, про-
 вансальского, каталанского и большинства сев. ит. диалектов. Ко-

нечный [a] во французском языке превратился в неясный гласный [ə], который в современном языке замолк; в провансальском конечный [a] сохранился или превратился в [o]. В испанском языке апокопе подвергался только гласный ~ [e] в абсолютном исходе слова и только после сонорных п, л, г и фрикативных [d] и [θ]; встречающаяся в староиспанском апокопа ~ [e] после -nt- галлицизм. В португальском языке возможна также только апокопа ~ [e] после сонорных согласных м, г, л, реже после z и d (ср. *sitis* 'жажда' > *исп. sed, порт. sêde*); после г, л она также может отсутствовать (ср. *лат. arborem* > *порт. arvore, исп. árbol*). В итальянском языке как признак слова, апокопа отсутствует. Она возникает только после плавных г, л, п в фоносинтаксисе, внутри слитных синтаксических групп, эквивалентных слову (*amor proprio* 'самолюбие', *bel canto* 'бельканто', *buon giorno* 'добрый день', *parlar bene* 'говорить хорошо'). В раннем румынском, как и в итальянском, апокопа отсутствовала. Однако в процессе образования современного языка произошло постепенное замолкание конечного [u] и конечного [il], исчезнувшего после смягчения предшествовавшего согласного (*лат. lupi* 'волки' > *рум. lupi* [lup']). Кроме того, в румынских инфинитивах произошла апокопа последнего слога -re (во французском и каталанском замолкание г в инфинитивах произошло после апокопы [e], тогда как в румынском конечное [e] апокопе не подвергалось). Примеры:

<i>лат.</i>	<i>siti(m)</i>	<i>fele(m)</i>	<i>lupu(m)</i>	<i>cantare</i>	<i>domina(m)</i>
<i>ит.</i>	<i>sete</i>	<i>fiere</i>	<i>lupo</i>	<i>cantare</i>	<i>donna</i>
<i>рум.</i>	<i>sete</i>	<i>fiere</i>	<i>lup</i>	<i>cînta</i>	<i>doamnă</i>
				[kînta]	
<i>порт.</i>	<i>sêde</i>	<i>fel</i>	<i>lôbo</i>	<i>cantar</i>	<i>dona</i>
<i>исп.</i>	<i>sed</i>	<i>hiel</i>	<i>lobo</i>	<i>cantar</i>	<i>dueña, doña</i>
<i>кат.</i>	<i>set</i>	<i>fel</i>	<i>llob</i> [λop]	<i>cantar</i>	<i>dona</i>
				[canta]	
<i>фр.</i>	<i>soif</i>	<i>fiel</i>	<i>loup</i> [lu]	<i>chanter</i>	<i>dame</i>
				[fâte]	
	'жажда'	'желчь'	'волк'	'петь'	'женщина'

Превращение синкопы и апокопы в регулярные фонетические законы и расширение сферы их действия связаны с усилением экспираторного удара, которое во Франции и Сев. Италии и в меньшей степени в Испании было обусловлено как кельтским субстратом, так и германским суперстратом. Области изолированные и не подвергавшиеся существенному воздействию германского суперстрата, как Португалия, Дакия и особенно Сардиния, а также Тоскана и Юг Италии, сохраняют в своих языках и диалектах ритмическую структуру латинских слов.

Помимо полной редукции, латинские гласные в неударных слогах подвергались в романских языках также частичному сокращению своего фонемного состава.

В латинском языке, как уже было сказано, система гласных для ударных и неударных слогов была одинаковой.

В итальянском языке (тосканском диалекте), где максимальная система состоит из 7-ми гласных, в безударных неконечных слогах возможно противопоставление лишь 5-ти гласных, а в конечном неударном слоге — 4-х гласных о, а, і, е. **В сицилийском диалекте**, где максимальная система состоит из 5-ти гласных, минимальная — для конечных неударных слогов — сведена к трем: а, и, і. Сравнить:

н. лат.	ит.	сиц.
bellu	bello	beddu — ‘красивый’
bella	bella	bedda — ‘красивая’
belli	belli	beddi — ‘красивые’
belle	belle	beddi — ‘красивые’

В литературном итальянском языке (и диалектах Тосканы) и в сицилийском диалекте неясных гласных нет.

В южно-итальянских диалектах, где под ударением различается 7 или 6 гласных, в неударных слогах противопоставляется 4 или 3 гласных, а в конечном слоге (в абсолютном исходе) в большинстве диалектов все гласные слились в неясном звуке [ə]. При этом морфологическая нагрузка (род, число) переносится на чередование гласных корня, вызванного метафоническим воздействием конечных латинских [i] и [u], слившихся позднее в гласном [ə]: bonus > неап. buonə но bona > bonə.

В португальском языке, где максимальная система состоит из 8 или 7 гласных, минимальных систем несколько: в абсолютном начале слова различаются 4 гласных і, а, о, и; в предударном и заударном неконечном 2 гласных — неясный гласный [ə] и [u], которые стремятся к полной редукции (например, слова arbore(m) ‘дерево’ > порт. arvore [arvurə] > [arvrə]; persona ‘лицо’ > порт. pessoa [pəsoa] > [psoa]; в конечном слоге три гласных — а, и, ə.

В каталанском языке, где система-максимум состоит из 7 гласных, в минимальной системе неконечных слогов представлены три гласных: [i], неясный гласный [ə], в котором нейтрализованы фонемы /a/, /e/, /e/ максимальной системы, и гласный [u], который также представляет три фонемы /u/, /o/, /o/. В конечном слоге возможны (не считая нисходящих дифтонгов) только два гласных — [ə] и [i].

Во французском языке, после обязательной синкопы всех заударных и большинства предударных неначальных, а также апокопы всех конечных, кроме [a], которое дало [ə], оставшиеся неударные гласные не сокращали количества своих различительных признаков, так что система гласных для ударных и неударных слогов одна и та же. В отличие от перечисленных выше систем с колеблющимся вокализмом и неясным гласным (что акустически производит эффект нечеткости, смазанности произношения), французский язык обладает устойчивым вокализмом. Испанский и румынский языки также не имеют неясных гласных и почти не различают ударного и неударного вокализма.

§ 76. Общероманские изменения согласных. Этапы палатализации. Образование аффрикат и мягких согласных. Система латинских согласных выглядит следующим образом:

место образования, способ образования	губные и лабиодентальные	зубные и альвеолярные	передне- нёбные (апикальные)	средне- нёбные (палатальные)	задненёбные	
					велярные	лабиовелярные
взрывные фрикативные сонорные	p, b f, v m	t, d n	s r, l	i	k, g h	qu, gu

Каждый согласный (кроме h, j, qu и gu) имел фонологический признак долготы/краткости, другими словами, простые согласные противопоставлялись геминатам.

Первым и основным новшеством явилось образование в народной латыни (в III в. н. э.) отсутствовавших в классической латыни аффрикат [ts], [dz], [tʃ], [dʒ] — пока только как позиционных вариантов фонем /t/ и /d/ перед полугласным йот [j]. Сама фонема /j/, известная классической латыни, расширила сферу своего употребления благодаря сужению гласных [i] и [e] в зияниях (vinea поп vinia, lancea поп lancia, App. Pr.).

При этом звуки [dj], [gj], [j] слились в аффрикату [dʒ] — в некоторых областях [dz] или [j] (в надписях zebus CIL, XIV, 1137 в. diebus, Dat. Abl. Pl. 'день') ср.: mediu(m) 'середина' > *ит.* mezzo [meddzo], *порт.* meio [meju]; radius 'луч' > *ит.* raggio [raddʒo] 'луч' и дублет razzo [raddzo] 'ракета', *исп.* rayo [rajo], *фр.* rayon [rejo]. В свою очередь, звуки [tj] и [kj] в некоторых областях совпали (в надписях terminaciones, definiciones CIL, VIII, 8812 в. terminationes, definitiones) и образовали аффрикаты [ts] — в некоторых областях [tʃ], [lɪz] ср.: lancea 'копье' > *н. лат.* lancia [lantʃja] > *ит.* lancia [lantʃa], *исп.* lanza [lanθa], *фр.* lance [lãs]; rationem 'разум' > *ит. фр.* raison [raizõ] > *совр. фр.* [rezõ].

Вторым, почти одновременным первому, процессом была палатализация согласных g, k перед гласными переднего ряда i, e. Звук g + e, i дал в Галлии, Испании, Италии и Дакии аффрикату [dʒ]; звук k + e, i преобразовался в аффрикату [tʃ] в Тоскане, Центральной и Южной Италии и в Дакии. Сардиния и Далмация, затронутые первой палатализацией (под влиянием йот), во второй палатализации участия не приняли и сохранили латинские велярные k, g в позиции перед e, i.

Третьим существенным изменением также достаточно ранним, т. к. оно затронуло все области Романии, была палатализация сонорных l, n в позиции перед йот, давшая звуки [ɭ] и [ɲ].

В дальнейшем произошло ослабление артикуляций: аффриката [ts] упростилась: во *фр.* [s], в *порт.* [s], в *исп.* [θ]; аффриката [dʒ] упростилась: во *фр.* [ʒ], в *порт.* [ʒ], в *исп.* [χ]; мягкое [ɭ] ослабло в [j] в рум., фр., южн. диалектах ит. языка. В сардинском палатализация сонорных приняла специфический характер, подчеркивающий обособленность этой лингвистической области.

Примеры трех общероманских палатализаций

I			II		III	
лат. звуки	[kj]	[tj]	[ke, ki]	[ge, gi]	[lj]	[nj, gn]
языки						
лат. н. лат. ит. порт. исп. кат. фр. рум. сард.	facies facja faccia [tʃf] face [s] haz [θ] feix [f] face [s] faʃə [ts] fattsa [ts] 'лицо'	puteus putju pozzo [tts] poço [s] pozo [θ] pou puits [i] puţ [ts] puttsu [ts] 'колодец'	cera cera cera [tʃ] cera [s] cera [θ] cera [s] cire [s] ceară [tʃ] kera [k] 'вощ'	gelum gelu gelo [dʒ] gêlo [ʒ] hielo [j] gel [ʒ] gê [ʒ] ger [dʒ] gelu [g] 'мороз'	palea palja paglia [ʎ] palha [ʎ] paja [χ] palla [ʎ] paille [j] pai [j] paza [z] 'солома'	vinea vinja vigna [ŋ] vinha [ŋ] viña [ŋ] vinya [ŋ] vigne [ŋ] vie [j] bindza [ndz] 'виноградник'

Последующее распространение палатализации на сочетания mj, bj, vj, cl, gl, ct, cs(x), g + a, k + a, d + i, на геминаты ll и nn произошло уже после распада Римской империи, когда относительное единство разговорного латинского языка было нарушено, и каждая область по-своему продолжала эту общую тенденцию:

лат. звуки	kl-	-kl-	-kt-	-ks-	-mj- -bj- -vj-	ka- ga-	ll, nn	di de
языки								
лат. н. лат. ит. порт. исп. кат. фр. рум.	cla- vis clave chiave [kj] cha- ve [f] llave [ʎ] clau [kl] clef cheje [k'] 'ключ'	oculus oclu occhio [kj] olho [ʎ] ojo [χ] ull [ʎ] œil [i] ochi [k'] ♥ 'глаз'	nox nocte notte [f] noite [it] noche [tʃ] nit [t] nuit [i(t)] noap- te [pt] 'ночь'	coxa coxa coscia [f] coxa [f] cojo [χ] coix [f] cuisse [is] coapsă [ps] 'ляжка'	rabies rabia rabbia [f] raiva [iv] rabia gat rage [ʒ] — 'бешен- ство'	cattus cattu gattu gatto gato gato gat chat [f] — 'кот'	vallis annus valle annu valle anno ano vale año valle [ŋ], [ʎ] any vall [ŋ], [ʎ] an val an, vale 'долина', 'год'	dicere dicere dire dizer decir dir dire zice [z] 'говорить'

Как видно из этой таблицы, палатализация получила наибольшее распространение во французском и испанском языках; наименьшее — в итальянском и румынском. Первые четыре группы — начальное [kɪ], интервокальное -kɪ-, -kt- и -ks — так или иначе изменились во всех романских языках, тогда как *mj*, *bj*, *vj*, *ka*, *ga* палатализовались только во французском (частично в провансальском), *ll*, *nn* — только в испанском, *di*, *de* — только в румынском (в интервокальном положении также и в провансальском: *videre* > *vezer*). Палатализация привела не только к возникновению новых звуков, но и к упрощению консонантных групп внутри слова и, следовательно, к превращению многих закрытых слогов в открытые.

§ 77. Развитие согласных и групп согласных в интервокальной позиции. Следующим важным изменением на пути превращения латинской системы согласных в романские явилось *ослабление интервокальных согласных* (взрывные > фрикативные; глухие > звонкие; геминаты > простые согласные).

Одним из первых проявлений этого процесса была, по-видимому, фрикативизация интервокального -b- > -w- > -v-, из-за которой согласные [b] и [v] в некоторых областях Романии (в центре и на Юге Италии и в Испании) слились в одну фонему с двумя позиционными вариантами: **b** — в начале слова, -w- или -v- в интервокальном положении. В результате латинские слова, начинавшиеся с *v*-, заменили его на **b**- (явление называемое «бетаизмом».) Это народно-латинское изменение не получило всеобщего распространения и вызвало обратные реакции (во многих южно-итальянских и сицилийских диалектах **b** в начале слова или слога превратилось в *v*: *barba* > *сиц.* *variva*; *carbōne* > *сарвоне* (что засвидетельствовано в памятнике XI в. — надписи в церкви Сан-Клементе в Риме). Следы бетаизма остались в таких словах, как *ст. ит.* *bosc* (вм. *voce*) < *лат.* *vocem*, *исп.* *boda* 'свадьба' < *лат.* *vota*. Однако в испанском языке, где **b** и *v* — позиционные варианты одной фонемы (ср. *vivir* [biwir] и *beber* [bewer]), эта артикуляторная особенность является до сих пор живым фонетическим законом. В других романских языках народно-латинский закон -b- > -v-, рано прекративший свое действие (ранние латинизмы типа *cibum* > *ит.* *cibo* 'пища' ему уже не повинуются), успел, однако, охватить слова народной устной традиции:

лат. *habere*, *debere*; *ит.* *avere*, *dovere*; *фр.* *avoir*, *devoir*; *рум.* (a)avea. Во французском, провансальском, каталанском и румынском интервокальное -v- в большинстве случаев вокализуется и совсем исчезает: *bibere* > *пров.* *beure*, *фр.* *boire*, *рум.* (a)bea.

Вторым по времени и по широте своего географического распространения был закон озвончения глухих взрывных интервокальных -p-t-c > -b-d-g, и фрикативного *s* > *z*, возникший, судя по надписям, в IV в. и охвативший Сев. Италию, Францию и Испанию. В Тоскане, несмотря на большое количество заимствованных с Севера слов с озвонченным согласным (*grā* > *ит.* *riva* 'берет', *gesipere* > *ит.* *ri-severe* 'получать', см. выше §§ 69, 70) в исконно-тосканском словарном фонде озвончения не было, так же, как и в Дакии. Озвончение

глухих согласных сопровождалось в Галлии и на Иберийском п-ове фрикативизацией или исчезновением звонких, с одной стороны, и упрощением геминат, с другой. В Тоскане и в Дакии латинские звонкие интервокальные сохранялись; что касается геминат, то они сохранились в итальянском языке, но упростились в румынском, так же как в Сев. Италии, Франции и Испании:

лат. звуки языки	p	t	c	d	g	tt	cc
лат. (н. лат.)	lupa	vita	acutu	nudu	ruga	gattu	siccus,
ит.	lupa	vita	acuto	nudo, credere	ruga	cattu gatto	sicca secco
рум.	lupă	(viață)	acut	crede credea	—	—	sec seacă
исп.	loba	vida	agudo	nudo creer	arruga	gato	seco seca
порт.	lôba	vida	agudo	nu crer	rua	gato	seco seca
кат.	lloba	vida	agut	nu creure	arruga	gat	sec seca
фр.	louve	vie	aigu	nu croire	rue	chat	sec sèche
	‘волчица’	‘жизнь’	‘острый’	‘голый’, ‘верить’	‘морщина’, ‘улица’	‘кот’	‘сухой’, ‘сухая’

Более ограниченный характер имели изменения сонорных согласных в интервокальном положении. Согласный **г** — самый устойчивый из согласных звуков в романских системах. Его исчезновение отмечается лишь в тосканском диалекте (и литературном итальянском) только в суффиксе **-arius** > *ит.* **-aio** (в ит. словах южного происхождения ~ ago: ср. carbonarius > *ит.* carbonaio ‘угольщик’, carbonago ‘карбонарий’); а также во французском и каталанском, где интервокальное **-г-**, ставшее конечным после апокопы гласного, замолкло: cantare > *фр.* chante(r), *кат.* canta(r). Исчезновение интервокальных [l] и [n] — фонетический закон португальского языка: caelum > *порт.* seu ‘небо’, lupa > *порт.* lua. В румынском языке простой интервокальный [l] превратился в [r]: caelum > *рум.* cer [tʃer].

Развитие сонорных геминат также имеет свою специфику: в испанском и португальском упростились все геминаты, кроме одной — [rr], противопоставление которой простому [r] фонологически значимо. В испанском языке геминаты [ll] и [nn] упростились путем их палатализации: [ll] > [ʎ], [nn] > [ɲ], в сицилийском и сардинском [ll] дал геминату [ʎʎ] — какуминальный звук, образуемый кончиком языка, загнутым внутрь (stella > *сиц.* stidda); в гасконском [ll] дал [rl]: gallina > garina.

Интервокальная позиция, где происходили описанные выше изменения, с точки зрения структуры слога и слова является сильной, и согласные, ее занимающие, несут высокую различительную нагрузку. Однако с точки зрения фонетических условий эта позиция согласных благоприятствует их ассимиляции гласным (ослаблению их артикуляции), что вызывает своего рода конфликт между структурной важностью позиции и ее фонетической неустойчивостью. Каждый язык разрешает этот конфликт по-своему и не всегда последовательно.

Как полагают некоторые исследователи, упрощение геминат в Западной Романии, приводящее к образованию омонимов, требовало создания новой материальной базы для функциональной нагрузки совпадавших фонем и вызвало изменение простых согласных в сторону их озвончения; в свою очередь, угроза совпадения озвонченных глухих с первоначальными звонкими заставила последние отступить, т. е. превратиться в фрикативные, аспираты или исчезнуть. Таким образом, возникла последовательная цепочка изменений интервокальных согласных, типичных для Франции, Сев. Италии и Испании: $tt > t$, $t > d$, $d > z$, $d, \varnothing$.

Хотя эта идеальная «цепная реакция» в действительности для каждого ряда звуков имела свою хронологическую последовательность (так, фрикативизация интервокального $-b- > -v-$ началась до озвончения $-p- > -b-$ и продолжала действовать в некоторых областях и после озвончения глухих, ср. *лат.* *debere > ит.* *dovere*, *фр.* *devoir*, но *лат.* *sapere > ит.* *sapere*, *фр.* *savoir*), и хотя в некоторых языках, как, например, в румынском, после упрощения глухих геминат простые глухие согласные не озвончились (откуда омонимы типа *лат.* *casa > рум.* *casă* 'дом' и *лат.* *capra > cassa > рум.* *cașă* 'ящик'), все же нельзя отрицать того факта, что артикуляторные изменения, кажущиеся слепыми и хаотическими, в общих чертах регулируются функциональной нагрузкой. Так, описанное выше упрощение сонорных латинских геминат $[nn]$ и $[ll]$ в испанском, португальском и румынском почти нигде не привело к их совпадению с простыми $[n]$ и $[l]$:

<i>н. лат.</i>	$[nn] \rightarrow [n]$,	$[ll] \rightarrow [l]$:	<i>annu—luna,</i>	<i>calle—celu</i>
<i>исп.</i>	$[ŋ] \rightarrow [n]$,	$[λ] \rightarrow [l]$:	<i>año —luna,</i>	<i>calle—cielo</i>
<i>порт.</i>	$[n] \rightarrow [\emptyset]$,	$[l] \rightarrow [\emptyset]$:	<i>apo —lua,</i>	<i>cale —ceu</i>
<i>рум.</i>	$[n] \rightarrow [n]$,	$[l] \rightarrow [r]$:	<i>an—lună,</i>	<i>cale—cer</i>

Таким образом, функциональная нагрузка латинской оппозиции np/n , ll/l была пропорционально перенесена на другую звуковую базу в разных романских языках.

Итак, общий процесс ослабления интервокальных согласных имел в каждой области Романии свою специфику.

Столь же разнообразным было развитие групп согласных — как в начале слова (где они сохранялись лучше), так и в интервокальной позиции, где первый согласный закрывал слог (находился в слабой — импловивной — позиции), а второй открывал слог (занимал сильную — экспловивную — позицию). Наиболее ранним и общероманским было упрощение группы $ps > s$, которое было свойственно еще архаической латыни (в надписях *cosol* вм. *consul*, *meses* вм. *menses*).

Устранение имплозивных согласных путем их вокализации или ассимиляции другому согласному, в том числе путем палатализации обоих, есть проявление тенденции большинства разговорных языков к открытому слогу. Эта тенденция, типичная для испанского языка и старопортугальского, скрещиваясь с тенденцией к устранению неударных гласных, приводит к образованию новых групп согласных и, следовательно, новых закрытых слогов, как это произошло в галло-романских языках еще на раннем этапе их развития, и происходит в настоящее время в португальском и в разговорном французском. Ни тот ни другой процесс не является обязательным для всех языков.

Ритмическое чередование открытых и закрытых слогов, ударных и четких неударных гласных характерно для итальянского языка, где ассимиляция, в консонантных группах приводит к образованию геминат и не вызывает изменений в структуре слога.

Различия в развитии групп согласных видны на следующей таблице:

лат. звуки языки	начальные			интервокальные				
	kl-	pl-	bl-	-kl-	-kt-	-ks-	-gn-	-lt-
н. лат.	clave	plenu	blancu (репм.)	oclu	lacte	dixit	lignu	altru
ит.	chiave [kj]	pieno [pj]	bianco [bj]	occhio [kkj]	latte [tt]	disse [ss]	legno [ŋ]	altro [lt]
рум.	cheie [kʰ]	plin [pl]	(alb) ochi [kʰ]		lapte [pt]	zise [s]	lemn [mn]	alt [lt]
исп.	llave [λ]	lleno [λ]	blanco [bl]	ojo [χ]	leche [tʃ]	dijo [χ]	leño [ŋ]	otro [t]
порт.	chave [ʃ]	cheio [ʃ]	branco [br]	olho [λ]	leite [it]	disse [s]	lenho [ŋ]	outro [ut]
кат.	clau [kl]	ple [pl]	blanc [bl]	ull [λ]	llet [t]	digué [ŋ]	llenya [ŋ]	altre [lt]
фр.	clef [kl]	plein [pl]	blanc [bl]	œil [j]	lait [it]	dist [s]	leigne [ŋ]	autre [t]
	‘ключ’	‘полный’	‘белый’	‘глаз’	‘молоко’	‘сказал’	‘дерево’, ‘бревно’	‘другой’

§ 78. Развитие конечных латинских согласных. Эволюция конечных латинских согласных связана с судьбой латинских именных и глагольных флексий. В латинском языке в абсолютном исходе слова (словоформы) могли находиться только согласные **г, l, n, с, m, t, s**, из которых только три последних имели морфологическую нагрузку (если не считать пассива на **-г**, не популярного в разговорной народной речи и не оставившего следов в романских языках). Согласные **-m, -t, -s**, входя в состав флексий, возникали в речевой цепи гораздо чаще, чем **-г, -l, -n, -к** и были подвержены редукции, несмотря на свою высокую функциональную нагрузку.

Согласный **-m** был слабым («беглым») уже в классической латыни: содержащий его слог при стихосложении, подвергался элизии (апокопе). Оформляя винительный падеж ед. ч. всех существительных м. и ж. родов, конечный **-m** обладал очень высокой частотностью (предсказуемостью) и исчез раньше других, не оставив никаких других следов в романских языках кроме *N. res.*—*Ass. res.* 'вещь' > *фр. rien* 'ничего' и *сипт с* > *исп., ит. son*. Согласный **-s**, столь же частотный, как и **-m**, редуцировался в архаической латыни, но в литературном и разговорном языке классического периода был восстановлен и вместе с языком римской администрации закрепился в провинциях Сардинии, Испании и Галлии. В сардинском **-s** сохраняется как морфема 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов, мн. числа существительных и прилагательных, а также у некоторых существительных в ед. числе: *лат. sitis* 'жажда' > *сард. sidis*, *лат. tempus* > *сард. tempus*. В испанском, португальском, каталанском языках согласный **-s** сохраняется как морфема 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов и мн. числа всех существительных. У существительных ед. ч. конечный **-s** не сохранился. В ст. французском и ст. провансальском, помимо вышеуказанных морфем числа и лица глаголов, конечное **-s** оформляло также именительный падеж ед. ч. и косвенный падеж мн. числа, восходящий к латинскому винительному. После исчезновения двухпадежной системы (XIV в.) в галло-романских языках замолкает также конечное **-s**¹. Конечное **-t**, входившее в состав глагольных морфем 3-го л. ед и мн. числа, сохраняется в сардинском языке, в диалекте сев. Кампании — юж. Лукании и присутствовало в старофранцузском и старопровансальском, где оно замолкло к XIV в.¹ В иберо-романских языках конечное **-t** не сохранилось. В итальянском и румынском конечные **-t** и **-s** не оставили следов.

Сохранение **-s** и, частично, **-t** в Галлии и на Иберийском п-ове иногда объясняют характером романизации этих областей, которая совершалась не только за счет военных поселений, но и путем приобщения местного населения к римской культуре и администрации, т. е. принесла с собой латинский язык классической эпохи во всех его функциональных стилях. Преподавание латинского языка в школах пропагандировало литературную норму, где ослабевающие согласные восстанавливались, и, очевидно, выговаривались с особой четкостью. Труднее объяснить сохранение **-t** и **-s** в Сардинии, где среди колонистов превалировали сельские слои населения. В Италии среди необразованных слоев населения конечные согласные **-s** и **-t** ослабли, видимо, почти повсеместно ко времени завоевания Дакии (106 г. н. э.). Дакия же, получив латинский язык преимущественно устным путем, через солдат и колонистов, приняла его наиболее народный стилистический вариант. Конечное **-t** исчезло в Италии гораздо раньше, чем конечное **-s**, как об этом свидетельствуют помпейские надписи (*quisquis ama valia*). Как полагает Г. Рольфс, замолкание **-s** произошло уже в период раннего средневековья, т. к. в некоторых говорах сев.-зап. Тос-

¹ В современном французском языке конечные **-s** и **-t** сохраняются в случае *liaison*, т. е. на стыке двух слов, из которых второе начинается с гласного.

каны до сих пор существует множественное число *la capra* (*ит.* le capre), *do finestra* (*ит.* due finestre), омонимичное единственному, восходящее к латинскому *Acc. illas capras, duo finestras*. Кроме того, обязательное удвоение начального простого согласного после слов *tre* *лат.* tres 'три', и *più* *лат.* plus 'больше' в итальянском языке Тосканы и всей Центральной и Южной Италии — *tre cani* [treccani], *più sago* [pjussago] свидетельствуют о сравнительно недавнем присутствии конечного *-s*, ассимилированного последующему согласному.

Что касается конечных *г, l, п, с* и *s*, которые встречались у латинских существительных в именительном падеже с нулевой падежной флексией (*сog, amor, animal, nomen, lac, tempus*), их сохранение в романских языках зависело от сохранения того или иного слова в форме именительного падежа (как *сog* *фр.* *sœur, пров.* *cog*), а не в форме общего косвенного падежа, лежащего в основе большинства романских слов (напр., *ámor — amor(em) > — исп.* *amór, фр., пров.* *amour, ит.* *amore; lac — lacte(m) > ит.* *latte, порт.* *leite, исп.* *leche, фр.* *lait* и т. п.). В итальянском литературном языке и южно-итальянских диалектах все слова (за исключением предлогов *in, per, con*) имеют вокалический исход. Поэтому в тех случаях, когда конечный латинский согласный сохраняется, к нему добавляется эпитетический гласный, напр., *лат.* *cog > ит.* *cuore, лат.* *dabat > сев. калабр.* *davati; (tu) vides > сев. калабр.* *vidisi*.

В иберо-романских и галло-романских языках большое количество слов **имеют** (или имели до замолкания согласных) **консонантный исход** в результате апокопы конечных гласных кроме *-a*. Поэтому многие латинские согласные, бывшие эксплозивными интервокальными, стали импложитивными конечными. В испанском языке — это согласные *l, г, d; (dolorem > dolor, fidelem > fiel, par(i)etem > pared)*, в ст. французском и ст. провансальском — это практически любой латинский согласный; если в латинском языке такой согласный был звонким, то в галло-романских языках, попав в абсолютный исход слова, он оглушался; *н. лат.* *clave 'ключ' > ст. фр.* *clef; н. лат.* *nudu > ст. фр., пров.* *nut*. Во французском, провансальском и каталанском языках большинство конечных согласных — будь то первичных, восходящих к латинским конечным, или вторичных, ставших конеч-

звук языки	первичные конечные			образование вторичных конечных				
	m	t	s	n	г	l	c	t
лат.	caelum	videt	magis	bonum	ferrum	melum	siccum	acutum
сард.	kelu	videt	plus	bonu	ferru	melu	sikku	agudu
исп.	cielo	ve	prus	bueno	hierro	miel	seco	agudo
фр.	ciel	voi(t) [vwa]	mas plu(s) mai(s)	bo(n) [bɔ]	fer	miel	sec	aigu
кат.	cel	veu	mes	bo	ferro	mel	sec	agut
рум.	cer	vede	mai	bun	fier	miere	sec	acut
ит.	cielo	vede	mai, più	buono	ferro	miele	secco	acuto

ными после апокопы гласных — замолкло, так что получила преобладание тенденция к вокалическому исходу слова.

Трактовка конечных латинских согласных и образование новых конечных согласных отражены в таблице на стр. 180.

(Об условиях апокопы конечного гласного в разных романских языках см. § 75).

В результате описанных изменений гласных и согласных звуков латинские слова народной устной традиции получили в каждом романском языке своеобразный фонетический облик.

§ 79. Сравнительная характеристика фонетических систем романских языков. Даже при беглом сопоставлении фонетической формы слов в латинском и в разных романских языках видно, что латинское наследие лучше всего сохранилось в итальянском языке (тосканском диалекте). Для того, чтобы объективно установить степень удаленности какого-либо языка от общего языка-основы, нужно определить во времени, в пространстве и в его социальной принадлежности то состояние этого «праязыка», относительно которого какие-то явления, предшествовавшие этому состоянию, но сохранившиеся в отдельных областях, можно было бы назвать архаичными, отражающие без изменений это состояние — консервативными, развивающие далее заложенные в нем тенденции — инновативными и отклоняющиеся от этих тенденций — специфическими.

Наиболее удобной для последующего сопоставления языков точкой отсчета будет, очевидно, народная латынь Этрурии (Тосканы), которая не испытала никакого влияния со стороны неродственного и рано исчезнувшего этрусского языка-субстрата, в отличие от латыни в самом Лациуме, где сильно чувствовалось оскское, умбрское, сабелльское влияние. Во временном отношении оптимальным синхронным срезом этого условного «праязыка — эталона» будет IV—начало V вв. н. э., когда Дакия уже отделилась от Римской империи, а германские нашествия еще не расчленили Западную Римскую империю на ряд обособленных государств, так что между Центральной Италией, Галлией и Испанией сохранялись тесные, в том числе и языковые, контакты. Социальная принадлежность этого синхронного среза — разговорная речь неграмотной народной массы, инновации (т. е. ошибки) которой все глубже проникают в разговорный язык культурных слоев населения и в письменный язык христианских авторов IV—V вв.

Фонетические черты народной латыни вообще, отличавшие ее в целом от классической, т. е. 1) устранение корреляции по долготе/краткости у гласных и ее замена корреляцией по открытости/закрытости, 2) замена музыкального ударения экспираторным, 3) образование йот в зияниях из *i, e + voc.*, 4) 1-я палатализация *t, d, k, g* перед йот, 5) замолкание аспираты *h*; 6) замолкание конечного *-m*, 7) исчезновение *n* перед *s*, 8) упрощение дифтонгов *ae > e, oe > e* — не могут служить критерием при сопоставительной характеристике романских языков, т. к. они лежат в основе всех романских языков без исключения.

Мерилом степени архаичности, консервативности, инновативности и специфичности в развитии романских фонетических систем будут, очевидно, более частные черты народной латыни Центральной Италии, свойственные не только этой области и выводимые из сопоставления итальянского языка с западно-романскими и восточно-романскими языками. Наиболее существенные из этих черт следующие:

1. Класс. лат. *i* совпало с *ē* и дало *e*.
2. Класс. лат. *ī* совпало с *ō* и дало *o*.
3. Класс. лат. *ē* дало в открытом слоге дифтонг *ie*.
4. Класс. лат. *ō* дало в открытом слоге дифтонг *uo*, *ue*.
5. Класс. лат. *ai* дало *o*.
6. Класс. лат. *ā*, *ō*, *ē*, утратив фонологическую долготу, сохранились без изменений как в открытом слоге, так и в закрытом.
7. Класс. лат. *ī*, утратив фонологическую долготу, сохранился без изменений.
8. Класс. лат. гласные в позиции перед носовыми согласными — *vos* + *n*, *m* сохранились без изменения.
9. Класс. лат. безударные гласные в *proparoxytona* подверглись синкопе только в позиции между *muta cum liquida* (*oculu* > *oclu*) и между *s* и *t* (*positus* > *postus*).
10. Класс. лат. конечные гласные сохранились.
11. Класс. лат. *k*, *g* перед *e*, *i* палатализировались и дали аффрикаты *ts*(*ç*) и *dʒ*.
12. Класс. лат. плавные геминаты *ll*, *pp* и *t. p.* сохранились без изменений.
13. Класс. лат. взрывные геминаты сохранились без изменений.
14. Класс. лат. взрывные глухие в интервокальной позиции сохранились без изменений.
15. Лабиовелярные *qu*, *gu* сохранились без изменений.
16. Класс. лат. согласный *l* + *cons.* (*alt*, *ult*) сохранился без изменений.
17. Класс. лат. группа *ct* в интервокальной позиции сохранилась без изменений или имела тенденцию к ассимиляции.
18. Класс. лат. начальная группа *st* сохранялась без изменений или имела вариант с протетическим *i*, *e*, зарегистрированный со II в. н. э.
19. Класс. лат. начальная группа *kl* смягчалась: *k'l'*.
20. Класс. лат. интервокальная группа *kl* также смягчалась: — *k'l'* —.
21. Класс. лат. согласный *l* перед йот (из зияния *i*, *e* + *vos*. смягчался в [ʎ].
22. Класс. лат. согласный *p* перед йот (из зияния) смягчался в [ɲ].
23. Класс. лат. группа *-gn-* ассимилируется и смягчается в [ɲ].
24. Класс. лат. конечный согласный *-t* исчезает (факт, зарегистрированный с I в. н. э.).
25. Класс. лат. конечный согласный *s* сохраняется без изменений.

Все перечисленные черты были свойственны поздней народной латыни в ее наиболее распространенном центральном варианте и могут быть достаточными для характеристики романских языков в терми-

нах консервативности, архаичности, инновативности или инновативной специфичности.

1. **Итальянский язык** сохраняет 21 признак поздней народной латыни из избранных 25, в трех случаях вносит минимальную инновацию -kt- > -tt-, k'l' > kj-, -k'l' > -kj- (продвигает развитие звука на один шаг) и лишь в одном случае совершает радикальную инновацию: -s > -i. Основным, преобладающим свойством итальянской фонетической системы является поэтому **консервативность**.

2. **Румынский язык** сохраняет 10 признаков поздней народной латыни (из них №№ 3, 6, 10 частично, в зависимости от позиции), имеет 2 архаические признака — сохранение дифтонга ai и отсутствие спонтанной дифтонгизации o; 6 инновативных признаков — из них три (-s > -i, k'l' > kj в обеих позициях) — общие с итальянским и три (упрощение геминат ll, tt, йотизация lj, апокопа конечного -u) — общие с западнороманскими языками; и 7 специфических признаков. Специфическое развитие обнаруживается в метафоническом влиянии конечного -a, -e (рум. *ă*) на дифтонгизацию ударных гласных o, e; в суживающем воздействии носовых согласных на предшествующие гласные e, o, a; в диссимилятивном развитии групп -kt- > -pt-, -gn- > -tn-, в своеобразном упрощении лабиовелярных -aqua > рум. *apă*, lingua > рум. *limbă*, которое напоминает их трактовку в сардинском: aqua > сард. *abba*, lingua > сард. *limba*. Поэтому преобладающей чертой румынской фонетической системы является **специфичность**.

3. **Французский язык** консервативен в 6 случаях; сохранил одну архаическую черту — начальную группу kl- (изменившуюся в двух иберо-романских языках, в итальянском и в румынском) и имел на ранней ступени развития другую архаическую черту — конечное латинское -lt. В 2 случаях — переход u > ŷ и назализация voc + m, n — проявляет специфичность, т. е. вносит своеобразную инновацию, «не предусмотренную» общими для большинства романских языков тенденциями развития, и в 14 случаях обнаруживает инновативные черты, выражающиеся в расширении и углублении уже существовавших романских типов изменений: дифтонгизация ударных гласных o, e в открытом слоге распространяется также на гласные o, e, a; все дифтонги, за частичным исключением ie, подвергаются дальнейшим ассимилятивным или диссимилятивным преобразованиям, заударные и конечные гласные полностью исчезают; ослабление интервокальных согласных представлено на всех участках: геминаты упрощаются, глухие озвончаются, звонкие и озвонченные глухие исчезают, согласные в импласии и в абсолютном исходе исчезают, в том числе и большинство вторичных конечных согласных, образовавшихся после апокопы гласных. В результате большинство французских слов народной традиции — односложные и двусложные. Отсюда — широкое распространение омонимии, а также большое количество так называемых «минимальных пар», т. е. слов, где замена лишь одной фонемы ведет к образованию фонетической оболочки нового слова:

bas	[ba] — 'низкий'	pas	[pa] — 'шаг'
banqс	[bā] — 'скамья'	pan	[pā] — 'пола'
baiee	[bε] — 'бухта'	paix	[pε] — 'мир'

bain [bɛ̃] — ‘купание’	pain [pɛ̃] — ‘хлеб’
beau [bo] — ‘красивый’	peau [po] — ‘кожа’
bon [bɔ̃] — ‘хороший’	pont [pɔ̃] — ‘мост’
bis [bi] — ‘серый’	pie [pi] — ‘сорока’
bu [by] — ‘выпитый’	pu [py] — прич. II от гл. ‘мочь’
boue [bu] — ‘грязь’	roux [ru] — ‘вошь’

Сведение к минимуму фонетической оболочки слова доводит до максимума функциональную нагрузку каждого звука-фонемы. Отсюда — четкость артикуляции фонем и возрастание зависимости идентификации слова как значимой единицы от контекста (в отличие от латыни и других романских языков, где различительная нагрузка распределяется на два или три слога, ср. *н. лат.* *muir* ‘стена’ > *фр.* *mur* [myr], *ит.*, *исп.* *mujo*; *н. лат.* *maturu* ‘зрелый’ > *фр.* *mûr* [myr], *ит.* *maturo*, *исп.* *maduro*).

Отпадение всех заударных и конечных гласных в современном французском языке закрепляет место ударения за последним слогом слова, так что все слова становятся окситонными. Кроме того, постепенное замолкание конечных согласных окончательно разрушает флексию, грамматическая функция которой переносится на служебные слова и порядок слов. Таким образом, фонетическая инновативность французского языка тесно связана с эволюцией его грамматической системы.

4. **Испанский язык** лишен архаических черт, в 4 случаях обнаруживает специфическую направленность развития (№№ 11, 12, 20, 21), в 14 случаях консервативен и в 12 случаях инновативен. Из них в 8 случаях (№№ 4, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 18) — испанский (вместе с португальским, исключая № 4) отражают «пройденный этап» эволюции, или неполную реализацию фонетических законов, получивших дальнейшее развитие в галло-романских языках и, особенно, во французском: *ô* > *исп.* *ue*, *фр.* *eu* [œ]; -t- > *исп.*, *порт.* -d-, *фр.* *ø*; *que*, *gue* > *исп.*, *порт.*, *кат.*, *фр.* [kel], [gel], но *qua* *gua* > *исп.*, *порт.*, *кат.* [qa, ga], *фр.* [ka, ga]; -alt- > *исп.*, *порт.*, *фр.*, *aut* > *out* > *ot* (*altariu* ‘холм’ > *исп.* *otero*, *порт.* *outeiro* ‘холм’, *фр.* *autel* ‘алтарь’), но сохранение группы -alt-, -ald в таких исконных словах, как *исп.*, *порт.* *alto* ‘высокий’, *caldo* ‘горячий’ (*фр.* *haut* [o] и *chaud* [ol]; st- > *исп.*, *порт.*, *кат.* *est-фр.* *et-* и т. п. Только в трех случаях испанский проводит более глубокую многоступенчатую инновацию, чем французский и португальский, которая на последнем этапе оказывается специфической: -kt- > *фр.*, *порт.* [it], *исп.* [ʎ]; -lj, k'l'- > *порт.* [λ], *фр.* [j], *исп.* [χ], (oclu > *порт.* *olho*, *фр.* *œil*, *исп.* *ojo*; *filia* > *порт.* *filha*, *фр.* *fille*, *исп.* *hija*).

Специфичным для испанского является также не отраженное в перечисленных 25 пунктах изменение начального *f* > *h* > *ø*.

Итак, в испанской фонетической системе преобладают консервативные черты в сочетании с умеренной инновативностью и умеренной специфичностью. Вместе с тем, испанский, как и другие иберо-романские языки, отличается от французского, итальянского, румынского неустойчивостью своего консонантизма. В разговорном испанском

(иногда лишь в региональных вариантах) продолжают действовать такие «давно прошедшие» для французского фонетические законы, как выпадение интервокальных взрывных (*amatu* > *amado* > *ama-do* > *amao*), отпадение конечного *-s* (в андалусийском диалекте), йотизация палатального [λ] (йеизмо), устранение противопоставления между [ø] и [s] (сесео или seseo), выпадение или вокализация имплозивных согласных, например, в группе *-kt-* в книжных словах; *caracter* *исп.* разг. *carauter*, *caraiter*, *carater*.

5. **Португальский язык**, разделяя с испанским многие его характеристики, отличается от него наличием архаических черт — отсутствием дифтонгизации *ō* и *ē* и сохранением (в сев. диалектах) дифтонга *ou* < *au*. В инновациях португальский только в двух случаях (№№ 14 и 19) обнаруживает более радикальное изменение по сравнению с испанским: утрачивает простые сонорные *-l-* и *-n-* и преобразует начальное *kl-* (и *pl-*) в [ʃ]. В большинстве же случаев инновация португальского сохраняет «пройденный этап» инноваций испанского, напр., *altariu* > **autairo* > *порт.* *outeiro* > *исп.* *otero*; или *nocte* > *порт.* *noite* > *исп.* *noche*; или *muliere* > *порт.* *mulher* > *исп.* *mujer* (*mud-zer* > *mužer* > *mušer* > *mužer*).

Специфической чертой португальского являются назализованные гласные, а также гармонизация гласных (метафония), в связи с которой прямое соответствие между *н. лат.* *ē*, *ō* и *порт.* *e*, *o* нарушается. Кроме того, португальский отличается неустойчивостью вокализма, подвергающегося активному процессу редукции безударных гласных, а также своеобразным позиционным варьированием шипящих и свистящих согласных (четыре фонемы [s], [z], [ʃ], [ʒ] противопоставленные в интервокальной позиции, реализуются только как [ʃ] перед глухим согласным и в абсолютном исходе слова и только как [ʒ] перед звонким согласным).

6. **Каталанский язык** разделяет с испанским и португальским основные консервативные и инновативные черты иберо-романских языков; имеет два архаических признака: отсутствие спонтанной дифтонгизации *ō*, *ē* под ударением (подобно португальскому) и сохранение начальной группы *kl-* без изменения (подобно французскому и провансальскому). Инновации №№ 9, 10, 14, 17 в каталанском имеют более радикальный характер, чем в двух других иберо-романских языках, сближая его с галло-романскими языками, особенно с провансальским: с португальским его сближает неустойчивость вокализма (частичная редукция гласных в безударных позициях). Специфические черты каталанского: 1) дифтонгизация [e], [o] перед йот в дописьменный период (подобная провансальскому) и дальнейшее стяжение дифтонгов (в отличие от провансальского): *os(u)lu* > *oklu* > *oil* > *пров.* *uolh*, *uelh* > *кат.* *ull*; *nocte* > *noite* > *пров.* *nuieit* > *кат.* *nit*; *factu* > *пров.* *fait*, *feit* > *кат.* *fet* и 2) палатализация геминаты *ll* > [λ] как в испанском, и аналогичная палатализация начального *l* > [λ]: *lectu* > *пров.* *lieit*, *кат.* *llit* 'кровать'.

7. **В сардинском языке** (логудорском диалекте) преобладают архаические (№№ 3, 4, 11, 19, 24) и особенно специфические (№№ 1, 2, 5, 12, 15, 19, 20, 21, 22, 23) черты. Таким образом, все сардинские ин-

новации, кроме двух — ассимиляции групп *kt*, *pt* > *tt* и озвончения интервокальных согласных — являются специфическими. Некоторые из них встречаются также в других романских языках и диалектах: № 12 объединяет сардинский (логудорский диалект) с сицилийским: *stella* > *сард.* *stedda*, *сиц.* *stidda*, № 15 — с румынским: *aqua* > *сард.* *abba*, *рум.* *ară*; *lingua* > *сард.* *limba*, *рум.* *limbă*, № 19 — с португальским, где начальное *kl-*, особенно в книжных словах, дает не [ʃ], а [kr], однако № 20, т. е. интервокальное *-kl-* > *-kr-* только сардинское явление: *os(u)lu* > *сард.* *okru*; № 21, т. е. *filiu* > [dʒ]. Наиболее яркими архаическими чертами сардинского являются сохранение конечного *-t* и отсутствие палатализации *k*, *g* перед гласными переднего ряда.

§ 80. Латинские и романские звуки-фонемы и их графическая передача. Преобразование латинской фонетической системы в романские повлекло за собой изменения соотношения между звуками и их буквенным изображением.

Латинские буквы, применявшиеся для записи народной романской речи, могли:

а) оказаться лишними, когда они, сохраняясь как «воспоминание» о графическом образе соответствующего латинского слова, не обозначали уже никакого звука, например, буква *h* в *исп.* *hombre*, *фр.* *homme*;

б) изображать звуки, отличные от закрепленных за ними в латинском языке, например, буква *u* = *фр.* [y], двойная буква *ll* = *исп.* [ʎ];

в) передавать различные звуки в зависимости от фонетического (и графического) окружения, например, *c* + *a*, *o*, *u* и *c* + *i*, *e* во всех романских языках;

г) образовывать сочетания для передачи звуков, не свойственных латыни, например, *lh* = *порт.* [ʎ], *ch* = *фр.* [ʃ];

д) сопровождаться добавочными диакритическими знаками (акцентами, тильдой).

В ранних памятниках заметны колебания в буквенном обозначении новых романских звуков, особенно палатальных согласных и аффрикат. Так, в старопровансальском звук [ɲ] имеет пятнадцать графических вариантов: *nh*, *gn*, *ign*, *ing*, *in̄nh*, *ngn*, *nn*, *n*, *in*, *ng*, *ynh*, *ni*, *ny*, *puh*, *inh*, а звук [tʃ] — шесть вариантов: *ch*, *g*, *ich*, *ig*, *h*, *gz*. В современных языках устранено свободное варьирование графем, изображающих один и тот же звук в одном и том же слове.

Однако взаимнооднозначного соответствия между буквой и звуком-фонемой нет ни в одном романском (и не только романском) языке. Между графемой (изображающим) и звуком (изображаемым) обнаруживаются те же виды асимметрии языкового знака, что и в отношениях между означающим и означаемым лексических и грамматических единиц:

1) «свободная синонимия» — один и тот же звук-фонема, независимо от фонетического окружения, изображается разными буквами

или сочетаниями букв в разных словах, например, *фр.* ô, au, eau [o] в словах hôte < hospite(m) 'гость', 'хозяин', раише < palma 'ладонь', peau < pelle(m) 'кожа'; или *порт.* s, z передают звук [z] в словах pesar 'печаль' и prazer 'удовольствие';

2) «позиционно обусловленная синонимия» — один и тот же звук в зависимости от следующего за ним звука изображается разными буквами, например, *ит.* и *рум.* [k] перед а, о, и передается графемой с, перед е, i сочетанием букв ch: *ит.* casa, *рум.* casă 'дом', но *ит.* chiaro 'ясно', *рум.* chiar 'действительно';

3) «свободная полисемия» — одна и та же буква, независимо от окружения, соответствует двум звукам-фонемам, например, в итальянском, каталанском, португальском звуки-фонемы [e] и [ɛ] передаются одной графемой e, звуки-фонемы [o] и [ɔ] передаются одной графемой o;

4) «позиционно обусловленная полисемия» — одна и та же буква в зависимости от следующей за ней графемы изображает разные звуки, например, во всех романских языках с + а, о, и соответствует [k], тогда как с + е, i соответствует свистящему или шипящему (фрикативному или аффрикате);

5) «анализм» — две (или более) буквы соответствуют одному звуку, например, *фр.*, *порт.* ch = [ʃ], *ит.* gli = [ʎ], *кат.* ny = [ɲ], *ит.*, *фр.* gn = [ɲ] и т. п.;

6) «синтетизм» — одна буква соответствует двум звукам, например, x - [ks] в *совр. фр.* и *совр. исп.*;

Гласные звуки — фонемы (в ударном слоге)

Транскрипция	Написание						
	лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	кат.	рум.
i	i	i	i	i	i	i	i
ĩ	—	—	—	—	im	—	—
ü (y)	—	—	u	—	—	—	—
î	—	—	—	—	—	—	i, (â)
e (e)	e	e	é, e	e	ê, e	e	e
ê	—	—	—	—	en, em	—	—
œ (ø)	—	—	eu, œ	—	—	—	—
œ	—	—	un, um	—	—	—	—
ε (ɛ)	e	e	è, ê, e, ai	—	e	e	—
ε̃	—	—	in, im, ein	—	em	—	—
ă (ə)	—	—	—	—	—	—	ă
a	a	a	a	—	a	—	—
ɑ	a	—	a, (â)	a	a	a	a
â	—	—	en, em, an, am	—	an, am	—	—
o (o)	o	o	o	—	o	o	o
õ	—	—	on, om	—	on, om	—	—
o (o)	o	o	o, ô, au, eau	o	o, ô, ou	o	—
u	u	u	ou	u	u (o)	u	u
ũ	—	—	—	—	un, um	—	—

7) «десемантизация» — буква не соответствует никакому звуку как, например, **h** в начале слова во французском, испанском, португальском (*homme, hombre, homem*) или **s** в конце слова во французском (*les maisons*).

Первый и последний случаи нарушения однозначного соответствия «буква — звук» объясняются отставанием написания слов от звуковых изменений, а также намеренной этимологизацией (латинизацией) графики. Орфографическая консервативность характерна для французского языка, где стремительная фонетическая эволюция сочеталась с давней литературной традицией и глубокой латинизацией лексики. Кроме того, во французском (как и в английском) варьирование графем имеет смысловоразличительную функцию в письменной речи, позволяя формально дифференцировать многочисленные омофоны, возникшие в результате фонетических изменений и сокращения фонемного состава слова, ср. например, *лат. mīrus > фр. mur* [mür] 'стена', но *лат. māturus > фр. mûr* [mür] 'зрелый'.

Этимологизированной орфографии противостоит фонетическая орфография, типичная для итальянского и румынского, где расхождение

Согласные звуки-фонемы

Транскрипция	Написание						
	лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	кат.	рум.
p	p	p	p, (pp)	p	p	p	p
t	t	t	t, (tt), th	t	t	t	t
k	c (k)	c (ch)	c (qu)	c (qu)	c (qu)	c (qu)	c (ch)
b	b	b	b, (bb)	b (v)	b	b (v)	b
d	d	d	d, (dd)	d	d	d	d
g	g	g (gh)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gh)
m	m	m	m, (mm)	m	m	m	m
n	n	n	n, (nn)	n	n	n	n
ŋ (n')	—	gn	gn	ñ	nh	ny	—
r	r	r	r, (rr)	r	r	r	r
l	l	l	l, (ll)	l	l	l	l
λ (l')	—	gli	—	ll	lh	ll	—
f	f	f	f, (ph)	f	f	f	f
v	v	v	v	—	v	—	v
j, i	j, i	i	il, ill	y	y	i	i
h	—	—	—	—	—	—	h
χ	—	—	—	j, g (+i, e)	—	—	—
s	s	s	s, ss, ç, c (+i, e)	s	s, ss, ç, c (+i, e)	s, ss, ç, c (+i, e)	s
θ	—	—	—	z, c (+i, e)	—	—	—
z	—	s	s, z	—	s, z	s, z	z
ʃ (š)	—	sc (+i, e)	ch	—	ch, x	x, ix	ș
ʒ (ž)	—	—	j, g (+i, e)	—	j, g (+i, e)	i, g	j
ts	—	z	—	—	—	ts	ț
dz	—	—	—	—	—	tz	—
tʃ (tš)	—	c (+i, e)	—	ch	—	tx, ig	c (+i, e)
dʒ (dž)	—	g (+i, e)	—	—	—	tg, tj	g (+i, e)

между написанием и произношением минимальны. В итальянском устойчивость соответствия «буква — звук» объясняется тем, что общий литературный язык, сложившийся на базе флорентийского диалекта XIV века, существовал до конца XIX века лишь как письменный образец и поэтому не подвергался естественной фонетической эволюции. В румынском же латинский алфавит заменил кириллицу в конце XIX века и был специально усовершенствован для передачи чуждых латыни звуков.

Выше приводятся таблицы звуковых и буквенных соответствий для гласных и согласных в романских языках. Латинские звуки-фонемы даны в их позднем разговорно-латинском варианте, где различительный признак долготы/краткости заменился признаком открытости/закрытости, дифтонг *ae* > [e] дифтонг *oe* > [e], а согласный *h* перестал произноситься. Варианты транскрипций и графем помещены в скобках.

Раздел второй. ГРАММАТИКА

Грамматические романизмы и их происхождение

Все протороманские инновации возникали не в письменной латыни — будь то классической или поздней, а в устной латинской речи любого стилистического регистра, естественным продолжением которой явились бесписьменные романские диалекты — *rustica romana lingua* —, сохранявшие свой чисто разговорный статус на протяжении нескольких веков. Именно это обстоятельство наводит на мысль о том, что в настоящее время для лингвистов поиски единого прародителя романских языков менее актуальны, чем отыскание признаков единой направленности развития от народной латыни к романским языкам, иначе говоря, установление «типологических романизмов», редких и случайных в письменной латыни, но типичных для латинской разговорной речи и поэтому отраженных во всех романских языках.

Общие грамматические романизмы затрагивают почти все центральные категории как имени, так и глагола. В группе имени это: А) редукция падежей (полная или частичная), Б) исчезновение морфологического класса имен среднего рода и В) возникновение артикля (приименного неавтономного детерминатива). В группе глагола это: а) возникновение неавтономных форм личных местоимений (приглагольных детерминативов); б) образование результативно-перфективных форм глагола на основе латинских сочетаний *habere*(*tenere*)+*p. II* (*habeo epistulam scriptam, teneo epistulam scriptam*) и *esse* + *p. II* (*mihi filius natus est*); в) утрата латинской формы *futurum I* и образование на ее месте новых футуральных форм на основе латинских сочетаний модального характера *inf.* + *habeo* (*debeo, volo*); г) образование новой, отсутствовавшей в латыни формы кондиционала на базе латинского сочетания *inf.* + *habebam* (*habui*); д) утрата синтетической латинской формы пассива на -*г* и образование на ее месте

новой формы страдательного залога — *passivum reflexivum*; е) смещение временной отнесенности латинских аналитических форм пассива:

<i>лат.</i>	<i>ит.</i> (и др. ром. яз).
<i>amatus sum</i> (perfectum)	<i>sono amato</i> (presente)
<i>amatus eram</i> (plusquamperf.)	<i>ero amato</i> (imperfetto);

ж) смещение временной отнесенности латинской формы *amavissen* (plusquamperfectum coniunctivi → imperfectum coniunctivi) > *ит.* *amassi*, *фр.* *aimasse*, *исп.* *amase*, *порт.* *amasse*. Относительно норм классической письменной латыни грамматические романтизмы представляют собой:

- 1) смещение означающего грамматической категории (в, д);
- 2) смещение означаемого грамматической категории (е, ж);
- 3) возникновение самостоятельного означающего для одного из значений многозначной грамматической единицы (б);
- 4) исчезновение грамматической категории из системы (А, Б);
- 5) возникновение новой грамматической единицы в системе (В, а, г).

Помимо общероманских инноваций, грамматическая система романских языков содержит консервативные единицы, сохраняющие связь между означаемым и означаемым без изменений, если отвлечься от чисто фонетических изменений звуковой оболочки их морфем. Таковы число, мужской и женский род у имен, презенс, имперфект индикатива, 2 л. ед. ч. императива у глаголов. Содержание этих категорий делает понятной их устойчивость: в своих первичных функциях они обозначают наиболее общие грамматические отношения, опирающиеся на объективные различия в реальной действительности. Напротив, романские инновации относятся или к формально-грамматическим различиям, лишенным семантического обоснования (класс существительных среднего рода) или к «прагматическим» категориям, отражающим вмешательство говорящего в объективные связи вещей. Показатели отношения к речевому акту обладают большой подвижностью в диахронии и вариативностью в синхронии. Поэтому, при общей направленности их отличий от соответствующих категорий в латыни, они имеют в каждом романском языке свою отчетливо выраженную специфику.

Возникает вопрос, можно ли рассматривать перечисленные выше изменения функций грамматических единиц, замены форм их выражения, их исчезновение или возникновение как сумму не связанных между собой явлений, случайно возникших в разговорном латинском языке, или же есть основания предполагать, что все эти «романизмы» как-то соответствовали природе народного латинского языка, который, начиная с V в., все более резко отдалялся от письменной латыни по своей структуре, дифференцировался и превращался в романские диалекты. При этом единственным письменным языком, общим для всей Европы, долгое время оставалась латынь. Характерная для раннего Средневековья диглоссия отражала социальную ситуацию, которую можно было бы назвать глубоким многовековым кризисом на-

родного образования. Поэтому некоторые исследователи склонны видеть в структуре грамматических романизмов черты духовной примитивности, новые, более конкретные формы мышления или даже влияние идеологии говорящих.

Так, например, в работе немецкого романиста К. Фосслера «Новые формы мышления в народной латыни» говорится, что народная или «так называемая вульгарная латынь была просто более удобной, более непритязательной и тем самым более бедной разновидностью латинского языка» и что основное ее отличие от классической литературной нормы «заключалось в самом обеднении, в отказе от стилистической изобретательности со стороны говорящего ради того, чтобы быть понятным слушателем». Язык стал лишь средством общения, а не средством художественного выражения, отсюда стремление к упрощению, конкретизации, экономии различительных средств. Эти общие положения К. Фосслер иллюстрирует конкретными грамматическими фактами: исчезновение пассива на -г и вообще пассивных конструкций (при сохранении конструкций с *participium perfecti*, обозначающих состояние) объясняется Фосслером как результат установления естественного соответствия между агенсом и подлежащим, исчезновение среднего рода — как уравнивание форм в согласии с естественным полом, вытеснение простой формы будущего времени и распространение на его месте перифраз с модальными глаголами получает не только фонетическое, но и психологическое обоснование: «простой человек воспринимает будущие события как то, чего он хочет, чего боится, на что надеется»; теми же тенденциями простонародной речи к экспрессивности и конкретизации объясняется распространение в народной латыни суффиксов субъективной оценки, замена инфинитивных оборотов дополнительными придаточными и т. п. Несмотря на то, что многие объяснения Фосслера кажутся справедливыми и стали даже хрестоматийными, остается неясным, действительно ли структурное отличие народной латыни от классической сводится лишь к количественному обеднению последней, в какой степени перечисленные Фосслером тенденции связаны с многовековым культурным упадком Средневековья, привязаны ли они к данному языковому коллективу и его историческим судьбам и насколько они свойственны именно простонародной речи (известно, например, что форма будущего времени всегда имеет дополнительный модальный оттенок, меняющийся в зависимости от лица глагола: *я пойду* — «намерение, обещание», *ты пойдешь* — «приказание, просьба», *он пойдет* — «предположение»). Ответ на подобные вопросы очевидно можно найти путем сопоставления народно-латинских романизмов, являющихся отклонением от классической латинской нормы, с аналогичными фактами расхождения между разговорной речью и письменной нормой других языков.

Первым, и до сих пор не утратившим своей ценности, исследованием типологии таких расхождений была «Грамматика ошибок» А. Фрея, который, систематизировав ошибки в письмах людей, не владеющих письменной нормой французского языка, установил постоянно действующие в разговорной речи тенденции к аналогии и экономии выразительных средств. Опираясь на известную обоим со-

беседникам ситуацию, «разговорный язык часто прибегает к неопределенным выражениям, не отмечая при помощи более точных, специализированных слов различные оттенки смысла»¹. Отсюда — более высокая частотность слов общего значения (*homme, chose, faire, avoir*) и смысловых нейтрализаций (напр., нейтрализация лица через расширение сферы употребления *on*) и т. п. Исходя из того общепризнанного факта, что разговорная речь является постоянным источником инноваций, Фрей назвал обнаруженные им тенденции «константами языкового развития» вообще. Нельзя не заметить, что материал, послуживший Фрею источником для наблюдений, не давал оснований для таких обобщений, во-первых, потому, что разговорный (или просторечный) вариант устной французской речи лишь проглядывал сквозь неумелое использование письменной нормы (подобно романизмам в латинских текстах) и, во-вторых, потому, что разговорный язык и письменная норма кодифицированного литературного языка имеют разные «константы развития». Непосредственное изучение разговорной речи (на всех ее стилистических ярусах) стало возможным лишь через ее прямую регистрацию, которая в настоящее время проводится в лингвистических центрах Франции, Италии, Советского Союза.

Рассматривая общие грамматические романизмы в контексте типологических исследований разговорной речи современных языков, мы можем с большой степенью уверенности определить их как результат процессов, протекавших в разговорной речи вообще, независимо от ее социальной и локальной принадлежности.

Первичными условиями существования языка является прямое устное общение. Косвенная речь представляет собой преобразование, где возникают специальные грамматические отметки чужой речи. Еще более глубокой перестройке подвергается форма речи при возникновении письменности. Поэтому не лишена оснований мысль о том, что письменный вариант литературного языка со всеми его стилистическими разновидностями представляет собой трансформированную структуру по отношению к разговорному варианту. В этой связи уместно вспомнить замечание А. С. Пушкина: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** (выделено Пушкиным) обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леньность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны»². При создании письменных романских языков «готовые механические формы» классической латыни служили в известной мере источником заимствований и образцом для аналогичных романских образований: причастные и деепричастные обороты, инфинитив с аккузативом, согласование времен. Однако в целом грамматическая структура письменной нормы современных романских языков сложилась в результате действия константных закономерностей развития письменной нормы лите-

¹ *Frei H.* La grammaire des fautes. Paris, 1929, p. 139.

² *Пушкин А. С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова, — Полн. собр. соч. АН СССР. М.—Л., 1949, т. VII, с. 31.

ратурного языка, противоположных тенденциям, свойственным спонтанной разговорной речи:

Обиходная разговорная речь:

1. Тенденция к устранению позиционных ограничений на употребление форм.
2. Распространение свободного варьирования функционально идентичных форм.
3. Формальная невыраженность и семантическая недифференцированность логико-синтаксических связей во фразе.
4. Распространенность структурного соответствия между означающим и означаемым.
5. Стремление к формальной расчлененности выражения смысла (анализм номинаций).
6. Преимущественное употребление неотмеченных семантически нейтральных форм.

Кодифицированная письменная норма:

1. Сохранение позиционного варьирования форм.
2. Устранение нефункционального многообразия единиц.
3. Эксплицитность и дифференцированность семантико-синтаксической структуры фразы.
4. Распространенность расхождений между структурой означаемого и структурой означающего.
5. Стремление к компактности выражения смысла.
6. Закрепление форм за определенными контекстами, специализация форм.

Как пишет А. С. Пушкин в той же статье, «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». Сближение норм письменного и устного литературного языка, начавшееся в XIX в. и характерное для всех современных языков, происходило и происходит благодаря расширению социальной базы литературного языка и демократизации его норм. Тем не менее, структурные различия разговорного и письменного литературного языка, будут, очевидно, сохраняться.

* * *

Помимо общероманских, грамматических признаков, отличающих романские языки от латыни, существуют грамматические признаки, по которым романские языки отличаются друг от друга.

Эти различия обнаруживаются:

- а) в самих грамматических системах (отсутствие или наличие какой-либо грамматической категории);
- б) в нормативных ограничениях на употребление одних и тех же единиц системы;
- в) в речевой реализации системы («центральность» или «периферийность» какой-либо единицы в системе);

г) в межъязыковой синонимии (означающие одной и той же грамматической категории различны, так как восходят к разным латинским этимонам);

д) в межъязыковой омонимии (одинаковые по своему происхождению означающие в разных романских языках получают разные значения и образуют разные грамматические единицы в системе).

Причины дифференциации грамматических систем те же, что и причины фонетических расхождений: различные исторические условия романизации, интерференция латыни и языков-адстратов в период усвоения латинского языка иноязычным населением, внутренние тенденции развития каждой языковой системы.

Глава 1. ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ: СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, НАРЕЧИЯ, МЕСТОИМЕНИЯ В ЛАТИНСКОМ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 81. Существительные. Их словообразовательные и семантические подклассы. Основу именных частей речи составляют конкретные имена нарицательные, обозначающие материальные предметы, которые можно классифицировать по их общим признакам (одушевленности — неодушевленности, роду, числу) или по их более частным признакам (размер, вес, внешний вид, цвет), характеризовать по их роли в ситуации (производитель действия, объект действия, адресат, часть целого, место действия) и, наконец, указывать на них пальцем, уточняя их близость или удаленность от говорящих, их известность или новизну. Для всех этих мыслительных операций язык имеет устоявшиеся формы выражения — морфемы рода, числа, а иногда и падежа у существительного, служебные слова — предлоги, местоимения, артикли, а также подчиненный существительному класс прилагательных, имеющий синтаксические (зависимые) категории рода, числа, а иногда и падежа, и собственную категорию степени интенсивности качества. Наречия представляют собой или указательные местоимения и имена места и времени с закрепленной за ними синтаксической функцией «обстоятельства» (здесь, там, сейчас, вчера, дома, днем, ночью) или качественные прилагательные, перемещенные («транспонированные») в синтаксическую группу глагола, утратившие способность изменяться по роду и числу, но сохраняющие грамматическую категорию степени сравнения.

По своей морфологической структуре конкретно-предметные **существительные**, в том числе имена пространственных понятий, массы и материала, неоднородны. Среди них выделяются:

1. Непроизводные имена: *aer, aqua, arbor, caelum, campus, cog, domus, homo, luna, lupus, sanguis, silva, sol, terra*, и т. п. — слова большей частью унаследованные романскими языками.

2. Производные имена с суффиксами субъективной оценки (морфемы лексической деривации, близкие к словоизменительным): **-ulus, a** — *perotulus* 'внучек', **-icus, -iculus, a** — *nepticula* 'внученька', *muliercula* 'самочка', **-ellus, a** — *fratellus* 'братец'. Все эти суффиксы сохранили в романских языках слабую продуктивность: **-ellus** >

ит. **-ello** — paese ‘деревня’ и paesello ‘деревенька’, *ст. исп.* **-iello**, *исп.* **-illo** — ave ‘птица’ и avecillo ‘птичка’; *рум.* **-el** — băiat ‘мальчик’ и băieţel ‘маленький мальчик’; **-icus**, *а > исп.* **-(c)ico**, *а* — ave ‘птица’ — avesica ‘птичка’, *рум.* **-ică** — bucată ‘кусок’ — bucăiică ‘кусочек’.

Многие слова с латинскими уменьшительными суффиксами, обладавшие высокой частотностью в разговорном латинском языке, вытеснили соответствующие нейтральные формы и перешли в разряд непроизводных слов (где суффиксы субъективной оценки уже не выделяются в синхронном плане):

лат. и н. лат.	ит.	исп.	фр.
‘пчела’ apis — apicula ‘солище’ sol — soliculu ‘ухо’ auris — auricula ‘колено’ genus — geniculu ‘брат’ frater — fratellus ‘птица’ avis — avicellus	ape sole orecchio ginocchio fratello ¹ uccello	abeja sol oreja hinojo (hermano) * ave **	abeille soleil oreille (ст.) genouil > genou frère (ст.) oisel > oiseau

3. Производные с суффиксами коллективности:

лат. **-amen**, **-umen**, **-imen**, **-alia**: *ит.* foglieame ‘листва’; *порт.* folhame ‘листва’; *ит.* vasellame ‘посуда’; *порт.* vasilhame ‘посуда’; *рум.* studentime ‘студенчество’; *рум.* ţărănime ‘крестьяне’; *ит.* capaglia ‘сброд’; *фр.* ferraille ‘железный лом’.

4. Производные с суффиксами, указывающими на роль предмета в ситуации, синкретично представленной корневой морфемой (формы синтаксической деривации, образующие конкретные имена от глагольных корней или от корней конкретных имен, но с приращением значения действия, как в слове «сапожник», *ит.* calzolaio, *исп.* zapatero и т. п.).

Роли, обозначаемые суффиксами:

а) Производитель действия (человек или машина): **-(t)or**, **-arius**. Оба латинские суффикса сохраняют высокую продуктивность от латыни вплоть до современных романских языков.

б) Место действия, вместилище: **-arium**, напр., *лат.* gallinarium ‘курятник’ или raparium ‘корзина для хлеба’ (в романских языках, из-за исчезновения конечных *m*, *s* совпал по звучанию с суффиксом **-arius**): *ит.* pollaio, *фр.* poulailler ‘курятник’, но *исп.* gallinero, *порт.* galinheiro ‘курятник’ и ‘торговец курами’.

в) Объект, возникающий в результате действия: **-ura**: *лат.* pictura ‘живопись’, ‘картина’ > *ит.* pittura, *фр.* peinture, *исп.*, *порт.* pintura. Однако наиболее распространенной формой обозначения кон-

¹ Слово frate в итальянском языке также существует, но в значении «монах»; слово fraile ‘монах’ в испанском языке — заимствование из ст. провансальского; * слово ave в испанском — книжного происхождения, его стилистически нейтральный синоним — pajago от *лат.* passer ‘воробей’.

кретного результата действия, как в латыни, так и в романских языках, является субстантивация причастий: *lat. scriptum* 'письмо' > *ит. lo scritto* 'записка', 'манускрипт'; *lat. factum* > *исп. el hecho*, *ит. il fatto*, *фр. le fait*, *рум. faptul*.

5. Продуктивными суффиксами абстрактных имен действия в латинском языке являются **-tione(m)**, **-sione(m)** и **-mentum**, сохранившие высокую продуктивность также в романских языках.

Суффикс **-tionem** (в отличие от **-mentum**) в романских языках сохранился как продуктивный только в своем книжном варианте — *ит. -zione (-sione)*, *исп. -ción (-sion)*, *фр. -tion (-sion)*.

6. Для производства имен абстрактного качества в латинском языке существовало несколько полностью синонимичных суффиксов, унаследованных романскими языками (иногда в двух вариантах — народном и ученом): **-tate(m)**, **-itia**, **-udine(m)**, **-antia**, **-entia**, **-ura**, **-ore(m)**.

Эти синонимичные суффиксы в каждом из романских ареалов различаются по своей сочетаемости и продуктивности. Отсюда частые случаи несовпадения суффиксов у однокоренных и однозначных слов в разных романских языках: *ит. bianchezza* (< itia), *исп. blancura* (< ura), *фр. blancheur* (< ore) — 'белизна'.

Семантическая классификация существительных, основанная на их противопоставлении по важнейшим смысловым признакам абстрактности — конкретности, одушевленности (личности) — неодушевленности, счисляемости — нечислительности не находит себе регулярного соответствия в морфологической классификации, а морфологическое членение слова обычно не соответствует его членению на семантические компоненты (классемы и семы). Принадлежность существительного к тому или иному семантическому классу регулярно отражается не в его морфологии, а в его синтаксической сочетаемости и непосредственно связана с семантической и формальной структурой предложения. Так, например, принадлежность слова к подклассу имен лиц или к подклассу имен предметов предопределяет его семантико-синтаксическую роль как косвенного дополнения или как обстоятельства места при глаголах перемещения и передачи типа *adducere*, *dare*, *mittere* 'приводить', 'давать', 'посылать', ср. *лат. hominem alicui adducere* 'привести кому-нибудь человека' и *adducere exercitum ad urbem* 'привести войско к городу'.

Отсутствие четкого объективного разграничения между заинтересованным лицом-адресатом и местом его пребывания способствовало распространению в народной латыни предлога **ad** также перед именами лиц, напр., *adducat hunc ad te* (Pl., Ep. 294), ср. то же и по-русски: *Я тебе (к тебе) его приведу*.

Различие в сочетаемости имен лиц и имен неодушевленных предметов сохраняется, естественно, и в романских языках, где оно получает специфические формы проявления:

1) В южноитальянских диалектах, в испанском и в румынском языках имена одушевленных лиц и местоимения лица в роли прямого дополнения вводятся предлогами «целенаправленности»:

исп. a < *ad*, *рум. pe* < *per*, в отличие от имен предметов:

исп. veo una casa; veo a Juan;
рум. văd o casă; (il) văd pe Ion;
русск. вижу дом; вижу Ивана.

2) Во французском и в итальянском обстоятельство места оформляется по-разному в зависимости от одушевленности — неодушевленности имени:

русск. 'я иду в библиотеку' — 'я иду к Ивану'
фр. je vais à la bibliothèque — je vais chez Jean;
ит. (io) vado in biblioteca — (io) vado da Giovanni;
исп. (yo) voy a la biblioteca — (yo) voy a casa de Juan;
порт. (eu) vou à biblioteca — (eu) vou a João;
рум. (eu) merg la bibliotecă — (eu) merg la Ion.

В португальском и в румынском различие по признакам «одушевленность — неодушевленность» в этой позиции формально не отмечается.

§ 82. Грамматические категории имени: род и число. Род и число существительных, близкие по семантике к категориям «одушевленности» и «коллективности», отличаются от этих последних тем, что в латинском и во всех романских языках они образуют грамматические оппозиции, т. е. существуют в виде форм словоизменения.

Хотя род существительных, так же как одушевленность — неодушевленность, закреплен за лексическим значением слов и как бы составляет его часть, смысловой компонент «рода» имеет регулярное морфологическое выражение в флексии имен 1-го и 2-го латинских склонений (*rosa*, *lupus*, *vinum*). Все латинские существительные распределены по трем родам (трем формальным классам), условно называемым «мужской», «женский» и «средний». Это деление не находится в однозначном соответствии с семантической классификацией имен на одушевленные и неодушевленные: последние могут принадлежать ко всем трем родам, хотя средний род закреплен за существительными, обозначающими неодушевленные понятия (за исключением родового названия животных — *animal*, п.).

Парадигматическое противопоставление существительных по роду возможно только у имен лиц и некоторых животных. Это противопоставление передается:

- а) чисто лексически: *pater* — *mater*, *bos* — *vacca*;
- б) при помощи суффиксов: *genitor* — *genetrix*;
- в) при помощи флексии: *filius* — *filia*, *lupus* — *lupa*.

Только флективные показатели рода позволяют рассматривать противопоставленные пары как формы одного слова, образующие грамматическую оппозицию.

При переходе от латинской системы к романским происходят следующие сдвиги:

1. В результате ослабления конечных согласных *m* и *s*, средний род, не обоснованный семантически, исчез. Переход в мужской род отдельных имен ср. рода отмечался уже у Плавта (*collus* вм. *collum*, *dorsus* вм. *dorsum*) и у Петрония (*vinus* вм. *vinum*, *caelus* вм. *caelum*). В поздней народной латыни многие имена на *-e* и *-men* также колеба-

лись в выборе рода; так, *лат.* *lumen* *n* > *ит.* *lume* *m*, *исп.* *lumbre* *f*, *лат.* *mare* *n* > *ит.* *mare* *m*, *исп.* *mar* *m* (f), *фр.* *mer* *f*; *лат.* *lacte* *n* > *ит.* *latte* *m*, *порт.* *leite* *m*, *фр.* *lait* *m*, *исп.* *leche* *f*, *кам.* *llet* *f*.

2. Некоторые имена ср. рода во мн. числе благодаря окончанию -а, характерному для всех имен ср. рода, были осмыслены как имена ж. рода ед. числа. При этом ед. число таких латинских существительных или исчезло или, будучи осмыслено как имя м. рода, образовало отдельную лексическую единицу:

<i>лат.</i>	<i>фр.</i>	<i>исп.</i>	<i>ит.</i>
<i>N.— Acc. Sing. folium</i>	—	—	<i>foglio m sing.</i> ('лист' бу- маги)
<i>N.— Acc. Plur. folia</i>	<i>feuille f sing.</i>	<i>hoja f sing.</i>	<i>foglia f sing.</i> ('лист' де- рева)

Значение коллективности, свойственное латинским именам ср. рода, иногда сохраняется у романских слов ж. рода ед. числа, входящих к мн. числу ср. рода, например, *лат.* *ova* *n pl* 'яйца' > *исп.* *hueva f sing.* 'икра', или *лат.* *gesta* *n. pl* 'совершенные деяния' > *ит.* *фр.* *geste f sing.* 'подвиги', или *лат.* *brachia* *n. pl* 'руки' > *ит.* *фр.* *brace f sing.* 'объятия' (Li Reis ad pris Tierri entre sa brace, Rol. 3939 «Король обнял Тьерри»).

3. Все же имена ср. рода не распределились полностью между мужским и женским родом. Хотя сам класс имен ср. рода исчез везде, в некоторых романских языках на его базе возникли новые грамматические подклассы.

В Италии и в балкано-романском ареале существуют имена «обоюдного рода» — в ед. числе мужского, а во мн. числе женского, что отражается также и на согласованных с ними по роду прилагательных: *il dito lungo m* 'длинный палец' — *le dita lunghe f* 'длинные пальцы'.

В итальянском это — закрытая непродуктивная группа имен, многие из которых имеют две формы мн. числа, различные по роду и по смыслу: *il membro* 'член' — *le membra* 'члены тела', *i membris* 'члены общества'.

В румынском это высоко продуктивный класс, пополняющийся за счет названий неодушевленных предметов. Во мн. числе румынские имена обоюдного рода имеют три варианта флексии: -ă, -uri, -e.

Флексия -ă (< -a) *pl neutr.* сохранилась только у одного частотного слова: *лат.* *ovum* > *рум.* *ou* 'яйцо', *лат.* *ova* > *рум.* *ouă* 'яйца'.

Флексия -uri (*ит.* *рум.* -ură) возникла в результате переразложения лат. имен ср. рода типа *corpus* — *corpore*, *tempus* — *tempore*, где -ога было осмыслено как окончание мн. числа и распространено на другие имена ср. и м. рода (-ога как флексия мн. числа имен обоюдного рода существует также в юж. ит. диалектах: *tempora*, *luogora*, *fuocora*):

	<i>лат.</i>	<i>рум.</i>
<i>N. sing.</i>	<i>tempus</i> — ‘время’ <i>lucrum</i> — ‘нажива’	<i> timp</i> — ‘время’ <i>lucru</i> — ‘вещь’
<i>N. plur.</i>	<i>tempora, lucra</i>	<i> timpuri, lucruri</i>

Флексия -е (< -ae) является морфемой мн. числа имен ж. рода I склонения, перенесенная по аналогии на имена, восходящие к ср. роду:

	<i>лат.</i>	<i>рум.</i>
<i>N. sing.</i>	<i>conventum</i> ‘соглашение’	<i>cuvînt</i> ‘слово’
<i>N. plur.</i>	<i>conventa</i>	<i>cuvinte</i>
<i>N. sing.</i>	<i>monumentum</i> ‘памятник’	<i>mormînt</i> ‘могила’
<i>N. plur.</i>	<i>monumenta</i>	<i>morminte</i>

Число существительных, образующее грамматическую оппозицию только у имен счисляемых, выражалось в латинском языке разными морфемами, в зависимости от типа склонения (морфемы числа нередко сливались с основой).

В результате аналогических уравниваний, приведших к сокращению количества склонений и количества падежных противопоставлений (см. ниже), все романские языки устранили частично или полностью позиционное варьирование морфем числа. Показателем мн. числа в галло- и иберо-романских языках стала морфема *s* для всех существительных. Однако в современном французском, после исчезновения конечного *s* (сохранившегося лишь перед гласным следующего слова в синтаксических группах), оппозиция «ед. число/мн. число» передается большей частью только чередованием гласных, а также морфемой мн. числа -*s* (перед существительными, начинающимися с гласного) у именных детерминативов:

le chat [lə ʃa] — *les chats* [le ʃa]
mon chat [mɔ̃ ʃa] — *mes chats* [me ʃa]
l'enfant [ləfɑ̃] — *les enfants* [lezɑ̃fɑ̃]
mon enfant [mɔ̃nɑ̃fɑ̃] — *mes enfants* [mezɑ̃fɑ̃]
ce chat [sə ʃa] — *ces chats* [se ʃa].

В Италии и в балкано-романском ареале оппозиция «ед. число/мн. число» передается чередованием конечного гласного по образцу I и II латинских склонений:

	<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>рум.</i>
<i>N. sing.</i>	<i>casa</i>	<i>casa</i>	<i>casă</i>
<i>N. plur.</i>	<i>casae</i>	<i>case</i>	<i>case</i>
<i>N. sing.</i>	<i>lupus</i>	<i>lupo</i>	<i>lup(u)</i>
<i>N. plur.</i>	<i>lupi</i>	<i>lupi</i>	<i>lupi</i> [lup']
<i>N. sing.</i>	<i>frater</i>	<i>frate</i>	<i>frate</i>
<i>N. plur.</i>	<i>fratres</i>	<i>frati</i>	<i>frați</i> [frats']

Флексия мн. числа часто подкрепляется чередованием звуков рневой морфемы. В итальянском это явление затрагивает лишь сло-

ва, содержащие в последнем слоге взрывные задненёбные согласные, которые превращаются в аффрикаты (только в словах м. рода): *amīco* [ko] — *amīci* [tʃi], *filologo* [go] — *filologi* [dʒi].

В румынском языке чередование не только согласных, но и гласных корня (апофония, или внутренняя флексия) регулярно сопровождает флексию окончания:

	Ед. ч.	Мн. ч.
‘хвост’	: <i>coadă</i> [koadə]	<i>cozi</i> [koz’]
‘смерть’	: <i>moarte</i> [moarte]	<i>morți</i> [morts’]
‘улица’	: <i>stradă</i> [stradə]	<i>străzi</i> [strəz’]

Апофония¹, возникающая не только при образовании форм числа, но и форм рода (ср. *frumos* — ‘красивый’ — *frumoasă* ‘красивая’, *sec* ‘сухой’ — *seacă* ‘сухая’) типична для балкано-романских языков. (То же явление, но выраженное слабее, существует в южных и северных итальянских диалектах: *калабр.* *pede* — *piedi* — ‘нога — ноги’). Апофония при образовании рода (но не числа) встречается также в северных испанских диалектах: *астур.* *piḡu* ‘пес’ — *peḡa* ‘собака’.

§ 83. Склонение существительных и прилагательных. Нормативная латинская грамматика различает пять типов склонений существительных. Первые два, соответствующие делению имен по родам (-a, -us, -um), были наиболее продуктивными и включали как существительные, так и прилагательные (*bonus ventus*, *bona aqua*, *bonum vinum*) и служили образцом для аналогических образований. Третье склонение объединяло существительные всех трех родов, все прилагательные одного и двух окончаний и несколько прилагательных трех окончаний. При этом принадлежность к мужскому, женскому или среднему роду у существительных III скл. и способность изменяться по родам у прилагательных III скл. никак не отмечены формально и поэтому непредсказуемы (напр., *navis* ж. р., но *canis* м. р.; *ventus saluber*, *aqua salubris*, *vinum salubre*, но: *homo vetus* et *pauper* — *mulier vetus* et *pauper* — *oppidum vetus* et *pauper*). Кроме того, у многих имен третьего склонения основа именительного падежа по своему фонемному составу и (или только) по месту ударения отличается от основы других падежей. Другими словами, имена III склонения могут быть 1) равносложными с фиксированным ударением (*N. canis*, *G. canis*). 2) неравносложными с фиксированным ударением (*N. homo*, *G. hominis*), 3) неравносложными с подвижным ударением (*N. leo*, *G. leonis*).

При этом ничто в форме именительного падежа не позволяет предугадать, по какому из четырех вариантов следует склонять имя. Таким образом, в отличие от имен I и II склонений, разнообразные формальные подтипы III склонения не только не соответствовали смысловой классификации существительных по родам, но даже препятствовали ее установлению. Естественно, что разговорная латынь часто нарушала классические нормы, переводя прилагательные III скло-

¹ Внутренняя флексия в данном случае является результатом метафонии (дистантной прогрессивной ассимиляции гласных), см. §§ 66, 73.

нения в первое и второе. Так, прилагательное *vetus* 'старый' заменилось уменьшительной формой *vetulus* > *veclus*, изменяющейся по родам (ср. *ит.* *vecchio*, *vecchia*, *исп.* *viejo*, *vieja*); прилагательное *pauper* также приобрело в разговорной латыни эту способность, судя по App. Рг.: *pauper mulier* по *paupera mulier* и по свидетельству итальянского языка: *rovero*, *rovera* (хотя *исп.* и *порт.* *robre* для обоих родов восходит к классической норме: *Acc.*, *Abl.* *paupere* (m) н. *лат.* *robere* > *robre*).

Именительный падеж неравносложных имен III склонения уравнивался в народной латыни по косвенным падежам уже в доклассический период: *N. carnis* (вм. *caro*) 'мясо', *N. bovis* (вм. *bos*) бык.

Существительные непродуктивного IV склонения перешли в основном во II склонение; существительные непродуктивного V склонения, принадлежавшие к ж. роду, за исключением слова *dies*, прикнули в народной латыни к III склонению или перешли в I склонение (варианты типа *materies/materia* существовали еще в классической латыни).

Помимо сокращения числа склонений, воздействие аналогии привело также к унификации некоторых позиционных вариантов падежных флексий:

а) Возникновение у существительных III склонения м. рода в номинативе мн. ч. флексии *-i*, по аналогии с II склонением. Этот этап развития н. лат. склонения нашел продолжение в старофранцузском и старопровансальском, где еще сохранялось различие флексий *N.* и *Acc.*

	кл. лат.	н. лат.	ст. фр.	ст. пров.
II. <i>N. pl.</i>	<i>lupi</i>	<i>lupi</i>	<i>leu</i>	<i>lop</i>
<i>Acc. pl.</i>	<i>lupos</i>	<i>lupos</i>	<i>leus</i>	<i>lops</i>
III. <i>N. pl.</i>	<i>patres</i>	<i>patres, patri</i>	<i>pere (pères)</i>	<i>paire (paires)</i>
<i>Acc. pl.</i>	<i>patres</i>	<i>patres</i>	<i>peres</i>	<i>paire</i>

б) Уравнивание падежных флексий *N.* и *Acc.* у существительных II склонения во мн. ч. по аналогии с III склонением. Этот, более поздний этап отражен в итальянском, сардинском, в иберо-романских и в балкано-романских языках:

	кл. лат.	н. лат.	ит.	исп.
III <i>N. pl.</i>	<i>patres</i>	<i>patres, patri</i>	<i>padri</i>	<i>padres</i>
<i>Acc. pl.</i>	<i>patres</i>	<i>patres, patri</i>		
II <i>N. pl.</i>	<i>lupi</i>	<i>lupos, lupi</i>	<i>lupi</i>	<i>lobos</i>
<i>Acc. pl.</i>	<i>lupos</i>	<i>lupos, lupi</i>		

Иберо-романские языки и сардинский избирают более ранний унифицированный вариант *-s*, итальянский и балкано-романские языки — унифицированный вариант *-i*, очевидно распространившийся в н. латыни к моменту завоевания Дакии.

в) Уравнивание падежных флексий *N.* и *Acc.* во мн. ч. у существительных ж. рода I склонения под влиянием существительных ж. р.

III склонения, отраженное во всех романских языках:

	кл. лат.	н. лат.	ит.	исп.	ст. и совр. фр.
III	N. <i>pl. matres</i>	matres	madri	madres	mères
	Acc. <i>pl. matres</i>	matres			
I	N. <i>pl. rosae</i>	rosas, rosae	rose	rosas	roses
	Acc. <i>pl. rosas</i>	rosas, rosae			

Унификация N. и Acc. произошла сначала в пользу формы *-as*, которая была свойственна языкам италиков и получила распространение в разговорной латыни начиная с III в. до н. э. Форма *-as* закрепилась в Сардинии, Галлии, Испании. Унифицированная форма *-ae(e)* возникла в Италии, очевидно, к началу II в. н. э., так как была принесена в Дакию римскими колонистами. Утрата мн. ч. ж. рода на *-as* в Италии произошла не одновременно в разных ее областях. О сравнительно недавнем его существовании в говорах сев.-зап. Тосканы свидетельствует омонимия форм единственного и множественного числа у имен ж. рода в этой области: *illa domina* > *la donna*; *illas dominas* > *la donna*.

Аналогические уравнивания позиционных вариантов (алломорфов) одного и того же падежа привели таким образом к сокращению количества падежных противопоставлений в парадигме, т. е. явились одной из предпосылок исчезновения падежей.

Другим, упоминавшимся уже выше, источником омонимии падежных форм были фонетические изменения. Отпадение конечного *-m* привело к слиянию аккузатива и аблятива в ед. числе имен всех склонений, чему способствовало также исчезновение фонологических различий гласных по долготе/краткости и совпадение по звучанию *ō* = *ū* в нар. латыни всей Западной Романии, в том числе в Сев. Италии и Центр. Италии (Тоскана).

Однако само ослабление и исчезновение согласного *-m*, было, очевидно, обусловлено тем, что в латинском языке большинство предлогов (36 из 40) управляло только одним падежом — аккузативом (*ad*, *ante*, *apud*, *per*, *versus* etc.) или аблятивом (*cum*, *sine*, *pro*, *de*, *ab*, *ex* etc.), так что падежная флексия дублировала смысл предлога и не несла различительной нагрузки. По аналогии с ед. числом аккузатив и аблятив перестали различаться и во мн. числе, где они фонетически не могли совпасть. Таким образом, в народной латыни всей Романии вместо аккузатива и аблятива образовался косвенный падеж, так называемый *casus obliquus*, употреблявшийся со всеми предлогами, а также без предлога в функции прямого дополнения. Как было сказано выше, этот падеж в поздней народной латыни всей Романии, кроме галло-романского ареала, совпал с именительным падежом, который утратил конечный согласный *-s* (также не по чисто фонетическим причинам, а в силу необходимости противопоставить единственное число множественному).

	кл. лат.	н. лат.	ит.	исп.
<i>Singularis</i>	<i>N. lupus, panis</i> <i>Acc. lupum, panem</i> <i>Abl. lupo, pane</i>	lupo, pane	lupo, pane	lobo, pan
<i>Pluralis</i>	<i>N. lupi, panes</i> <i>Acc. lupos, panes</i> <i>Abl. lupis, panibus</i>	lupos, panes или lupi, pani	lupi, pani	lobos, panes

На примере романских существительных, восходящих к латинским именам неравносложным III склонения, видно, что образцом для обобщенной формы *N.*—*Acc.*—*Abl.*, как правило, служила форма *Acc.*—*Abl.*, а не форма именительного падежа:

кл. лат.	н. лат.	ит.	исп.
<i>N. civitas</i>			
<i>Acc. civitatem</i>	*civ(i)tate	città	ciudad
<i>Abl. civitate</i>			
<i>N. leo</i>			
<i>Acc. leonem</i>	*leone	leone	león
<i>Abl. leone</i>			

Тем не менее, отдельные слова в некоторых областях обобщили форму именительного падежа. Сравнить:

н. лат.	ит.	рум.	сард.	исп.	порт.
<i>N. (h)omo</i>	uomo	om	—	—	—
<i>Acc. — Abl. (h)om(i)</i>	—	—	omine	hombre	homem
ne					
<i>N. sanguis</i>	sangue	sînge	—	—	—
<i>Acc. — Abl. sangui-</i>	—	—	sambene	sangre	sangre
ne					

Совпадение форм родительного и дательного падежей, омонимичных в ед. ч. у имен ж. р. I склонения и ставших омонимичными у имен III скл. всех родов после замолкания конечного *-s* и исчезновения корреляции гласных по долготе — краткости, распространилось по аналогии и на имена II склонения.

Фонетические изменения и воздействие аналогии, приведшие к унификации генитива и датива, оказались возможными благодаря семантической близости (дополнительности) этих падежей в сфере выражения отношений принадлежности: *Genetivus possessivus* — **domus patris** 'дом отца' обозначал в группе имени те же отношения, которые неуправляемый глаголом *Dativus possessivus* обозначал в составе простого предложения, например, *est patri meo domus* букв. «Это дом моему отцу».

Совпавшие по форме, генитив и датив в народной латыни имели тенденцию заменяться предложными конструкциями *de + Abl.* (*Obl.*) и *ad + Acc.* (*Obl.*). Первым шагом на пути проникновения конструкции *de + Abl.* в позицию определения к имени было ее употребление — свойственное и классической латыни — для обозначения материала и части от целого: *templum de marmore* 'мраморный храм', *sucus de quinquefolio* 'сок пятилистника', *unus de multis* 'один из многих'. Однако даже в народной латыни значение принадлежности лицу продолжало выражаться формой беспредложного генитива или датива, так что «на протяжении всей истории собственно латинского языка *liber Petri* никогда не заменялось на *liber de Petro*»¹.

Более того, отношения принадлежности лицу продолжают выражаться формой генитива — датива в балкано-романских языках (*rum. cartea elevului* 'книга ученика').

Свидетельством позднего исчезновения генитива принадлежности служит также регулярное беспредложное² оформление посессивного определения с именем лица в старофранцузском: «*Li nies Marsilie il est venuz avant*» (*Rol.* 860) — «Племянник Марсилия вышел вперед», или «*Hum sui Roland*» (*Rol.* 800) — «Я — человек Роланда». Кроме того, в «Песни о Роланде» встречается даже морфологический генитив мн. числа в сочетаниях типа *l'enseigne paienur* (*Rol.* 1220) *лат. insigne paganorum* 'знамена язычников' или *Il est escrit en la geste Francor* (*Rol.* 1443) — «Записано в деяниях франков».

Замена дательного падежа конструкцией *ad + Acc.* зарегистрирована уже у Плавта: *hunc... ad carnificem dabo* (*Pl. Cap.* 1019) «его отдам палачу». Особенно часто эта конструкция встречается в позднелатинских христианских текстах после глагола *dicere*, требующего адресата — лица. Известную роль в ее распространении сыграло, очевидно, частое употребление иноязычных имен собственных, не поддававшихся латинскому склонению: *dixit ad Joseph* (*Vulgata*), откуда, по аналогии, та же конструкция встречается и с именами нарицательными: *dixit Jesus ad discipulos* (*Vulgata*). Тем не менее, в поздней народной латыни дательный падеж (омонимичный родительному) не был полностью устранен из своей первичной функции дополнения-адресата при глаголах речи и передачи. В румынском языке оно до сих пор оформляется родительно-дательным падежом (*zise elevului* 'он сказал ученику'). В старофранцузском изредка встречается беспредложное оформление косвенного дополнения-адресата: *Ne bien ne mal sup nevuld ne respunt* (*Rol.* 216) — «Он ничего не отвечает своему племяннику».

Таким образом, в поздней народной латыни количество членов падежной парадигмы сильно сократилось, и их состав не был единообразным в разных областях Романии.

В самой Италии и на Иберийском п-ове падежи у существительных и прилагательных исчезли очень давно и не оставили никаких следов даже в самых ранних памятниках итальянского и иберо-романских языков.

¹ Ernout A., Thomas F. *Syntaxe latine*. Paris, 1964, p. 40. (В дальнейшем сокращенно Ernout).

В галло-романских языках сохраняется вплоть до XIV в. противопоставление двух падежей — именительного (N.) и косвенного (Obl.), форма которого возникла из слияния Аккузатива и Аблятива. Имена ж. рода, восходящие к I склонению, по падежам не различаются.

<i>н. лат.</i>	<i>ст. фр.</i>
Singularis	Singularis
<i>N. murus, rosa</i>	<i>murs, rose</i>
<i>Obl. muro, rosa</i>	<i>mur, rose</i>
Pluralis	Pluralis
<i>N. muri, rosas</i>	<i>mur, roses</i>
<i>Obl. muros, rosas</i>	<i>murs, roses</i>

Омонимия падежных форм внутри парадигмы, аналогическое воздействие имен ж. рода и функциональная «избыточность» падежной флексии в связи с переносом различительной функции на другие, неморфологические средства (предлоги и фиксированный порядок слов) привели к постепенному исчезновению склонения также и в галло-романском ареале (XIV в.). Оставшаяся единая форма слова в современном французском и современном провансальском языках восходит обычно к форме косвенного падежа, хотя многие имена лиц обобщили форму номинатива (особенно в провансальском языке), напр., *фр.* *traître* 'предатель', *пров.* *sartre* 'портной', *пров.* *escreveire* 'писатель', *сегсаире* 'исследователь' и т. п.

Только в балкано-романских языках сохранилась двухпадежная парадигма, отличающаяся от ст. французской и ст. провансальской следующими особенностями:

1) Здесь, как в Италии и в Испании, формы номинатива и аккузатива-аблятива совпали, но, в отличие от всех прочих ареалов, сохранилась генитивно-дативная форма. При этом, формальное различие между падежами N. (Acc.) и G. (Dat.) сохранилось только у имен ж. рода и только в ед. числе:

<i>н. лат.</i>	<i>рум.</i>
<i>N. — Acc. casa, lupu</i>	<i>(o) casă, (un) lup</i>
<i>G. — Dat. case, lupu</i>	<i>(unei) case, (unui) lup</i>

2) Ведущим и (исключая имена ж. р. ед. ч.) единственным средством выражения падежных противопоставлений является не флексия имени, а падежные изменения его местоименных определителей, в том числе и артиклей, так как существительное без детерминативов вообще не склоняется, т. е. имеет нейтральную форму. Поэтому реликтовая флексия имен ж. рода ед. ч. есть лишь форма согласования с падежом детерминатива (т. е. позиционно обусловленное чередование звуковой формы слова).

3) Определенный артикль, в отличие от прочих детерминативов, энклитически примыкает к имени и имеет тенденцию к превращению в флексию существительного:

Singularis

N. + Acc. = lupu illu, casa illa

lupul, casa

G. + Dat. = lupu *illui, case *illei

lupului, casei

Pluralis

N. + Acc. = lupi illi, case ille

lupii, casele

G. + Dat. = luporum illorum, (case illarum)

lupilor, caselor

Все же, морфологизации определенного артикля препятствует тот факт, что подобно артиклю в других романских языках, он оформляет не существительное, но именную позицию в целом и сливается с первым словом именной группы, будь то существительное или прилагательное: lupul frumos — frumosul lup ‘красивый волк’.

Перенос на детерминативы имени его падежных показателей соответствовал общей тенденции народной латыни к аналитизму и способствовал сохранению категории падежа в именной группе. Напротив, в ст. французском и ст. провансальском языках артикль и другие детерминативы имели недостаточно отчетливые падежные различия и утратили их одновременно с именем. Галло-романское склонение было прямым продолжением (в сокращенном виде) латинского типа склонения, основанного на флексии имени. Балкано-романское артикулированное склонение, напротив, представляет собой не архаизм, а романскую инновацию.

Падежные противопоставления сохранились во всех романских языках без исключения у класса личных местоимений (см. ниже).

§ 84. Прилагательные. Качественные и относительные прилагательные. Грамматические категории прилагательных. Прилагательное — часть речи, предназначенная для выражения вневременных свойств и качеств; выражение отношения к предмету или действию для прилагательных вторично. Поэтому качественные прилагательные, в основном, непроеизводны или соединяются с суффиксами субъективной оценки («лексическая» деривация, не переключающая слово в другой семантико-грамматический подкласс), напр., **-ulus**, **-ellus** (bellulus ‘хорошенький’, misellus ‘бедненький’). В романских языках средства выражения уменьшительности обновались: в испанском распространился суффикс **-ito**, **-cito** (requieñito ‘малюсенький’, robrecito ‘бедненький’), в итальянском — суффикс **-ino** (piccino ‘малюсенький’, roverino ‘бедненький’). Во французском прилагательные за редкими исключениями лишены суффиксов субъективной оценки.

Относительные прилагательные, в отличие от качественных, образуются от глагольных или именных основ путем «синтаксической» деривации, суффиксальной или конверсивной (адъективизация причастий или существительных).

Представляя собой одно из средств сжатого выражения предикатных отношений, относительные прилагательные употребляются и создаются главным образом в письменно-литературных стилях. Поэтому суффиксы относительных прилагательных вошли в романские языки в составе латинизмов:

-**alis** — *mortalis* 'смертный', *ит.* *mortale*, *исп.* *mortal*, *фр.* *mortel*;
 -**ilis** — *hostilis* 'враждебный', *ит.* *ostile*, *исп.* *hostil*, *фр.* *hostil*;
 -**ivus** — *lucratus* 'выгодный', *ит.* *lucrativo*, *исп.* *lucrativo*, *фр.*

lucratif;

-**abilis**, -**ibilis** — *credibilis* 'достоверный', *ит.* *credibile*, *исп.* *creible*, *фр.* *crovable*;

-**osus** — *famosus* 'знаменитый', *ит.* *famoso*, *исп.* *famoso*, *фр.* *fameux*;

-**ista**, — **isticus**: *греч.* — *sophista*, *sophisticus* > *ит.* *sofista*, *sofistico*, *исп.* *sofista*, *фр.* *sophistique*.

Книжное происхождение этих суффиксов не препятствовало их продуктивности в литературных романских (и не только романских) языках.

Что касается степеней сравнения, то данная грамматическая категория свойственна только качественным прилагательным, а также относительным прилагательным в переносном окачествленном значении.

В латинском языке существовали три способа передачи градаций качества:

1) суффиксальный, т. е. синтетический:

fortis — *fortior* — *fortissimus*;

2) суффиксально-супплетивный с заменой корня (у четырех наиболее употребительных прилагательных — *magnus*, *parvus*, *bonus*, *malus*);

3) аналитический, с помощью наречий *magis* (*plus*) 'более' и *maxime* 'в высшей степени': *idoneus* — *magis idoneus* — *maxime idoneus*.

Последний способ, редкий в латинском, становится регулярным в романских языках:

ит. *forte* — *più forte* — *il più forte*, *fortissimo*

исп. *fuerte* — *mas fuerte* — *el mas fuerte*, *muy fuerte*

фр. *fort* — *plus fort* — *le plus fort*, *très fort*.

В старофранцузском и особенно в старопровансальском языках сохранял некоторое время слабую продуктивность также первый чисто суффиксальный способ: *altior(em)* > *ст. пров.* *aussor*, **bellatior(em)* > *ст. пров.* *bellazor* и др.

Суффикс абсолютной превосходной степени — *issimus* до сих пор нормативен и продуктивен в итальянском во всех стилях речи (*alto* — *altissimo*); в испанском и португальском этот суффикс менее продук-

положит. степень	сравнит. степень	превосх. относит. степень	превосх. абсолютн. степень
<i>лат.</i> <i>bonus</i> <i>ит.</i> <i>buono</i> <i>исп.</i> <i>bueno</i>	<i>melior</i> <i>migliore</i> <i>mejor</i>	<i>optimus</i> <i>il più buono</i> <i>il migliore</i> <i>el mejor</i> <i>el mas bueno</i> <i>o melhor</i>	<i>optimus</i> <i>ottimo</i> <i>buonissimo</i> <i>muy bueno</i>
<i>порт.</i> <i>bom</i> <i>фр.</i> <i>bon</i> <i>рум.</i> <i>bun</i>	<i>melhor</i> <i>meilleur</i> <i>mai bun</i>	<i>le meilleur</i> <i>cel mai bun</i>	<i>otimo</i> <i>très bon</i> <i>foarte bun</i>

тивен и встречается главным образом в книжных словах (*antiquísimo, fidelísimo, crudelísimo*).

Все романские языки, кроме румынского, сохранили супплетивные формы сравнительной, а иногда и превосходной степени четырех латинских прилагательных *bonus, malus, magnus, parvus* (хотя в положительной степени последних трех латинских слов произошла замена лексемы). (См. таблицу на стр. 207).

В румынском языке аналитические формы являются единственным способом выражения степеней сравнения у всех прилагательных.

Формы рода и числа (в латинском языке также и падежа) у прилагательных служат для выражения их синтаксической зависимости от существительных.

Способность согласоваться по роду (в отличие от согласования по числу и падежу) свойственны не всем латинским прилагательным. Наиболее многочисленным и продуктивным типом являются прилагательные трех окончаний, относящиеся к I и II склонениям (*filius bonus, filia bona, vinum bonum*). Небольшая и непродуктивная группа прилагательных трех окончаний относится к III склонению (*acer — acris — acre*), остальные, относящиеся к III склонению, или противопоставляют общую форму м. и ж. рода форме ср. рода (*fortis — forte*), или вовсе не изменяются по родам (*vetus, pauper, dives, felix, sapiens* и др.).

В романских языках исчезновение грамматического подкласса имен ср. рода привело к превращению прилагательных трех окончаний в прилагательные двух окончаний: *bonu(m) — bona(m)*, а прилагательные двух окончаний перестали различаться по роду: *acre(m), grande(m), felice(m)*.

В том случае, если флексия существительного нейтральна относительно рода, флексия прилагательных I и II склонений служит, наряду с детерминативами, средством его дистантного выражения в именной группе:

лат.	ит.	исп.	фр.
pater bonus	un padre buono	un padre bueno	un père bon
mater bona	una madre buona	una madre buena	une mère bonne

Различительные возможности прилагательных двух окончаний и их многочисленность притягивают к ним по аналогии многие прилагательные одного окончания. Этот процесс, начавшийся в народной латыни (*pauper mulier pro paupera mulier* App. Pr.), наиболее широко распространился в галло-романском ареале и в Каталонии в романский период:

	лат.	ит.	исп.	фр.	кат.
(m)	dulcis	dolce	dulce	doux	dolç
(f)	— » —	— » —	— » —	douce	dolça
(m)	grandis	grande	grande	grand	gran
(f)	— » —	— » —	— » —	grande	granda
(m)	fortis	forte	fuerte	fort	fort
(f)	— » —	— » —	— » —	forte	forta

В латинском языке порядок слов в группе «существительное + прилагательное» был свободным. В стихах и эмоционально окрашенной речи часто встречается гипербат (*hyperbaton*), т. е. разрыв синтаксической группы не относящимися к ней словами: *iniquus es in me iudex* (Цицерон) «несправедливый ты мне судья». В нейтральных условиях прилагательное в ограничительной (специфицирующей) функции большей частью непосредственно следует за существительными (*res publica, bellum civile*), в оценочной (характеризующей) функции предшествует имени (*clarissimus vir*).

В романских языках группа «существительное + прилагательное» становится более связанной: исчезает гипербат, препозиция и постпозиция прилагательного более регулярно, чем в латинском, закрепляются за двумя разными функциями — оценочной и специфицирующей.

§ 85. Качественные наречия. Качественная оценка в группе имени по смыслу часто относится не к предмету как таковому, а к действиям, в которых он участвует в роли субъекта или объекта (ср. «хорошая курица» — та, которая хорошо несет яйца или та, которую едят с удовольствием). Перенос оценочной лексики из группы имени, где она выражена прилагательным, в группу глагола сопровождается в латинском языке:

- а) заменой самой лексики: *bonus — bene*
- б) заменой окончания: *malus — male*
- в) появлением суффикса **-ter**: *acer — acriter* (от прилагательных III склонения),
- г) закреплением в обстоятельственной функции прилагательных ср. рода в форме *Nom. = Acc.* (*multum, paulum, facile, imprime*) или в форме *Abl.* (*falso, raro*), т. е. конверсией прилагательных в наречия;
- д) образованием (в поздней латыни) описательных оборотов с существительным **mens** + *adjectivum* в творительном падеже (*Ablativus modi*): *mala mente* «дурным образом».

В романских языках нашли свое продолжение только последние два способа.

В сардинском, юж. ит. диалектах и в балкано-романских языках качественные наречия образуются путем конверсии из прилагательных: *рум. este prost* «он глупый» — *cîntă prost* «он поет плохо».

Омонимия прилагательных и наречий в румынском открывает путь и для обратного направления словообразовательного процесса: некоторые слова, изначально принадлежавшие только к наречиям, конвертируются в прилагательные, например, *лат. deorsum* «вниз», «вниз»; *рум. jos* «вниз» — *jos* «низкий» (о *casă joasă* «низкий дом»). Лишь наиболее частотное прилагательное *bonus* и соответствующее ему наречие *bene* сохраняют в румынском языке унаследованное от латыни формальное различие: *бун* «хороший», *бине* «хорошо», подобно большинству романских языков (ср. *ит. buono — bene, исп. bueno — bien, фр. bon — bien* и т. п.). Исключение составляют лишь некоторые южноитальянские диалекты, где *bonus*, конвертируясь в наречие, вытеснило *bene*: *facisti bonu* «ты хорошо сделал». В литературном итальянском

янском, испанском, португальском, французском языках есть несколько устойчивых сочетаний, где прилагательное закреплено в обстоятельственной функции, напр.: *ит.* parla chiaro, veloce, forte, piano; *исп.* habla claro rápido; *порт.* fala baixo, *фр.* il parle bas, il crie fort.

В основных романских языках при образовании наречий от прилагательных используется суффикс **-mente**, восходящий к латинскому существительному ж. рода *mens* в творительном падеже — *mente*. Суффикс **-mente** унаследовал от существительного сочетаемость с прилагательными в форме ж. рода (если прилагательное изменяется по родам): *исп.*, *ит.*, *порт.* falsamente, *фр.* fausement и т. п. Отсутствие суффикса **-mente** в сардинском, румынском и юж. итальянских диалектах говорит о сравнительно поздней морфологизации этой модели, которая сохраняет следы былой аналитичности в испанском языке в сочинительных сочетаниях типа *rápida y discretamente* 'быстро и разумно'.

Степени сравнения качественных наречий, так же как и прилагательных, заменили синтетические латинские формы на аналитические романские. Четыре наиболее употребительные наречия *bene*, *male*, *multum*, *paucum* с супплетивными формами степеней сравнения, сохранились почти во всех романских языках (в скобках даны формы, не восходящие к данной латинской форме):

Положительная степень					Сравнительная степень			
1. <i>лат.</i>	<i>bene</i>	<i>male</i>	<i>multum</i>	<i>paucum</i>	<i>melius</i>	<i>peius</i>	<i>magis;</i> <i>plus</i>	<i>minus</i>
2. <i>ит.</i>	<i>bene</i>	<i>male</i>	<i>molto</i>	<i>poco</i>	<i>meglio</i>	<i>peggio</i>	<i>più</i>	<i>meno</i>
3. <i>фр.</i>	<i>bien</i>	<i>mal</i>	(beau- coup)	<i>peu</i>	<i>mieux</i>	<i>pis</i>	<i>plus;</i>	<i>moins</i>
4. <i>исп.</i>	<i>bien</i>	<i>mal</i>	<i>mucho</i>	<i>poco</i>	<i>mejor</i>	<i>peor</i>	<i>más</i>	<i>menos</i>
5. <i>порт.</i>	<i>bem</i>	<i>mal</i>	<i>muito</i>	<i>pouco</i>	<i>melhor</i>	<i>pior</i>	<i>mais</i>	<i>menos</i>
6. <i>рум.</i>	<i>bine</i>	(<i>ráu</i>)	<i>mult</i>	(<i>puțin</i>)	<i>mai bine</i>	(<i>mai rău</i>)	(<i>mai</i> <i>mult</i>)	(<i>mai</i> <i>puțin</i>)

Примечания:

1. лат. ср. степень *magis* более древняя, чем *plus*.
2. ит. лучше всего сохранил латинское наследие.
3. фр. заменил ст. *mult* на совр. *beaucoup*; *plus* вытеснил конкурировавшее с ним в ст. фр. *mais* (*mes*), которое сохранилось в устойчивом выражении *je n'en puis mais* 'я ничего не могу поделать'.
- 4.—5. исп. формы *mejor*, *peor* и порт. *melhor*, *pior* восходят к соответствующим формам прилагательных.
6. рум. все степени сравнения образует аналитически; лексема *male* заменилась прилагательным *gău* < лат. *geus* 'подсудимый'; ср. в ст. *ит.* *geo*, *gio* в значениях 'злой', 'плохой'.

§ 86. Местоименные актуализаторы. Помимо существительных и прилагательных, именная группа включает показатели отношения к речевому акту, который создается определенным лицом, называемым «я», в момент речи «сейчас» и в месте нахождения говорящего «здесь». Эти три идеальных «предмета», создаваемые самим конкретным речевым

актом, служат ориентиром для всех остальных актуализаторов как имени, так и глагола.

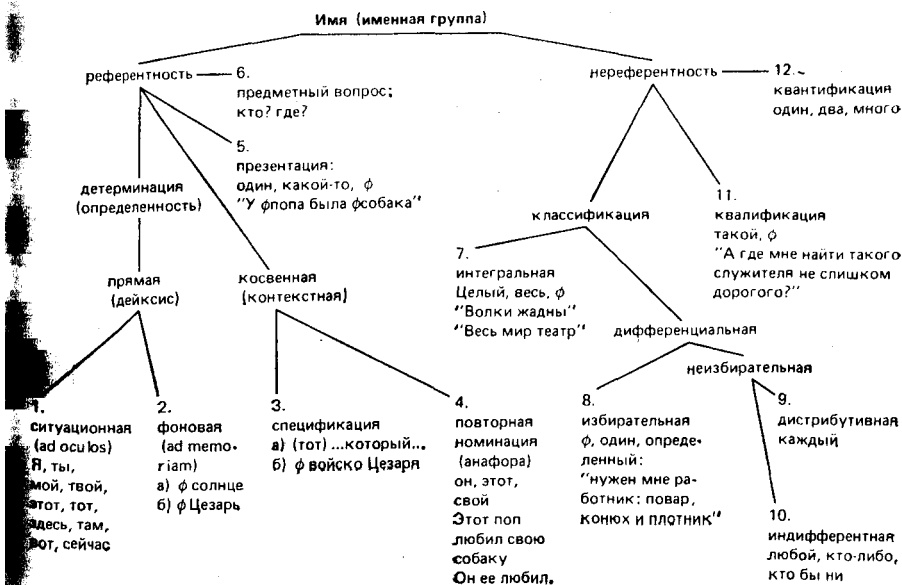
Основными функциями местоименных слов являются:

1) указание на участников акта коммуникации (я, ты, мы, вы), противопоставленных всем прочим «третьим лицам», известным или неизвестным, одушевленным или неодушевленным (он, она, это, кто? что?, кто-то, все и т. п.);

2) указание на референтный статус имени (референтными считаются имена «известных» объектов, существующих в поле зрения говорящих, в их памяти, или определяемые как «известные» речевым контекстом, при повторном наименовании объекта или при отнесении имени к единичному событию или уже известному объекту: «дом, в котором он живет», «войско Цезаря»; частично референтны имена объектов, известных только говорящему: «Я хочу познакомить тебя с **одним** человеком» или только слушающему: «**Кто** там?», «**Где** ты живешь?» и т. п.; нереферентны имена, обозначающие понятия класса предметов и их качественные и количественные модификации);

3) указание на наличие или отсутствие кореферентных связей между именными группами в тексте, где проявляются связующая и разграничительная функции местоименных слов. Например, *ит.* (и др. романские языки): *Amo una bella ragazza, ma la ragazza mi odia* — «Я люблю одну красивую девушку, но девушка меня ненавидит», где замена определенного артикля на неопределенный ведет к разрыву смысловой связи между двумя предложениями.

В общих чертах типы референции именных групп могут быть представлены схематически следующим образом:

В каждой из областей референции специализируется один или несколько подклассов местоименных слов; некоторые актуализаторы обслуживают несколько областей, как например, в русском языке «один, этот, тот», или нулевой показатель актуализации $\emptyset$.

Местоименные слова могут занимать:

1) приименную позицию, где актуализатор оформляет группу существительное + прилагательное (место каждого из них может быть пустым): «одна (красивая) женщина»;

2) приглагольную позицию, где актуализатор представляет при сказуемом всю именную группу в целом и не допускает определений: «кто-то здесь тебя ждет».

В обеих позициях некоторые актуализаторы могут терять свою синтаксическую автономность и превращаться в приименные или приглагольные частицы.

Противопоставление именных групп по признакам реальности (референтности) — нереальности (нереферентности), отмеченное актуализаторами, аналогично противопоставлению по тем же признакам индикативной и неиндикативной модальности в группе предиката: ср. *quidam dixit* 'кто-то сказал' — *quisquam dixerit* 'кто-нибудь, возможно, скажет'.

Связывая именную группу прямо или косвенно с речевым актом, актуализаторы гораздо чаще встречаются в разговорной речи, чем в письменном литературном языке. Однако увеличение их частотности в непринужденном устном рассказе происходит главным образом за счет личных и особенно указательных местоимений, так как именно они обеспечивают связность текста путем подчеркивания единой предметной отнесенности (кореферентности) у нарицательных имен лиц и предметов, о которых ведется повествование. То же явление наблюдается в сочинениях малограмотных людей. Образцом подобного текста может служить *Peregrinatio Aetheriae ad loca sancta* (цифры указывают типы референции на схеме): ...«*montes illi* (3a), *inter quos* (3a) *ibamus, aperiebant et faciebant* (5) *vallem infinitam, ingens planissima et valde pulchram, et trans* (4) *vallem apparebat* (3б) *mons sanctus Dei Syna. Hic* (3a) *autem locus, ubi se montes aperiebant, iunctus est cum eo* (3a) *loco quo* (3a) *sunt memoriae concupiscentiae...* ...*Habebat autem de eo* (4) *loco ad* (3б) *montem Dei forsitan quattuor milia totum* (12) *per valle illa* (3a—4) *quam dixi ingens. Vallis autem ipsa* (4) *ingens est valde, iacens subter* (3б) *latus* (3б) *montis Dei...* *Ipsam* (4) *ergo vallem nos traversare habebamus, ut possimus* (4) *montem ingredi*» — «...горы эти, среди которых мы шли, раскрывались и образовывали долину бесконечную, очень ровную и красивую, а за долиной виднелась божественная гора Синай. Это место, где горы расступались, соединено с тем местом, где гробы похотения... Было от этого места до божественной горы мили четыре по той долине, которую я назвала громадной. Долина эта великая лежит по одну сторону божественной горы... Эту долину мы должны были пересечь, чтобы подойти к горе»...

Этот небольшой отрывок достаточен для иллюстрации следующих двух процессов, характерных для поздней народной латыни:

1. Указательные актуализаторы *hic, ille, ipse* конкурируют с ана-

форическим *is* 'он, этот' в условиях анафоры и спецификации с определительным придаточным, где они утрачивают контрастные значения, свойственные им в их первичной дейктической функции (*hic* 'этот', близкий к говорящему, *ille* 'тот', удаленный от обоих собеседников, *ipse* — 'сам').

2. Анафорический повтор и спецификация с определительным придаточным очень часто, но не всегда отмечаются указательным местоимением.

Подсчет всех случаев употребления *is*, *hic*, *ille*, *ipse* в полном тексте *Peregrinatio* показывает, что наиболее употребительными являются два последние местоимения, причем в данном тексте *ipse* встречается чаще, чем *ille*; оба местоимения встречаются одинаково часто как в препозиции, так и в постпозиции к имени.

Когда один из актуализаторов — *ille* или *ipse* в приименной позиции становится обязательным сопроводителем имени, хотя бы в условиях анафоры и спецификации, закрепляется в этой роли в ущерб другим конкурентам, жестко фиксируется в препозиции или в постпозиции и утрачивает способность в данной фонетической форме к автономному употреблению, можно говорить о возникновении артикля.

Когда один из актуализаторов — *ille* или *ipse* в приглагольной позиции закрепляется в функции нейтральной анафоры и теряет способность к дейктическому употреблению (напр., в условиях выбора: «этот, а не тот»), можно говорить о возникновении «личного» местоимения третьего лица, т. е. местоимения, обозначающего только замещение имени при его повторном упоминании.

Наконец, в связи с сокращением и исчезновением падежных различий у существительных естественно возрастает роль личных местоимений как показателей падежных отношений, ср., напр., *ст. фр.*: *Ceste bataille bien la poum tenir* (Rol. 1238) — «Это сражение мы его сможем выдержать» или *L'Empereür tant li dunez avoir* (Rol. 570) «Императору столько ему дайте добра», где форма косвенного падежа *l'empereür* не позволяет отличить прямого дополнения от косвенного, или *ст. исп.* *El a las niñas tornó las a acatar* (Cid. 371) «Он снова взглянул на девочек», где предложное оформление именной группы «*a las niñas*» также недостаточно (в испанском языке) для противопоставления прямого дополнения косвенному при именах одушевленных.

Фиксация места личных местоимений непосредственно перед глагольной формой (проклиза) или непосредственно после нее (энклиза), утрата ими способности нести фразовое ударение и обязательность их употребления в определенных синтаксических условиях приводят к возникновению личных местоименных частиц, указывающих в составе синтактико-аналитической формы глагола на лицо и синтаксические функции именных членов предложения. Ср. *лат.* *Calidorus*: — *Dabisne argenti mi hodie viginti minas?* *Pseudolus*: — *Dabo.* (Pl. Ps. 117) «Калидор: — Ты дашь мне сегодня двадцать мин серебром? Псевдол: — Да», *ит.* *Cal.*: — *Mi daresti oggi venti mine d'argento?* *Ps.*: — *Te le darò.*

Итак, наиболее радикальные изменения в латинской системе именной актуализации, приведшие к возникновению новых грамматических единиц — определенного артикля, личного местоимения 3-го лица и личных местоименных частиц — произошли на участке указательных и личных местоимений, в связи с увеличением их нагрузки как связующих элементов речи.

В других местоименных подклассах отличия романских языков от латыни касаются лишь означаемого или означающего отдельных единиц, почти не затрагивая системы неопределенных актуализаторов в целом.

§ 87. Личные местоимения. У личных местоимений 1-го и 2-го лица *ego* — *tu* отношения между означающим и означаемым не изменились со времен индоевропейской общности.

Личные местоимения — единственный ~~именной~~ подкласс, сохранивший падежную парадигму во всех романских языках. У местоимения 1-го лица она образуется супплетивно как во всех индоевропейских языках, ср. *русск.* я — меня, *лат.* *ego* — *me*, *ит.* *io* — *me* и т. п. (в совр. французском языке все автономные формы личных местоимений лишены падежных форм).

Косвенный падеж личных местоимений во всех романских языках имеет автономные и неавтономные варианты.

Во французском языке оба варианта 1 л. ед. ч. косв. падежа восходят к одной и той же латинской падежной форме, получившей различное фонетическое развитие в ударной и безударной позиции: *лат.* *Acc.* — *Abl.* *me* > *ит.* *фр.* *mei* > *фр.* *moi* [mwɑ] (авт.), но *лат.* *Acc.* — *Abl.* *me* > *фр.* *me* [mə] (неавт.). В итальянском, испанском и португальском они восходят к двум разным латинским падежам, превратившись в позиционные варианты одной падежной формы: *лат.* *Dat.* *mihi*, *mi* > *ит.* *mi* (неавт.), но *исп.* *mi*, *порт.* *mim* (авт.); *лат.* *Acc.* — *Abl.* *me* > *ит.* *me* (авт.), но *исп.*, *порт.* *me* (неавт.). Ср.: *ит.* *il padre mi da il libro a me*, но *исп.* *el padre me da el libro a mi*, *порт.* *o pai me dá o livro a mim*.

Почти во всех романских языках автономные местоимения первых двух лиц имеют двучленную парадигму — прямой (именительный) и косвенный падеж; исключение составляют балкано-романские языки, где дательный падеж и аккузатив — аблятив не слились и поэтому парадигма содержит три противопоставленные формы: *N.* *eu*, *tu*; *Acc.* *mine*, *tine*; *Gen.* — *Dat.* *mie*, *tie*.

Почти во всех романских языках прямой падеж представлен только автономным вариантом; исключение составляет современный французский язык (и северо-итальянские диалекты), где именительный падеж представлен только неавтономным вариантом (*je*, *tu*), тогда как в качестве автономной формы в функции подлежащего распространилась форма косвенного падежа (*moi*, *toi*). Другими словами, во французском языке автономные формы местоимений 1-го и 2-го лица (так же, как и местоимения 3-го лица (см. ниже), по падежам не изменяются.

Следующая таблица иллюстрирует сказанное выше на примере местоимения «я»:

лат.	ит.	исп.	порт.	фр.	рум.
	авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.
N. ego, eo G. mei D. mihi, mi Acc. me Abl. me	io — — — mi mi mé	yo — — — mi me	eu — — — mim me	(moi) je — — moi me	eu — mie fmi, mi mine mă

Примечание: В каталанском языке автономные местоимения имеют два падежа — прямой и косвенный только для 1-го лица ед. ч.: jo mi; неавтономные объектные местоимения имеют три позиционных варианта: me, em, 'm; te, et, 't, например, et busquen — 'тебя ищут'; visitarte — 'посетить тебя'.

Личное местоимение 3-го лица, отсутствовавшее в латыни, восходит почти во всех романских языках к указательному местоимению ille 'тот', в сардинском языке — к указательно-усилительному местоимению ipse 'сам'; итальянский язык для автономных форм сохраняет рефлексы обоих местоимений: лат. ille, н. лат. illi > ит. egli 'он' только для антропонимов и только в письменном литературном языке, лат. ipse, н. лат. ipsu > ит. esso 'он' главным образом для неантропонимов, лат. ipsa > ит. essa 'она' для любых имен, так же как и ipsi > essi 'они', ipsae > esse 'они' ж. р.

Латинское местоимение ille имело в народной латыни вариант illus. Кроме того, параллельно с класс. лат. парадигмой склонения N. ille (m), illa (f), G. illius (m), (f), D. illi (m), (f), в Италии, Галлии и в балкано-романском ареале распространилась парадигма N. illi (m), illa (f), G. illuius (m), illeius (f), D. illui (m), illei (f), (отчасти по аналогии с парадигмой вопросительно-относительного местоимения N. quis, qui, G. cuius, D. cui).

Местоимения среднего рода illud, *illum, а в Дакии, в Провансе и Сев.-вост. Испании (будущей Каталонии) также и hoc, продолжали употребляться для анафорического повтора предложений и именной части сказуемого (ср., напр., в ит. Sei già nonna? — Sì, lo sono. — «Ты уже бабушка? — Да, я бабушка» или кат. Qui t'ha dit tot això? — el pare m'ho ha dit «Кто тебе все это сказал? — Мне это сказал отец»).

Наречие inde в Италии, Галлии и Сев.-вост. Испании закрепилось в функции партитивного личного местоимения (ср. катал. tens diners? — Sí, en tinc. «У тебя есть деньги? — Да, есть»).

Наречия hic, hinc, ibi в тех же ареалах распространились как местоимения-локативы, замещающие обстоятельства места пребывания и назначения (напр., фр.: j'y vais — «я туда иду»).

Наконец, в галло-романском ареале слово homo, употреблявшееся также и в неопределенно-личном смысле, превратилось в субъектное нейтрально-личное неавтономное местоимение op.

Распределение романских форм (для ед. числа) и их латинский источник отражены на таблице № 1 (в скобках помещены формы, этимологически не связанные с латинской формой соответствующего ряда и

Таблица № 1

(Старые и диалектные формы выделены курсивом)

	кл. и нар. лат.	ит.	исп.	порт.	фр.	рум.
		авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.	авт. неавт.
N.	ille *illus *illi *ipsus illa ipsa	(lui) <i>e'</i> <i>l'</i> egli esso ella <i>la</i> (lei), essa	el <i>elle</i> <i>elli</i> elia — —	ele — ela — —	<i>il</i> <i>il</i> (lui) elle elle —	 el — ea — —
G. ↑ D. ↓	<i>illius</i> *illuius *illeius illi *illui *illei	— — <i>li</i> <i>gli</i> a lui <i>lui</i> a lei <i>le</i> <i>lei</i>	— — <i>li</i> (a el) (le) (a ella) le	— — (a ele) (lhe) (a ela) lhe	— — <i>li</i> <i>li</i> a <i>lui</i> <i>lui</i> (a elle) (lui) <i>lei</i>	 fi, i lui ei (fi, i)
Acc. ↑ Abl. ↓	illu(m) illa(m) illo illa	(lui) lo <i>ella</i> la (lei)	(a el) lo (le) (a ella) la (le)	(ele) o (ela) a	(lui) le <i>elle</i> la	el fl, l ea (o)
N. ↑ Acc. ↓	illu(d) *illu(m) *ipsu(m) hoc	lo esso	lo	o	le	 o
Part.	inde	ne	<i>ende</i>	<i>ende</i>	en	
Loc.	ibi hic *hice	vi ci	<i>i</i>	<i>hi</i>	y	
	(homo)		<i>home</i>	<i>home</i>	on	

распространившиеся в данной функции позднее; курсивом даны старые или диалектные формы).

Место неавтономных местоименных частиц во всех романских языках кроме португальского, фиксировано и зависит от формы глагольной лексемы (а в старых языках и в совр. португальском от начального или нена начального положения личной формы глагола во фразе). Дательная и винительная формы частиц, употребляемые совместно, почти во всех языках образуют амальгаму, где один или оба элемента изменяют свою фонетическую форму (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

	личн. форма	императив	инфинитив	герундий	дат. + вин.
<i>фр.</i>	je le vois	laisse-la!	il commence à l'écrire	en le voyant	je le lui donne
<i>ит.</i>	lo vedo	lasciala!	comincia a scriverlo	vedendolo	(gli + lo): glielo do
<i>исп.</i>	lo veo	dejala!	empieza a escribirlo	viendolo, viendolo	(le + lo): se lo doy
<i>порт.</i>	o vejo, vejo-o	deixe-a! a deixe!	comença a escreverê-lo	vendo-o o vendo	(lhe + o): lho dou
<i>капз.</i>	ho veig	deixa-la!	comença a escriure'l	veient-lo	(lo + li): l'hi dono
<i>рум.</i>	o văd 'я это вижу'	lasă-o! 'оставь её!'	începe a-l scrie 'он начинает его писать'	văzîndu-l 'видя его'	(îi + îl): i-l dau 'я ему его даю'

Примечания к таблицам 1 и 2:

1. Функционально идентичные романские местоимения могут восходить к различным стилистическим вариантам соответствующих латинских форм. Например, местоимение *el* в испанском (*elle* в староиспанском), *êle* в португальском происходят от *класс. лат. ille*, тогда как румынское *el* ведет начало от *н. лат. illus* (если бы *рум. — el* [iell] восходило к *ille*, это местоимение сохранило бы, согласно фонетическим законам, конечный гласный [el], ср. *лат. bene* > *рум. bine*). Ср. также местоимение «это» в *порт. o* < *illu*, но в *рум. o* < *hoc*.

2. Внутри парадигмы наблюдаются функциональные смещения. Например, н. лат. форма дательного падежа **illui*, **illei* дала формы того же падежа в ст. итальянском — *lui*, *lei*, в ст. французском *lui*, *lei* и в румынском *lui*, *ei*. Значение дательного (без предлога) эти формы сохранили только в совр. румынском, тогда как в совр. итальянском *lui*, *lei* без предлога употребляются в функции прямого дополнения, а в разговорном языке и в функции подлежащего (кроме того, *Lei* является формой вежливого обращения для обоих родов, напр., *Lei è occupato?* — «Вы заняты?»). В совр. французском форма *lei* исчезла, а форма *lui* сохранила значение дательного падежа только в неавтономном употреблении, для обоих родов, на месте исчезнувшей формы *li*; авто-

номное местоимение *lui* закрепилось как единая форма местоимения 3-го л. м. рода, подобно форме *lui* в разговорном итальянском, ср.: *фр. lui, il ne vient pas, ит. lui non viene* — «он-то не придет».

В румынском языке автономные формы *lui, ei* функционируют в группе имени как родительный падеж, а в группе глагола как дательный, ср.: *fiul lui* 'его сын', но *lui nu-i place nimic* 'ему ничто не нравится'.

Интересно также распространение *рум. o* < *нос* 'это' на сферу употребления *illa(m)* 'ее'. Очевидно, форма ср. рода ед. ч. *нос*, вытеснив форму ср. рода мн. ч. *illa* в значении неперсонифицированного местоимения «это» (не изменяющегося по числам), по аналогии заменила также омонимичную форму *illa(m)* 'ее'. Труднее объяснить, каким образом форма *нос* могла заменить также неопределенное местоимение (артиклъ) ж. рода ед. ч. *ипа*. В современном румынском языке в форме *о* совмещены три грамматических омонима: неопределенный артиклъ ж. рода, неавтономное местоимение ж. рода в винительном падеже и неперсонифицированное неавтономное местоимение ср. рода 'это', закрепленное в функции прямого дополнения.

Таким образом, в романских языках совпадающие по своей этимологии и по звуковой оболочке формы могут функционально не совпадать и занимать разное место в системе местоименных актуализаторов.

3. Народно-латинские формы **illui, *illei* возникли сравнительно поздно (но до IV в.) и не успели закрепиться на всей территории Романии: в иберо-романских языках их «потомков» вообще нет.

4. В испанском языке, в связи со стиранием формальных различий между косвенным и прямым дополнениями у существительных-антропонимов, вводимых в обеих позициях предлогом *a*, нейтрализуется также противопоставление форм дательного и винительного падежей у неавтономных местоимений, замещающих антропонимы (обычно форма *le* вытесняет форму *lo*, реже — наоборот, т. н. *leísmo* и *losismo*). Таким образом, язык формально выражает семантическое противопоставление по признакам антропонимичность—неантропонимичность, но нейтрализует функциональное противопоставление по падежам. Ср.: *исп. le doy un libro* — 'я ему даю книгу', *le veo* — 'я его вижу', *lo veo* — 'я это вижу, я его (предмет) вижу'.

5. Автономные и неавтономные местоимения имеют разные тенденции развития.

У автономных местоимений в большинстве романских языков (в испанском, португальском, каталанском, французском, в разговорном итальянском) произошла унификация падежных форм, так что ударные местоимения 3-го лица, подобно существительным, лишены категории падежа.

Неавтономные местоимения, напротив, имеют от двух (в совр. португальском и в совр. испанском) до шести (во французском и итальянском) форм, отмечающих различные синтаксические функции именной группы в составе глагола. Эти местоименные частицы по своей грамматической нагрузке сближаются с личной флексией глагола, с которой они находятся в дополнительном распределении (для указания на лицо и функцию субъекта — флексия, для указания на лицо

и функции объектов, в том числе и обстоятельства места — местоименные частицы). Во французском языке (и в некоторых сев. итальянских диалектах и в тосканском) существуют также субъектные частицы — *фр.* *je, tu, il, ils*; *тоск.* *i', t', e', la*, заменяющие частично исчезнувшую личную флексию глагола (во *фр.*) или дублирующие ее (в *тоск. диал.*).

Помимо определенно-личных субъектных частиц *je, tu, il (elle)* во французском существует нейтрально-личная субъектная частица *on* и безличная субъектная частица *il* (которые, в отличие от *je, tu, il*, не имеют объектных форм). Объектные частицы во всех романских языках передают контраст между прямым и косвенным дополнением, а во французском, провансальском, каталанском и итальянском включают также показатели паритивности (*ит.* *ne, фр., кат.* *en*) и показатели локальности (*ит.* *ci, vi, фр.* *у, кат.* *hi*). Безударные местоименные частицы, как субъектные, так объектные и обстоятельственные, не употребляются без глагольной формы. Отмечая в составе глагола синтаксическую функцию именных членов предложения, неавтономные местоимения отчасти компенсируют утрату падежных форм у существительных. Однако возникновение и распространение неавтономных местоимений было обусловлено не разрушением флексии имени (во французском также и личной флексии глагола в ед. числе), а определенными ритмическими характеристиками романского предложения. Одна из них — повтор (реприза) имен, обозначающих детерминированные понятия («тему»), анафорическими местоимениями при глаголе. Такая конструкция часто встречается в ст. французском, где еще сохраняются падежи существительных (прямой и косвенный): *Li quens Rollanz l'ad il e prise et fraite* (Rol. 663) — «Роланд он ее взял и разрушил (крепость)», *Li niés Marsilie il est venuz avant* (Rol. 860) — «Племянник Марсилия он вышел вперед». Отсутствие жесткой причинной зависимости между исчезновением именного склонения и местоименной репризой подтверждается данными современного румынского языка, где при сохранении падежных показателей в группе имени реприза темы местоименными частицами при глаголе распространена как нейтральная литературная модель: *femeii îi era milă* — «женщине ей было жалко», *banii îi luase cu sine* — «деньги он их взял с собой». Функция приглагольных местоименных частиц — указание на связь действия с основными его участниками.

Объединение в одном глагольном узле формальных показателей основных синтаксических связей делает глагол конструктивным центром предложения. Старые романские языки еще сохраняют следы структурной необязательности личного глагола, типичной для языков с ярко выраженной падежной флексией, ср., напр.: *ст. фр.* «*E jo od vus*» *ço dist li quens Gualtiers* (Rol. 800) — *совр. фр.* «*Et j'irai avec vous*» — *dit le comte Gautier* — *русск.* «И я с вами» — сказал граф Готье.

§ 88. Определенный артикль. А. Формы артикля в романских языках и их этимология. Личное местоимение 3-го лица и определенный артикль во всех романских языках имеют общий этимон — латинское указательное местоимение *ille* (**illi, *illus*) или — в сардинском —

ipse (ipsus). Общность этимологии этих форм объясняется идентичностью их первичной сферы распространения — анафоры (повторной номинации), а также и тем обстоятельством, что субстантивный заместитель имени имел в латинском языке ту же форму, что и его адъективный аналог: video hominem... ille (homo)... . Первоначально за позицией анафоры в латыни было закреплено нейтральное местоимение is (ea, id), которое чередовалось с более выразительным указательным местоимением hic (haec, hoc). В поздней латыни они уступили место указательным местоимениям ille и ipse. Конкуренция всех четырех форм в условиях анафоры, представленная в Peregrinatio Aetheriae, скорее всего не отражает истинного положения вещей в разговорной речи IV—V вв. н. э., где к этому времени is, ea, id, должны были выйти из употребления.

Наряду с определенным артиклем, во французском и в итальянском языках (приблизительно к началу XIV в.) возник так называемый партитивный артикль, восходящий к сочетанию *предлог de + ille* и представляющий собой адъективный аналог партитивного неавтономного местоимения *фр. en, ит. ne < lat. inde*.

Во всех романских языках, кроме балкано-романских, артикль закреплен в препозиции к именной группе и не имеет падежных форм (в ст. французском падежи у артикля исчезли вместе с исчезновением склонения имен).

В балкано-романских языках артикль обладает рядом специфических особенностей:

1) определенный артикль закреплен в постпозиции к первому слову именной группы, существительному или прилагательному, с которым фонетически сливается, подобно флексии: *băiatul frumos — frumosul băiat*;

2) определенный артикль, как и все местоименные заместители и определители имени, склоняется (см. § 83);

3) наряду с определенным артиклем, существует также адъективный (детерминативный) артикль, восходящий к сочетанию *ессе + illu > cel*, *ессе + illa > cea*, как и указательные местоимения (см. ниже);

4) в группе *определяемое + именное определение в родительном падеже* в некоторых случаях необходим особый показатель связи, называемый «посессивным артиклем», который скорее всего восходит к сочетанию *ad + illu > al*, *ad + illa > a*, *ad + illi > ai*, *ad + illae > ale*.

Формы артиклей м. р. ед. ч. и их латинский источник (в скобках даны формы, не восходящие к данному латинскому источнику, курсивом — старые и диалектные формы) — см. табл. на стр. 221.

Примечания к таблице:

1. Итальянский артикль м. рода имеет два позиционных варианта — *il* (мн. ч. *i*) перед именами, начинающимися с простого согласного, *lo* (мн. ч. *gli*) перед гласным и группой *s + согласный*, ср. *il cane — i cani*, *lo scolaro — gli scolari*. Диалектные формы артикля м. р.

лат. и н. лат.	ит.	исп.	порт.	ст. фр.	фр.	рум.
N. ille *illus *illi	el, er lo il	el lo	o	li	(le)	-le -l
G. illius *illuius D. illi *illui	—	—	—	—	—	-lui
Acc. illu(m) Abl. illo	—	—	—	lo, le	—	—
N. illu(d) Acc. —	lo	lo	—	—	—	—
de + illo ecce + illu ad + illu	del — —	— — —	— — —	— — —	du — —	— cel al

весьма разнообразны: el (венец., ломб., сиенск.), er (римск.), o (неаполит.), lu (сицил.). Кроме того, в Умбрии и некоторых других южных диалектах есть артикль среднего рода **lo**, сопровождающий имена вещества: lo latte 'молоко'.

Партитивный артикль *del* (ж. р. *della*) употребляется со времен Данте перед несчисляемыми именами вещества для указания на конкретную, но неопределенную количественно часть: *domandar del pane* (Dante, Inf. 33, 39). Распространение этой формы на именачисляемые во множественном числе для обозначения неопределенного, но конкретно-референтного множества произошло значительно позже (совр. *è andato via con degli amici* — 'он ушел с товарищами').

2. В современном французском языке партитивный артикль сочетается не только с именами материала, как в итальянском (*donner du pain* — 'дать хлеба'), но и с именами абстрактного качества: «*De la musique avant toute chose*» (В е р л е н) — «Прежде всего нужна музыкальность», и даже с именами собственными, которые превращаются

таким путем в окказиональные имена качества: *il y a du Verlaine dans ses vers* — 'в его стихах есть что-то от Верлена'.

Сочетание предлога *de* с артиклем при именах числяемых во мн. числе вытеснило ст. фр. форму неопределенного артикля мн. числа *uns* и употребляется не только с референтно употребленными именами (как в итальянском, напр., *фр. je vois des fourmis*, *ит. vedo delle formiche* — 'я вижу муравьев'), но и при обозначении класса предметов (напр., *ils travaillent comme des fourmis*, ср. *ит. lavorano come formiche* — 'они работают как муравьи').

3. В испанском (кастильском) артикль м. р. *el* противостоит артиклю м. р. *lo* в диалектах Леона и Арагона: *el fuego* — *lo fuego* 'огонь'. В самом кастильском артикль *lo* < *illud* имеет функцию окказионального субстантиватора прилагательных — *mezclando lo humano con lo divino* (Cervantes) — «смешивая человеческое с божественным». Этот артикль не имеет мн. числа и может сочетаться с предлогами в выделительных оборотах типа *les quiero por lo buenos que son*. — 'я их люблю за то, что они добрые'.

4. Португальский артикль м. рода ед. ч. *o* и местоимение 3-го лица *êle* восходят соответственно к вариантам латинского местоимения — *н. лат. illu(s)* и *кл. лат. ille* (в отличие от испанского артикля *el*).

5. Румынский адъективный артикль употребляется в строго ограниченных условиях: при образовании относительных превосходной степени прилагательных, при выделении постпозитивных прилагательных *fiul cel mic* — 'младший сын' и при субстантивации определений, в том числе и определительных придаточных.

Румынский посессивный артикль может быть назван артиклем лишь условно, исходя из его этимологии — *ad + illu*. Это знак притяжательной связи при именных определениях в родительном падеже, отделенных от определяемого прилагательным или соединенных с неопределенным определяемым, ср. *elevul dracului* — 'ученик дьявола', *un elev al dracului* — 'один ученик дьявола', *elevul cel vrednic al dracului* — 'усердный ученик дьявола', где со словом *elev* согласуются в роде и числе три артикля (ср. мн. ч.: *elevii cei vrednici ai dracului* — 'усердные ученики дьявола'). Выражение отношений принадлежности лицу с помощью предлога *ad* > *a* (заменившего латинский дательный притяжательный типа *mihi liber est*) известно и ст. французскому: *Il est frere à l'roi*. Однако своеобразие румынской конструкции состоит в том, что слитный с предлогом артикль согласуется в роде и числе не с определяющим, а с определяемым существительным.

6. Во всех романских языках (за исключением балкано-романских, где артикль постпозитивен) определенный артикль образует с наиболее частотными предлогами так называемые «артикулированные предлоги», которые можно рассматривать как своего рода склонение артикля. Характерно, что наиболее устойчивыми и распространенными оказываются амальгамы *ad + ille* и *de + ille*, соответствующие дательному и родительному падежам, см. табл. на стр. 223.

Б. Сферы употребления определенного артикля в старых и современных романских языках. Ранние романские литературные памятники, например, «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», показывают,

Формы артикулированных предлогов и их латинский источник
(Курсивом даны старые и диалектные формы)

<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>порт.</i>	<i>фр.</i>
ad + ille	al, allo	al	ao	au
ad + illa	alla	a la	à	à la
de + ille	del, dello	del	do	du
de + illa	della	de la	da	de la
in + ille	nel, nello	enno	no	el, eu, au*
in + illa	nella	enna	na	en la
sub + ille	sul, sullo	sol	—	—
sub + illa	sulla	—	—	—
per + ille	pel	pol	pelo	—
per + illa	pella	—	pela	—
cum + ille	col, collo	col	—	—
cum + illa	colla	conna	—	—

* Во французском языке артикулированный предлог en + le > el > eu, ou, au > > [o] исчез, так как в результате фонетических изменений совпал по звучанию с артикулированным предлогом a + le > au [o]. В сочетаниях с артиклем предлог en заменился предлогом dans < *лат.* de + intus, ср.: avoir bien en main и avoir dans la main. Реликт en + le > au сохраняется в выражении croire au diable — ‘верить в черта’, (но croire en Dieu — ‘верить в бога’, так как слово Dieu во французском и других романских языках не имеет артикля, в отличие от le diable); во мн. ч. этот артикулированный предлог сохраняется в устойчивом сочетании le docteur ès lettres (sciences), где ès = en + les.

что определенный артикль распространился к XI—XII вв. далеко за пределы своей первоначальной сферы возникновения — анафоры и ее «перевернутого» варианта — спецификации с определительным придаточным.

В старых романских языках определенный артикль обычно сопровождает все имена нарицательные, функционирующие в тексте как имена собственные, т. е. имена уникальных объектов, все свойства которых предполагаются известными обоим собеседникам (автору и читателям) из фонда общих знаний или из контекста.

Так, определенный артикль, как правило, имеют имена единичных природных объектов и явлений, напр., *ит. фр.* «Clere est la nuit e la lune luisant» (Rol. 2512) — «Ясна ночь и сверкает луна», *ит. исп.* «Ya vedes que entra la noch» (Cid, 137); абстрактные имена качеств и действий, резюмирующие уже известную ситуацию (анафора) или отнесенные к конкретному предмету или лицу (спецификация), напр.: «La bataille est merveilleuse e comune» (Rol. 1320) — «Сражение удивительно и повсеместно» или «El amor de mio Cid ya lo ivan provando» (Cid, 1247) — «Любовь моего Сиды они уже испытывали на себе».

Как и в современных языках, определенный артикль регулярно сопровождает конкретно-предметные имена, связанные с другим именем отношением устойчивой или неотторжимой принадлежности, т. е. в тех условиях, где притяжательный детерминатив плеонастичен (части тела, предметы одежды, экипировки и т. п.), напр., *ит. фр.* «Trenchet la

teste e la brunie e lo cors, La bone sele ki est gemmée ad or» (Rol. 1543) — «Он разрубил (ему) голову, кольчугу и тело и отличное седло, оправленное золотом», или *см. исп.* “El astil a crebado e metió mano al espada” (Cid., 2387) — «Он сломал копьё и схватился за шпагу». Артикль отсутствует только в некоторых устойчивых сочетаниях, типа *исп.* *meter mano, ut. metter mano* — ‘приниматься за’, где имя лишено семантической автономности, а также в тех случаях, когда при сохранении референтности имени, на первый план выдвигается его содержательная сторона, напр.: “Espada tienes en mano e veo’t aguijar, Asi como semeja en mí la quieres ensayar” (Cid., 2414) — «В руках у тебя шпага и ты прищипориваешь коня; как видно, ты хочешь ее испробовать на мне».

Как показывают последние два примера, один и тот же предмет — шпага в руках у рыцаря — может, в зависимости от точки зрения говорящего, рассматриваться или как обычный предмет экипировки, и тогда определенный артикль отмечает самоочевидный факт ее принадлежности к сфере «рыцаря», или как предмет, привлекающий внимание своей качественной, содержательной стороной, и тогда отсутствие артикля в старых романских языках (и неопределенный артикль в новых) отмечает рематическую (предикатную) функцию имени. Позиция главного слова в реме-сказуемом и ее эмфатическое выделение отодвигает на второй план предметную отнесенность существительного и меняет его референтный статус.

По определению Амадо Алонсо¹ имя с определенным артиклем предполагает существование (*existencia*) обозначаемого, имя же без артикля имеет в виду содержание понятия (*esencia*). Первое связано с позицией темы, синтаксической функцией подлежащего, конкретно-предметным значением слова. Второе — с позицией ремы, синтаксическими функциями именного сказуемого, прямого дополнения, обстоятельства и с абстрактным, нереферентным значением слова. При скрещивании признаков первого и второго ряда возникают неустойчивые условия, где наблюдаются расхождения в употреблении артикля в старых и современных языках, а также в нормах современных языков.

Наиболее важные из этих расхождений следующие:

1. Конкретно-предметные имена нарицательные в значении «класса предметов» в старых языках, в отличие от современных, лишены артикля, напр.: *ср. фр.* (XV в.): «Onsq **enfant** ne ressembla mieulx a **pere**» (Pathelin, 140) — «Никогда ребенок не походил более на своего отца»; *см. ит.* (XIV в.): “E gran senno il cercar d’amar sempre **donna** di più alto legnaggio ch’egli non è” (Boccaccio, Dec. I, 5) — «Разумно стараться любить женщину более высокого происхождения, чем ты сам», или *ср. исп.* (XVI в.) “...esperando que algun enano se pusiese entre las almenas a dar señal con alguna trompeta de que llegaba **caballero** al castillo” (Cervantes, II) — «...ожидая, что какой-нибудь карлик выйдет между зубцов стены и подаст сигнал трубой, что к замку подъезжает рыцарь». В современных испанском и итальянском языках еще

¹ Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1967, p. 134.

сохранились следы подобного употребления в позиции дополнения после некоторых глаголов, напр., *исп.* busco criada — 'ищу прислугу', *ит.* cerco moglie (marito) — 'ищу жену (мужа)'. Норма современных языков требует при имени в условиях «классификации» определенного или неопределенного артикля, напр., *исп.* "La viuda era la mujer seria" (Gomez de la Serna) — «Вдова была воплощением типа серьезных женщин», *ега* una mujer seria — «была одной из класса серьезных женщин». Ср. также перевод на современный французский следующей фразы из «Песни о Роланде»: «Hum sui Rollant, jo ne le dei laissier» (800) — «Je suis l'homme de Roland e ne dois point lui faillir» — «Я — человек Роланда и не должен его покидать».

2. Абстрактные имена вне условий анафоры и спецификации в старых языках также лишены артикля, особенно в функции ремы (в позиции прямого дополнения или подлежащего): «Bataille font nostre hume» (Rol. 1755) — «Наши люди ведут сражение», «Pitiet l'en prent» (Rol. 825) — «Его охватила жалость», то же и в *ит.* и *исп.*: «Pietà mi vinse» (Dante), «Moviólos piadat» (Berceo).

В современных языках следы былой нормы сохраняются в лексикализованных аналитических эквивалентах простых глаголов, типа *ит.* ha paura, *фр.* il a peur, *исп.* tiene miedo, *порт.* tem medo — 'он боится'; *ит.* ha voglia di, *фр.* il a envie de, *исп.* tiene ganas de, *порт.* tem ganas de — 'ему хочется'. Кроме того, в испанском отсутствие артикля при именах несчисляемых в реме до сих пор является нормой свободного синтаксиса, напр., *ср. ит.* faccia accendere la luce! (Pirandello) и *исп.* перевод: diga que nos den luz! — «Скажите, чтобы дали свет»; то же в позиции подлежащего-ремы: «Por el portón entrabase olor a rosas» (Perez de Ayala) — «Через открытые ворота проникал запах роз».

Абстрактные имена в общих суждениях лишены артикля в старых языках и сопровождаются артиклем в современных, ср. *ст. фр.* «Car vasselage par sens nen est folie» (Rol. 1724) и перевод на *совр. фр.*: Le courage sensé n'a rien de commun avec la démente — «Разумную храбрость нельзя считать безумием».

3. Имена собственные без определений в старых языках лишены артикля, как например, названия стран: France, Espagne и т. п. В современных языках — итальянском, французском, португальском названия стран приобрели артикль, в испанском остались без артикля.

4. Имена в сопровождении притяжательных местоимений в старых языках имели факультативный артикль, ср.: *ст. исп.* "De las sus bocas todos dizian una razon" (Cid., 19) — «Все своими устами высказывали одно мнение», но: "En Burgos del entró su carta" (Cid. 23) «В Бургос пришло от него его письмо», или (реже) в *ст. фр.* «Od mil Franceis de France la lur tere» (Rol. 808) — «С тысячей французов из Франции их земли». Употребление артикля при притяжательных детерминативах закрепилось как нормативное в итальянском, румынском и португальском: *порт.* o meu caderno, *ит.* il mio quaderno, *рум.* caietul meu — 'моя тетрадь', но было утрачено в *совр. французском* и *совр. испанском*. Интересно отметить, что артикль исчез как раз в тех языках, где воз-

ники притяжательные неавтономные детерминативы, занявшие при существительном позицию артикля.

5. При названиях частей тела с определением (т. е. при совмещении детерминации и квалификации), в старых языках наблюдается неустойчивое употребление артикля: «*Cors ad mult gent e le vis fier e cler*» (Rol. 895) — «У него красивая фигура и гордое и ясное лицо». В современных французском и итальянском языках здесь предпочитается определенный артикль, тогда как в испанском — неопределенный: *фр.* il avait le visage pâle, *ит.* aveva il viso pallido, *исп.* tenía una cara pálida.

6. Наконец, в позиции обстоятельства места и образа действия (где скрещивается референтное употребление с семантической необязательностью индивидуализации имени) старые языки предпочитают после предлогов неартикулированное имя. Все современные языки сохраняют прообраз старых норм в аналитических формах наречий, например, *ит.* in mano 'в руках', *фр.* sur pied 'на цогах', *фр.* en ville 'в городе' (но à la campagne 'в деревне'), *исп.* a casa 'домой', *фр.* a pied 'пешком', *ит.* a cavallo 'верхом' и т. п. Кроме того, в итальянском и в румынском, в отличие от французского и испанского, предлог *ит.* in, *рум.* în образует также свободные сочетания с референтно употребленным именем без артикля:

<i>ит.</i>	<i>рум.</i>	<i>исп.</i>	<i>фр.</i>	<i>русс.</i>
è entrato in casa	a intrat în casă	ha entrado en la casa	Il est entré dans la maison	Он вошел в дом.
ha in tasca unamela	are în buzun- ar un măr	tiene una manzana en el bolsillo	Il a une pomme dans sa poche.	У него в кар- мане ябло- ко.
è rimasto in camera	a rămas în cameră	se ha queda- do en la habitación	Il est resté dans la chambre.	Он остался в комнате.
è qua in piazza	este în piață	está en la plaza	Il est ici sur la place.	Он здесь на площади.

Из сказанного следует:

Старые и современные романские языки отличаются степенью генерализации и десемантизации артикля: в старых языках он указывал на детерминированность имен нарицательных (на известность и индивидуальность обозначаемых ими понятий), тогда как в современных языках он, с одной стороны, распространяется на область имен собственных и, с другой — на нереферентные области употребления имен нарицательных.

Во французском языке определенный артикль распространяется на максимальное количество условий употребления имени и поэтому превращается, по выражению Л. Фулэ, в «une sorte de simple signe grammatical qui annonce un substantif, à peu près comme la terminaison -er indique un verbe» — «в своего рода чисто грамматический признак существительного, подобный окончанию -er у глаголов»¹.

¹ *Foulet L. Petite syntaxe de l'ancien français. Paris, 1930, p. 49.*

Испанский язык, напротив, почти не расширил сферу употребления определенного артикля по сравнению со староиспанским.

Формы и функции артикля складывались в каждом языке в тесной связи с формами и функциями других референтных актуализаторов — личных, указательных и притяжательных местоимений (об отношениях дополнительности между определенным артиклем и указательными и притяжательными местоимениями см. ниже, с. 231).

§ 89. Указательные местоимения. В латинском языке указательные местоимения были соотнесены с 1-м, 2-м и 3-м лицами: *hic* 'этот', близкий к говорящему, *iste* 'тот', близкий к слушающему, *ille* — 'тот', удаленный от участников коммуникации, а также *ipse* — 'сам, самый'. Все эти местоимения имели разговорные варианты с частицей *ecce*, *ecce* (уже у Плавта *eccille*, *ecciste*, *eccos* из *ecce* + *illos* и др.) и вступали между собой в устойчивые комбинации, например, *iste* + *ipsu* *ut. stesso* 'сам, самый'; *(ego)met* + *ipse* > *см. пров. meteis, mezeis, кам. mateix*; *(ego)met* + *ipsimus* > *см. фр. meisme, фр. même* 'сам, самый' и т. п.

Почти все классические и народные формы имели продолжение в различных романских языках, но ни одна из них не сохранила нигде своей первоначальной сферы употребления. Основной, общероманский сдвиг в сферах употребления указательных местоимений связан с вытеснением местоимения *hic*, на месте которого распространилось местоимение *iste* или его разговорный вариант *ecciste*, **eccuistu*; кроме того, место *ille*, превратившегося в артикль, занял его разговорный вариант *eccille*, **eccuillu*.

Формы указательных местоимений (м. рода ед. числа) и их латинский источник (курсивом даны старые формы)

кл. и н. лат.	ит.	см. фр.	фр.	исп.	порт.	рум.
<i>N. ecce + hic</i>	ci	ci	-ci	—	—	—
<i>N. ecce + hoc</i>	ciò	(i)ço	ce	—	—	—
<i>N. iste, istu</i>	<i>esto</i>	<i>ist</i>	—	<i>este</i>	<i>êste</i>	<i>ăst</i> (паэр.)
<i>N. eccu + istu</i>	<i>questo</i>	(i)cist	ce(t)	<i>aqueste</i>	—	<i>N. acest</i>
<i>D. eccu + istui</i>	<i>costui</i>	(i)cestui	—	—	—	<i>D. acestui</i>
<i>N. ille, illu</i>	—	артикль	—	—	—	—
<i>N. eccu + illu</i>	quello	(i)cil	—	<i>aquei</i>	<i>aquele</i>	<i>N. (a)cel</i>
<i>D. eccu + illui</i>	colui	(i)celui	celui	—	—	<i>D. (a)celui</i>
<i>N. ipse, ipsu</i>	<i>esso</i>	—	—	<i>ese</i>	<i>êsse</i>	—
<i>N. eccu + ipse</i>	—	—	—	<i>aquese</i>	<i>aquesse</i>	—
<i>N. iste + ipsu</i>	stesso	—	—	—	—	—
<i>N. ille + ipsu</i>	—	—	—	<i>eleiso</i>	—	—
<i>N. eccu + id + istu</i>	codesto (аpx.)	—	—	—	—	—
<i>N. met + ipsimus</i>	medesimo	meisme	même	misimo	mesmo	—

Примечания к таблице:

1. Испанский, португальский и отчасти итальянский сохранили свойственную латыни трехчленную систему указательных местоимений, но на базе разных означающих:

лат.	исп.	порт.	ит.
1. hic	este	êste	questo
2. iste	ese	êsse	apx. codesto
3. ille	aquel	aquêle	quello

В румынском и в совр. французском эта система двучленна (для противопоставления 'этот', а не 'тот' во французском к единой форме указательного местоимения с двумя позиционными вариантами — субстантивным *celui* и адъективным *ce(t)* добавляются частицы *-ci* и *-là*: *celui-ci*, *celui-là*, *ce livre-ci*, *ce livre-là*).

2. Только румынский сохранил двухпадежное склонение указательных местоимений. В испанском и португальском формы, восходящие к родительно-дательному падежу вообще отсутствуют. В итальянском языке формы, восходящие к двум разным падежам одной латинской лексической единицы обособились и превратились в разные лексические единицы: *questo* — 'этот' — субстантивная и адъективная форма широкого функционального диапазона; *costui* — разг., уничижит. 'он', 'этот тип', только антропоним; в свою очередь, *quello* — 'тот' — субстантивная и адъективная форма широкого диапазона; *colui* — лит. 'тот человек,... который', разг. уничижит. 'он', 'этот тип', только антропоним.

В совр. французском некогда парадигматически противопоставленные формы разных лексических единиц превратились в позиционные варианты одного смыслового инварианта *фр.* *celui* — бывший дательный падеж ст. *фр.* местоимения *cil* — закрепился в субстантивной функции, тогда как *фр.* *ce(t)* — бывший винительный падеж ст. *фр.* местоимения *cist* — закрепился в адъективной функции.

3. Артикль и указательный детерминатив несовместимы в одной именной группе во всех языках, кроме румынского, где указательные местоимения *acesta*, *acela*, а также сокращенный вариант последнего — *cel* («детерминативный» или «адъективный» артикль), находясь в позиции к имени, обуславливают его артикулированную форму, ср. *asel om* — *omul acela*, *omul cel mai bun*.

4. Функционально и этимологически близкие друг другу, указательные местоимения и артикль во многих случаях или взаимозаменяемы в одной позиции как полные синонимы или дополняют друг друга в разных позициях. Так, например, в условиях анафоры артикль и указательное местоимение выступают большей частью как позиционные варианты, обусловленные лексическим подклассом существительного, его функцией в предложении и др. Тем не менее, существуют условия, в которых артикль и указательный (а также притяжательный) детерминатив противопоставлены парадигматически в одном и том же контексте (см. § 90).

§ 90. Притяжательные местоимения.

кл. лат.	нар. лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	рум.
	полные/краткие		авт./неавт.	авт./неавт.		
meus mea tuus	meus mus mea ma tuus, tus teus;	mio mia tuo	mien mon mienne ma lien ton	mio mi mia mi tuyo tu	meu minha teu	meu mea tău
tua suus	tua, tea; ta suus, sus seus;	tua suo	tienne ta sien son	tuya tu suyo su	tua seu	ta său
sua eius m eius f noster nostra vester vestra suus sua eorum earum	sua, sea; sa illuius illeius nostru(s) nostra vostru(s) vostra suus, seus, sus sua, sea, sa illorum	sua suo sua nostro nostra vostro vostra loro	sienne sa sien son sienne sa notre notre votre votre leur	suya su suyo su suya su suya su nuestro nuestra vuestro vuestra suyo su suya su suyo su suya su	sua seu sua nosso nossa vosso vossa seu sua seu sua	sa lui ei nostru noastră vostru voastră lor

Примечания к таблице:

1. Форма *N. meus*, *Acc. teum*, общая для классической и народной латыни, имела продолжение во всех романских языках.

2. Кл. лат. формы *tuus*, *suus* лежат в основе соответствующих испанских и итальянских форм, тогда как *фр. tien*, *sien*, *порт., катал., пров. teu*, *seu*, *рум. tău*, *său* продолжают н. лат. формы *N. teus*, *seus*, *Ac. teum*, *seum*, возникшие по аналогии с *meus*, *teum*.

3. Краткие н. лат. формы, которые упоминаются у грамматика V в. Виргилия (*N. mus*, *G. mi*, *D. mo*, *Acc. tum*), имели продолжение во французских проклитиках *mon*, *ma*; *ton*, *ta*, *son*, *sa*, а также в юж. ит. энклитических формах *mo*, *ma*, *to*, *ta*, *so*, *sa* (напр., *madrema*, *padreto* и т. п.). Следует заметить, что испанские проклитики *mi*, *tu*, *su* образовались в результате апокопы полных форм, восходящих к классическому образцу.

4. Н. лат. форма *voster*, встречающаяся уже у Плавта, повсеместно вытеснила кл. лат. *vester*.

5. Кл. лат. *N. noster*, *vester* повсеместно преобразовались в *postru(s)*, *vostru(s)*, по образцу косвенных падежей.

6. Притяжательно-возвратное местоимение 3-го л. *suus*, *sua* 'свой, своя' во всех романских ареалах, кроме балканского, распространилось в сфере употребления родительного падежа указательного местоимения кл. лат. *eius*, нар. лат. *illuius*, *illeius*, так что формальное различие притяжательного детерминатива по признаку «рефлексивность/нерефлексивность» оказалось нейтрализованным. Напр., *фр. Pierre voit son frère* может значить «Петр видит своего брата, его брата, ее брата». В румынском языке, благодаря сохранению родительного

дательного падежа у всех местоимений сохраняется также противопоставление (el) vede pe fratele său — 'он видит своего брата', pe fratele lui — 'его брата', pe fratele ei — 'ее брата'.

7. Н. лат. форма *illoru(m)* — т. е. род. падеж мн. числа м. рода местоимения *ille*, распространилось во всех ареалах, кроме иберо-романского как единая форма притяжательного местоимения мн. числа 3-го лица «обладателя». В испанском и португальском сохраняется свойственная классической латыни нейтральность местоимения *suus*, *sua* относительно числа «обладателя». Например, *исп.* *su libro* — 'его, ее, их книга', в отличие от *ит.* *il suo libro* 'его, ее книга', *il loro libro* 'их книга'.

8. В старых романских языках притяжательные детерминативы в именных группах могли вводиться артиклем. В современных языках норма закрепила употребление артикля в этих условиях только в итальянском, румынском и португальском (исключая имена близкого родства), что позволяет противопоставлять именные группы с притяжательным детерминативом по признаку определенность/неопределенность, например, *ит.* *il mio amico* — *un mio amico*. (Во французском *un mien ami* — архаизм).

9. Во всех романских языках, кроме французского, притяжательный детерминатив в именной группе может как предшествовать имени, так и следовать за ним. При этом во всех языках, кроме румынского, нейтральной является препозиция, эмфатической — постпозиция. В румынском, напротив, обычна постпозиция; ср.: *фр.* *mon camarade* — *un de mes camarades*; *исп.* *mi compañero* — *un compañero mio*; *порт.* *o meu camarada* — *um camarada meu*; *ит.* *il mio compagno* — *un compagno mio*; *рум.* *tovarăşul meu*, *un tovarăş al meu* (где *al* — притяжательный артикль, см. выше).

Употребление притяжательных местоимений в ряду других средств выражения отношений принадлежности

В сфере отношений принадлежности в зависимости от семантики имен «обладателя» и «обладаемого» различаются следующие функциональные области: а) неотторжимая принадлежность (часть и целое), б) устойчивая соотносительность предметных понятий (напр., отношения родства); в) устойчивая пространственная смежность предметных понятий (человек и его одежда, человек и его имущество, предмет и его обычное место); г) отнесенность имени действия или качества к лицу субъекта (мой приход, его бледность и т. п.); д) отнесенность к обладателю, совпадающему с подлежащим (рефлексивность) или не совпадающему с подлежащим.

Формами выражения этих отношений могут быть: притяжательные местоимения, личные или указательные местоимения в родительном падеже (или в эквивалентной ему конструкции с предлогом *de*), личные — в том числе и возвратные местоимения в дательном падеже, т. е. *dativus possessivus* (или в эквивалентной ему конструкции с предлогом *ad*), артикль и, наконец, нулевой показатель принадлежности. Функциональные области по-разному распределены между формальными

показателями в разных романских языках. Для старых языков типична конкуренция синонимов; так, например, в «Песни о Роланде» чередуются 1) реликтовый морфологический генитив: *la geste Francur* (1443) — ‘подвиги франков’, 2) предлог *ad*: *frère à l'rei* (880) — ‘брат короля’, 3) соположение, т. е. нулевой знак: *Li nies Marsilie* (860) — ‘племянник Марсилия’, 4) предлог *de*: «*De cels de France les corns avuns oït*» (2132) — «Мы слышали звук рогов тех, что из Франции».

В современном французском языке притяжательные местоимения распространены в таких условиях, где другие романские языки предпочитают артикль, а латынь (и русский язык) — нулевой показатель; например, *лат.* «*in philosophiae studio aetatem consumpsi*» (Cic., Of. 1, 2) — «я провел жизнь в изучении философии», *фр.* *j'ai passé ma vie dans l'étude de la philosophie*, *ит.* *ho passato la vita nello studio della filosofia*. Иногда французский притяжательный детерминатив соответствует в других языках сразу двум показателям: определенному артиклю и дательному притяжательному личного (возвратного) местоимения, ср.: *фр.* *il enlève son chapeau*, *ит.* *(egli) si leva il cappello*, *исп.* *(el) se quita el sombrero*, *рум.* *(el) își ia pălăria* — ‘он снимает шляпу’.

Наиболее широкое распространение «дательный притяжательный» получает в румынском, ср.: *рум.* *(eu) îti cunosc părinții* — *фр.* *je connais tes parents*, *ит.* *(io) conosco i tuoi genitori* — ‘я знаю твоих родителей’.

10. Притяжательный детерминатив находится с указательным детерминативом и артиклем или в отношении дополнительности (когда выбор одной из трех форм обусловлен различием контекстов), или в отношении значимого противопоставления в одном и том же контексте, напр.: *фр.* *j'ai manqué le train, ce train, mon train*, *ит.* *ho perso il treno, questo treno, il mio treno* — ‘я опоздал на поезд, на этот поезд, на мой поезд’. В первом случае речь идет о единственном поезде, во втором подразумевается существование и других поездов, в третьем подчеркивается привычность, устойчивость связи между субъектом «я» и объектом «поезд».

§ 91. Указательные наречия места и времени. Дейктические наречия места и времени объединяют в своем означаемом прямое указание 1) на отношение к речевому акту («это», «то»), 2) на семантическую функцию «локализатора» во времени или в пространстве («место», «время»), 3) на синтаксическую функцию «обстоятельства» (здесь = в этом месте, там = в том месте и т. п.). См. таблицу на стр. 232.

Примечания к таблице:

1. Во всех языках, кроме иберо-романских, полностью нейтрализовалось свойственное латыни противопоставление наречий по признаку «место нахождения» — «место назначения», *hic/huc* — ‘здесь’/‘сюда’, *illic/illuc* — ‘там’/‘туда’. В испанском (и португальском) наречия *aquí/acá*, *allí/allá* и особенно вопросительно-относительные *donde/adonde* (см. ниже) пока еще не являются полностью синонимичными (в отличие от полных синонимов *ит.* *quí* = *qua*, *lì* = *là*). Таким образом, испанский и португальский оказываются также и на этом участке

Важнейшие латинские указательные наречия и их романские переводные эквиваленты

лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	рум.
«здесь» hic, hac	qui < eccu hic qua < ec-cu hac	ici < ecce hic	aquí < eccu hic	aqui	aici < ecce + hic
«сюда» huc	«	«	acá < eccu hac	cá	«
«отсюда» hinc	di qui, di qua	d'ici	de aquí	daqui	de aici
«там» ibi, illic, illuc	ivi, vi, là	là	allí < ad illic	ali	acólo < ec-cu + illoc
«туда» illuc, illac	«	«	allá < ad illac	allá (apx.) lâ	«
«оттуда» inde	ne di là	en de là	de allá	dali	de acólo
«сейчас» nunc	ora < hora	mainte-nant	ahora < ad horam	agora < hac hora	acum < ec-cu + modo
«тогда» tunc	allora < ad illa hora	alors	entonces < in + tunc + ce	então < in + tunc	atunci < ad + tunc + ci
«сегодня» hodie < hoc die	oggi	aujour-d'hui	hoy	hoje	ástăzi < ista die
«завтра» cras	domani < de + mane	demain	mañana < *maneana	cras (apx.), amanhã	mine < mane
«вчера» heri	ieri	hier	ayer	eiri (apx.) ontem < ad + noctem	ieri

системы актуализаторов более архаичными, т. е. более близкими к латыни, чем другие романские языки.

2. В итальянском, французском, провансальском и каталанском языках сохраняется прямой рефлекс латинского *inde* в виде неавтономного партитивного местоимения и наречия *ne, en* — 'из этого', 'об этом', 'отсюда' (см. Личные местоимения). Однако для обозначения чисто локального «места отправления» все романские языки без исключения прибегают к аналитической конструкции с предлогом **de** (или *de + ab* *ит. da*).

3. Только латинское слово *heri* 'вчера' сохранило неизменным отношение между означаемым и означающим во всех романских языках (исключая совр. португальский, где старое *eiri* уступило место наречию *ontem* < *ad noctem*).

§ 92. Неопределенный артикль, неопределенные местоимения и наречия. Вопросительно-относительные местоимения и наречия. Неопределенный артикль восходит к латинскому числительному *unus*, *una* 'один', 'одна', которое уже в архаической и классической латыни употреблялось как неопределенное местоимение при «введении предмета в рассмотрение» (презентация), например, *ibidem una aderit mulier*

lepida (Pl., Ps. 948) — ‘также будет (там) одна красивая женщина’; или при обозначении нереферентного представителя класса предметов: «sicut unus pater familias his de rebus loquor» (Cic. de Or. I, 132) — «как отец семейства я говорю об этих вещах». Закрепление местоимения **unus** как обязательного сопроводителя имени в этих условиях превращает его в неопределенный артикль.

Старые языки закрепили **unus** первоначально в функции презентации и выделения из класса подобных предметов. Тогда как в условиях принадлежности к классу или квалификации (подчеркивания качественной стороны понятия) имя употребляется без артикля, например, *ст. фр.* «**Uns** clercs si pert se frankise par espouser en sainte eglise **feme** ki ot autre baron» (XIII в., цит. по Фуле, 56) — «Служитель культа теряет свои права, обвенчавшись в святой церкви с женщиной, бывшей замужем». В современном французском языке неопределенный артикль распространяется на большинство нереферентных употреблений имени, хотя в синтаксической позиции именной части сказуемого сохраняется противопоставление нулевого знака неопределенному артиклю, отмечающее различие между «квалификацией» и «классификацией», *ср. фр.* il est ouvrier/il est un ouvrier.

Важнейшие неопределенные и относительно-вопросительные местоимения и наречия в латинском и в романских языках

	лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	рум.
«один»	unus	uno, un	un	uno, un	um	un
«некий»	quidam	un certo	un certain	cierto	certo	oarecare
«весь»	totus	tutto	tout	todo	todo	tot
«целый»	integer, omnis	intero	entier	entero	inteiro	intreg
«каждый»	quisque, *cata	ogni	chaque	cada	cada	fiecare
«	*cata unus	ognuno	chacun	cada uno	cada qual	«
«другой»	alter	altro	autre	otro	outro	alt
«какой»	qualis	quale	quel	cual	qual	care
«такой»	talis	tale	tel	tal	tal	cutare
«кто»	quis, qui	chi	qui	quien	quem	cine
«что»	quid	che(cosa)	quoi	que	que	ce
«никто»	nemo	nessuno	personne	nadie	ninguém	nimeni
«ничто»	nihil	nulla, niente	rien	nada	nada	nimic
«никакой»	nullus	nessuno	aucun	ningun	nenhum	nici un
«кто-то»	quidam	qualcuno	quelqu'un	alguien	alguém	cinevá
«какой-то»	aliquis unus	qualche	quelque	alguno	algun	vreun
«кто-нибудь»	quisquam	qualcuno	quelqu'un	alguien	alguém	cinevá
«какой-нибудь»	ullus	qualche	quelque	alguno	algun	vreun
«кто угодно»	quilibet	qualunque	quiconque	quienquiera	quem quer	oricine
«кто бы ни»	quicumque	chiunque	quiconque	quienquiera	quem quer	oricine

лат.	ит.	фр.	исп.	порт.	рум.	
«какой бы ни»	qualis-cumque	qualsiasi	quelcon-que	cualquier	qualquer	oricare, orice
«где»	ubi	dove	où	donde	onde	unde
«куда»	quo	dove	où	adonde	aonde	unde
«откуда»	unde	di dove	d'où	de donde	donde	de unde
«езде»	ubique	dovunque, dappertutto	partout	en todas partes	por toda a parte	pretutindeni
«где-либо»	ubicum-que	da qualche parte	quelque part	en alguna parte	em alguma parte	undevă
«нигде»	nusquam	in nessuna parte	nulle part	en ninguna parte	em nenhuma parte	nicăieri
«когда»	quando	quando	quand	cuanđo	quando	cind
«всегда»	semper	sempre	toujours	siempre	sempre	totdeauna
«когда-нибудь»	unquam	un giorno	un jour	un día	um dia	cindvă
«никогда»	nunquam	mai	jamais	nunca	nunca	niciodată
«сколько»	quantum	quanto	combien	cuanto	quanto	cît
«столько»	tantum	tanto	tant	tanto	tanto	atît
«много»	multum	molto	(сг. mult), beaucoup	mucho	muito	mult
«мало»	paucum	poco	peu	poco	pouco	puțin

Многие единицы заменили латинское синтетическое означающее (т. е. слово) романским аналитическим (т. е. словосочетанием); в современных романских языках эти словосочетания большей частью снова слились в одно слово, например, фр. *toujours*, ит. *qualsiasi*, исп. *qualquier*.

Примечания к таблице:

1. Латинская система неопределенных местоимений и наречий содержит большее количество противопоставленных друг другу по смыслу единиц, чем соотвествующие романские системы. Так, ни один романский язык не сохранил специальных местоимений для обозначения понятий *uter* 'и тот и другой' и *neuter* 'ни тот ни другой'. Все романские языки нейтрализовали противопоставление референтно-неопределенного *quidam* 'кто-то' и нереферентно-неопределенного *quisquam* 'кто-нибудь'. Все языки, кроме испанского и португальского, утратили противопоставление *ubi* 'где' — *quo* 'куда'. Начало нейтрализации отмечено уже в поздней латыни: *ubi ducis asinum istum* (Apuleius, Met. 9, 39) — 'куда ведешь этого осла'.

2. Смещение формы относительно функции произошло в таких случаях, как лат. *omnis* 'целый' > ит. *ogni* 'каждый', или лат. *unde* 'откуда' > рум. *unde*, порт. *onde* 'где'. В ст. испанском *onde* и *donde*

имели значение 'откуда', потом *onde* вышло из употребления, тогда как *donde*, вытеснив ст. исп. форму *o < ubi* 'где', приняло ее значение. Вытеснение ст. исп. *o* 'где' объясняется тенденцией к устранению омонимов, способных встречаться в одинаковых контекстах, так как лат. *aut* 'или' в испанском также звучало как *o*. Однако омонимия *aut > ou* [u] 'или' и *ubi > où* [u] 'где' сохраняется во французском языке.

3. Повсеместная замена означающего у всех отрицательных местоимений объясняется экспрессивным подчеркиванием негации в разговорном языке. Так, *ит.* *nessuno* восходит к н. лат. сочетанию *nes + ipse + unus*; *ит.* *niente* восходит к н. лат. *nes + entem* (лат. *ens, entis* — 'существо'). Ст. фр. *rien* 'вещь' (из лат. *res, rem*) вначале было одним из многочисленных слов — усилителей отрицания, как *pas < passus* 'шаг', *mie < mica* 'крошка' и др. Совр. фр. *rien* 'ничто' полностью утратило свое первоначальное значение. Аналогичный путь проделало французское слово *personne*: 1) 'лицо', 2) 'никто'; однако, в отличие от *rien*, возникновение второго значения здесь не привело к утрате первого. В испанском и португальском *nada* 'ничто' < *nata* 'рожденная', возникло из сочетания *res nata* букв. 'рожденная вещь', которое, в свою очередь, возникло по аналогии с сочетанием *homines nati*, *persona nata* 'живая душа' (*natus* встречается в роли усилителя отрицательного местоимения 'никто' — нето уже у Плавта: *alienum reddunt nato nemini*, Ps. 297 — «ни одной живой душе не отдают долгов»). Исп. *nadie* 'никто', ст. исп. *nadi*:—*que nadi nol diessen posada*, Cid. 25— 'чтобы никто не давал ему пристанища' — восходит к лат. (*homines*) *nati* 'рожденные (люди)'.

Только в румынском и молдавском языке сохраняется прямой потомок латинского местоимения 'никто' *N. nemo, G. neminis, D. nemini > рум.* *nimeni*. Румынское *nimic* 'ничто' восходит к лат. *nes + mica* 'ни крошки'.

В большинстве романских языков понятия «везде», «где-нибудь», «нигде» передаются словосочетаниями.

§ 93. Предлоги. Предлоги, как и падежи, указывают на семантико-синтаксические функции именной группы. В латинском языке с помощью предлогов конкретизируются значения двух падежей — аккузатива и аблятива. Только при двух предлогах — *in* 'в' и *sub* 'под', допускавших оба падежа, выбор аккузатива или аблятива отмечал значимое противопоставление «места назначения» (*in urbem* 'в город') и «места пребывания» (*in urbe* 'в городе'). Остальные предлоги были закреплены за одним из падежей, так что предложные аккузатив и аблятив в классической латыни, не противопоставленные друг другу по смыслу, выступали как позиционные варианты одной морфемы. В народной латыни позиционное варьирование сменилось свободной взаимозаменой обоих падежей после любого предлога и их слиянием в одной форме косвенного падежа после отпадения конечного *-m*.

Романские предлоги со стороны этимологии их означающего являются либо прямым продолжением латинских означающих, более или менее измененных фонетически, например, лат. *inter > ит.* *tra*,

Основные латинские и романские предлоги

Значение	лат.	ит.	фр.	исп.	рум.
	Предлоги пространственных отношений				
«в», «на» «внутри» «между» «под»	in intra inter infra	in, a(d) dentro tra, fra al di sotto di	en, dans, à, dans entre au-dessous de	en dentro de entre debajo de	în, la înăuntrul între sub
«под» «над», «на» «вдали от» «около»	sub, subter supra, super procul prope	sotto sopra, su lontano da accanto a	sous sur loin de près de	so, bajo sobre, en lejos de junto a	sub deasupra, pe departe de lângă, aproa- pe de
«вокруг» «перед» «сзади», «за» «к», «до» «вплоть до» «по напр. к» «через»	circa ante post, retro ad adusque versus per	attorno a davanti a dietro a(d), in fino a(d) verso per, attra- verso	autour de devant derrière à jusqu'à vers par, à tra- vers	alrededor de delante de detras de a hasta hacia por, a tra- vers de	împrejur înaintea după la pînă la spre, către peste, prin
«с (чего)» «из» «от» «у», «при»	de ex a, ab apud	da da da a, appo, da	de de de de chez	de, desde de, desde de, desde en casa de	de pe dintre, din de la la
Предлоги временных отношений					
«до» «после» «в течение»	ante post per, in	prima di dopo per, in	avant après pendant	antes de despues de por	înaintea după în timpul
Предлоги объектных и логических отношений					
«за, из-за» «за», «вместо» «для», «ради» «против» «кроме», «исключая» «несмотря на» «без» «с(кем)» «о(ком)» (кем) (чем) (кому) (чей) (какой) (какой)	ob, propter, prae pro per contra foris de, praeter esceptus Abl. abs. sine cum de a, ab Abl., cum Dat., ad Gen. Gen., de Abl.	per per per contro fuori di eccetto malgrado senza con di, su da con, a(d) a(d) di di da	par pour pour contre hors de, sauf, excepté malgré sans avec de par avec, à à de de à	por por para contra fuera de excepto a pesar de sin con de, sobre por con a de de de	pentru pentru pentru împotriva afară de, cu excepție împotriva fără cu despre de cu Gen.-Dat., la Gen.-Dat., de de de

лат. *super* > рум. *spre*, либо восходят к народно-латинским и ранне-романским новообразованиям. Источником новых романских предлогов могли быть:

1) чаще всего сочетания двух или нескольких латинских предлогов, например, *de + ab + ante* > *ит. davanti, фр. devant* 'перед'; *de + in + antea* > *ит. dinnanzi, рум. dinaîntea* 'перед'; *de + intro* > *ит. dentro, исп. dentro* 'внутри'; *in + ad + intro* > *рум. înăuntrul* 'внутри'; *de + retro* > *ит. dietro, фр. derrière* 'сзади'; *de post* > *ит. dopo, рум. după* 'после'; *de + ab* > *ит. dab* > *ит. da* 'от', 'из'; *de + ex + de* > *исп. desde* 'от', 'из'; *per + in* > *рум. prin* 'по', 'через'; *de + in* > *рум. din* 'от', 'из';

2) латинские наречия и сочетания предлога с наречием или местоимением: *illac* 'там' > *рум. la* 'в', 'на', 'к'; *foris* 'снаружи' > *ит. fuori di, фр. hors de* 'вне'; *foras* 'наружу' > *исп. fuera de* 'вне', *рум. fără* 'без'; *apud + hoc* > *фр. avec*.

3) латинские существительные или существительные с предлогом: *casa* 'дом' > *фр. chez* 'у', 'к'; *facie ad* > *ит. исп. faze a* > *исп. hacia* 'к';

4) латинские прилагательные: *bassus* 'низкий' > *исп. bajo* 1) 'низкий', 2) 'под'; *longus* > *ит. lungo* 1) 'длинный', 2) 'вдоль';

5) причастия: *durante(m)* 'длящийся' > *ит., исп. durante* 'в течение'; *exceptus* 'извлеченный' > *ит. eccetto* 'кроме' (*фр. excepté* и *исп. excepto* — латинизмы).

Обновление состава предлогов продолжается и в современных романских языках по тем же образцам, например, *ит. per via* (букв. «через путь») 'из-за', или *ит. grazie a, фр. grace à, исп. gracias a* 'благодаря' и т. п.

Сравнение латинских и романских предлогов показывает, что наиболее устойчивым оказалось означаемое у высокочастотных предлогов — *ad, in, de, sub, super, supra, inter, cum, per, sine, contra*, имеющих свое прямое продолжение во всех или почти во всех романских языках; 2) частотные аналитические нар. лат. означаемые упростились (*de + ab* > *ит. da* 'из', 'от', *de + ex + de* > *исп. desde* 'из', 'от'); 3) более редкие, специализированные по значению предлоги заменились аналитическими новообразованиями, которые представляют в развернутом виде семантику отношения, например, *лат. cogam* = *ит. in presenza di, фр. en présence de* 'в присутствии' или *лат. calm* = *ит. all'insaputa di, фр. à l'insu de* 'тайком от'.

Большинство предлогов, как в латинском, так и в романских языках, обозначают пространственные и временные отношения, т. е. сопровождают именную группу в синтаксической позиции обстоятельства места или времени.

Семантические преобразования в системе предлогов

1. В области выражения пространственных отношений отмечаются два важных сдвига:

а) Исчезновение формального различия между аккузативом и аблативом в народной латыни привело к нейтрализации противопостав-

ления между «местом пребывания» и «местом назначения» в системах большинства романских языков. Так, предлоги *in*, *a(d)*, *su* в итальянском и соответствующие им предлоги во французском и румынском употребляются и с глаголами движения и с глаголами пребывания; выбор одного из этих трех предлогов не зависит от типа глагола и определяется семантикой существительного. В испанском и португальском языках противопоставление между «местом пребывания» и «местом назначения» сохраняется благодаря употреблению разных предлогов (*en* — с глаголами пребывания и *a* — с глаголами движения):

<i>ит.</i>	<i>фр.</i>	<i>исп.</i>
'он на крыше' è sul tetto 'он в кафе' è al caffè 'он в кухне' è nella cucina 'он поднимается на крышу' sale sul tetto 'он идет в кафе' va al caffè 'он идет на кухню' va nella cucina	il est sur le toit il est au café il est dans la cuisine il monte sur le toit il va au café il va dans la cuisine	está en el tejado está en el café está en la cocina sube al tejado va al café va a la cocina

б) При обозначении «места отправления» во всех романских языках, кроме румынского, снимается противопоставление *de*, *ex*, *ab* 'с', 'из', 'от'. Нейтральный и многозначный предлог *de* вытесняет в нар. латыни своих более конкретных конкурентов — *ab* и *ex*. В итальянском предлог *dí* < *de* был замещен в этой функции новообразованием *de + ab* > *ut. da*; в испанском, наряду с *de*, употребляется и его подчеркнутый вариант *desde* < *de + ex + de*. В румынском старое латинское противопоставление было воссоздано на базе новых означающих: *de pe* 'с', *dintre*, *din* 'из', *de la* 'от'.

2. В области предлогов, обозначающих логические отношения, возникает полная или частичная омонимия форм, обозначающих причину и цель. Источником омонимии явилась свободная взаимозамена в нар. латыни трех многозначных латинских предлогов — *pro*, *proae*, *per* — каждый из которых еще в кл. латыни мог употребляться в значении «ради». Отсюда — скрещение *pro* и *per* > *исп. por*, *фр. pour* (хотя в некоторых контекстах «цель» передается в испанском новообразованием: *por + ad* > *ит. исп. pora*, *исп. para*, а во французском отношение «причины» обозначается чаще предлогом *par* < *лат. per*). В итальянском языке предлог *per*, как и румынский *pentru* < *per + intro*, обозначает оба отношения. Специального «уступительного» предлога в латинском языке не было в связи с широким употреблением оборота *Ablativus absolutus* в этой функции (напр., *neglectis admonitionibus eius* 'несмотря на его упреки'). Все романские языки, утратившие абсолютный аблатив, создали свой уступительный предлог из романского материала: *ит. malgrado*, *фр. malgré*, *исп. a pesar de*, *рум. împotriva*.

3. Большая часть объектных отношений выражалась в латыни беспредложными падежными формами: объект — аккузативом: *video*

riegum 'вижу мальчика'; адресат — дативом: scribere alicui 'писать кому-либо' (хотя уже у Плавта здесь встречается и предлог ad + Acc.); инструмент или средство — аблятивом: gladiis pugnatum est (Caes. B. G. 1, 52, 4) — 'сражались мечами' (наряду с предложными конструкциями, напр., consuluisti me per litteris (Cic. Ph. 2, 102) — 'ты мне давал советы письменно').

Дополнение агента действия при пассиве вводилось предлогом a(b), который в нар. латыни мог совпадать по звучанию с предлогом a(d), создавая опасную омонимию. Предлог a(b) исчез, заменившись в разных своих употреблениях различными предлогами. При дополнении агента вместо ab стал использоваться «инструментальный» предлог per > фр. par, ст. *ut.* per, исп. por, или сложный предлог de + ab > ст. *ut.* dab > *ut.* da или просто предлог de > *рум.* de.

В позиции определения латинский генитив обозначал «обладателя»: domus patris 'дом отца', а также «абстрактный объект обладания (качество)»: vir magni ingenii — 'человек большого ума'; в сходной кваликативной функции встречается и беспредложный аблятив, ср. пример из Теренция, приведенный у А. Эрну (с. 89): illam virginem... adunco naso — 'эту девицу с крючковатым носом'. Современные романские языки распространили предлог de в сферах употребления генитива, тогда как на месте аблатива качества в итальянском и французском закрепились другие предлоги — *ит.* da и фр. à, вводящие определение лица по какому-либо характерному физическому признаку, ср.:

лат. vir magni ingenii — illa virgo adunco naso

ит. un uomo di grande ingegno — la ragazza dal naso curvo

фр. un homme de grand talent — la fille au nez crochu.

Глава II. ГЛАГОЛ

Глагол в индоевропейских языках, как и прилагательное, обозначает свойства предметов — абсолютные или проявляющиеся в отношениях между предметами. Однако в отличие от прилагательного, глагольные лексемы прежде всего обозначают события, т. е. признаки, развивающиеся во времени.

Глагол существует в языке в виде личных и неличных (именных) форм. Хотя в словарях глагол представлен инфинитивом, исходной формой является личная, так как только она обладает специфическими предикативными категориями лица, наклонения и времени, однозначно привязывающими глагольную лексему к функции сказуемого.

Сказуемое, как известно, единственный обязательный член всякого предложения. Поскольку личная форма глагола предназначена только на роль сказуемого, в глагольных предложениях она является грамматическим минимумом предложения. Ведущие же грамматические категории личной формы — лицо, наклонение, время — являются морфологически выраженными синтаксическими категориями предложения.

§ 94. Семантические подклассы глагола, их формальные проявления. Глаголы (и шире — предикаты) разбиваются на следующие наиболее

общие семантические подклассы: бессубъектные и субъектные (*pluit/dormit* — ‘дождит’/‘спит’); внутри субъектных различаются абсолютные и относительные (*dormit/venit ad urbem, amat filium* — ‘спит’/‘подходит к городу’, ‘любит сына’); внутри относительных различаются локальные и объектные (*venit ad urbem/amat filium*); внутри объектных предикатов с одушевленным субъектом различаются неактивные и активные (*habet librum/legit librum* — ‘имеет книгу’/‘читает книгу’).

В связи с асимметрией языкового знака (см. § 115), семантическая классификация глаголов не совпадает с формально-синтаксическим их разделением на непереходные и переходные и с их морфологической классификацией в латинском языке на «активные» (*movere*), «пассивные» (*moverti*) и местоименные (*moverti se*). В дальнейшем, термины «активный» и «пассивный», относящиеся только к форме, а не к содержанию глагола, будут даваться в кавычках.

Рассмотрим подробнее каждый из этих семантических подклассов.

1. *Бессубъектные явления* природы в латинском языке выражены простыми бесподлежащими глаголами 3-го л. ед. ч. в «активной» и, реже, в «пассивной» форме. В романских языках сохранились без изменения лишь наиболее употребительные: *лат. pluit, ит. piove, исп. llueve, порт. chove, рум. plouă, фр. il pleut* (во французском грамматический субъект выражен безличным местоименным показателем). Большая часть латинских безличных глаголов исчезла, заменившись аналитическими конструкциями, например, *лат. caletur, фр. il fait chaud, ит. fa caldo, исп. hace calor, порт. faz calor, рум. este cald*.

2. *Абсолютные процессы*, замкнутые в сфере субъекта, передаются абсолютно-непереходными глаголами, не требующими обязательных дополнений и обстоятельств. Локально и объектно направленные действия передаются косвенно-переходными (*venire ad* + Acc) и прямо-переходными (*amare* + Acc.) глаголами. Хотя непереходные глаголы могли иметь в латинском языке все три формы — «активную» на **-re** (*dormire, ridere* — ‘спать’, ‘смеяться’), «пассивную» на **-ri (-i)** (*laetari, mori* — ‘радоваться’, ‘умирать’) и местоименную (*continere se* — ‘сдерживаться’), две последние были типичны для абсолютно-непереходных, а первая для переходных глаголов. «Пассивная» форма у семантически относительных и синтаксически переходных глаголов, например, *hortari, partiri* — ‘ободрять’, ‘делить’, воспринималась как отклонение от общего правила, откуда и название таких глаголов «отложительные». Закрепленная за большинством абсолютно-непереходных глаголов, называемых традиционно медиальными (*nasci, mori, laetari*), форма на **-ri (-i)**, осмысленная в латинском языке как показатель непереходности, служит средством образования (деривации) медиальных глаголов от «активных» переходных: *movere* — *moverti* ‘двигать’ — ‘двигаться’, *lavare* — *lavari* ‘мыть’ — ‘мыться’, *excruciare* — *excruciari* ‘мучить’ — ‘мучиться’, *mutare* — *mutari* ‘менять’ — ‘меняться’. Непереходные «пассивные» дериваты от переходных глаголов называются часто медиопассивами.

Когда при «пассивном» преобразовании «активных» переходных глаголов объект действия, принявший форму подлежащего, не переосмысливается в субъект абсолютного (медиального) действия, а сохраняет

свою смысловую функцию «объекта», форма на **-rī (-i)** из словообразовательного аффикса превращается в показатель страдательного залога, т. е. в форму словоизменения переходных глаголов (см. ниже § 97).

Несмотря на свою широкую употребительность, латинская форма на **-rī** исчезла, не оставив следов в романских языках, что указывает на ее непопулярность в поздней разговорной латыни. Основной причиной ее исчезновения было аналогическое воздействие «активной» формы на **-ge**, которая была нейтральна по отношению к семантике глагола и проникала во все семантические подклассы. Кроме того, у формы на **-rī (-i)** был уже в классической латыни сильный конкурент в виде местоименной формы глагола, которая появилась прежде всего там, где существенно было подчеркнуть обращение действия на сам субъект (рефлексивность): *lavare* — ‘мыть’ — *lavari*; *lavare se* ‘мыть-ся’; *vertere* — ‘поворачивать’ — *verti*; *vertere se* ‘поворачиваться’.

Эта словообразовательная функция местоименной частицы *se* сохранилась во всех романских языках без исключения, ср.: *лат.* *se continere*, *фр.* *se contenir*, *ит.* *contenersi*, *исп.* *contenerse*, *рум.* *a se conține*.

В дальнейшем местоименная форма глагола унаследовала все основные функции формы на **-rī**. Местоименная частица *se* также была осмыслена как морфологический показатель непереходности; ее добавление к непереходным глаголам было широко распространено в старых романских языках, где «местоименная» и «активная» формы многих непереходных глаголов чередовались как свободные варианты, например, *ит.* *фр.* *dormir* = *se dormir*. В современных языках подобные пары или упрощаются, или лексически дифференцируются, например, *исп.* *reír* ‘смеяться’ = *reírse* ‘насмехаться’. Другим, известным уже латинскому языку способом образования непереходного глагола от переходного был нулевой морфологический показатель перемещения бывшего объекта-дополнения на роль субъекта-подлежащего, например, *mutare aliquid* ‘менять’ — *mutari* (наряду с *mutare*) ‘меняться’. (Ср. *tempora mutantur* ‘времена меняются’, но и *mores mutaverunt* ‘нравы изменились’.). Глаголы, совпадающие по форме, но противопоставленные по семантико-синтаксическому признаку переходности/непереходности называются иногда симметричными. Число их, ограниченное в латинском, возрастает в романских языках за счет того, что синтаксическое «обращение» становится возможным в обоих направлениях: от переходной лексики к непереходной (ср. *changer* ‘менять’ и *changer* ‘меняться’) и от непереходной лексики к переходной (*фр.* *sortir* ‘выходить’ и *sortir* ‘выводить’; см. ниже о каузативах).

3. *Локальность* устанавливаемого отношения (*venit ad urbem* ‘он приходит к городу’), в отличие от *объектности* (*aedificavit urbem* ‘он построил город’), никак не затрагивает свойств «места пребывания» или «места отправления» и характеризует только субъект. Поэтому оно сближается с абсолютным действием, отношение которого к «месту» выражено предлогом. Отсюда непереходность (косвенная переходность) большинства глаголов локализации. Исключение составляют, во-первых, глаголы, значение которых выражает чистое локальное отношение, не осложненное характеристикой способа совершения дей-

ствия, например, *sequor aliquem* 'следую кому-либо, за кем-либо', который семантически равен предлогу *post* 'после', 'за', и, во-вторых, некоторые глаголы, включившие предлог локального отношения в состав лексемы как префикс, например, *ire sub montem* → *subire montem* 'подняться на гору', *currere per urbem* → *percurrere urbem* 'бегать по городу'.

Префиксальные производные от непереходных глаголов движения могут сохранять свою непереходность, управляя предлогом, повторяющим форму и (или только) значение префикса, например, *Profecto nullo pacto possum vivere, si illa a me abalienatur atque abducitur* (Pl., Ps. 95) — «Конечно, я не в состоянии жить, если ее у меня отнимают и уводят». В романских языках наиболее употребительные префиксальные глаголы движения упростились, утратив морфологическую членимость или в связи со сдвигом в значении, например, *лат. subire* 'подниматься' > *фр. subir*, *ит. subire* 'претерпевать', или благодаря исчезновению из языка соответствующего простого глагола, например, *лат. exire* > *ит. uscire*, *ст. фр. eissir* 'выходить' (глагол *ire* не сохранился ни во французском, ни в итальянском).

Все типы локальных глаголов — непереходные и переходные префиксальные были унаследованы романскими языками. Следует отметить, что переходные типы получили наиболее широкое распространение во французском в связи с общей тенденцией этого языка к прямопереходной структуре предиката. Все же, прямопереходное управление глагола даже во французском языке характерно прежде всего для объектного отношения, тогда как наиболее употребительные глаголы локализации непереходны (точнее, косвеннопереходны): *фр. aller à...* 'идти в...', *venir à...* 'приходить в'.

4. *Неактивность* предполагает нецеленаправленность состояния или действия одушевленного субъекта (*regi, timere* — 'думать', 'бояться'), в отличие от активности действия одушевленного субъекта. Если семантическое различие по признакам локальности — объектности формально проявляется в предложном или беспредложном управлении, то признаки неактивности — активности влияют на оформление субъекта: у неактивных глаголов он может быть выражен как номинативом, так и аккузативом или дативом (или в романских языках соответствующими предложными конструкциями), у активных же глаголов он может быть выражен только номинативом (или, при страдательной конструкции, дополнением агента), ср.: *лат. dolet mihi, doleo* — 'мне жаль', 'я сожалею', *me pudet, pudeo* — 'мне стыдно', 'я стыжусь', но только: *scribo, lego, dico* — 'я пишу', 'я читаю', 'я говорю'.

К неактивным глаголам относятся модальные глаголы необходимости, чувства, эмоций, состояний лица, а также глаголы отношений принадлежности (утраты, недостаточности). По своей морфологической структуре они могут быть а) чаще всего медиальными (или местоименными) — *excruciari, excruciare se* 'мучиться', б) «активными» чаще всего II спряжения: *timere, ridere, dolere* 'бояться', 'смеяться', 'страдать', в) безличными (часто аналитическими) — *oportet* 'следует', *interest* 'важно', *necesse est* 'необходимо'. На протяжении истории латинского языка безличные или одноличные формы, например, *non te haec pudent?*

(Ter. Ad. 754, Ernout, 211) букв. «тебе не стыдны эти вещи?», все чаще заменяются личными глаголами того же корня, например, *ita pūpū pūdeo* (Pl., Cas. 877, Ernout, 211) «я этого теперь стыжусь»; одноличные обороты принадлежности с глаголом *esse*, типа *mihi liber est* вытесняются переходной конструкцией с глаголом *habere* — *habeo librum*.

Замена безличных глаголов их личными (т. е. трехличными) вариантами, образованными от той же лексемы, как в случае *mihi dolet* — *doleo* «мне жаль — я жалею» затрагивала не только способность глагола принимать окончания всех трех лиц, но и способ оформления субъекта действия, который при личных глаголах всегда имеет форму номинатива (подлежащего). Отсюда возникло название «номинативный» применительно к структуре предложения, типичного для индоевропейских языков. Номинативный строй предложения в отличие, например, от эргативного, нейтрален по отношению к семантическим признакам абсолютности — относительности и неактивности — активности предиката. Модель «именительный падеж (подлежащее) + личный глагол (сказуемое)» допускает глаголы любого семантического подкласса и любых морфологических и синтаксических свойств. Ср.: «дождь идет», «он болеет», «он занимается», «он идет домой», «он строит дом» и т. п. Распространение номинативного типа предложения тесно связано с экспансией глагола *habere* за счет *esse* как в самой латыни (замена *mihi liber est* на *habeo librum*), так и в романских языках¹. Ср., например, итальянский перевод двух фраз из комедии Плавта «Pseudolus»: *face me certum quid tibi* (= *tibi est*), Pl. Ps. 18 — «скажи мне, что с тобой», *ит.*: *dimmi che hai* — букв. «скажи мне, что ты имеешь»; или: *do id quod mihi est*. (Pl. Ps. 83) — «я даю то, что у меня есть», *ит.*: *ti do quello che ho* — «я тебе даю то, что имею».

Тем не менее, в латинском и в меньшем количестве в романских языках сохраняется целый ряд глагольных лексем и их аналитических эквивалентов, которые обозначают неактивные произвольные процессы в сфере субъекта — лица и требуют его оформления в косвенных падежах. Ср.: *фр.* *il me faut...* «мне нужно», *il m'arrive de...* «мне случается» ..., *il me reste...* «мне остается» ...; *ит.* *mi viene voglia* «мне хочется», *mi manca...* «мне нехватает», *mi piace* «мне нравится», *mi pare* «мне кажется»; *исп.* *me hace falta* «мне нехватает», *me gusta* «мне нравится» (но *порт.* *eu gosto* в том же значении) и т. п. Наиболее широко эти глаголы и глагольные выражения распространены в румынском языке, где они поддерживаются влиянием славянских языков, ср.: *e voie* «можно», *nu e voie* «нельзя», *îmi pare bine* «я рад», *îmi pare rău* «мне жаль», *mi-e ciudă* «мне досадно», *mi-e milă de tine* «мне жаль тебя», *mi-e frig* «мне холодно», *mi-e frică* «мне страшно» и т. п.

5. В отличие от неактивных, семантически *активные* глаголы обозначают целенаправленные действия, связанные с затратой усилий. Большая часть семантически активных глаголов обозначает воздействие человека на окружающий его мир лиц и предметов. Глаголы активного

¹ См. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 203; Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966, с. 296.

воздействия на объект носят название каузативов, так как они вызывают (каузируют) у объекта новые свойства. Все каузативы прямопереходны: *facere* 'делать', *dare* 'давать', *dicere* 'говорить', *aedificare* 'строить'.

Для образования каузативных глаголов от однокоренных абсолютных глаголов в латинском языке нет устойчивых морфологических или синтаксических средств. Встречаются следующие слабопродуктивные или непродуктивные модели: а) словосложение с *facere* у глаголов II спряжения, обозначающих состояние: *calere* 'быть горячим' — *calefacere* 'разогревать'; б) противопоставление по типу спряжения: *jacere* 'лежать' — *jacere* 'бросать', *fugere* 'бежать' — *fugare* 'обращать в бегство'; в) противопоставление глаголов *eo* 'иду' и *do* 'даю' в составе основы: *perego* 'я гибну' — *perdo* 'я гублю'.

Стандартизовано только образование глаголов-каузативов от предикатов-прилагательных: оно происходит или путем прямого соединения корня прилагательного с морфемами глагола I спряжения, или с помощью суффикса **-ficare**: *liber esse* 'быть свободным' — *liberare* 'освободить'; *amplus esse* 'быть широким' — *ampliare*, *amplificare* 'расширять'. Оба способа сохранились и в романских языках.

Важным нововведением поздней народной латыни, возникшим под влиянием греческого, было распространение сочетания каузативного глагола *facere* с инфинитивом, не свойственного классической латыни. Грамматизованное сочетание *facere* + *inf.* позволяет всем романским языкам (за исключением румынского) производить аналитические каузативы от любого глагола, ср.: *ит.* *entrare* — *far entrare*, *фр.* *entrer* — *faire entrer*, *исп.* *entrar* — *hacer entrar*, 'входить' — 'впускать', 'вводить'.

Румынский язык из-за вытеснения инфинитива придаточным дополнительным выражает отношения каузации более расчлененно: *mă faci să cânt* букв. «ты меня заставляешь, чтобы я пел», — конструкция, полностью соответствующая латинской с глаголами каузации *facere*, *iubere*, *cogere* и др., управляющими дополнительным придаточным с *ut* *objectivum*: *facis ut cantem*.

Наконец, в романских языках (особенно во французском) распространился чисто синтаксический способ производства каузативов от непереходных глаголов путем конверсии: *Jean tombe* — 'Жан падает', *Jean tombe son adversaire* — 'Жан валит своего противника'; *Il sort* — 'Он выходит', *Il sort son chien* — 'Он выводит свою собаку'.

Итак, ни в латыни, ни в романских языках не существует единых образных морфологических или синтаксических показателей, указывающих однозначно на семантический подкласс глагола. Тем не менее, семантические подклассы глагола отличаются друг от друга определенным рядом формальных проявлений, и мы можем проследить их эволюцию от латыни к романским языкам. Основные сдвиги в этой области:

1) утрата «пассивной» формы на **-gi** (**-i**) и замена ее местоименной формой глагола;

2) распространение «активной» формы глагола на **-re**, нейтральной относительно семантических подклассов глагола;

- 3) распространение «номинативного» типа предложения, нейтрального по отношению к семантическим подклассам предиката;
- 4) возникновение аналитических каузативных форм *facere + inf.*

§ 95. Формальные группы глаголов. Их смысловая нагрузка. Позиционное варьирование и аналогическое уравнивание позиционных вариантов в системе глагола. Выше было показано, что принадлежность глагола к тому или иному семантическому подклассу не отражается непосредственно на его морфологической структуре. Точно так же во всех индоевропейских языках существует четко выраженное формальное разделение глаголов на морфологические группы, которому не сопутствует никакое смысловое противопоставление.

Так, все латинские глаголы делятся на четыре спряжения в зависимости от огласовки основы: I спр.— *a* —, II спр.— *e* —, III спр.— ноль или *u*, IV спр.— *i* —. Тип спряжения предопределяет позиционное варьирование морфем: 1) Imperfectum indicativi I и II спр.— суффикс *-ba*, III и IV спр.— суффикс *-eba*; 2) Futurum I и II спр.— суффикс *-b*, III и IV спр.— суффикс *a/e* 3) Praesens conjunctivi I спр.— замена гласного основы *a* на *e*, II, III, IV спр.— суффикс *-a*, добавляемый к основе; 4) Participium praesentis I и II спр.— суффикс *-nt*, III и IV спр.— суффикс *-ent*. Кроме того, нестандартные глаголы формально различаются по типам образования основ перфекта и супина. К нестандартным перфектам относятся: 1) перфекты на *-i* с удвоением (*cano* — *cescī* ‘пою — спел’, *cado* — *cescidī* ‘падаю — упал’ и др.); 2) перфекты на *-i* с растяжением гласного основы (*vēnio* — *vēnī* ‘прихожу — пришел’, *fācio* — *fēcī* ‘делаю — сделал’, *video* — *vīdī* ‘вижу — увидел’ и др.), 3) перфекты на *-i* без изменения основы (*accendo* — *accendī* ‘зажигаю — зажег’ и др.), 4) перфекты на *-si* (*scribo* — *scripsī* ‘пишу — написал’, *dico* — *dixī* ‘говорю — сказал’ и др.), 5) перфекты на *-ui*, *-vi* (*habeo* — *habuī* ‘имею — имел’, *cresco* — *crevī* ‘расту — вырос’ и др.).

Отсутствие смысловой нагрузки у всех этих формальных различий не привело, однако, к их устранению.

В народной латыни и, далее, в романских языках можно отметить лишь сокращение количества латинских типов глагольного формообразования, наряду с возникновением новых романских подтипов. Основные сдвиги в этой области к началу появления первых романских памятников:

1. Исчезновение отложительных и медиопассивных глаголов, принявших «активную» или местоименную форму (*morī* — *morīre*, *nascī* — *nascere*, *lavari* — *se lavare*).

2. Исчезновение III спряжения, распределившегося между II и IV. Только форма инфинитива в итальянском, румынском, провансальском и каталанском языках сохраняет следы различия между II и III спряжениями; ср.:

лат. *vidēre* II спр., *ит.* *vedēre*, *рум.* *a vedeá*,

пров. *vezér*

лат. *crescēre* III спр., *ит.* *créscere*, *рум.* *a crêște*

кат. *créixer*.

Во французском из-за исчезновения заударных гласных это различие стерлось. В испанском и португальском все инфинитивы бывшего III спряжения сместили ударение на последний слог: ср.: *лат.* *crēscere*, *исп.* *crescer*, *порт.* *crescer*, *лат.* *cādere*, *исп.* *caer*.

При этом часто отмечались переходы лексем из одного спряжения в другое, например, *лат.* *carēre* 'брать' > *ит.* *carire* 'понимать', *лат.* *ridēre* > *ит.* *ridere*, *фр.* *rire* 'смеяться'; *лат.* *cādēre* > *ит.* *cadere* 'падать', *порт.* *cair* и т. п.

3. Возникновение группы глаголов с суффиксом **-sc**, который, утратив свойственное ему в латыни значение «начинательности», получил продуктивность у глаголов II и IV спряжений во всех романских языках.

При этом, в испанском и португальском языках суффикс **-sc** прочно входит в состав основы глаголов на **-ecer (-escer)**, во французском он присутствует в презенсе и имперфекте, в итальянском и румынском — только в презенсе, ср.:

<i>исп.</i>	<i>ит.</i>	<i>фр.</i>
florece	fiorire	fleurir
1. florezo	fiorisco	je fleuris
2. floresces	fiorisci	tu fleuris
3. florece	fiorisce	il fleurit
4. florecemos	fioriamo	nous fleurissons
5. floreceis	fiorite	vous fleurissez
6. florecen	fioriscono	ils fleurissent

4. Среди нестандартных («сильных») перфектов группа на **-i** представлена в романских языках лишь двумя-тремя глаголами (*лат.* *vidi* > *ит.* *vidi*, *фр.* *je vis*, *исп.* *vi* 'я увидел'; *лат.* *feci* > *ит.* *feci*, *фр.* *je fis*, *исп.* *hice* 'я сделал'; *лат.* *veni* > *исп.* *vine*, *фр.* *je vins* 'я пришел'). За счет **i-** перфектов увеличилось количество **ui-** перфектов и **si-** перфектов, например, в основе *ит.* *venni* 'я пришел' лежит не классическая форма *veni*, а н. *лат.* *venui*; в основе *ит.* *caddi* 'я упал' лежит не кл. *лат.* *cecidī*, а н. *лат.* *cadui*; *фр.* *je pris*, *ит.* *presi* также восходят к н. *лат.* *prensi*, *prési*, а не к кл. *лат.* *prehendī*, *prendī* 'я взял'.

Румынский перфект отличается от перфекта других романских языков тем, что его основа обычно совпадает с основой причастия прошедшего времени как у сильных, так и у слабых глаголов, ср.:

	inf.	perf.	p. p.
<i>ит.</i>	<i>fare, scrivere</i>	<i>feci, scrissi</i>	<i>fatto, scritto</i>
<i>исп.</i>	<i>hacer, escribir</i>	<i>hice, escribí</i>	<i>hecho, escrito</i>
<i>фр.</i>	<i>faire, écrire</i>	<i>je fis, j'écrivis</i>	<i>fait, écrit</i>
<i>рум.</i>	<i>a face, a scrie</i>	<i>făcui, scrisei</i>	<i>făcut, scris</i>

5. Причастие прошедшего времени в романских языках сократило количество вариантов: исчез суффикс **-ītus (pérditus)**; в итальянском, французском, румынском широко распространился народно-латинский суффикс **-utus** для глаголов II и III спряжений, вытеснивший нестандартные формы; в иберо-романских языках, не знающих суффикса

-utus, стандартизовался суффикс -ītus для глаголов II, III и IV спряжений: ср.: *лат.* cadere, *р. р.* casum, *ит. р. р.* caduto, *ст. фр.* cheūt, *рум.* căzut, но исп. caído, *порт.* caído.

Грамматические категории глагола

§ 96. Категория лица. Формальные варианты личной флексии.

Личная флексия является грамматическим показателем подлежащего в составе глагола-сказуемого. Первое и второе грамматические лица указывают на определенное подлежащее — лицо, участвующее в данном речевом акте, как его производитель или адресат. Третье лицо указывает лишь на то, что подлежащее не является участником диалога. Это может быть определенное лицо, неопределенное или обобщенное лицо (кто-нибудь, все люди), конкретно-предметное понятие, абстрактное понятие и, наконец, чисто грамматическое понятие «субъектности», лишенное самостоятельного референта (в безличных предложениях типа *лат.* pluit).

В латинском языке личная флексия имела три позиционных варианта:

- а) «активный»: 1. -o (-m), 2. -s, 3. -t, 4. -mus, 5. -tis, 6. -nt (-unt);
- б) «медиальный» («пассивный»): 1. -r, 2. -ris, 3. -tur, 4. -mur, 5. -mini, 6. -ntur (-untur);
- в) «активный» перфектный: 1. -i, 2. -isti, 3. -it, 4. -imus, 5. -istis, 6. -erunt, не имевший «пассивного» аналога, так как перфект «медиальной» («пассивной») формы отличался от «активного» не личным окончанием, а формой образования (аналитической), ср.: venit 'он пришел'; profectus est 'он отправился'; amavit 'он любил'; amatus est 'он был любим'.

Личная флексия латинских глаголов, отделенная от основы и ее временных и модальных аффиксов, предназначалась только для выражения противопоставлений по лицу и числу. Только у «активных» переходных глаголов «активный» и «пассивный» варианты флексий, помимо лица — числа, служат также для выражения категории залога, т. е. образуют залоговую парадигму: amat 'он любит' — amatur 'он любим'. Позиционный вариант личной флексии у перфекта не входит ни в какие другие парадигмы, кроме личной, даже у переходных глаголов.

В отличие от падежной флексии имени личная флексия латинского глагола сохранилась во всех романских языках, утратив лишь «(медио)пассивный» вариант.

В связи с исчезновением «пассивной» флексии -r, -ris, -tur и т. п., личная флексия переходных глаголов перестала выражать залоговое противопоставление. См. таблицу на стр. 248.

Примечания к таблице:

1. Первое лицо презенса индикатива некоторых глаголов II и IV спряжений уже в народной латыни потеряло характерный гласный ос-

Латинская личная флексия и ее романские эквиваленты
(на примерах четырех модально-временных форм глагола)

	<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>порт.</i>	<i>фр.</i>	<i>рум.</i>
<i>praesens indicativi</i>	1. cant-o 2. canta-s 3. canta-t 4. canta-mus 5. canta-tis 6. canta-nt	cant-o cant-i canta- cant-iámo cantá-te cánta-no	cant-o canta-s canta- canta-mos cantá-is canta-n	cant-o canta-s canta- canta-mos canta- <u>is</u> canta-m	je chante- tu chante-s il chante- nous chant- <u>ons</u> vous chant- <u>ez</u> ils chante- <u>nt</u>	cînt- cînți- cîntă- cîntă-m cînta-ți cîntă-
<i>praesens coniunctivi</i>	1. cante-m 2. cante-s 3. cante-t 4. cante-mus 5. cante-tis 6. cante-nt	canti- canti- canti- canti-ámo canti-ate cánti-no	cante- cante-s cante- cante-mos cante-is cante-n	cante- cante-s cante- cante-mos cante-is cante-m	que je chante- que tu chante-s qu'il chante- que nous chanti- <u>ons</u> que vous chanti- <u>ez</u> qu'ils chan- te- <u>nt</u>	să cînt- să cînți- să cînte- să cîntă-m să cînta-ți să cînte-
<i>imperfectum indicativi</i>	1. cantaba-m 2. cantaba-s 3. cantaba-t 4. cantaba-mus 5. cantaba-tis 6. cantaba-nt	cantav-o cantav-i cantáva- cantavá-mo cantavá-te cantáva-no	cantaba- cantaba-s cantaba- cantába-mos cantába-is cantaba-n	cantava- cantava-s cantava- cantáva-mos cantave-is canta- va-m	je chantai-s tu chantai-s il chantai-t nous chanti- <u>ons</u> vous chanti- <u>ez</u> ils chantaie- <u>nt</u>	cîntă-m cîntă-i cîntă- cîntă-m cîntă-ți cîntă-u

	лат.	ит.	исп.	порт.	фр.	рум.
perfectum indicativi	1. cantav-i 2. cantav-isti 3. cantav-it 4. cantav- imus 5. cantav- istis 6. cantav- erunt	canta-i canta-sti cant-ò canta-mmo canta-ste canta-rono	cant-é canta-ste cant-ó canta-mos canta-steis canta-ron	cant-ei canta-ste cant-ou canta-mos canta-stes canta-ram	je chant-ai tu chant-as il chant-a nous chant- âmes vous chant- âtes Ils chant- èrent	cîntă-i cîntă-și cînt-ă cîntă- răm cîntă- răți cîntă-ră

новы **-е-**, **-і-**, по аналогии с глаголами первого и третьего спряжений:

	кл. лат.	н. лат.	ит.	исп.	фр.	рум.
I	canto	canto	canto	canto	je chan- te	cînt
II	video	vedo	vedo	veo	je vois	văd
III	credo	credo	credo	creo	je crois	cred
IV	dormio	dormo	dormo	duermo	je dors	dorm

Поэтому в романских языках по первому лицу нельзя определить тип спряжения.

Кроме того, в 1 л. ед. ч. возникают изменения в корневой морфеме, вызванные следующими фонетическими и аналогическими процессами:

а) У некоторых глаголов II и IV спряжения характерные гласные **-е-** и **-і-** перед окончанием **-о** в народной латыни не исчезли, а превратились в полугласный **j**, который палатализовал предшествовавший согласный корня. Это явление характерно для португальского, каталанского, провансальского, отчасти для итальянского. Ср. лат. 1. video, 2. vides...; порт. 1. vejo, 2. vês...; кат. 1. veig, 2. veus...; ит. (тоск.) 1. veggio, 2. vedi... .

б) Тот же полугласный **j** перед окончанием **-о** вызывал закрывание ударного гласного корня на одну ступень (метафония, апофония) — явление, характерное для иберо-романских языков, ср.: лат. 1. servio, 2. servis...; порт. 1. sirvo, 2. serves...; исп. 1. sirvo, 2. sirves... (в испанском измененный гласный по аналогии распространяется на все три лица ед. ч.).

в) По аналогии с латинскими глаголами III спряжения с корнем, оканчивающимся на **-rg-**, **-ng-** (porgo, plango) многие глаголы II, III и IV спряжений принимают в н. латыни согласный **-g-** перед окончанием **-о** (явление, типичное для итальянского и испанского), ср.: лат. 1. pono, 2. ponis...; ит. 1. pongo, 2. poni...; исп. 1. pongo, 2. pones...;

или *лат.* 1. venio, 2. venis...; *ит.* 1. vengo, 2. vieni...; *исп.* 1. vengo, 2. vienes...; *кат.* 1. vinc, 2. vens...

2. Чередование звуков корневой морфемы, создающее избыточные различия в плане означающего личной парадигмы, возникало не только под влиянием полугласного *j*, но и в связи с подвижностью ударения, так как ударные гласные развивались иначе, чем безударные. Ср.:

<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>фр.</i>	<i>рум.</i>
1. venio dormio	vengo dormo	vengo duermo	je viens je dors	vin dorm
2. venis dormis	veni dormi	vienes duermes	tu viens tu dors	vii dormi
3. venit dormit	viene dorme	viene duerne	il vient il dort	vine doarme
4. venimus dormimus	veniamo dormiamo	venimos dormimos	nous venons nous dormons	venim dormim
5. venitis dormitis	venite dormite	venís dormís	vous venez vous dormez	veniți dormiți
6. veniunt dormiunt	veniunt dormono	viene duermen	ils viennent ils dorment	vin dorm

В румынском языке чередование гласных корня в личной парадигме глагола связано как с перемещением ударения, так и с метафоническим воздействием конечных гласных *a*, *e*, вызывающих дифтонгизацию *e > ea*, *o > oa*:

лат. porto, plico > *рум.* port, ples ‘ношу, ухожу’

...

лат. portat, plicat > *рум.* poartă, pleacă ‘носит, уходит’.

3. Морфемы лица-числа, добавляемые в латинской парадигме к неизменяемой основе с ее модальными и временными аффиксами, в романских парадигмах часто сливаются с характерной гласной или с аффиксами времени и наклонения. Поэтому часто трудно решить, следует ли рассматривать данный звук как личную флексию или как последний звук основы. См., напр., *ит.* 1 л. мн. ч. индикатива и конъюнктив - *iamo* или *фр.* imperf. *je chantais* и др. Результатом формального слияния личной флексии с показателями времени и наклонения оказывается содержательное усложнение личного окончания, которое входит не только в парадигму лица-числа, но и в парадигмы времени и наклонения (ср. *ит.* *canto: canti* ‘я пою’: ‘ты поешь’, но и ‘я пою’: ‘я пел бы’, или *исп.* *cantan: cantamos* ‘они поют’: ‘мы поем’, но и *cantan: cantaron* ‘они поют’: ‘они пели’). Наиболее консервативными в отношении морфологической структуры личной парадигмы являются сардинский, испанский и португальский, где флексия лица-числа в большинстве модально-временных парадигм четко отграничена от характерного гласного и от морфем времени — наклонения.

4. Многие личные флексии подвергались в процессе образования романских языков аналогическому уравниванию. Так, латинской

флексии 1-го л. мн. ч. — *mus* соответствует *фр. -ons*, которое распространилось на все спряжения под влиянием частотного глагола *sunt* *ст. фр. sops, фр. (pous) sommes*. В итальянском окончание 3-го л. мн. ч. — *оно*, восходящее к лат. окончанию III и IV спр. *-unt*, распространилось на глаголы II спряжения, вытеснив окончание *-ent*; напротив, в испанском латинское окончание II спр. — *ent* > *en* распространилось на глаголы III и IV спряжения, вытеснив окончание *-unt*.

Во французском существует два окончания 3-го л. мн. ч.: окончание *-ont* < *лат. -unt*, сохранившееся у наиболее частотных глаголов: *лат. sunt* > *фр. sont*, *лат. hab(e)unt* > *фр. ont*, *лат. vadunt* > *фр. vont*, *лат. fac(i)unt* > *фр. font*, а также у формы будущего времени, образованной из *infinitivus* + *habeo*; и непронизимое более в совр. французском окончание *-ent* < *лат. -ent* у всех прочих глаголов всех времен и наклонений, за исключением формы *perfectum* (= *passé simple*). Сардинский язык, устранив окончание *-(i)unt*, заменил его для III (романского) спряжения окончанием *-in*, где представлен характерный гласный основы.

Ср. формы флексий 3-го л. мн. числа у глаголов четырех латинских и трех романских спряжений:

<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>фр.</i>
I cantant	cantano	cantan	ils chantent
II tenent	tengono	tienen	ils tiennent
III credunt	credono	creen	ils croient
IV dormiunt	dormono	duermen	ils dorment

Таким образом, на некоторых участках системы личных парадигм романские языки имеют меньше позиционных вариантов, чем латынь.

5. Во французском языке в роли показателей лица глагола, наряду с личной флексией, закреплены субъектные неавтономные формы личных местоимений, в том числе неопределенно-личное *он* и безличное *il*. Поэтому французский язык — единственный из романских языков, имеющий в составе личной парадигмы глагола грамматическое противопоставление по степени определенности лица (*il parle* 'он говорит', *он parle* 'говорят', *il pleut* 'дождит').

В сев. ит. диалектах, где так же как и во французском языке личная флексия подвергалась частичной редукции, субъектные неавтономные частицы, иногда сразу и в проклize и в энклize, являются обязательной частью личной формы глагола, например, *миланск. ti te dòrmet* < **te te dormis tu* 'ты спишь'.

Аналогичное наращивание личной флексии при помощи местоименных частиц (субъектных и даже объектных) встречается в ретороманских диалектах, напр., *сурсельвск. 1 л. ед. ч., 1. cantel* < *canto* + *illu*; *нижн. энгадинск. 2 л. ед. ч. chantast* < *cantas* + *tu*.

Итак, в целом, романские личные парадигмы глагола отличаются от латинской большей степенью «синтетичности», проявляющейся в слитности морфем лица-числа с основой слова и модально-временными морфемами, а также в позиционной вариативности корневой морфемы, избыточно «согласованной» с флексией. Исключение составляет французский, где основную роль в выражении противопоставления по лицу-

числу играет не флексия (отсутствующая у большинства членов парадигмы), а обязательный местоименный показатель. Французский язык создает новое аналитическое означающее; сардинский, испанский, португальский лучше других сохраняют латинскую структуру означающего.

Содержательное различие предложений по степени определенности лица субъекта во всех языках (включая французский) передается не только и не столько личными флексиями глагола, сколько конструкцией предложения в целом. Каждый язык располагает своей системой средств выражения «определенности — неопределенности — устраненности» лица-субъекта, среди которых ведущая роль принадлежит «пассивной» глагольной форме и «страдательной» конструкции предложения.

§ 97. Формы выражения неопределенности и устраненности субъекта. Категория залога. Изменение ее означающего. В латинском языке, как и в других индоевропейских языках, объективная неизвестность субъекта может быть выражена лексически — неопределенным местоимением *aliquis* и др. Грамматическая же форма неопределенности лица субъекта или его устраненности может относиться как к неизвестному, или обобщенному, так и к определенному, известному из ситуации субъекту. В латинском языке в функции «устранения определенного указания на субъект» использовались:

1. 3 л. мн. числа: *dicunt*, *narrant* 'говорят, рассказывают';

2. 3 л. ед. числа «пассивной» формы, как от переходных, так и от непереходных глаголов: *itur* 'ходят, можно пройти', *dicitur* 'говорится'. При этом определенный субъект может быть очевиден из ситуации и нарочито устранен из сообщения, как например, у Плавта в «Псевдоле» (273), когда на вопрос *quid agitur*, *Calidore?* «как (у тебя) дела, Калидор?», влюбленный и оставшийся без денег Калидор отвечает: *amatur atque egetur acriter* — «как у человека, который влюблен и сильно нуждается». Когда неопределенно-личная форма на *-tur* у переходных глаголов сопровождалась объектом, она согласовывалась с ним в лице и числе, превращая его тем самым в подлежащее. Эта грамматическая переориентация глагола, не изменяющая его смысла, и представляет собой ту конструкцию, которую принято называть «пассивной» («страдательной»): *dabitur tibi amphora* (Pl., Cas. 121, Ernout, 206) — «Тебе будет дана амфора».

Пассивная конструкция, сохраняя в значении сказуемого сему отношения к субъекту-лицу, не содержит его дальнейшей характеристики как известного, неизвестного или обобщенного. Сам факт отсутствия агенсного дополнения субъекта в этой конструкции показывает, что она противопоставлена исходной «активной» форме предложения прежде всего по признаку наличия—отсутствия определенной информации о субъекте действия.

Хотя при этом значение формы на *-tur* остается неопределенно-субъектным, ее грамматическая функция меняется: она приобретает способность изменяться по лицу и числу в зависимости от лица-числа подлежащего и, противопоставляясь активной форме (*amat* — *amatur*) —

отмечает соответствие подлежащего не субъекту, а объекту действия. Таким образом, переходный глагол приобретает парадигму «залога», отсутствующую у непереходных «активных», у отложительных и у медиопассивных глаголов.

Отложительные, медиопассивные глаголы и пассивные преобразования активных переходных глаголов имеют в латинском языке общую форму, отличающуюся тем, что ее имперфективные словоформы образуются синтетически (с окончаниями **-r**, **-ris**, **-tur** и т. п.), а ее перфективные словоформы представляют собой морфолого-аналитические образования, грамматическое значение которых не вытекает из суммы значений составляющих (*amatus est* — не ‘есть любим’, а ‘был любим’).

В поздней народной латыни и, соответственно, в ранних романских языках сохранилась неопределенно-личная форма *dicunt* > *um. dico*, *исп. dicen*, *ст. фр. dient* (в совр. фр. она исчезла в связи с закреплением за глаголами обязательных субъектных неавтономных местоимений); в галло-романском ареале оказалась продуктивной форма *homo dicit* > *on dit*; исчезнувшая форма на **-r**, **-ris**, **-tur** повсеместно заменилась местоименной: *dicitur* = *se dicit* > *um. si dice*, *исп. se dice*, *фр. (cela) se dit*, *рум. se zice* ‘говорится, говорят’. Та же местоименная форма, согласуясь в лице и числе с подлежащим — объектом действия, образовала залоговое противопоставление с неместоименной формой переходных глаголов: *um. scribo un libro* — *si scribe un libro*, *исп. escribo un libro* — *se escribe un libro*, *рум. scriu o carte* — *se scrie o carte* ‘я пишу книгу — пишется книга’. Местоименная романская форма пассива, в отличие от латинской формы на **-r**, **-ris**, **-tur**, образуется от всех временных форм. Существует, однако, общее для всех романских языков ограничение на употребление пассива-рефлекси́ва: семантический объект действия, выраженный формой подлежащего, должен быть третьим лицом, так как иначе форма приобретает собственнo-возвратное или медальное значение.

Перфектные морфолого-аналитические формы пассива в народной латыни изменяют свою структуру и вместе с ней свое временное значение: временная форма глагола *esse* приобретает независимую от причастия временную отнесенность, так что бывший перфект — *amatus est* — становится презенсом, а бывший плюсквамперфект — *amatus erat* — имперфектом. Форма *amatus fuit*, иногда встречавшаяся в арх. и кл. латыни в значении плюсквамперфекта, закрепляется в роли перфекта и т. п. Таким образом, возникает вторая полная парадигма пассива, структурно сближающаяся с именным сказуемым.

Предпосылки для переосмысления формы пассивного перфекта и его превращения в именное сказуемое, обозначающее состояние, существовали уже в архаической и классической латыни: поскольку собственно перфектное (не аористное) значение перфектной формы (см. ниже § 99) обозначало результат законченного действия, длящийся в настоящем, глагол *est* легко осмыслялся как связка, а *participium perfecti* — как именная часть сказуемого, которая часто обозначала состояние, семантически не связанное с действием какого-либо лица, отличного от субъекта этого состояния. (напр., *Gallia est omnis divisa*

in partes tres — «Галлия вся разделена на три части»). Иногда связь с действием полностью теряется и причастие превращается в прилагательное «состояния», например, *at haec (securis) retunsast (= retunsa est) Pl. Ps., 159* — «а он (топор) тупой», где *retunsa* по форме — пассивное причастие от глагола *retundere* «притуплять».

Все же, в архаической и классической латыни сочетание связки *esse* с адъективизированным причастием встречается редко, и значение состояния передается обычно простыми глаголами, в отличие от романских языков, ср.:

лат. cubat, ум. è disteso, фп. il est couché, исп. está tumbado

лат. sedet, ум. è seduto, фп. il est assis, исп. está sentado

лат. patet, ум. è aperto, фп. il est ouvert, исп. está abierto

лат. stat, ум. è in piedi, фп. il est debout, исп. está de pie.

Эквивалентность простых «активных» глаголов состояния и именного сказуемого, возникавшего из пассивного перфекта уже в архаической латыни, хорошо видна в следующей фразе из «Псевдола» Плавта (423): ***occisa est*** haec res, ***haeret*** hoc negotium — «загублен этот замысел, застряло это дело».

Таким образом, в романских языках существуют две формы пассива, которые выступают то как позиционные, то как свободные варианты: рефлексивный пассив, везде ограниченный 3-м лицом и, как правило, неодушевленностью подлежащего, а также преимущественно имперфективной временной формой, и аналитический пассив, который имеет значение «пассива действия» в перфективных временах, а в имперфективных сохраняет значение «действия» или принимает значение «состояния» в зависимости от «предельности» (терминативности) — «непредельности» (дуративности) глагольной лексемы (ср. *ум. è amato — è aperto, исп. es amado — está abierto* «он любим» — «он открыт»).

Различие между «пассивом действия» и состоянием выражено грамматически только в испанском языке, при помощи чередования связочных глаголов бытия *ser* < *лат. sedere* + *esse* и *estar* < *лат. stare*. Однако, сочетаясь с причастием, эти глаголы не противопоставляются друг другу в одном окружении: *ser* закреплен за причастиями предельных глаголов всех временных форм и перфективными временами предельных глаголов, *estar* — за причастиями предельных глаголов в имперфективных временных формах, где и возникает значение «состояния», ср.:

Pres. es amado — «он любим»

está abierto — «он открыт»

Imperf. era amado — «он был любим»

estaba abierto — «он был открыт»

Perf. fué amado — «он был любим»

fué abierto — «он был (кем-то) открыт»

Для выражения незавершенности предельного действия в пассиве употребляется, как и в русском языке, рефлексивный пассив: *se abre* «он открывается», *se abría* «он открывался».

В итальянском языке в сочетании с причастиями предельных глаголов в простых временах нейтральной связке *essere* противопоставлены два факультативных варианта: глагол *stare*, для подчеркивания

состояния: *è aperto* 'он открыт' — *sta aperto* 'он открытый', и глагол *venire*, для подчеркивания незавершенности действия и его направленности извне: *è aperto* 'он открыт' — *viene aperto* 'открывается кем-то'. Кроме того, синонимом *viene aperto* является рефлексивный пассив *si apre* 'открывается'.

Латинские, н. латинские (со звездочкой) и романские формы устарения сведений о субъекте действия (с учетом переходности (vt) и непереходности (vi) глагола и дуративности (d) и терминативности (t) лексемы):

лат. и н. лат.	ит.	исп.	фр.	рум.
1. <i>dicunt</i> (vt)	<i>dicono</i>	<i>dicen</i>	—	—
2. <i>itur</i> (vi), (vt)	—	—	—	—
3. * <i>se vadit</i> (vi)	<i>si va</i>	<i>se va</i>	—	—
4. * <i>se dicit</i> (vt)	<i>si dice</i>	<i>se dice</i>	<i>cela se dit</i>	<i>se zice</i>
5. <i>amatus est</i> (d)	<i>è amato</i>	<i>es amado</i>	<i>il est aimé</i>	<i>este iubit</i>
6. <i>scriptus est</i> (t)	<i>è scritto</i>	—	<i>il est écrit</i>	<i>este scris</i>
7. * <i>scriptus stat</i>	<i>sta scritto</i>	<i>está escrito</i>	—	—
8. * <i>scriptus venit</i>	<i>viene scritto</i>	—	—	—
9. * <i>homo dicit</i> (vi), (vt)	—	—	<i>on dit</i>	—
10. * <i>unus dicit</i> (vi), (vt)	<i>uno dice</i>	<i>uno dice</i>	—	—

Примечания к таблице:

1. Наибольшее количество вариантов существует в итальянском языке, наименьшее — в румынском.

2. Основной семантической функцией пассивной формы является умолчание о субъекте действия, в том случае, если он неизвестен, безразличен или очевиден из контекста, так что «безличный» и «личный» пассив отличаются лишь формально. Более того, в разговорном испанском, в разговорном итальянском и в литературном французском пассивная форма переходного глагола часто не согласуется с объектом дополнением, если оно следует за глаголом и обозначает не «данное», а «новое» в сообщении: *исп.* *se vende periodicos*, *ит.* *si vende giornali*, букв. «продается газеты», *ит.* *mi fu comperato una nuova bicicletta* «мне было куплено новый велосипед», *фр.* *il a été vendu cinquante exemplaires de ce journal* «было продано пятьдесят экземпляров этой газеты».

3. Когда к пассивной конструкции добавляется дополнение агента, она теряет свою основную функцию и становится стилистическим синонимом активной (ср. мы заметили... — нами было замечено...). Поскольку в народной латыни, как во всяком разговорном языке, дополнение агента при пассиве (вводимое в кл. латыни предлогом *ab*) было неупотребительно, романские языки расходятся в выборе предлога при этом члене предложения: *исп.* *por* < *лат.* *pro*; *фр.* *par* < *лат.* *per*; *ит.* *da* < *лат.* *de* + *ab*, *рум.* *de* < *лат.* *de*.

4. На осмысление формы аналитического пассива *est* + р. р. как в латыни, так и в романских языках, оказывает влияние видовой от-

тенок предельности (терминативности) — неопределенности (дуративности), закрепленный за глагольной лексемой. Терминативные глаголы обозначают процесс, последняя фаза которого является его логическим пределом, без которого действие не доведено до конца (*scribere* 'писать' и 'написать'); дуративные глаголы обозначают действия, последняя фаза которых не отличается качественно от предыдущей и их логический предел часто обозначается антонимом ('плакать' — 'смеяться') или терминативным глаголом близкого значения (*quaerere* 'искать' — *peragere* 'находить, найти'). *Participium perfecti passivi* терминативных глаголов обозначает свойство, явившееся результатом законченного действия (*factus, scriptus, occisus, mortuus* — 'сделанный', 'написанный', 'убитый', 'мертвый'), та же форма у дуративных глаголов обозначает свойство быть объектом незавершенного действия (*amatus, quaesitus* — 'любимый', 'искомый'). Поэтому *perfectum passivi* терминативных глаголов уже в архаической и классической латыни мог обозначать как прошедшее действие, так и настоящее состояние (*est divisus* 'был разделен' и 'разделен'), тогда как *perfectum passivi* дуративных глаголов в латинском языке имел только значение прошедшего действия (*amatus est* 'он был любим') и его отнесение к настоящему, т. е. переосмысление в *praesens passivi* (*um. è amato, ucn. es amado, фр. il est aimé*) произошло в поздней разговорной латыни, вместе с исчезновением синтетической формы *praesens passivi* — *amatur*.

§ 98. Формы выражения видовых значений в латыни и в романских языках. Видовые значения, сопровождающие глагольную лексему, не связаны, в отличие от временных, с моментом речи, так как определяют действие с точки зрения характера его протекания, подчеркивая ту или иную его фазу.

Два лексических «вида» глаголов — терминативный (предельный) и дуративный (непредельный) ни в одном индоевропейском языке не имеют специальных морфем для своего выражения и лишь влияют на смысловые оттенки залоговых и временных форм.

Морфологическое выражение имеют в латинском языке, как и в других индоевропейских языках, так называемые «способы протекания действия», представляющие действие как завершенное (перфективное), обращенное вспять или повторяющееся (итеративное), начинающееся (инхотативное), или интенсивное.

1. Перфективность передается разнообразными префиксами *ex-, con-, per-, ob-*, которые помимо видового значения, приносят дополнительные смысловые оттенки:

facere 'делать' — *efficere* 'творить, создавать', *perficere* «завершать»; *conficere* 'изготавливать';

fundere 'лить' — *effundere* 'изливать, опорожнять';

legere 'читать' — *pellegere* 'прочитать до конца';

caedere 'бить' — *occidere* 'убить' и т. п.

Глаголы с перфективными приставками, более конкретные и выразительные, в народной латинской речи часто вытесняли соответствующую простую форму, напр., *edere* 'есть' — *comedere* 'съесть' (уже

у Плавта) > *исп.* comer 'есть'. Следствием вытеснения оказывалось опрошение производного слова как в *исп.* comer или в *рум.* a spăla 'мыть', восходящего к *н. лат.* ex + per + lavare, или в *ит.* cominciare, *исп.* comenzar, *фр.* commencer < *н. лат.* com + initiare 'начинать', (заменившее *кл. лат.* incipere, к которому восходит румынское a începe 'начинать').

Латинские перфективные приставки теряют в романских языках свою продуктивность; исключением из общей тенденции был *ст. фр.* префикс *par* — < *лат.* *per-*, сохраняющий слабую продуктивность и в современном французском: *faire* 'делать' — *parfaire* 'завершить', *courir* 'бежать' — *parcourir* 'пробежать', или *achever* 'кончать' — *parachever* 'кончить'.

2. Повторность или обращенность действия вспять обозначалась в латинском языке префиксом *re-*: *removere* 'отодвигать', 'удалять', *remittere* 'посылать обратно', *redimere* (*red* + *emere*) 'выкупать', *referre* 'нести назад', *reducere* 'отводить назад', *reficere* (*re* + *facere*) 'снова делать, восстанавливать' и т. п. Эта приставка сохраняет свою высокую продуктивность во всех романских ареалах, кроме балканского.

3. Многократная повторяемость (итеративность) и интенсивность действия передавались глаголами I спряжения, образованными от *participium perfecti passivi* исходной лексемы: *jacere* 'бросать' — *jac-tum* — *jactare* 'метать', *canere* 'петь' — *cantum* — *cantare* 'петь', *salire* 'прыгать' — *saltum* — *saltare* 'плясать', *dicere* 'говорить' — *dictum* — *dictare*, *dictitare* 'часто говорить' и т. п. В народной латыни некоторые итеративы вытеснили исходную форму и легли в основу таких романских глаголов, как *ит.* *gettare*, *фр.* *jeter*, *исп.* *echar* 'бросать' < *лат.* *jactare*, или *ит.* *cantare*, *фр.* *chanter*, *исп.* *cantar*, *рум.* *a cînta* < *лат.* *cantare*. Другие итеративно-интенсивные глаголы обособились от исходных по значению, как например, *лат.* *salire* 'прыгать' > *ит.* *salire* 'подниматься', *исп.* *salir* 'выходить', *лат.* *saltare* 'часто прыгать, плясать' > *ит.* *saltare*, *исп.* *saltar* 'прыгать' или *лат.* *dicere* > *ит.* *dire*, *исп.* *decir* 'говорить', *лат.* *dictare* > *ит.* *dettare*, *исп.* *dictar* (латинизм) — 'диктовать'.

Латинский способ производства итеративов в романских языках не сохранился. На его месте в некоторых романских языках получили продуктивность суффиксы, объединяющие видовое значение с модально-оценочным ('часто' + 'мало', 'плохо', 'слабо', или 'часто' + 'много', 'сильно', 'грубо'), например, *ит.* *rubare* 'воровать' — *rubacchiare* 'подворовывать', *sputare* 'плевать', *sputacchiare* 'поплевывать', *cantare* 'петь' — *canticchiare* 'напевать', *innamorarsi* 'влюбиться' — *innamogazzarsi* 'влюбиться по уши' и т. п. Эти суффиксы близки по форме и по смыслу к именным суффиксам субъективной оценки.

4. Латинский инхоативный суффикс *-sc*, обозначающий 'вхождение в действие или состояние', образовывал дериваты главным образом от глаголов II спряжения, обозначающих состояние:

pallere 'быть бледным' — *palescere* 'бледнеть'
rubere 'быть красным' — *rubescere* 'краснеть'
marcere 'быть увядшим' — *marcescere* 'увядать'

callere 'быть мозолистым, нечувствительным' — calliscere 'черстветь, грубеть'

calere 'быть горячим' — calescere 'горячить, теплеть'.

В романских языках, в связи с исчезновением большинства латинских глаголов состояния и их заменой именным сказуемым *est* + *p. p.*, произошло переосмысление инхоативных глаголов, которые, утратив значение «вхождения в состояние», сохранили значение «динамичности», «процессуальности». Ср.:

состояние	вхождение в состояние
<i>лат.</i> pallet, callet marcet <i>ит.</i> è impallidito, è incallito è marcito <i>результат</i>	<pallescit, calliscit<br=""></pallescit,> marcescit impallidisce, incallisce marcisce <i>процесс</i>

Суффикс *-sc*, утратив инхоативное значение, включается в основу глагола, характеризуя нефункциональный морфологический разряд глаголов II и III спряжений.

Латинские аффиксальные формы выражения способа протекания действия были заменены в романских языках грамматизованными сочетаниями «фазовых» глаголов с инфинитивом или герундием:

1. «преддверие действия» (т. наз. «непосредственное будущее»): *фр.* aller + *inf.*, *исп.* ir a + *inf.*, *ит.* stare per + *inf.*

2. «вхождение в действие»: *фр.* commencer à + *inf.*, se mettre à + *inf.*, *ит.* cominciare a + *inf.*, mettersi a + *inf.*, *исп.* empezar (comenzar, ponerse) a + *inf.*

3. «конкретное протекание действия»: *исп.* estar + *gerund.*; *ит.* stare + *gerund.*, *порт.* estar a + *inf.*;

4. «повторение действия»: *ит.* tornar a + *inf.*, *исп.* volver a + *inf.* (аналог приставки *re-*);

5. «завершение действия»: *фр.* finir de + *inf.*, *ит.* finire di + *inf.*, *исп.* acabar de + *inf.*;

6. «выход из действия» (т. наз. непосредственное прошедшее): *фр.* venir de + *inf.*, *исп.* venir de + *inf.*;

7. «состояние как результат действия»: *фр.* être + *p. p.*, *ит.* essere + *p. p.*, *рум.* a fi + *p. p.*, *исп.*, *порт.* estar + *p. p.*

В латинском и в романских языках вид как словоизменительная категория глагола существует лишь в составе временной парадигмы, где видовые значения «завершенности — незавершенности» служат основанием для противопоставления некоторых глагольных времен. Однако «истинным, конституирующим содержанием глагольных форм является вид... Понятие момента во времени не может само по себе составить никакого содержания качественного порядка; речь здесь идет прежде всего об указательном элементе, подобном определенному ар-

тиклю... Значения *nunc* и *tunc*, присущие западноевропейским временам, могут быть также поставлены в параллель с местоимениями ближнего и дальнего указания: *celui-ci/celui-là* и т. п.¹»

§ 99. Временные формы индикатива в латинском и в романских языках. Выражение временной определенности действия, прямо или косвенно соотнесенного с моментом речи, является основной характеристикой индикатива.

Латинская и романские системы времен построены по единому принципу. В их основе лежит противопоставление форм по трем парам различительных признаков:

1) Ориентация действия на «актуальный» момент речи (*nunc*, *hodie* — ‘сейчас’, ‘сегодня’) или на объективно представленный «исторический» момент в прошлом (*tunc*, *olim*, *heri* — ‘тогда’, ‘прежде’, ‘вчера’). Выбор «актуального» или «исторического» временного ориентира часто (но не обязательно) связан с установкой на беседу или на рассказ.

2) Предшествование (ретроспективность), одновременность и следование (перспективность) по отношению к временному ориентиру. «Одновременность» может быть представлена как нейтральность (неретроспективность и неперспективность).

Ориентиром может быть момент, совпадающий с моментом речи (*nunc*, *hodie* ‘сейчас’, ‘сегодня’), совпадающий с моментом в прошлом (*tunc*, *olim*, *heri* ‘тогда’, ‘некогда’, ‘вчера’) и с моментом в будущем (*cras* ‘завтра’). Для последнего существуют только формы одновремен-

Абсолютность	Ориентир	Ретроспективность		Нейтральность		Перспективность	
		лат.	исп.	лат.	исп.	лат.	исп.
	<i>nunc</i> , <i>hodie</i>	<i>feci</i> , (<i>faciebam</i>)	<i>he hecho</i> , (<i>hacía</i>)	<i>façio</i>	<i>hago</i>	<i>faciam</i>	<i>haré</i>
Относительность	<i>tunc</i> , <i>olim</i> , <i>heri</i>	<i>feceram</i>	<i>había</i> , <i>hecho</i>	<i>feci</i> , <i>facie-</i> <i>bam</i>	<i>hize</i> , <i>hacia</i>	<i>facturus</i> <i>eram</i>	<i>haría</i>
	<i>cras</i>	<i>fecero</i>	<i>habré</i> , <i>hecho</i>	<i>faciam</i>	<i>haré</i>	—	—

¹ Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 142—143.

ности и ретроспективности. Формы, ориентир которых совпадает с моментом речи, называются абсолютными временами, все прочие — относительными временами.

Предшествование по отношению к настоящему (актуальное прошлое) и совпадение с ориентиром в прошедшем (историческое прошлое) в латинском языке выражены одной и той же формой. В испанском и некоторых других романских языках сложный перфект закреплен за первой, а простой перфект (претерит) за второй функцией.

3) Завершенность (перфектность) и незавершенность (инфектность) действия или только отрезка времени протекания действия, если оно не имеет логического предела. Вовременной признак завершенности предполагает комплексное обозначение всех фаз действия.

В некоторых контекстах у предельных глаголов последняя фаза действия, т. е. его результат, выдвигается на первый план.

По признакам инфектности — перфектности в латинском языке противопоставлены формы от основы *praesentis* формам от основы *perfecti*:

infectum: faciebam — facio — faciam

perfectum: feceram — feci — fecero

Пропорциональность этих парных противопоставлений в плане выражения не опирается на столь же четкие различия в плане содержания: по видовому признаку инфектности — перфектности имперфекту (*faciebam*) в тексте обычно противостоит не плюсквамперфект (*feceram*), а перфект (*feci*): «quem quidem hercle ego, in exilium quom iret, redduxi domum; nam ibat exulatum.— An abiit? (Pl. Mercator, 980) — «которого, когда он отправлялся в изгнание, я возвратил домой; ибо он уже отправлялся в изгнание — Или уже отправился?» Вопрос *an abiit?* показывает, что из *ibat* еще не ясно, дошло ли действие до конца или нет»¹.

В свою очередь, плюсквамперфект противопоставлен имперфекту и перфекту не по признаку законченности, а по временному признаку ретроспективности (относительного предшествования), ср.: *et prius quam hinc abiit quindecim miles minas dederat* (Pl. Ps. 53) «прежде чем (он) отсюда ушел, воин дал пятнадцать мин». Кроме того, плюсквамперфект и перфект, противопоставленные презенсу как времена «завершенного действия» могут различаться между собой по признаку «актуальности»: «неактуальности», ср. один и тот же факт представлен в репликах Каллифона и Псевдола двумя разными временными формами:

Call. quin rus ut irem iam **heri constitueram**.

Ps. at **nunc** disturba quas **statuisti** machinas (Pl. Ps. 550)

— «Однако я уже вчера решил, что поеду в деревню.

— А теперь ты нарушь то, что ты задумал».

Поскольку в форме латинского перфекта совпали две единицы плана содержания — собственно перфект («актуальное» время) и аорист («неактуальное» прошедшее время), в случае необходимости их фор-

¹ Сафаревич Я. О совершенности и несовершенности в латинском языке.— Сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 326.

мального разграничения функцию аориста берет на себя плюсквамперфект (*constitueram — statuisti*).

Таким образом, видовые различия уступают место более существенным для латинской системы временным противопоставлениям форм. Видовая оппозиция устанавливается и сохраняется вплоть до романских языков только у форм имперфекта и перфекта (или аориста). У всех остальных форм видовые оттенки значения вытекают из их временных различительных признаков.

Поскольку ведущей функцией простых форм, образованных от основы *perfecti* в активном залоге оказалось предшествование во времени (ретроспективность), для подчеркивания конечной фазы действия у терминативных переходных глаголов в латинском языке существовал результативный оборот *habeo (habebam) + p. p.*, параллельный «пассивному» результативу *est + p. p.*, ср., например, следующую фразу, где присутствуют обе результативные конструкции:

novo consilio nunc mi opus est, nova res haec subito mi objectast (= objecta est):

hoc praevortar principio; illaec omnia missa habeo quae ante agere osserpi (Pl. Ps. 601—2) — «новый план мне теперь необходим, новый и неожиданный случай мне представляется: сначала я обращаю на него внимание; все, что я раньше начал делать, теперь я откладываю». Перифрастические формы *objecta est* и *missa habeo*, обозначающие результат действия, отнесенный к настоящему времени, противопоставлены перфекту *osserpi*, обозначающему предшествование относительно настоящего момента (*ante — 'раньше'*).

Результативные перифразы *est (erat) + p. p.* и *habet (habebat) + p. p.* были в кл. латыни эквивалентны в видовременном отношении, ср. *mihi consilium captum iamdiu est* (Cic. Fa. 5, 19, 2, Ernout, 74) «у меня решение уже давно принято» и *quam (fidem) habent spectatam iam et cognitam* (Cic. Diu. Caec 11, Ernout, 223) «которую (честность) они уже заметили и узнали».

В соответствии с общероманской тенденцией к распространению «номинативного» строя предложения (где семантический субъект получает форму именительного падежа, т. е. подлежащего), «активная» перифраза типа *consilium captum habeo* расширяет сферу своего употребления за счет «пассивной» перифразы типа *mihi consilium captum est*. Возрастание частотности перифразы *habeo (habebam) + p. p.* в поздней латыни было связано также с общей ориентацией нормы языка на разговорную речь, где более конкретная аналитическая форма с видовременным оттенком результативности была, очевидно, более употребительна, чем простые временные формы от основы *perfecti*.

Кроме того, в поздней латыни многие непереходные «активные» глаголы движения и состояния, по аналогии с отложительными и медиопассивными глаголами сходной семантики стали принимать «пассивную» форму, особенно в перфекте, как во фразе из письма Траяна (Ernout, 213): *praeteritus est dies* «день прошел» — вместо *praeteriit*.

Когда «пассивная» форма от основы *praesentis*, т. е. форма на *-r*, вышла из употребления, «пассивный» перфект (и плюсквамперфект) остался у бывших отложительных и медиопассивных глаголов: *natus*

est (erat), mortuus est (erat), mutatus (erat) est, а также у тех непереходных «активных» глаголов движения и состояния, которые его приняли по аналогии с отложительными, например, venire — ventus (*venutus, *venitus) est (erat), ire — itus est (erat).

Таким образом, в поздней народной латыни у простых форм перфекта и плюсквамперфекта — feci, feceram; veni, veneram — появились регулярные аналитические варианты — habeo (habebam) factum; sum (eram) ventus (*venutus, venitus), подчеркивавшие видовременной смысл результативности. Постепенно под действием аналогии, аналитические результивные варианты были созданы почти для каждой простой формы всех времен и наклонений, так что в большинстве романских языков каждая простая форма, включая инфинитив и герундий, имеет соответствующую ей сложную.

Во всех ранних романских языках результивная конструкция habeo + р. п., образованная от переходных глаголов, сохраняла известную независимость составных элементов. Они могли находиться на дистанции, иметь обратный порядок слов — р. п. + habeo, наконец, причастие всегда было согласовано в роде и числе с дополнением, ср., напр., *ит. исп.* sos dones avien dados (Cid, 2259) 'свои подарки дали'; или *ит. фл.*: «Pris en ad og e aveir e deniers» (Rol. 1145) — «Он у них взял золото, имущество и деньги».

У непереходных глаголов движения и состояния результивная конструкция, унаследованная от перфективных аналитических форм отложительных и медиопассивных глаголов — mortuus est, natus est, ventus (*v-enitus, *venutus) est, itus est и др. с самого начала обладала большей формальной слитностью, так как оба ее элемента — личный глагол и причастие — согласованы с подлежащим.

В дальнейшем включение этих конструкций в состав глагольной парадигмы, т. е. их морфологизация, сопровождались следующими изменениями:

1. Во всех романских языках закрепился порядок следования частей: habeo + р. п.

2. Замыкание между частями аналитической формы стало возможным лишь для небольшой группы наречий времени (типа «уже», «еще»).

3. У аналитических времен от переходных глаголов согласование причастия с дополнением полностью исчезло в иберо-романских (кроме каталанского) и балкано-романских языках. Во французском и в итальянском согласование сохраняется только при дополнении, выраженном неавтономным объектным местоимением.

Ср.: *исп.* Aquella carta, Juan la ha escrito
ит. Quella lettera, Giovanni l'ha scritta.

4. В совр. португальском (и в некоторых юж. ит. диалектах) глагол terere > *порт.* ter почти полностью заменил глагол habere в составе аналитических времен.

5. В современных иберо-романских и балкано-романских языках глагол *esse* у непереходных глаголов движения и состояния был вытеснен глаголом habere (в португальском — ter):

cantare	venire	cantare	venire
<i>ит.</i> ho cantato	<i>ит.</i> sono venuto	<i>исп.</i> he cantado	<i>исп.</i> he venido
<i>фр.</i> j'ai chanté	<i>фр.</i> je suis venu	<i>порт.</i> tenho cantado	<i>порт.</i> tenho vindo
<i>пров.</i> ai cantat	<i>пров.</i> soi vengutz	<i>кат.</i> he cantat	<i>кат.</i> he vingut
<i>кард.</i> appo cantau	<i>кард.</i> so bénniu	<i>рум.</i> am. cântat	<i>рум.</i> am venit

Сложные формы, для которых этимологически первичным было результативное видовременное значение, постепенно закрепляются в функции времен, выражающих предшествование (ретроспективность), повторяя таким образом путь развития от вида к времени, когда-то пройденный латинскими перфективными формами.

Простые романские времена, продолжающие латинские формы *praesens*, *imperfectum*, *perfectum*, *plusquamperfectum* *indicativi* и сложные романские времена, восходящие к латинской результативной перифразе *habeo* (*habebam*) + *p. p.* и ее вариантам, имели в каждом романском языке свою судьбу и свои области употребления.

<i>лат. и н. лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>фр.</i>	<i>исп.</i>	<i>порт.</i>	<i>рум.</i>
1. canto	canto	je chante	canto	canto	cînt
2. habeo cantatum	ho cantato	j'ai chanté	he cantado	tenho cantado	am cântat
3. cantavi	cantai	je chantai	canté	cantei	cîntai
4. *habui cantatum	ebbi cantato	j'eus chanté	hube cantado	—	—
5. cantabam	cantavo	je'chantais	cantaba	cantava	cîntam
6. *habebam cantatum	avevo cantato	j'avais chanté	habia cantado	tinha cantado	—
7. cantaveram	—	—	cantara	cantara	(cîntasem)

Примечания к таблице:

1. Презенс *canto* и имперфект *cantabam* сохранили без изменений отношение между означаемым и означающим во всех романских языках.

2. Перфект *cantavi* и перифраза *habeo cantatum*, из которой возник сложный романский перфект, распределили по-разному сферы употребления:

а) наиболее близким к латыни оказывается португальский, где простой перфект употребляется в функциях как актуального, так и неактуального законченного прошедшего, тогда как сложный перфект встречается в специальном значении итеративности, или подчеркнутого продолжения результата в настоящем, хотя и в этом случае возможен простой перфект, ср. *порт.* Quem esperou até agora pode esperar um pouco mais — исп. перевод: Quien ha esperado hasta ahora puede esperar un poco más; — «Кто (про)ждал до сих пор, может подождать еще немного»; или: Quem tem trabalhado como eu não tem medo

de trabalho и исп. перевод: El que ha trabajado como yo no tiene miedo a ningún trabajo — «Кто поработал так, как я, не боится никакой работы». Совмещение функций перфекта и аориста у простого перфекта и его широкое употребление в разговорном языке характерны также для южноитальянских диалектов и для испанского языка Латинской Америки.

б) В итальянском литературном языке (точнее, в его тосканском нормативном варианте), а также в испанском, в румынском и в провансальском, значение актуального законченного прошедшего закреплено за сложным перфектом, а неактуального законченного прошедшего — за простым перфектом. Это распределение функций уже является устойчивой нормой для старопровансальского. Так, в «Биографиях трубадуров» (XIII в.) при обращении к слушателям (читателям) мы находим сложное прошедшее, в самом же рассказе о событиях жизни трубадура употреблен простой перфект: *Dig vos ai de N'Alazais com enguanet Miraval e. l. traï et aucis si mezeissa* (Vidas, 163) — «Я уже вам рассказал о даме Алазис, как она обманула Миравалья и его предала и убила сама себя». Таким образом, выбор простой или сложной формы отражает установку говорящего на повествование или на контакт с собеседником.

в) Современный французский язык в его разговорном варианте исключил простой перфект из системы времен, так что сложный перфект объединяет обе функции — актуального и неактуального законченного прошедшего. Простой перфект представлен только в системе времен письменного языка.

3. Латинский плюсквамперфект индикатива *cantaveram* сохранился в иберо-романских и балкано-романских языках:

а) В португальском форма *cantara* имеет значение плюсквамперфекта индикатива и аориста. Она употребляется как свободный вариант сложной формы плюсквамперфекта индикатива и простого перфекта. *Ela saíra (o tinha saído) de casa antes de minha mãe chegar* — «Она вышла из дому до того, как пришла моя мать».

б) В староиспанском языке форма *cantara* также имела значение плюсквамперфекта индикатива, напр., *Espanna que en ell otro tiempo fuera llagada por la espada de los romanos, pues que guareciera et cobrara por la melezina et la bondad de los godos, estonces era crebantada, pues que eran muertos et aterrados quantos ella criara* (Primera Crónica General, 312, cap. 559) — «Испания, которая в давние времена была изранена мечом римлян, потом выздоровела и набралась сил благодаря заботам и храбрости готов, теперь была сломлена, потому что были мертвы и похоронены все те, кого она взрастила».

Тот же смысл форма на *-ga* сохраняет в испанском языке Латинской Америки, где она конкурирует как свободный вариант со сложным плюсквамперфектом индикатива, с простым перфектом, с имперфектом индикатива и конъюнктива и с кондиционалом, напр., *Nadó al sitio donde dejara la ropa* (Gallegos Lara) — «Он поплыл к тому месту, где оставил одежду», или *Si tuviera miedo no lo esperara* (Gallegos Lara) — «Если бы она боялась, она бы его не ждала».

В современном испанском языке метрополии форма на **-ra** перешла полностью в систему ирреальных наклонений и является свободным вариантом форм имперфекта конъюнктива (*cantase*) и кондиционала (*cantaría*); ее индикативное употребление звучит как намеренный архаизм.

в) В ст. французском, в самых ранних памятниках (Кантилена о св. Евлалии и др.) есть несколько форм, восходящих к латинскому плюсквамперфекту — *avret* < *habuerat*, *voldret* < *voluerat*, в значении аориста.

В ст. провансальском, ст. каталанском и ю. ит. диалектах форма *cantara* < *cantaveram* имела значение кондиционала.

г) В румынском языке форма плюсквамперфекта индикатива восходит в трех лицах ед. числа к соответствующим формам латинского плюсквамперфекта конъюнктива:

1. *cîntasem* < *cantavissem*

3. *cîntaseși* < *cantavisses*

3. *cîntase* < *cantavisset*,

а в формах мн. числа присоединяет к конъюнктивной основе суффикс **-ra**, восходящий к латинскому плюсквамперфекту индикатива:

1. *cîntaserăm* < *cantavissemus* + *cantaveramus*

2. *cîntaserăți* < *cantavissetis* + *cantaveratis*

3. *cîntaseră* < *cantavissent* + *cantaverant*

Контаминация форм *plusquamperfectum coniunctivi* и *plusquamperfectum indicativi* в румынском и изменение модального значения формы *cantaveram* в испанском, ст. провансальском, в юж. ит. диалектах объясняется тем, что в поздней латыни *plusquamperfectum indicativi* и *plusquamperfectum coniunctivi* употреблялись в главном предложении (аподозисе) ирреального условного периода как свободные варианты.

4. Количество форм плана прошедшего, объединенных видовым признаком завершенности и противопоставленных по этому признаку имперфекту, различно в разных романских языках.

Так, во французском кроме четырех времен, свойственных также испанскому и итальянскому (*passé simple*, *passé composé*, *passé antérieur*, *plus-que-parfait*), существует также *passé surcomposé* — сверхсложное прошедшее, выражающее в разговорном языке или несвязанное с настоящим прошедшее или предшествование по отношению к любой форме прошедшего, особенно с лексемой *finir*: « Lorsque mon dernier client a eu fini de se rajuster, je n'avais toujours rien trouvé de plausible » (F. Dard) — «Когда мой последний клиент кончил одеваться, я все еще не нашел никакого приемлемого оправдания». Или, у того же автора: « Et quand le bus a été passé, elle s'est retournée » — «И когда автобус проехал, она обернулась».

В португальском отсутствует форма *preterito anterior* (*ucn. hube cantado*), но зато есть два варианта плюсквамперфекта, простой *cantara* и сложный *tinha cantado*.

В румынском есть только одна сложная форма прошедшего — *perfectul compus am cîntat* и две простые формы — *perfectul simplu cîntai* и *mai mult ca perfectul cîntasem*.

Максимальное количество форм законченного прошедшего существует в каталанском:

- а) простой перфект *cantí*;
- б) сложный перфект *he cantat*;
- в) сложный претерит *vaig cantar*, восходящий к сочетанию *vado + inf.* (которое в испанском и французском лежит в основе форм непосредственного будущего);
- г) сложный плюсквамперфект *havia cantat*;
- д) сложное предпрошедшее непосредственное *haguí cantat*;
- е) сверхсложное предпрошедшее, образованное от сложного претерита: *vaig haver cantat*.

5. В старых романских языках формы прошедшего времени с видовым признаком законченности еще не приобрели устойчивых признаков ретроспективности (относительного предшествования) и актуальности: неактуальности. (Исключение составляет старопровансальский, сложившийся уже в XII веке как литературный язык). Нечеткое функциональное разграничение прошедших времен проявляется в их свободном варьировании, ср., например, в «Песни о моем Сиде» чередование простого и сложного перфекта у однородных сказуемых и выражение ретроспективности относительно претерита формой сложного перфекта вместо плюсквамперфекта:

Ido es el comde, tornós el de Bivar,
juntós con sus mesnadas, conçeçós de alegrar
de la ganañça que han fecha, maravillosa e grand (Cid, 1083)

«Ушел граф, вернулся Сид де Бивар, соединился со своими приближенными, начал радоваться большой добыче, которую они получили» (ср. *исп.* перфект *ido es* соответствует *совр. исп.* *ha ido*; *ср. исп.* *tornós, juntós... = tornóse, juntóse* соответствует *совр. исп.* *se tornó, se juntó*). То же чередование простого и сложного перфекта типично и для «Песни о Роланде»:

De sa main destre l'ad asolt e seigniet
Pois li **livrat** le bastun et le brief (Rol. 340)
«Своей правой рукой он его отпустил и перекрестил
Потом вручил ему посох и письмо».

Признаки актуальности/неактуальности и ретроспективности/неретроспективности, на которых основаны нормы согласования времен в классической латыни и в современных романских языках, более абстрактны и в большей степени предсказаны контекстом, чем видо-временной признак завершенности (результативности)/незавершенности, по которому имперфект противопоставлен всем прочим прошедшим временам. Поэтому первые две пары временных различий могут или просто отсутствовать в системе языка, как например, в русском, или оставаться невыраженными в случае отклонения от литературной нормы латинского или романских языков. Относительные времена — позднее достижение организованного синтаксиса, где каждая временная форма закреплена за определенными функциями и образует с другими формами систему устойчивых противопоставлений. Напротив, народный разговорный язык часто пренебрегает грамматическим выражением релевантности двух действий. Соответственно, в старых

языках релятивность не выражена там, где она кажется необходимой, и, наоборот, внешне «относительные» временные формы употребляются в таких условиях, где они не могут иметь релятивного смысла.

В отдельных романских языках до сих пор нет четкого противопоставления форм по признакам актуальности/неактуальности, относительности/абсолютности, как например, в румынском. В некоторых случаях полная система времен представлена не во всех функциональных и региональных вариантах языка. Так, разговорный французский устранил все «неактуальные» времена. В латиноамериканском варианте испанского стирается противопоставление форм по актуальности/неактуальности и по ретроспективности/неретроспективности (хотя сами формы, выражавшие это противопоставление, не исчезают, существуя в языке как свободные варианты). Ср. чередование простого перфекта и плюсквамперфекта в условиях, предполагающих ретроспективный взгляд на действие, у Г. Гарсия Маркеса в его известном романе «Сто лет одиночества»: “Nunca se averiguó quien escribió la carta” — «так и не выяснилось, кто написал письмо» и “Le preguntó que había pasado con el proyecto que le expuso días antes” — «Она спросила у него, что случилось с планом, который она ему изложила несколько дней назад». Или, у того же автора: “Ursula irrumpió trastornada en el taller: — Estalló la guerra!” — «Урсула вбежала расстроенная в мастерскую: — Началась война!», где прошедшее историческое и прошедшее актуальное выражены одной формой простого перфекта.

Формы будущего времени

В отличие от латинских форм настоящего и прошедшего, все простые и аналитические варианты латинского будущего в романских языках исчезли, за единичными исключениями.

1. Форма простого будущего, образованная от основы презенса с помощью суффикса **-b** у глаголов I и II спряжений и суффикса **-a/e** у глаголов III и IV спряжений не имела продолжения в романских языках. Только *futurum* от глагола *esse*, имевший индивидуальную парадигму (*ero, eris, erit* etc.) встречался в ранних ст. фр. и ст. пров. текстах: 1. **er**, 2. **ers**, 3. **er, ert, iert**. Исчезновение латинского простого футурума объясняется разными причинами: а) совпадением по звучанию с перфектом форм с суффиксом **-b**: *perf. cantavit* — *fut. cantabit*; б) совпадением форм 1-го л. ед. ч. с конъюнктивом у III и IV спряжений: *vendam, audiam*; в) конкуренцией формы *praesens indicativi*, часто применяемой для обозначения будущих событий; г) конкуренцией модальных перифраз с глаголами *habeo, volo, debeo, venio* + *infinitivum*, прямо выражающих значения необходимости, желания, возможности, готовности, всегда сопровождающие идею будущего в различных контекстах.

Исчезновение формы будущего времени из системы произошло в некоторых юж. ит. диалектах, где в функции будущего употребляется форма презенса.

Латинские модальные перифразы распределились следующим образом:

а) *venio ad cantare* лежит в основе формы будущего в сурсельвском диалекте ретороманского языка: *jeu vegnel a cantar, ti vegns a cantar, el vegn a cantar etc.*

б) *debeo cantare* встречается в сардинском: *deppo cantare*, наряду с *appo cantare*;

в) *volo cantare* лежит в основе формы будущего в румынском (и других балкано-романских языках): **voleo cantare > voi cînta, velis cantare > vei cînta, *volet cantare > va cînta etc.*;

г) *habeo cantare > capđ. appo cantare, habeo ad cantare > юж. ит. aggio a canda; habeo de cantare > порт. hei-de cantar, исп. he de cantar*;

д) *cantare habeo > ит. canterò, canterai, canterà...,*

фр. je chanterai, tu chanteras, il chantera,

исп. cantaré, cantarás, cantará . . . ,

кат. cantaré, cantarás, cantarà... ,

порт. cantarei, cantarás, cantará...

(наряду с *hei-de cantar, has-de cantar, ha-de#cantar*).

В португальском языке форма будущего *cantarei, cantarás etc.* еще не полностью утратила свой аналитический характер, так как между окончанием (бывшим глаголом *habere* в презенсе) и основой (бывшим инфинитивом) может помещаться неавтономное объектное местоимение, напр., *dar-te-ei o livro amanhã* — «я дам тебе книгу завтра». То же замыкание местоименных частиц между элементами формы будущего существовало в ст. испанском: *doblar vos he la soldada* (Cid, 80) — «я вам удвою жалование».

Подобно всем прочим простым или упростившимся романским формам, романское будущее имеет свою результативно-ретроспективную форму: ср. *ит. canterò* — *avrò cantato*, *исп. cantaré* — *habré cantado etc.*

2. Латинская форма *futurum exactum*, совпадавшая во всех лицах, кроме 1-го, с *perfectum coniunctivi* исчезла везде, кроме португальского и испанского, где она получила название *futuro do conjuntivo (de subjuntivo)*:

<i>лат. cantavero</i>	<i>порт. cantar</i>	<i>исп. cantare</i>
-----------------------	---------------------	---------------------

<i>лат. cantaveris</i>	<i>порт. cantares</i>	<i>исп. cantares</i>
------------------------	-----------------------	----------------------

<i>лат. cantaverit</i>	<i>порт. cantar</i>	<i>исп. cantare и т. д.</i>
------------------------	---------------------	-----------------------------

В португальском эта форма, употребительная во всех стилях, закреплена за определенным грамматическим окружением, в частности, за условным периодом после союза *se* 'если', относящимся к будущему — контекст, свойственный *futurum exactum* также и в раннем латинском языке, ср. *лат. sciam, si dixeris* (Pl. Pseudolus, 657), *порт. sabrei (hei-de saber), se disseres* — «я буду знать, если ты скажешь».

В современном испанском форма *futuro de subjuntivo* исключенная из системы общего литературного языка, сохраняет еще свои позиции в стиле юридических документов.

3. Латинские перифрастические формы будущего (имевшие модальный оттенок необходимости) — т. е. *coniugatio perifrastica activa: cantaturus sum, cantaturus eram; coniugatio perifrastica passiva: mihi*

cantandum est (erat, fuit) в романских языках не оставили никаких следов.

При этом пассивная конструкция заменилась активной, с субъектом действия в именительном падеже: *mihi liber legendus est* — (ego) *librum legere habeo*, в результате чего увеличилась частотность конструкции *infinitivus + habeo* среди прочих перифраз с футуральным значением.

Таким образом, одним из факторов, способствовавших распространению романских форм типа *habeo (teneo, sum) + p. p. и inf. + habeo* была тенденция к номинативному построению предложения, ср.:

лат.	ит. и др. ром. языки
1. <i>mihi liber est/habeo librum</i>	<i>ho un libro</i>
2. <i>mihi rumor auditus est/rumorem auditum habeo</i>	<i>ho udito un rumore</i>
3. <i>mihi est faciendum/facere habeo</i>	<i>fare ho > farò</i>

4. Будущее в прошедшем передавалось в латинском языке аналитической формой *cantaturus erat*. В поздней народной латыни эта форма вытесняется перифразой *inf. + habebat* (или *habuit*), которая лежит в основе романской формы будущего в прошедшем: *cantare + habebat > cantar + (hab)ea > *cantarea > юж. ит., исп., порт., кат. cantaría, фр. chanterait, пров. cantaríe; cantare + habuit > ит. canterebbe*. Романская форма будущего в прошедшем имеет, так же как и форма будущего, свою сложную ретроспективную пару: напр., *исп. cantaría — habría cantado, ит. canterebbe — avrebbe cantato*. В современном итальянском, в отличие от всех прочих романских языков, значение «будущего в прошедшем» закрепилось за сложной формой, утратившей свой ретроспективный смысл, ср.: *исп. dijo que cantaría — ит. disse che avrebbe cantato* — 'он сказал, что будет петь'.

В румынской системе времен, не имеющей четкого противопоставления по признакам актуальности/неактуальности (абсолютности/относительности), форма «будущего в прошедшем» вообще отсутствует.

В большинстве романских языков форма будущего в прошедшем, как простая, так и сложная, имеет не только временное, но и модальное значение «потенциальности» и «ирреальности», обозначая действия, реализация которых зависит от допущения или условия.

§ 100. Ирреальные наклонения в латинском и в романских языках. В отличие от индикатива, указывающего на осведомленность говорящего о временных границах объективного действия, ирреальные наклонения предназначены для обозначения действий, существующих в представлении (мнении, желании) говорящего.

В латинском языке есть два ирреальных наклонения: императив и конъюнктив, в романских языках — три: императив, конъюнктив и кондиционал.

Кондиционал (условное наклонение)

В классической латыни в обеих частях гипотетического условного периода, т. е. в придаточном предложении (протасисе) и в главном (аподосисе) употреблялись времена конъюнктива: презенс (*cantem*) и перфект (*cantaverim*) при оценке событий как потенциальных, возможных в будущем; имперфект (*cantarem*) и плюсквамперфект (*cantavisset*) при оценке событий как ирреальных. В народной латыни на месте конъюнктива в главном (или независимом) предложении, обозначающем гипотетическое событие, начинает употребляться перифраза *inf. + habebat*, параллельная перифразе *inf. + habet*, обозначавшей «неминуемое» будущее. Один из первых примеров перифразы *inf. + habebat* на месте конъюнктива имперфекта обнаружен в проповедях Августина (начало V в. н. э.): *Sanare te habebat Deus per indulgentiam si fatereris* (Aug. Sermon. 259,4) — «Исцелил бы тебя бог по своей милости, если бы ты покался». *Sanare habebat* является формальным и функциональным прототипом романского кондиционала: *sanar(e hab)e(b)a(t) > *sanareā > исп., порт., кат. sanaria*. Поскольку конкурентом лат. формы *canta(vi)sset* в аподосисе ирреального условного периода был также *plusquamperfectum indicativi* — *canta(ve)rat*, все три формы — *cantasset*, *cantarat*, *cantar(hab)e(b)at* были в народной латыни свободными вариантами выражения потенциально-ирреального смысла в главном предложении. В дальнейшем они распределились следующим образом:

1. Специальная форма кондиционала, отличная от конъюнктива, не существовала в латыни и до сих пор отсутствует в ретороманском языке, где в аподосисе условного периода употребляется конъюнктив.

2. В ст. французском основной формой для выражения потенциальности/ирреальности действия в независимом и главном предложении также был не кондиционал, а конъюнктив, ср. *ст. фр. Quidas li guanz me caïst en la place* (Rol. 764), *совр. фр. tu croyais peut-être que je laisserais tomber le gant* — «ты может быть думал, что перчатка у меня упадет», где *quidas* восходит к *лат. plusquamperfectum coniunctivi cogitasses*; или в ирреальном условном периоде: *ст. фр. Se il fust vifs, jo l'oüsse amenet* (Rol. 691), где еще возможна форма плюсквамперфекта конъюнктива в современном языке как стилистический архаизм: *s'il eût été vivant, je vous l'eusse amené* (перевод L. Gautier) — «если бы он был жив, я бы вам его привел». У французских грамматистов это употребление *plus-que-parfait du subjonctif* получило название «*conditionnel passé deuxième forme*».

3. Кондиционал, восходящий к *cantare habebat* имеет самое широкое распространение: сев. и юж. ит. диалекты, испанский, португальский, каталанский, французский, провансальский.

4. Кондиционал, восходящий к *cantare habuit*, существует только в Тоскане и литературном итальянском языке.

5. Кондиционал, восходящий к *canta(ve)rat* был распространен в ст. провансальском, в ст. юж. ит. диалектах и до сих пор сохраняется в испанском, как дублетная форма кондиционала, восходящего к *cantare habebat*.

6. В румынском и молдавском языках кондиционал образован с помощью служебного глагола неясного происхождения (*habuissēm? voluegam?*) и инфинитива: *habuissēm? + cantare > aș cînta; voluerat cantare > ar cînta*.

7. В сардинском кондиционал образован с помощью имперфекта индикатива глагола *debere* и инфинитива: *debebat cantare* сард. *día cantare*.

Сводная таблица форм кондиционала трех современных романских языков:

<i>лат.</i>	<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>фр.</i>
1. <i>canta(vi)sset</i> * <i>habuisset cantatum</i>	— —	— —	— <i>eût chanté</i>
2. <i>canta(ve)rat</i> * <i>habuerat cantatum</i>	—	<i>cantara</i> <i>hubiera cantado</i>	— —
3. <i>cantare habebat</i> —	—	<i>cantaría</i> <i>habría cantado</i>	<i>chanterait</i> <i>aurait chanté</i>
4. <i>cantare habuit</i> —	<i>canterebbe</i> <i>avrebbe cantato</i>	— —	— —

Императив

Латинский императив I, включающий две формы — 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. — отличался от соответствующих форм презенса индикатива по типу флексии. Это различие сохраняется в иберо-романских языках, но сводится к минимуму в итальянском и в галло-романских языках, ср.:

	<i>лат.</i>		<i>исп.</i>		<i>ит.</i>	
	импер.	индик.	импер.	индик.	импер.	индик.
	I <i>ama</i> II <i>tene</i> III <i>crede</i> IV <i>veni</i>	<i>amas</i> <i>tenes</i> <i>credis</i> <i>venis</i>	<i>ama</i> <i>ten</i> <i>cree</i> <i>ven</i>	<i>amas</i> <i>tienes</i> <i>crees</i> <i>vienes</i>	<i>ama</i> <i>tieni</i> <i>credi</i> <i>vieni</i>	<i>ami</i> <i>tieni</i> <i>credi</i> <i>vieni</i>
2 л. мн. числа	I II <i>-te</i> III IV	<i>-tis</i>	<i>-d</i>	<i>-is</i>	<i>-te</i>	<i>-te</i>

Латинский императив II с окончаниями **-to, -tote** не оставил следов в романских языках.

Конъюнктив

Латинский конъюнктив противостоял индикативу как форма, обозначающая зависимость действия от воли или допущения говорящего. В соответствии с этим в латинской грамматике различаются два основных смысловых типа: *conjunctivus optativus* и *conjunctivus potentialis*, которые в других языках (в том числе и в романских) могут иметь разные наклонения для своего выражения — сослагательное и условное (кондиционал).

Латинские формы конъюнктива и их романские продолжения, на примере 3-го л. ед. ч. глагола *cantare* (в скобках даны формы, резко изменившие свои функции в романских языках):

лат.	ит.	исп.	э-порт.	фр.
<i>praes. cantet</i> <i>perf. cantaverit</i> <i>imperf. cantaret</i> <i>plus—cantasset</i> <i>quamp.</i>	<i>canti</i> — — (<i>cantasse</i>)	<i>cante</i> <i>cantare</i> — (<i>cantase</i>)	<i>cante</i> <i>cantar</i> (<i>cantar</i>) (<i>cantasse</i>)	<i>chante</i> — — (<i>chantât</i>)

рум.	серб.
<i>praes. cînte</i> <i>perf. —</i> <i>imperf. —</i> <i>plus—</i> <i>quamp. (cîntase)</i>	<i>cantet</i> — <i>cantaret</i> —

Романские системы форм конъюнктива, на примере 3-го л. ед. ч. глагола *cantare*:

ит.	исп.	порт.	кат.
<i>A praes. canti</i> <i>A perf. abbia cantato</i> <i>A imperf. cantasse</i>	<i>cante</i> <i>haya cantado</i> <i>cantase</i> <i>cantara</i>	<i>cante</i> <i>tenha cantado</i> <i>cantasse</i>	<i>canti</i> <i>hagi cantat</i> <i>cantés</i>
<i>A plusquamp. avesse cantato</i>	<i>hubiese cantado</i> <i>hubiera cantado</i> <i>cantare</i> <i>hubiere cantado</i>	<i>tivesse cantado</i> <i>cantar</i> <i>tiver cantado</i>	<i>hagues cantat</i> — —
<i>V futur. I—</i> <i>V futur. II—</i>			

пров.		фр.	рум.
<i>praes.</i>	cante	qu'il chante	să cînte
<i>perf.</i>	ague cantá	qu'il ait chanté	să fi cîntat
<i>imperf.</i>	cantesse	(qu'il chantât)	—
<i>plusquamperf.</i>	aguesse cantá	(qu'il eût chanté)	—
<i>futur I</i>	—	—	—
<i>futur II</i>	—	—	—

Примечания к таблицам:

1. Латинский *praesens conjunctivi* сохранился во всех романских языках без изменения отношений означающего к означаемому (отвлекаясь от сужения области употребления конъюнктива в романских языках).

2. Латинский *perfectum conjunctivi* и *futurum exactum*, совпадавшие по форме во всех лицах, кроме первого (*cantaverim* — *cantavero*), в народной латыни совместили свои функции и слились в единую форму, которая сохраняется до сих пор в португальском и, как книжный архаизм, в испанском. В ст. испанском эта форма принадлежала, очевидно, всем стилям речи, употребляясь, как и в совр. португальском, после союза *si* 'если', после союза *cuan*do 'когда', в относительных придаточных с обобщенным (нереферентным) антецедентом, см., напр., "Si vos ploguiere, mio Cid, de ir somos guisados" (Cid, 1060) — «если вам будет угодно, мой Господин, мы охотно уйдем». Во всех прочих романских языках эта форма не оставила следов.

3. Латинский *imperfectum conjunctivi* сохранил свою форму и функции только в сардинском языке.

4. Латинский *imperfectum conjunctivi*, скрестившись с инфинитивом, образовал в португальском языке и в некоторых юж. ит. диалектах (напр., в неаполитанском) гибридную форму «личного инфинитива» (*infinito pessoal*). От инфинитива эта форма сохраняет способность сочетаться с артиклем, сочетаться бессоюзно с модальными глаголами (*verba dicendi, putandi, sentiendi*), образовывать с предлогами обстоятельственные обороты, ср.:

порт. Calou-se **por** não o acreditarem.

исп. Se calló **porque** no le creían.

«Он замолчал, потому что ему не верили».

порт. Digo-to **para** o saberes.

исп. Te lo digo **para** que lo sepas.

«Я тебе это говорю, чтобы ты это знал».

От латинского имперфекта конъюнктива *infinito pessoal* заимствовал только свое означающее. (Об условиях скрещивания обеих форм см. ниже).

5. Латинский *plusquamperfectum coniunctivi* во всех романских языках изменил свое означаемое. В румынском языке эта форма, как уже было сказано, перешла в систему времен индикатива. Во всех остальных романских языках (кроме сардинского, где эта форма

исчезла) латинский *plusquamperfectum coniunctivi* лежит в основе формы имперфекта конъюнктива, у которой существует своя ретроспективная пара — аналитический плюсквамперфект конъюнктива; например, *ит.* *cantasse* — *avesse cantato*, *исп.* *cantase* — *hubiese cantado*, *порт.* *cantasse* — *tivesse cantado* и т. п. Случаи употребления латинской формы *plusquamperfectum coniunctivi cant(a)(vi)sset* в функции *imperfectum coniunctivi* (при обозначении ирреального действия в настоящем) встречались уже в классической латыни. Примером может служить известная фраза Веспасиана, обращенная к надушенному молодому воину: *maluisssem alium obolúisses* (Suet. Vesp. 8,4, Ernout, 244) — «я предпочел бы, чтобы от тебя пахло чесноком». Смещение временной отнесенности формы *canta(vi)sset* произошло одновременно с вытеснением формы имперфекта конъюнктива *cantaret*, которая, в результате фонетических изменений (отпадение конечных **-m**, **-t**, совпадение **i** = **e**, исчезновение слога **-ve-** в формах, образованных от основы *perfecti*) совпала по звучанию с инфинитивом в 1-м и 3-м лицах, а также с *perfectum coniunctivi* и с *futurum exactum* (только у глаголов со стандартными основами перфекта).

6. Романские системы форм конъюнктива неоднородны. Повторение латинской четырехчленной парадигмы, но на базе других означающих мы видим в итальянском, провансальском и сардинском. В каталанском имперфект и плюсквамперфект конъюнктива имеют два варианта (*cantés* = *vagi cantar*, *hagués cantat* = *vagi haver cantat*).

В испанском эти времена конъюнктива также имеют два варианта, восходящие к плюсквамперфекту конъюнктива (*cantase*) и к плюсквамперфекту индикатива (*cantara*). В португальской системе осложнена специальной формой «будущего конъюнктива». Во французском разговорном языке существует только две формы — презенс и перфект, тогда как полная система из четырех форм сохраняется только в письменном варианте литературного языка. Кроме того, форма конъюнктива во французском как бы срастается с показателем синтаксической зависимости — союзом *que*. Наконец, в румынском языке, как и в разговорном французском, есть только две формы — презенс и перфект (причем только первая из них изменяется по лицам). Сходство румынского и молдавского конъюнктива с французским проявляется также в морфологизованной связи форм конъюнктива с союзом *să* 'чтобы', возникшей из-за морфологической невыраженности различия между индикативом и конъюнктивом, во всех лицах, кроме третьего. Ср.:

<i>pres. indic.</i>	<i>pres. conj.</i>
1. <i>cînt</i>	<i>să cînt</i>
2. <i>cînti</i>	<i>să cînti</i>
3. <i>cîntă</i>	<i>să cînte</i>

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНЪЮНКТИВА В НЕЗАВИСИМЫХ (ГЛАВНЫХ) И В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Как в латыни, так и в романских языках, конъюнктив отчетливо противопоставлен индикативу по смыслу только в независимых предложениях.

Семантические типы латинского конъюнктива в независимых (или главных) предложениях и их переводные эквиваленты в романских языках:

1. побуждение (с. imperativus)	2. пожелание (с. optativus)	3. предположение (с. potentialis)
<i>лат.</i> ne requiras <i>ит.</i> non cercare <i>исп.</i> no busques <i>фр.</i> ne cherches pas <i>рум.</i> nu căuta ‘не ищи!’	<i>utinam viveret!</i> <i>magari vivesse!</i> <i>ojalá viviese! (viviera)</i> <i>s’il vivait!</i> <i>dacă ar fi trăit!</i> ‘ах, если бы он жил!’	<i>quis dubitet?</i> <i>quis dubitare potest?</i> <i>chi potrebbe dubitare?</i> <i>quién podría (pudiera)</i> <i>dudar?</i> <i>qui pouvait (pourrait)</i> <i>douter?</i> <i>cine ar putea îndoii?</i> ‘кто бы мог сомневаться?’
4. допущение (с. concessivus)	5. гипотеза (с. suppositivus)	
<i>лат.</i> sit sane id malum <i>ит.</i> ammettiamo pure che questo sia un male <i>исп.</i> admitamos que sea un mal <i>фр.</i> admettons que ce soit un mal <i>рум.</i> să presupunem că este un rău ‘допустим, что это зло’, ‘пусть это — зло’	<i>(roges me) ... nihil respondeam</i> <i>(supponiamo che mi domandi) ... non</i> <i>risponderei niente</i> <i>(supongamos que me preguntes) ... no</i> <i>respondería nada</i> <i>(supposons que tu me demandes) ... je</i> <i>ne répondrais rien</i> <i>(să presupunem că m-ai întreba ...)</i> <i>n-aş răspunde nimic</i> ‘предположим, что ты бы меня спро- сил’ ...), ‘я бы ничего не ответил’	

Примечания к таблице:

1. *Coniunctivus imperativus* сохраняется во всех романских языках как позиционный вариант собственно императива, обращенного к 3-му лицу: *ит.* che entri!, *фр.* qu’il entre!, *исп.* que entre! ‘пусть он войдет’. Кроме того, без союза *che(que)* эта форма в итальянском, испанском и португальском является императивом вежливого обращения ко 2-му лицу. В испанском и португальском отрицательный императив во всех лицах также заимствует свою форму у конъюнктива, как и в латинском языке.

2. *Coniunctivus optativus* (русск. ‘пусть’ или ‘ах, если бы’) сохраняется без лексических ограничений в итальянском, испанском, португальском языках только в сопровождении модальных слов *magari*, *ojalá*, *oxalá*. Без модального слова этот тип представлен во всех языках только в составе застывших формул пожелания, например, *фр.* Dieu le veuille!, *порт.* Deus queira!, *исп.* ¡Dios quiera! — ‘дай бог’, или *фр.* ainsi soit-il! — ‘да будет так’, или *фр.* vive la patrie!, *ит.* evviva la patria! — ‘да здравствует родина’ и т. п.

3. *Coniunctivus potentialis* заменился сочетанием модального глагола **posse** (н. лат. *potere*) + *infinitivus* или новым романским наклонением — кондционалом.

4. *Coniunctivus concessivus* в романских языках обычно не встречается в независимом (главном) предложении. Следы этого типа сохраняются лишь в застывших клише, как например, *фр. passe pour cette fois* — 'на этот раз ладно, пусть уж', или *исп. sea lo que fuera. фр. advienne que pourra* — 'будь что будет', или *фр. soit deux triangles...* — 'пусть имеются два треугольника...'.
✱

5. *Coniunctivus suppositivus*, обозначающий гипотетическое действие, зависящее от допускаемого (не реального) условия, во всех современных романских языках, кроме ретороманского, заменился формой кондционала.

Таким образом, конъюнктив в независимых предложениях для романских языков — это реликт, напоминающий о их общем языке.

КОНЪЮНКТИВ В ЗАВИСИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Синтаксически выраженная подчинительная связь предложений (гипотаксис) возникла из более древнего и простого способа соединения предложений — соположения (паратаксиса), где сочинение и подчинение формально не различаются. Так, латинское предложение *cave cadas* сначала содержало две мысли «Остерегайся! Не упал бы ты!» (см. А. Ernout 201). Однако, поскольку конъюнктив второго предложения семантически подчинен (согласован) с лексическим значением глагола первого предложения, которое, в свою очередь не закончено по смыслу без второго, между ними возникают отношения сильного взаимного притяжения. Поэтому конъюнктив, т. е. форма выражения ирреальности действия, приобретает чисто синтаксическую функцию показателя зависимости, подобно предлогу или союзу. Постепенно именно эта служебная, строевая роль становится для латинского конъюктива преобладающей. Конъюнктив проникает в придаточные предложения времени, причины (*cum historicum; cum causale*), в уступительные предложения, в предложения следствия, в косвенный вопрос. Выйдя за пределы своего первоначального лексико-синтаксического окружения, конъюнктив в зависимых предложениях теряет свой модальный смысл и становится позиционным или свободным вариантом относительных времен индикатива — имперфекта и плюсквамперфекта. Эти последние, в свою очередь, проникают в область употребления конъюктива. Так, уже у Плавта мы находим имперфект индикатива в условном придаточном ирреального периода: *Si amabas, invenires mutuum* (Pl. Ps. 286) — «Если бы ты был влюблен, ты бы нашел, у кого занять денег». Подобное употребление имперфекта (и плюсквамперфекта) индикатива является нормой для современного французского языка.

КОНЪЮНКТИВ И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В КОНСТРУКЦИИ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Модальная оценка события выражена в глагольных наклонениях грамматически: «уходи». Она может быть представлена и в более явном

(эксплицитном) виде через специальное модальное предложение (модус), от которого зависит придаточное предложение или инфинитив, обозначающие событие, о котором идет речь (диктум). В роли предиката модуса выступают глаголы речи, мысли, воли или чувства, управляющие придаточным дополнительным, или безличные выражения той же семантики, управляющие придаточным подлежащим. Такие сложноподчиненные предложения, названные Шарлем Балли «конструкциями эксплицитной модальности» (к ним относятся также и предложения с косвенной речью), составляют основу латинского синтаксиса. Здесь проявляется целый ряд способов конденсации предложений и раскрываются во всей полноте законы согласования времен. Для подчинения диктума модусу в классической латыни использовались простой инфинитив, оборот «аккузатив с инфинитивом», дополнительные придаточные, вводимые союзами *ut* (*ne*, *quominus*), *quod*, редко *quid* и содержащие глагол-сказуемое в конъюнктиве или в индикативе. При этом выбор формы подчинения зависел от семантики модального глагола и от совпадения или несовпадения субъекта модуса с субъектом диктума. Эта сложная и разнообразная система форм организации мысли, свойственная классической письменной латыни, подверглась упрощению в разговорном латинском языке позднего периода:

1. Оборот «аккузатив с инфинитивом», в основном, исчез при глаголах речи, мысли, аффекта и сохранился только после глаголов восприятия: *videre*, *sentire*, *audire*, где семантика глагола позволяла осмыслить имя (субъект инфинитива) как прямое дополнение, управляемое глагольной лексемой (ср.: *lat. credo te audisse aliquid — ut. credo che tu abbia udito qualche cosa* ‘я думаю, что ты кое-что слышал’ и: *video te venire — ut. ti vedo venire, исп. te veo venir* ‘я вижу, что ты приходишь, я вижу тебя приходящего’).

2. Оборот «аккузатив с инфинитивом» (*Aristaeus dicitur esse inventor olei — ut. si dice che Aristeo sia l'inventore dell'olio* — ‘говорят, что Аристей был изобретателем оливкового масла’) также исчез. Следы этого личного преобразования неопределенно-личного модального предиката путем его согласования в лице и числе с субъектом диктума, сохраняются с модальным глаголом «казаться», *lat. videri*, *н. lat. parere* (**similare*), *ит. parere* (*sembrare*), *фр. paraître* (*sembler*), *исп. parecer*, *порт. parecer* при именном сказуемом в диктуме. Ср.: *ит. Il vecchio pare stanco* — ‘старик, кажется, устал’.

3. Придаточное дополнительное с союзом *quod*, (*quia*), замещавшее в кл. латыни *accusativus cum infinitivo* только после глаголов *affectuum* (*gaudeo*, *miror*, *doleo* etc.) и глаголов оценки (*laudo*, *accuso*, *gratulor*) начинает употребляться также и после глаголов речи и мысли уже в народной латыни классического периода (I в. д. н. э., — I в. н. э.); см. примеры из «Пира Тримальхиона», приводимые у А. Эрну (299): *dixi quia mustella comedit* (Petr. 46,4) — «я сказал, что (куропаток) съела ласка»; *scis quod epulum dedi* (71,9) — «ты знаешь, что я дал обед» и др. В современных романских языках придаточное *quod* (*quid*) + V ind. (conj.) — единственно возможная форма дополнения после глаголов речи и мысли при несовпадении субъектов.

4. Придаточное дополнительное после глаголов *dicendi*, *putandi*, *affectuum* могло содержать не только индикатив, как в примерах из Петрония, но и конъюнктив, например, при передаче чужой речи: *legati Carteienses renuntiaverunt quod Pompeium in potestate haberent* (B. Hisp., 36,1, A. Ernout 299) — «Посланцы из Картеи заявили, что Помпей находится в их власти». Поскольку подчинительный союз *quod* (*quia*, *quid*) часто отсутствовал, различие между инфинитивным оборотом и дополнительным придаточным с имперфектом конъюнктива (*Pompeium habere* — *Pompeium haberent*) сводилось к личным окончаниям. После отпадения конечных **-m** и **-t** имперфект конъюнктива в 1-м и 3-м лицах ед. ч. оказался омонимичным инфинитиву. Частичное функциональное и формальное совпадение обеих форм приводит к тому, что инфинитив перенимает личные окончания имперфекта конъюнктива и сохраняет их даже в тех контекстах, где имперфект конъюнктива не употребляется. Так возникает своеобразная форма личного инфинитива, характерная для португальского языка и некоторых юж. ит. диалектов (см. выше).

5. В романских языках различие форм подчинения диктума модусу в большей степени, чем в латыни, обосновано смысловым различием: при совпадении субъектов модуса и диктума избирается инфинитив (без предлога или с предлогом **de**), при несовпадении субъектов — придаточное предложение. Исключение составляет «аккузатив с инфинитивом» после глаголов восприятия (отсутствующий, однако, в румынском и молдавском). Кроме того, после глаголов, эксплицирующих значение императива — приказ, запрет, просьба, совет — в некоторых языках предпочитается инфинитив с предлогом **de**: *фр.* *je te défends de fumer*, *ит.* *ti proibisco di fumare*, но *исп.*, *порт.* *te prohibo que fumes*, *рум.* *te opresc să fumezi* ‘я тебе запрещаю курить’.

6. Романские языки вернули конъюнктиву придаточных предложений утраченную им в классической латыни семантическую нагрузку, устранив его из большинства тех контекстов, где сказуемое соотносилось с реальным фактом. Таким образом, в отличие от латинского, романский конъюнктив в придаточных предложениях — это не десемантизированная форма грамматического подчинения, а форма, способная противопоставляться индикативу по смыслу в одном и том же окружении, ср.: *исп.* *creo que viene* — *creo que venga*; *ит.* *credo che viene* — *credo che venga* — «я думаю (уверен), что он придет» — «я думаю (предполагаю), что он придет». Из этих примеров видно, что не только смысл модального глагола «управляет» выбором наклонения, но и сама форма наклонения служит для дифференциации значения глагола.

Общероманская тенденция к сокращению области употребления зависящего конъюнктива проявилась по-разному в разных романских языках. В итальянском, в испанском, в португальском конъюнктив сохраняется во временных предложениях с союзом *quando* (*cuando*), действие которых мыслится в будущем, после союза *come* (*como*) «как, насколько», в предложениях, передающих чужую речь (когда ее соответствие действительности не утверждается). Во французском и румынском в этих условиях распространился индикатив.

7. В балкано-романском ареале, на крайнем юге Италии и в сев.-вост. Сицилии под влиянием греческого адстрата инфинитив исчез почти полностью как форма подчинения и конденсации диктума. На его месте употребляются дополнительные придаточные с конъюнктивом (в румынском) или с индикативом (в юж. ит. диалектах см. G. Rohlfs III, 103).

Ср.: *ит. voglio mangiare* — ‘я хочу есть’

юж. ит. vogghiu mi mangiu (*mi* < *лат. modo*)

рум. vreau să plec букв. ‘я хочу, чтобы я уехал’

В румынском языке инфинитив уступает место конъюнктиву даже в грамматизованных оборотах каузативного, модального и видового (фазового) значения: *рум. mă faci să sufăr, ит. mi fai soffrire, исп. me haces sufrir* ‘ты меня заставляешь страдать’; *рум. știu să cânt, ит. io so cantare, исп. yo sé cantar* ‘я умею петь’; *рум. stau să plîng, порт. estou a chorar, исп. estoy llorando, ит. sto piangendo* ‘я нахожусь в состоянии плача в данный момент’.

В подобных контекстах конъюнктив утрачивает свое модальное значение, превращаясь в форму чистого подчинения.

Вытеснение инфинитива дополнительным придаточным — грамматический «балканизм», общий для греческого, албанского, болгарского, румынского.

8. В латинском языке дополнительные придаточные (синонимичные обороту *accusativus cum infinitivo*) после глаголов воли, боязни и приказа, вводились союзом *ut(ne) + Vconj.*, а после глаголов мысли, речи, оценки, психических реакций — союзом *quod (quia, quid) + Vconj. (Vindic.)*. В народной латыни союз *quod (quia)* заменил союз *ut (ne)* во всех его употреблениях. Унификация союза при дополнительных придаточных не имела места на крайнем юге Италии и в балкано-романских языках, где выбор союза зависит от наклонения: при сказуемом в индикативе — союз *că* ‘что’ < *лат. quia* ‘что’, ‘так как’, при сказуемом в конъюнктиве — союз *să* ‘чтобы’ < *лат. si* ‘если’.

Несмотря на широкое распространение в народной латыни союзов *quod* и *quia*, они сохранились лишь на окраинах Романии: *quod* > *юж. ит. cu*; *quia* > *рум. că, юж. ит. ca*. В центре и на севере Италии, в галло-романских и иберо-романских областях в роли союза «что» закрепилось вопросительное местоимение *quid* ‘что’ > *ит. che, исп., порт. que, фр. que*. Источником распространения *quid* в дополнительных предложениях был кл. лат. образец *scio quid agas* ‘я знаю, что ты делаешь’.

§ 101. Неличные формы глагола. Латинские формы и их романские эквиваленты (во всех ареалах, кроме балкано-романского, существует единая система неличных форм, представленная на таблице итальянским образцом): См. таблицу на стр. 280.

Примечания к таблице:

1. Все латинские формы инфинитива, кроме *infinitivus praesentis activi*, в романских языках исчезли. Романские залоговые и ретроспективные формы инфинитива были созданы заново.

Инфинитивы:	лат.	ит.	рум.
praes. act. praes. pass. perf. act. perf. pass.	cantare cantari cantavisse cantatum esse	cantare essere cantato a vere cantato essere stato cantato	a cînta a fi cîntat — —
fut. act. fut. pass.	cantaturum esse cantatum iri	— —	— —
Причастия praes. act. perf. pass. fut. act. fut. pass.	cantans cantatus cantaturus cantandus	(cantante) cantato — —	cîntat — — —
Супин supinum I supinum II	cantatum cantatu	— —	(de) cîntat
Герундий (N. infinitivus)			
Gen. Dat. Acc. Abl.	cantandi cantando (ad)cantandum (ab, de, ex, in) cantando	di per a da cantando avendo cantato	de de din cîntînci cîntat

2. Причастие прошедшего времени сохранилось во всех романских языках как в составе сложных форм глагола, так и в роли зависимого предиката в причастных оборотах: ср.: Testamentó facto, mulier moritur (Cic. Caecin., 17, Соболевский, 331) — *ит.* Fatto il testamento, la donna muore, *исп.* Hecho el testamento, la mujer muere, *фр.* Le testament fait, la femme meure — «Составив завещание, эта женщина умирает».

3. Причастие настоящего времени в позиции простого определения превратилось в прилагательное или субстантивировалось, например, *лат.* pensare 'взвешивать' — pensans, pensante(m) > *ит.* pesante, *фр.* pesant 'тяжелый', *лат.* dolere 'болеть' — dolens, dolente(m) > *кат.* dolent 'плохой', *лат.* calere 'быть горячим' — calens, calente(m) > *исп.* caliente, *порт.* quente 'горячий' и т. п. В функции зависимого предиката, соответствующего обстоятельству предложению, participium praesentis заменился в народной латыни аблятивом герундия: ср. у Григория Турского: mulieres similiter et viri plangendo (= plangentes) prosequabantur. О проникновении герундия в позицию определения, на место исчезнувшего participium praesentis, свидетельствуют отдельные редкие сочетания в романских языках, типа рум. prețur ile crescînde 'растущие цены', или *ит.* un vecchio venerando 'достойный почтения старец'.

4. Супин (совпавший по форме с participium perfecti) сохранился только в балкано-романских языках, где он взял на себя также функции герундия (в сочетаниях с предлогами).

5. Герундий как отглагольное существительное исчез. Только его аблятивная форма, имевшая в латыни значение «средства, способа действия», превратилась в романское деепричастие (получившее во всех романских языках, кроме румынского, свою ретроспективную пару: *ит.* *cantando* — *avendo cantato*).

6. Из латинских «полупредикативных» оборотов с неличными формами в романских языках сохранились:

а) Ablativus absolutus с причастием прошедшего времени (в книжном стиле), *ит.* и другие романские языки, кроме балкано-романских: *fatto il testamento la donna muore*;

б) Accusativus cum infinitivo при глаголах восприятия, *ит.* и другие романские языки, кроме балкано-романских: *lo vedo venire*;

в) деепричастные обороты с бывшим аблятивом герундия в обстоятельственных значениях, *ит.* и другие романские языки: *entra correndo*;

г) деепричастный оборот с аккузативом при глаголах восприятия в румынском языке: *îl auzi pe Mihai gemînd în somn* — «он услышал, как Михай стонет во сне», где *gemînd* лат. герундий *gemendo* заменил причастие настоящего времени *gemente(m)* в аналогичном кл. латинском обороте Acc.+ р. I при глаголах восприятия: «*audio eum gementem*».

§ 102. Союзы; относительные местоимения. Основные латинские союзы и их романские эквиваленты приведены в таблице на стр. 282 (в скобках даны романские формы, этимологически не соответствующие латинским):

Примечания к таблице:

1. Союзы, в отличие от предлогов, подверглись значительной перестройке.

Только четыре латинских союза продолжают в большинстве романских языков без значительных изменений отношения означаемого и означаемого: *et*, *пес.*, *aut*, *si*.

Отдельные союзы сохранились на окраинах Романии — *рум.* *sa*, лат. *quāt*; *рум.* *să* < лат. *quā*; юж. *ит.* *cu* < лат. *quod*; некоторые союзы, сохранившись, изменили значение: лат. *sic* 'так' > *рум.* *și* 'и', лат. *si* 'если' > *рум.* *să* 'чтобы'.

2. Большинство латинских союзов исчезло, точнее, сменило означаемое. Новая форма для выражения различных сочинительных и подчинительных связей возникла на фоне первоначального бессоюзия из слов и словосочетаний обстоятельственного или местоименного значения.

Общей для большинства романских языков была замена союзов *quod* (*quā*) 'что' и *cum* 'когда' на вопросительные местоимения *quid* 'что' > *ит.* *che*, *исп.* *que* и т. п. и *quando* 'когда' > *ит.* *quando*, *исп.* *cundo* и т. д. Из вопросительного слова лат. *quare* 'почему' возник сочинительный союз причины *фр.* *car* 'ибо'. Из вопросительного сочетания *quo modo* 'каким образом' возник союз *ит.* *come*, *исп.* *como*, *фр.* *comme* 'как'.

3. Общей для романских языков тенденцией является производство

лат.	ит.	исп.	фр.	рум.	
«и», «а»	et, -que, ac	e(p)	y	et	(și)
«так же»	etiam quoque	(anche)	(tambien)	(aussi)	(și)
«и не», «ни...ни»	ne, neque	ne ne...ne	ni ni...ni	ni ni...ni	(nici) (nici)... (nici) (ori) (ori... ori)
«или»	aut	o	o	ou	(ori)
«или...или»	aut... vel, sive...	o...o (oppure) (sia...sia)	o...o (sea...sea)	ou...ou (ou bien) (soit... soit)	(ori... ori) (fie... fie)
«либо»	vel, sive...	(oppure) (sia...sia)	(sea...sea)	(ou bien) (soit... soit)	(fie... fie)
«но»	sed	(ma)	(mas)	(mais)	(dar)
«зато»	at	(però)	(pero)	(par contre)	(ar)
«же»	autem	(poi)	(pues)		
«однако»	tamen	(però)	(pero)	(toutefois)	
«ибо», ведь»	nam, enim	(quindi)	(pues)	(car)	(căci)
«так как»	ita, sic (ita)...ut	(così, sì) (come)	(así), (como)	(ainsi), si (comme)	(așa) (cum)
«чем»	quam	(che)	(que)	(cue)	ca
«чтобы»	ut (ne) quod,	(che) ЮН. ит. cu	(que) см. исп. ca	(que)	(să)
«что»	quia quid	che ЮН. ит. ca	que cm. исп. ca	que	că
«лишь бы»	dum, dummodo	(purché)	(para que)	(pourvu que)	
«для того, чтобы»	ut(ne)	(perché)	(para que)	(pour que, afin que)	(ca să)
«потому что»	quod, quia quoniam	(perché)	(porque)	(parce que)	(pentru că)
«если (бы) если не»	si nisi, si non	se se non	si si no	si si...ne	(dacă) (dacă nu)
«хотя»	quamquam tametsi	(benché)	(aunque)	(quoique, bienque)	(deși)
«даже если»	etiamsi	(anche se)	(aunque)	(même si)	(chiar dacă)
«как если бы»	velut, quasi	(come se)	(como si)	(comme si)	(ca și) cum)
«когда»	quum(cum)	(quando)	(cuando)	(quand)	(cînd)
«(до) пока»	dum, donec	(finché)	(hasta que)	(jusqu'à ce que)	(pînă ce)
«в то время как»	dum	(mentre)	(mientras que)	(pendant que)	(pe cînd)
«после того как»	postquam	(dopo che)	(despues que)	(après que)	(după ce)
«прежде чем»	antequam, priusquam	(prima che)	(antes que)	(avant que)	(înainte ce)
«как только»	cum primum	(appena)	(apenas)	(à peine)	(îndată ce)

союзов из предлогов, которые сохранились гораздо лучше союзов. Отношение деривации «предлог (наречие) — союз» существовало также в латыни, ср.: *ante* — *antequam*, однако, в романских языках эта словообразовательная модель получает почти неограниченную продуктивность.

4. Многие непроизводные союзы и союзные слова классической латыни в разговорном языке дублируются для пояснения наречием или синонимичным союзом. Так, из сочетания *dum* + *interim* (*interea*) «пока + между тем» возник романский союз *ст. фр. dementiers* (или *endementieres que*), *исп. mientras*, *ит. mentre* 'в то время как', 'пока'. Или: *лат. quam sic quomodo* > *рум. ca și cum* 'как будто'.

5. Многие временные, причинные, уступительные союзы, созданные в средневековых канцеляриях, вышли из употребления в современных языках из-за своей крайней тяжеловесности, как, например, *ст. итальянский con ciò sia cosa che*, означавший «потому что» или «хотя».

Относительное местоимение представляет собой подчинительный союз, слитый с местоименной анафорой. Латинское относительное местоимение *qui, quae, quod*, 'который, которая, которое' изменяется по родам, числам и падежам. В большинстве романских языков это местоимение сохранилось в единственной неизменяемой форме, восходящей к *лат. Асс. quem* > *ит. che*, *исп. que*, *порт. que*, *рум. se*; во французском языке сохранились две падежные формы: *N. qui* > *фр. qui*, *Асс. quem* > *que*.

Кроме того, все романские языки создали новое относительное местоимение, способное изменяться по числам и родам (а в румынском и по падежам) из сочетания вопросительного местоимения *qualis* с артиклем: *ит. il quale, la quale, i quali, le quali*; *исп. el cual, la cual, los cuales, las cuales*; *фр. lequel, laquelle* и т. п. В балканороманских языках эта форма в именительно-винительном падеже обоих чисел лишена артикля — *qualis, qualem* > *рум. care*, а в родительно-дательном восходит к сочетанию *qualis + illui, illei, illorum*, *рум. căru, cărei, căror*. Везде, кроме румынского, относительное местоимение, восходящее к *qualis* носит отпечаток книжности.

§ 103. Порядок слов. В латинском языке нормой считается конечное положение глагола-сказуемого, которому предшествуют дополнения и подлежащее: *verbo sensum cludere multo... optimum est; in verbis enim sermonis vis est* (Quintilianus, *Inst. orat.* IX, 3, 26). — «лучше всего заканчивать фразу глаголом, ибо в глаголе заключена сама суть речи». Однако порядок «субъект + объект + глагол», или «объект + глагол» — (S)O V — не был в латинском языке единственным нейтральным расположением слов. Начиная с самых ранних латинских надписей встречается немало примеров с центральной позицией глагола и с дополнением, следующим за глаголом — (S)V O. Распространенность порядка (S)V O в текстах, близких к разговорному языку — см., напр., прямая речь в «Пире Тримальхиона»: *non perdamus noctem* (Petr. 10, 6); *itaque dabimus operam* (Petr. 137, 8), *Notavimus etiam res novas* (Petr. 27, 3) — свидетельствует о стилистической дифференци-

ции двух моделей — традиционной классической SOV и более «аналитической» разговорной SVO, которая, по мнению некоторых лингвистов, отражает «естественный» ход мысли от известного к неизвестному, от определяемого к определению, и представляет более наглядно членение мысли на два элемента: субъект и предикат. Вместе с тем, количественное преобладание фраз с латинским порядком слов SOV в языке комедий Плавта, Теренция и др. не позволяет рассматривать SOV как искусственную конструкцию письменной классической латыни и устанавливать единые общечеловеческие образцы «естественного» хода мысли, независимые от языковой формы.

Латинская норма (S)OV была, несомненно, свойственна также и разговорному народному языку. Ее следы можно обнаружить в форме романского футурума *cantare + habeo*, где личный глагол следует за дополнением-инфинитивом, в придаточных предложениях, часто сохранявших в старых романских языках латинское словорасположение, в пословицах и устойчивых выражениях, например: *исп. A buen entendedor pocas palabras bastan*, *ит. A buon intenditore poche parole bastano* — «Понимающему человеку достаточно нескольких слов» и др.

Другой особенностью латинского словорасположения был так называемый гипербат, т. е. разъединение слов, образующих тесное синтаксическое единство. Широкое использование гипербата как риторического приема приводило зачастую к настоящей «*mixtura verborum*», порицаемой Квинтилианом (*Inst. or. VIII, 2, 14*), например: *utinam inter errem nuda leones* (*Horatius, Carm. III, 27, 51*) — «пусть бы я блуждала обнаженная среди львов».

Романские языки, повинувшись тенденции к стяжению синтаксических групп, или вовсе не допускают их разрыва (например, включения каких-либо слов между предлогом и управляемым существительным: *inter leones*) или допускают замыкание лишь модальных и вводных слов или наречий времени. Стяжение синтаксических групп и исчезновение падежной флексии в романских языках ограничили не только возможности гипербата, но и инверсии дополнения. Так, уже ни в одном из современных романских языков почти невозможно подчеркнуть эмфатически прямое дополнение путем замены SVO на OVS, как это делает Жуэнвиль (французский хронист XIII в.): «*Mout de chevaliers et d'autres gens tenoient li Sarrazins pris en une cour qui estoit close de mur de terre*» (*Chroniquers français, 1893, 100*) — «Много рыцарей и других людей держали сарацины взаперти во дворе, окруженном глиняными стенами».

Взамен частично утраченной подвижности порядка слов, романские языки создали не свойственные латыни средства синтаксического выделения «темы» и «ремы» сообщения. Широкое употребление выделительных конструкций типично для современного французского языка (тема: *ton père je l'ai vu* — «отца твоего я видел», рема: *c'est ton père que j'ai vu* — «я видел твоего отца» (а не кого-то другого), так как именно во французском языке порядок SVO наиболее жестко фиксирован и поэтому неспособен отражать изменения в коммуникативной перспективе предложения. В иберо-романских языках, а также в румын-

ском и итальянском сохраняется возможность экспрессивной инверсии подлежащего — VSO — и даже инверсии дополнения OVS, в случае резкого противопоставления ремы, например, *im. tuo fratello ho visto, non tuo padre* — ‘я твоего брата видел, а не твоего отца’.

§ 104. Сравнительная характеристика грамматических систем романских языков. Итак, помимо грамматических романизмов, общих всем романским языкам, но не свойственных классической латинской норме, существуют грамматические явления, характерные для одних романских языков, но не свойственные другим. Подсчет случаев частичного сходства и частичного расхождения между романскими языками позволяет определить количественно степень их структурной близости. С этой целью некоторые ученые (З. Мулянич, М. Илиеску, Дж. Б. Пеллегрини) использовали метод парных различительных признаков, включающих наличие формы и ее отсутствие или наличие двух разных форм для выражения одного и того же смысла. Сам выбор парных противопоставлений может быть субъективным, неполным и охватывающим неодинаковое количество языков у разных исследователей, так что абсолютные цифровые данные не будут точными и исчерпывающими, но относительная мера сходства (расхождения) между языками остается более или менее постоянной и достаточно объективной.

Для определения степени близости грамматических систем пяти ведущих романских языков обратимся к 26 парам различительных признаков, содержащих также итог описанных выше явлений:

№ 1. Число выражено морфемой, независимой от морфемы рода (исп., порт.) — морфемы рода и числа слиты (фр., ит., рум.).

№ 2. Род и число выражены детерминативом имени (фр.) — выражены флексией (ит., исп., порт., рум.).

№ 3. Наличие существительных обоюдного рода (ит., рум.) — отсутствие существительных обоюдного рода (исп., порт., фр.).

№ 4. Детерминативы имени склоняются (рум.) — не склоняются (ит., исп., порт., фр.).

№ 5. Наличие продолжения н. лат. форм *illui, illei, illoru(m)* (фр., ит., рум.) — отсутствие этих форм (исп., порт.).

№ 6. Детерминативы следуют за именем (рум.) — предшествуют имени (ит., фр., исп., порт.).

№ 7. Притяжательный детерминатив имеет только автономную форму (ит., порт., рум.) — имеет две формы — автономную и неавтономную (фр., исп.).

№ 8. Отношения устойчивой принадлежности выражены притяжательным местоимением (фр.) — выражены определенным артиклем и дательным падежом личного (возвратного) местоимения (ит., рум., исп., порт.).

№ 9. Формально различается отношение местопребывания (где) и места назначения (куда?) (исп., порт.) — эти отношения формально не различаются (фр., ит., рум.).

№ 10. Наличие партитивного артикля и партитивного неавтономного местоимения (фр., ит.) — отсутствие этих единиц в системе (исп., порт., рум.).

№ 11. Наличие неавтономных субъектных местоимений (фр.) — отсутствие этих единиц (исп., порт., ит., рум.).

№ 12. Наличие неавтономного нейтрально-субъектного местоимения из лат. *homo* (фр.) — отсутствие такой единицы (ит., исп., порт., рум.).

№ 13. Предложное оформление прямого дополнения при существительных лица (исп., порт., рум.) — беспредложное оформление такого дополнения (фр., ит.).

№ 14. Сравнительная степень выражена наречием *plus* (фр., ит.) — наречием *magis* (исп., порт., рум.).

№ 15. Наличие суффикса наречий *-mente* (фр., ит., исп., порт.) — отсутствие такого суффикса (рум.).

№ 16. Наличие форм, восходящих к лат. *canta(ve)ra(m)* (исп., порт.) — отсутствие таких форм (ит., фр., рум.).

№ 17. Наличие аналитической формы плюсквамперфекта, восходящей к лат. *habeba(m) cantatu(m)* (ит., исп., порт., фр.) — отсутствие такой формы (рум.).

№ 18. Наличие простого перфекта в системе разговорного языка (ит., исп., порт., рум.) — отсутствие такой формы (фр. и сард.).

№ 19. Футурум восходит к *cantare habeo* (ит., фр., исп., порт.) — к *volō cantare* (рум.).

№ 20. Наличие в системе языка имперфекта и плюсквамперфекта конъюнктива (фр., ит., исп., порт.) — отсутствие таких форм (рум. и разг. фр.).

№ 21. Наличие формы будущего в прошедшем (ит., фр., исп., порт.) — отсутствие такой формы (рум.).

№ 22. Наличие формы, восходящей к лат. *futurum II cantavero + perfectum conjunctivī cantaverim* (порт., исп.) — отсутствие такой формы (ит., фр., рум.).

№ 23. Префикс *ge-* продуктивен (ит., исп., порт., фр.) — не продуктивен (рум.).

№ 24. В перфективных временах в качестве служебных используются два глагола — *habere* и *esse* (ит., фр.) — один глагол *habere* (*tenere*) (исп., порт., рум.).

№ 25. Глагол *habere* в служебной и в автономной функции заменен глаголом *tenere* (порт.) — не заменен (исп., рум.).

№ 26. Дополнение при модальных и аспектуальных глаголах выражено инфинитивом (фр., исп.) — выражено личной формой (рум., порт.).

Максимальное количество общих признаков обнаруживается у испанского и португальского — 22 из 26. То же показывают и подсчеты М. Илиеску, которая, между прочим, отмечает, что количество расхождений между этими языками гораздо меньше, чем между двумя диалектами ретороманского языка — сурсельвским и энгадинским. По наблюдениям Е. М. Вольф испанский и португальский, имеющие почти одинаковые системы форм, расходятся на уровне их употреб-

ления: формы, ставшие архаичными или изменившие свое значение в испанском языке, сохраняются в португальском, наряду с синонимами более позднего происхождения (напр., плюсквамперфект индикатива имеет в португальском четыре варианта: простой, восходящий к латинскому плюсквамперфекту — *cantara* и три сложных: *havia cantado*, *tinha cantado* и *tivera cantado*). Сохранение свободного варьирования форм делает португальский похожим на старые романские языки.

Как испанский, так и португальский ближе всего стоят к итальянскому, совпадая с ним по 14 признакам (с французским соответственно по 10-ти и 8-ми, с румынским по 10-ти и 11-ти).

Для французского и для румынского также ближе всех других языков оказывается итальянский, совпадающий с ними соответственно по 16-ти и 12-ти признакам. Минимальное количество общих черт обнаруживается у румынского и французского — 5; специфические, присущие только одному языку, признаки распределяются так: 7 у румынского, 5 у французского, 1 у португальского (один признак № 26 — является общим только для португальского и румынского). Необходимо заметить, что некоторые признаки румынского, кажущиеся специфическими на фоне романских языков, объединяют румынский с балканскими языками — греческим, албанским, болгарским, и носят поэтому название балканизмов (см. § 47 о языковых союзах).

Грамматическими балканизмами являются: 1) образование будущего с помощью глагола «хотеть» — *lat. velle*, *н. lat. volere*; 2) устранение инфинитива из свободных синтаксических сочетаний; 3) общая форма для генитива и датива; 4) постпозиция определенного артикля и детерминативов. Многие совпадения румынского и южноитальянских диалектов также частично объясняются общими для них контактами с греческим.

Количественное «измерение дистанции» между языками показывает, что итальянский язык как прямой наследник народной латыни центральной Италии (где скрещивались «все дороги, ведущие в Рим») наименее своеобразен и обнаруживает много общих черт со всеми романскими языками. Южноитальянские диалекты, напротив, отличаются сохранением ряда архаизмов (напр., плюсквамперфекта индикатива) и наличием ряда специфических инноваций (напр., исчезновение инфинитива, замена глагола *habere* на *tenere*, следы личного инфинитива, предложное оформление прямого дополнения, выраженного одушевленным существительным), которые обнаруживаются также в языках романской «периферии» — в сардинском, румынском, португальском, отчасти испанском.

«Периферийность» — «центральность» языка также может быть определена количественно. Наиболее «центральным» (не только географически) является, как было сказано, литературный итальянский (тосканский) язык, содержащий максимальное количество совпадений с другими языками. Наиболее периферийным (по данным Дж. Б. Пеллегрини) оказывается сардинский, за ним следуют румынский и французский.

Несмотря на расхождения по некоторым признакам, романские грамматические системы развивались из народной латыни в одном направлении и, в отличие от фонетических систем, сохраняют не только генетическую, но и типологическую общность.

Общая типологическая характеристика, отличающая романские языки от латыни, заключается в перемещении грамматической нагрузки с морфологических средств на синтаксические (полное или частичное вытеснение падежной флексии существительных предложными конструкциями, фиксация порядка слов, стяжение синтаксических групп), в образовании новых, неизвестных латыни синтактико-аналитических форм (артикль + имя, местоименная частица + глагол), в увеличении количества морфолого-аналитических форм (сложные глагольные времена, глагольные конструкции с видовым и каузативным значением, аналитические степени сравнения). Все эти особенности романских языков позволяют отнести их к языкам аналитического типа, в отличие от латыни, принадлежащей к языкам синтетическим.

Раздел третий. ЛЕКСИКА

Глава I. ОБЩЕРОМАНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

§ 105. Этимологические словари. Помимо сходства грамматических систем, о близком родстве романских языков свидетельствует общность их лексики, унаследованной от латыни. Латинский фонд романских языков представлен исчерпывающим образом в двух знаменитых этимологических словарях: это EWRS (*Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen*. Bonn, 1853, V ed., 1887) Фридриха Дица и REW (*Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1911, III ed., 1935) Вильгельма Мейера-Любке.

Остановимся на их краткой характеристике. Ф. Диц в предисловии к первому изданию EWRS говорит о том, что задача этимологии — «возвести слово к его источнику на основании правил и принципов, найденных учением о звуках». Для словника Дицом были отобраны наиболее употребительные слова; из редких включены только слова с интересной этимологией. Словарь разделен на две части. В первую включены слова, общие всем романским языкам или большинству из них (во главе словарной статьи этой части помещается итальянское слово, далее — французское, провансальское, испанское, португальское, каталанское, румынское и в конце — латинская или народно-латинская исходная форма). Вторая часть содержит перечисление слов латинского происхождения, свойственных только одной из трех областей: иберо-романской, галло-романской или итало-романской. О балкано-романской области Диц лишь добавляет: «для валашской же дочери, выросшей на чужбине, вдали от своей римской матери, не отвел я отдельного места и упоминаю о ней лишь в некоторых случаях при сравнении с другими». При установлении этимологии Диц не считает возможным возводить какое-либо слово непосредственно к долатинским языкам, в частности, к иберийским даже в том слу-

чае, когда в современных иберо-романских языках существуют отдельные слова, имеющие аналогии в баскском (напр., *исп.* izquierdo, *порт.* esquerdo, *кат.* esquerra, *баск.* ezker): подобные «иберийские» вкрапления в романскую лексику не определены хронологически и своей крайней немногочисленностью лишь служат иллюстрацией того, «сколь велика была разрушающая сила Рима, когда дело касалось уничтожения национальных черт завоеванных народов» (F. Diez, 1853, 12).

Словарь Мейера-Любке REW (особенно его 3-е издание, 1935) представляет собой гораздо более обширный справочник. Он содержит 9721 слово и включает все слова непрерывной устной традиции (и ранние латинизмы), нашедшие продолжение в каком-либо романском языке или диалекте. Нелатинские элементы романской лексики — германизмы, грецизмы, арабизмы — представлены только в том случае, если они выходят за рамки одного романского языка. Во главе словарной статьи помещено латинское слово, зарегистрированное в текстах или реконструированное (со звездочкой) и вслед за ним — его романские продолжения (с востока на запад): в румынском, вельотском (= далматинском), итальянском, сардинском, энгадинском, фриульском, ст. французском, французском, провансальском, каталанском, испанском, португальском, а иногда и в диалектах перечисленных языков. На основании этих данных складывается достаточно полная картина географического распространения слова. В предисловии к 3 изд. Мейер-Любке отмечает, что «этимология, т. е. исследование происхождения слова, превратилось с течением времени в историю слова, т. е. в описание причин его географического распространения, изменения его значений, его замены другими словами, его способности к словообразованию. Все это можно воспроизвести только в монографиях. Этимологический словарь вынужден ограничиться намеком на все эти вещи» (М.—Л., REW, 1935, 8).

В конце словаря приложен регистр всех приведенных в словарных статьях романских слов с указанием номера той словарной статьи, где они упоминаются. Например, если нужно найти этимологию французского слова *aveugle* и его географическое распространение, мы находим его в регистре с отсылкой к статье № 33, где можно прочесть следующее (даем немецкое толкование в переводе): «*aboculis* — *фр.* aveugle, *ит.* avocolo, *милан.* avogol; слово происходит из языка врачей, где оно встречается как перевод с греческого *ἀρ' οφθαλμῶν* — 'без глаз', см. Diez, с. 32». Ссылка на словарь Дица объясняется тем, что там можно найти дополнительные сведения, а именно: «Общероманским словом для значения «слепой» является прилагательное *saecus*, существовавшее также и в старофранцузском *ciu*; оно неизвестно лишь в Дакии, где оно было заменено словом *orbus* > *orib*; *ит.* avocolo вышло из употребления, но глагол *avocolare* встречается в диалектах; что касается *ab-oculis*, оно образовано по аналогии с *abnormis*, *atens*».

Более подробные сведения о происхождении и истории романских слов можно найти в этимологических словарях отдельных романских языков.

Важнейшим из них является словарь Вальтера фон Вартбурга FEW (*Französisches etymologisches Wörterbuch*, Bonn-Tübingen-Basel T. 1 — 1922, т. 21 — 1970, предполагается 25—26 томов). Его создание было делом жизни Вартбурга, дописавшего словарь в год своей смерти (1971 г.). Материалы словаря продолжают издаваться Куртом Балдингером в Тюбингене. Первые 16 томов занимают слова латинского и греческого происхождения, далее следуют слова, восходящие к германским, кельтским, арабским и неизвестным этимонам. FEW является сводом монографий о словах, с подробным описанием истории каждого из них, и не предназначен для широкого читателя.

Отметим далее следующие этимологические словари, пользующиеся наибольшей популярностью:

1. **Ernout A. et Meillet A.** Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-e ed. Paris, 1967.

2. **Block O. et Wartburg W.** Dictionnaire étymologique de la langue française. 5-e ed. Paris, 1968.

3. **Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.** Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1964.

4. **Corominas J.** Diccionario critico etimologico de la lengua castellana I—IV, Bern, 1954—1957 и его сокращенное издание в одном томе: Breve diccionario etimológico de la lengua castellana III ed. Madrid, 1976.

5. **Battisti C., Alessio G.** Dizionario etimologico italiano, I—V, Firenze, 1950—1957.

6. **Prati V.** Vocabolario etimologico italiano, Torino, 1951.

7. **Fabra P.** Diccionari general de la llengua català. Barcelona, 1954.

8. **Nascentes A.** Dicionário etimológico da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1932.

9. **Wagner M. L.** Dizionario etimologico sardo. Heidelberg, 1957—1961.

10. **Puscariu S.** Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905.

11. Скурт диционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978.

§ 106. Народно-латинское лексическое наследие (исконная романская лексика). Как известно, словарь каждого языка, включающий десятки тысяч слов, складывается из множества лексических пластов разной давности и различного происхождения. Однако основой лексики является сравнительно небольшое количество слов, определяющее принадлежность языка к той или иной группе генетически родственных языков (например, к индоевропейским языкам, а внутри них — к славянским, германским, романским и пр.).

Генетической основой словаря романских языков являются так называемые «исконные» слова, перешедшие из поздней разговорной латыни в романскую речь по непрерывной устной традиции, и поэтому претерпевшие все фонетические изменения, типичные для каждого данного ареала. Как правило, слова исконного романского фонда обозначают повседневные предметы и понятия.

Общее количество слов, перешедших по непрерывной устной традиции из разговорной латыни в романские языки равно приблизительно 6700 (по данным REW). Из них 1300, т. е. около 20%, сохранилось во всех романских языках, 3900, т. е. около 58% — в некоторых языках и 1500, т. е. около 22% — в каком-либо одном языке ¹.

Как этимология, так и географическое распределение слов исконного романского фонда неоднородны. Здесь мы находим:

1) слова собственно латинского происхождения или ранние грецизмы типа *schola*, *самега*, стилистически нейтральные, в равной степени употребительные как в классической, так и в народной латыни. Все они, как правило, единообразно отражены во всех романских языках, например:

Значение кл. лат.		н. лат.	романские языки
«земля»	<i>terra</i>	<i>terra</i>	<i>ит. terra, исп. tierra, фр. terre (рум. țară — 'страна')</i>
«небо»	<i>caelum</i>	<i>celu</i>	<i>ит. cielo, исп. cielo, фр. ciel рум. cer</i>
«море»	<i>mare</i>	<i>mare</i>	<i>ит. mare, исп. mar, фр. mer, рум. mare</i>
«человек»	<i>homo</i>	<i>omo</i> <i>omine</i>	<i>ит. uomo, исп. hombre, фр. homme, рум. om</i>
«глаз»	<i>oculus</i>	<i>oclu</i>	<i>ит. occhio, исп. ojo, фр. œil, рум. ochi</i>
«жизнь»	<i>vita</i>	<i>vita</i>	<i>ит. vita, исп. vida, фр. vie (рум. viață; vită — 'животное')</i>
«смерть»	<i>mors</i>	<i>morte</i>	<i>ит. morte, исп. muerte, фр. mort, рум. moarte</i>
«делать»	<i>facere</i>	<i>facere</i>	<i>ит. fare, исп. hacer, фр. faire, рум. a face</i>
«чувствовать»	<i>sentire</i>	<i>sentire</i>	<i>ит. sentire, исп. sentir, фр. sentir, рум. a simți</i>
«верить»	<i>credere</i>	<i>credere</i>	<i>ит. credere, исп. creer, фр. croire, рум. a crede</i>
«спать»	<i>dormire</i>	<i>dormire</i>	<i>ит. dormire, исп. dormir, фр. dormir, рум. a dormi</i>
«видеть»	<i>videre</i>	<i>vedere</i>	<i>ит. vedere, исп. ver, фр. voir, рум. a vedea</i>

2) слова собственно латинские или заимствованные, употреблявшиеся преимущественно в разговорной или только в разговорной латыни всей (или большей части) Романии; соответствующие им по значению классические латинские слова, исчезнувшие из устной традиции, не имели продолжения в исконной романской лексике:

¹ См. Сергиевский М. В. Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания. — Вестник МГУ, № 1, 1946.

лат.		н. лат.	романские языки	
«камень»	<i>lapis</i>	<i>petra</i> (греч.)	<i>ит.</i> <i>pietra</i> , <i>фр.</i> <i>pierre</i> ,	<i>исп.</i> <i>pedra</i> , <i>рум.</i> <i>piatră</i>
«огонь»	<i>ignis</i>	<i>focus</i> (кл. лат. 'очаг')	<i>ит.</i> <i>fuoco</i> , <i>фр.</i> <i>feu</i> ,	<i>исп.</i> <i>fuego</i> , <i>рум.</i> <i>loc</i>
«лошадь»	<i>equus</i>	<i>caballus</i> (кл. лат. 'ломовая лошадь')	<i>ит.</i> <i>cavallo</i> , <i>фр.</i> <i>cheval</i> ,	<i>исп.</i> <i>caballo</i> , <i>рум.</i> <i>cal</i>
«низкий»	<i>humilis</i>	<i>bassus</i>	<i>ит.</i> <i>basso</i> , <i>исп.</i> <i>bajo</i>	<i>фр.</i> <i>bas</i> , (рум. <i>jos</i>)
«нести»	<i>ferre</i>	<i>portare</i>	<i>ит.</i> <i>portare</i> , <i>рум.</i> <i>a purta</i>	<i>фр.</i> <i>porter</i> , (исп. <i>llevar</i>)
«продавать»	<i>emere</i>	<i>comparare</i> (кл. лат. 'сравнивать')	<i>ит.</i> <i>comprare</i> , <i>рум.</i> <i>a cumpăra</i> , (фр. <i>acheter</i>)	<i>исп.</i> <i>comprar</i>
«война»	<i>bellum</i>	<i>wirga</i> (герм.)	<i>ит.</i> <i>guerra</i> , <i>фр.</i> <i>guerre</i>	<i>исп.</i> <i>guerra</i> , (рум. <i>război</i>)

3) слова собственно латинские или заимствованные, употреблявшиеся в поздней разговорной латыни какого-либо отдельного ареала. Народно-латинские инновации, распространенные в изолированных ареалах и перешедшие по непрерывной устной традиции в соответствующие романские языки, можно назвать специфическими. Кроме упомянутых выше *рум.* *jos* 'низкий' < *лат.* *deorsum* 'внизу', *исп.* *llevar* 'нести' < *лат.* *levare* 'поднимать', *фр.* *acheter* 'покупать' < *н. лат.* **accaptare* 'захватывать', приведем еще несколько примеров специфических инноваций народно-латинского периода в основных романских языках.

Итальянский: 'забывать' — *dimenticare* (*фр.* *oublier*, *исп.* *olvidar*, *рум.* *a uita* < *н. лат.* *oblitare*); 'прежде' — *prima* (*исп.* *antes*, *фр.* *avant*, *рум.* *înainte* < *лат.* *ante*, *н. лат.* *ab ante*, *in ante*); 'тот же самый' — *stesso* < *н. лат.* *iste* + *ipse* (*исп.* *mismo*, *фр.* *même*).

Французский: 'слепой' — *aveugle* < *н. лат.* *ab oculis* — (*ит.* *cieco*, *исп.* *ciego*, *ст. фр.* *cieu* < *лат.* *caecus*); 'голова' — *tête* < *лат.* *testa* 'черепок' (*ит.* *capo*, *рум.* *cap*, *ст. фр.* *chief* < *лат.* *caput*); *ит.* *testa*, *исп.* *tiesta* — ранние заимствования из *фр.*); 'сад, огород' — *verger* < *н. лат.* *viridiarium* (*ит.* *orto*, *исп.* *huerto* < *лат.* *hortus*); 'жена' — *femme* < *лат.* *femina* 'женщина, самка' — (*ит.* *moglie* < *лат.* *mulier*, *исп.* *mujer*, *порт.* *mulhér*, *ст. фр.* *moilliér* < *н. лат.* *mulière(m)* — 'женщина', 'замужняя женщина'); 'давать' — *donner* < *лат.* *donare* 'дарить' (*ит.* *dare*, *исп.* *dare*, *рум.* *a da* < *лат.* *o dare*); 'вести' — *mener* < *лат.* *minare* 'гнать скот' (*ит.* *portare*, *исп.* *llevar* объединяют значения «вести» и «нести»).

Испанский: 'брат' — *hermano*, *порт.* *irmão* < *лат.* *frater germanus* 'единокровный брат' (*ит.* *fratello*, *рум.* *frate*, *фр.* *frère*); 'голова' —

cabeza, *порт.* cabeça < *н. лат.* *capitia (*ит.* capo, *рум.* cap, *фр.* chef < *лат.* caput); 'кровать' — сама, *порт.* сама — неясн. этим. (*ит.* letto, *фр.* lit, *кат.* llit < *лат.* lectum 'кровать'; *исп.* lecho, *порт.* leito — 'ложе'); 'иметь' — tener, *порт.* ter < *лат.* tenere 'держатъ' (*ит.* avere, *фр.* avoir, *рум.* a avea < *лат.* habere); 'быть' — ser, *порт.* ser < *лат.* sedere 'сидеть' (*ит.* essere, *фр.* être < *н. лат.* *essere); 'хотеть' — querer, *порт.* querer < *лат.* quaerere 'искать' (*ит.* volere, *фр.* vouloir, *рум.* a vrea < *н. лат.* volere); 'оставаться, пребывать' — quedar, < *н. лат.* quietare 'успокаиваться' (*ит.* restare, *риманере*, *фр.* rester, *рум.* a rămîne).

Португальский (*н. лат.* инновации, не совпадающие с испанскими): 'забывать' — esquecer < *н. лат.* *excadescere 'выпадать' (*исп.* olvidar, *рум.* a uita, *фр.* oublier < *н. лат.* oblitare); 'класть, валить' — deitar < *н. лат.* deiactare (*ит.* cogenicare, *фр.* coucher, *рум.* a culca < *лат.* collocare 'помещать'); 'запирать' — fechar < *н. лат.* *pessulare, от *лат.* pessulus 'засов'; 'оставаться' — ficar < *н. лат.* *figicare, от *лат.* figere 'вбивать, укреплять'), 'близко' — perto < *лат.* praesto 'быстро'; 'вчера' — ontem < *лат.* ad noctem.

Румынский: 'сердце' — inimă < *лат.* anima 'душа'; 'душа' — suflet < от *лат.* sufflare 'дуть'; 'слово' — cuvînt < *лат.* conventum 'договор' (*ит.* parola, *исп.* palabra, *фр.* parole < *н. лат.* (греч.) parabula 'рассказ, притча'); 'рот' — gură (ср. народн. *фр.* gueule) < *лат.* gūla 'горло' (*др. ром. яз.* — от *лат.* bucca); 'нога' — picior < *лат.* petiolus 'ножка, стебель' (*др. ром. яз.* — от *лат.* pes, pedem); 'большой' — mare < *лат.* mas, mare(m) 'мужского пола, мужественный' (*др. ром. яз.* — от *лат.* grandis); 'сильный' — tare < *лат.* talis, tale(m) 'такой' (*ит.* forte, *исп.* fuerte, *фр.* fort, *лат.* fortis); 'очень' — foarte < *лат.* fortis (*ит.* molto, *исп.* mucho < *лат.* multum).

4) слова архаической или классической латыни, вышедшие из употребления в поздней разговорной латыни большей части Рومании, но сохранившиеся в разговорной латыни какого-либо изолированного ареала. Относительно всех прочих романских слов непрерывной устной традиции такие слова можно рассматривать как архаизмы. «Архаичными» могут быть как форма (означающее), так и значение слов. Наибольшее количество «архаизмов» сохранилось в изолированных окраинных ареалах:

Сардинский: 'дом' — domus < *лат.* domus (*ит.* casa, *исп.* casa, *рум.* casă; *ит.* duomo, *фр.* dôme имеют значение «собор»); 'дверь' — gianna < *лат.* ianua (*др. яз.* от *лат.* porta); 'большой' — manni < *лат.* magnus (*др. яз.* от *лат.* grandis); 'завтра' — cras < *лат.* cras; 'быстро' — kitto < *лат.* cito (тот же архаизм представлен в *порт.* cedo).

Румынский: 'знать' — a ști < *лат.* scire (*др. яз.* от *лат.* sapere); 'думать' — a cugeta < *лат.* cogitare (*др. яз.* от *лат.* pensare); 'белый' — alb < *лат.* albus (*др. яз.* от *герм.* blank); 'прыгать' — a sări < *лат.* salire (*др. яз.* от *лат.* saltare); *рум.* a sări 'прыгать' может рассматриваться также как семантический архаизм, так как *лат.* глагол salire 'прыгать' в других романских языках изменил свое значение: *ит.* salire 'подниматься', *исп.* salir 'выходить', *фр.* saillir 'выдаваться впе-

ред'. Старое латинское значение сохранил в румынском также глагол *a mîna* < *lat. mînare* 'гнать (скот)' (*фр. mener* 'вести') и др.

Испанский: 'страх' — *miedo* < *lat. metus* (др. яз. от *лат. pavor*, *н. лат. pavura*); 'есть' — *comer* < *лат. comedere* (др. яз. от *н. лат. manducare*). Многие архаизмы являются общими для двух противоположных «окраин» Римской империи — Испании и Дакии, где не успели укорениться лексические инновации, возникшие в центре Романии. Ср., например, 'больше' — *исп., порт. mas*, *рум. mai* < *лат. magis* (*ит. più*, *фр. plus* < *лат. plus*); 'стол' — *исп., порт. mesa*, *рум. masă* < *лат. mensa* (*ит. tavola*, *фр. table* < *н. лат. tabula*); 'кипеть' — *исп. hervir*, *порт. ferver*, *рум. a fierbe* < *лат. fervere* (*ит. bollire*, *фр. bouillir* < *н. лат. bullire*); 'кобыла' — *исп. yegua*, *порт. egoa*, *рум. iară* < *лат. equa* (*ит. cavalla*, *фр. jument*). Однако *ст. фр. ive*, *ст. пров. ega* показывают, что вытеснение *лат. equa* произошло не в народной латыни Галлии, а уже в романских диалектах и языках Франции и что *ит. cavalla* было народно-латинской (или уже итальянской) инновацией, не распространившейся за пределы Италии.

Границы между перечисленными четырьмя типами исконных слов не могут быть строго установлены, так как специфическая инновация в области значения может объединяться с «архаичностью» означаемого. Например, *лат. petere*, *н. лат. petire* «просить» было вытеснено в разговорной латыни Италии и Галлии синонимом *лат. precare* 'умолять' > *ит. pregare*, *фр. prier*, но сохранилось на «окраинах»: в испанском *pedir* 'просить' и в румынском *a reji* 'просить в жены, сватать' (смысловая инновация).

Сравнение современных литературных романских языков не позволяет точно установить область распространения того или иного слова в поздней народной латыни и время его исчезновения или появления в том или ином романском языке. Только историческая лингвогеография, основанная на изучении поздних латинских и ранних романских текстов, позволяет расширить наши сведения о жизни слов древней Романии. Так, выше было упомянуто румынское слово *alb* 'белый' в ряду архаизмов, ограниченных балкано-романским ареалом. Однако в первом итальянском тексте — Веронской загадке (*Indovinello veronese*, VIII в. н. э.) говорится о *alba pratalia* 'белом луге', и о *albo versorio* 'белом плуге', а в некоторых северно-итальянских и ретороманских диалектах существуют потомки латинского *albus*. Еще один пример:

Из сопоставления *лат. apis* 'пчела' > *ит. ape* и *н. лат. apicula* > *исп. abeja*, *фр. abeille* 'пчела' можно предположить, что в народной латыни Испании и Галлии *кл. лат. apis* исчезло и его место заняло уменьшительное образование *apicula*. Тем не менее *ст. фр. eī(es)* 'пчела' и *сев. фр. диал. e(es)* показывают, что форма *apis* была известна также в Сев. Галлии (Франции). Более того, фонетическая форма *совр. фр. abeille* свидетельствует о южном происхождении этого слова, так как согласно фонетическим законам раннего старофранцузского, интервокальные *-p-* и *-b-* давали *-v-* (ср. *sapere* > *фр. savoir*, *habere* > *avoir*). Следовательно, слово *abeille* проникло в *ст. француз-*

ский из провансальского сравнительно поздно, уже после прекращения действия закона $-b- > -v-$.¹

Из сказанного следует: 1) различия в словарном составе между романскими языками были заложены уже в самой народно-латинской лексике; 2) лексические изменения в поздней народной латыни и изменения, относящиеся к раннему романскому периоду нельзя строго разграничить из-за исторической изменчивости изоглосс: слова, возникшие в народной латыни одной из областей (например, в Галлии *н. лат. adripare > фр. arriver* 'прибывать') переходили в соседние области (*ит. arrivare* 'прибывать' — ранний галлицизм) уже в период зарождения романских языков.

Глава II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 107. Пути замены наименований и типы изменения значений слов.

Замена первоначального латинского наименования происходила: а) путем заимствования означающего из другого языка, напр., *лат. bellum* — *герм. wirra > ит. guerra, исп. guerra, фр. guerre* (*рум. război* — *слав.*); б) путем словопроизводства: 1) суффиксального (*лат. sol* 'солнце' — *н. лат. soliculum > фр. soleil* 'солнце'; *лат. cor* 'сердце' — *н. лат. coratione(m) > исп. corazón* 'сердце'); 2) префиксального (*лат. edere* 'есть' — *н. лат. comedere > исп. comer* 'есть'; *лат. lavare* 'мыть' — *н. лат. *experlavare > рум. а spăla* 'мыть').

Смещение значения слова происходит по общим семантическим законам (которые проявляются как при фигуральном употреблении слова, так и при диахронических сдвигах в его семантической структуре):

а) расширение и сужение значения (антономасия, синекдоха): *ст. фр. Renard* (имя лисы в баснях) $>$ *фр. renard* 'лиса'; *лат. domina* 'госпожа' $>$ *ит. donna* 'женщина'; *лат. mulier* 'женщина' $>$ *ит. moglie* 'жена'; *лат. barone(m), varone(m)* 'наемный солдат' $>$ *исп. varón* 'мужчина'; *лат. materia* 'материал, материя' $>$ *исп. madera* 'древесина'; *лат. passer* 'воробей' $>$ *исп. pájaro* 'птица', *рум. pasăre* 'птица'; *лат. pecus, pl. pecora* 'скот' $>$ *ит. pecora* 'овца'; *лат. ponere* 'класть' $>$ *фр. pondre* 'класть яйца'; *лат. trahere* 'тянуть, вынимать' $>$ *ст. фр. traire* 'тянуть, вынимать' $>$ *фр. traire* 'доить'; *лат. adripare* 'причаливать' $>$ *фр. arriver* 'приходить, приезжать'; *лат. petere, н. лат. petire* 'просить' $>$ *рум. а реџи* 'просить в жены, сватать'; *лат. mīnare* 'гнать скот' $>$ *фр. mener* 'вести', хотя *рум. а мѝна* 'гнать'. Интересен также пример сужения значения латинского глагола *collocare* 'помещать' $>$ *ит. cogicare* 'укладывать (в постель)', *фр. coucher* 'укладывать (в постель)', *рум. а culsa* 'укладывать (в постель)', но *исп., порт. colgar* 'вешать'.

б) перенос значения на основании смежности понятий (метонимия): *лат. focus* 'очаг' $>$ *ит. fuoco, исп. fuego, фр. feu, рум. foc* 'огонь', *лат. bucca* 'внутренняя часть рта, щека' $>$ *ит. bocca, исп. bosa, фр.*

¹ См. Йордан Й. Романское языкознание. М., 1971, с. 257.

bouche 'рот'; *лат.* monumentu(m) 'памятник' > *рум.* mormînt 'могила'; *лат.* palude(m) 'болото' > *рум.* pădure 'лес'; *лат.* monte(m) 'гора' > *исп.* monte 'лес'; *лат.* barbatus (homo) 'бородатый (человек)', *рум.* bărbat 'мужчина'. В последнем примере метонимия совмещена с расширением значения.

У слов, обозначающих признак предмета, метонимический перенос часто сводится к превращению сопровождающего (оценочного) значения в основное, например, *лат.* reus 'преступник' > *ст. ит.* rio, *рум.* rău 'плохой', или *лат.* captivus 'пленный' > *ит.* cattivo 'плохой', *фр.* chétif 'болезненный, слабый'; *лат.* dolente(m) 'больной' > *кат.* dolent 'плохой', хотя *исп.* doliente, *порт.* dolente 'больной, слабый, горестный'. Иногда значение сдвигается на одно звено в цепочке последовательных состояний или действий, например, латинское слово sponsus 'обрученный, жених' в романских языках сохранилось в значении «муж», а румынское слово nevastă значит не «невеста», а «жена». Особенно часто подобные сдвиги «на один шаг» наблюдаются в значениях глаголов, например: *лат.* plicare 'сгибать, складывать (паруса, палатки)' > *исп.* llegar, *порт.* chegar 'приходить, приезжать', *рум.* a pleca 'уходить, уезжать', *лат.* comparare 'сравнивать, прикидывать' > *исп.*, *порт.* comparar, *ит.* comparare, *рум.* a compara 'покупать' (ср. употребление *совр. фр.* payer 'платить' в значении acheter 'покупать'); или *лат.* sapere 'иметь вкус' > *ит.* sapere, *исп.* saber, *фр.* savoir 'знать'; или *лат.* gustare 'пробовать' > *исп.* gustar 'нравиться', *порт.* gostar 'нравиться, любить'; или *лат.* quaerere 'искать' > *исп.* querer 'хотеть', 'любить'; *лат.* afflare 'веять, дуть, доносить запах' > *исп.* hallar 'находить', *рум.* a afla 'узнавать, находить';

в) перенос значения на основании сходства понятий (метафора). В основе метафоры лежит скрытое сравнение, а ее первоначальной целью является образное представление понятия, его необычное косвенное наименование, для того чтобы привлечь внимание слушателя¹. Образная характеристика сообщает наименованию мотивированность (прозрачность этимологии), которая сохраняется и при утрате экспрессивной окраски. Метафора часто комбинируется с синекдой и метонимией. Примеры: *лат.* testa 'черепок' > *фр.* tête 'голова', *рум.* țeastă 'череп'; *лат.* rostrum 'клюв' > *исп.* rostro 'лицо'; *лат.* gurgēs 'пропасть, водоворот' > *фр.* gorge 'горло'; *лат.* ruga 'морщина'; *ст. исп.* rúa 'тропинка, деревенская улица', *порт.* rua 'улица', *фр.* rue 'улица'; *лат.* calare 'ставить судно на прикол'; 'ослаблять', 'опускать' > *исп.* callar 'молчать', т. е. «опускать голос», хотя *ит.* calare 'опускать', *фр.* caler 'ставить машину'¹.

§ 108. Причины лексических изменений. Сохранение или изменение отношения между означающим и означаемым слова, а также появление новых лексических единиц, обозначающих новые понятия, обусловлено как внешними социолингвистическими, так и внутриязыковыми факторами.

¹ См. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963, с. 60—80.

К социолингвистическим предпосылкам относятся:

1. Контакты с иноязычными народами (о словах, проникших в народную латынь и ранние романские языки из языков субстратов и суперстратов см. выше, § 40).

2. Политические, социально-экономические и культурные изменения в эпоху поздней Римской империи и раннего Средневековья. Обратим внимание на следующие явления:

а) Переоценка культурных ценностей («инверсия престижа»), связанная с распространением христианства. Запрещение читать и изучать классических латинских авторов и ориентация христианских проповедников на язык простонародья приводит к полному исчезновению из языка латинских слов «высокого стиля», не употреблявшихся в разговорной речи, например, *pulcher* 'красивый' заменилось полностью своими разговорными синонимами *bellus* > *ит.* *bello*, *фр.* *bel* (*beau*) и *formosus* > *исп.* *hermoso*, *рум.* *frumos*; *interficere* 'убивать' заменилось на *occidere* > *ит.* *uccidere* и *mactare* > *исп.* *matar*; *ferre* 'нести' на *portare*, *сгуог* 'кровь' на *sanguis* и т. п.

б) Принятие в качестве образца речи «простых людей» — ремесленников, воинов, моряков, ветеринаров и т. п. — приводит к широкому распространению специальной лексики. Специальные термины, попав в общий язык, расширяли свое значение и вытесняли классические латинские слова, например, «нога, голень» *лат.* *crus* заменилось на (греч.) *camba* 'скакательный сустав у животных' > *ит.* *gamba*, *фр.* *jambe* 'нога' и (греч.) *perna* 'задняя нога у животных' > *исп.* *pierna* 'нога'; 'война' *лат.* *bellum* заменилось на (герм.) *wirga* > *ит.* *guerra*; 'приходить' *лат.* *advenire* заменилось на *adripare* 'причаливать' > *фр.* *arriver* 'приходить, прибывать' и т. п.

В общий язык проникали также элементы христианской фразеологии. Так, слово (греч.) *parabula* (Christi) 'притча' (Христа), 'слово божье', приобретает значение 'слово' вообще: *ит.* *parola*, *исп.* *palabra*, *фр.* *parole*. *Captivus* (*diaboli*) 'плененный (дьяволом)' получает в итальянском языке значение 'плохой' — *cattivo*, во французском 'хилый' — *chétif* и др.

в) Феодализация хозяйственной и политической жизни, разрушение дорог, укреплений, городов и общий материальный упадок меняют сами обозначаемые предметы, их роль в жизни людей, а тем самым и обозначаемые словами понятия. 'Убогая хижина' — *лат.* *casa* принимает значение 'дом' вообще; 'рабочая лошадь, кляча' — *лат.* *caballus* начинает обозначать «лошадь» вообще. 'Деревенское поместье' — *villa* принимает в Галлии — Франции значение 'город'. Таким образом, этимология слов часто отражает материальные и культурные условия жизни народа в момент образования его языка. Так, 'тропинка' *лат.* *callis* > *ит.* *calle*, *исп.* *calle*, *рум.* *cale* получает значение 'путь', 'улица'; знаменитый мост через Дунай, построенный по приказу Траяна, считавшийся восьмым чудом света (см. Н. Г. Корлэтану, 1974, 36), не оставляет следов в памяти романского народа Балкан, и даже само латинское слово 'мост' — *pons*, *ponte(m)*, продолжается в румынском *punte* лишь в значении «жердочка, мостик» (*рум.* *pod* 'мост' славянского происхождения).

К внутриязыковым причинам лексических сдвигов относятся:

1. Фонетическая краткость слова и возникновение «неудобных» омонимов в результате фонетических изменений. Так, глагол *edere* был фонетически «укреплен» приставкой *com-* еще в архаической латыни, *comedere* > *исп.* *comer*; глагол *igē* или вовсе исчез, как в итальянском, французском, румынском или в презенсе был заменен глаголом *vadere*, как в испанском. Латинское слово *ōs* ‘рот’ исчезло повсеместно, заменившись словом *būssa* ‘щека’ (в балкано-романском ареале — словом *gula* ‘горло’).

Согласно фонетическим законам староиспанского языка *н. лат.* *camba* ‘нога’ должна была совпасть по звучанию со словом *сата* ‘кровать’ и поэтому заменилось словом *регна* > *исп.* *piegna* ‘нога’.

Согласно фонетическим законам старофранцузского языка *лат.* *apis* ‘пчела’ и *лат.* *avis* ‘птица’ должны были звучать одинаково. Чтобы избежать этой омонимии, *ст. фр.* *ef*, *es* заменилось в значении «пчела» провансальским заимствованием *abelha* > *abeille*, а в значении «птица» распространилось уменьшительное образование *avicellum* > > *фр.* *oiseau* ‘птица’.

2. Системный характер связи между лексическими единицами в лексико-семантических группах, где замена означающего или означаемого одной из единиц вызывает «цепную реакцию» смещений у других единиц.

Например, исчезновение латинского слова *os* ‘рот’ вызвало переосмысление слова *būssa* (‘щека’ → ‘рот’) а также латинского слова *gula* в румынском и народном французском (‘горло’ → ‘рот’). В свою очередь, для понятия «щека» во всех языках, кроме испанского, были заимствованы: в итальянском *герм.* *guancia*, во французском кельт. *joue*, в румынском и молдавском *слав.* *obraz*; в испанском же «щека» передается через слово *mejilla*, восходящее к *лат.* *maxilla* ‘челюсть’, а для ‘челюсти’ возникает производное от греческого корня *quijada* < **capsata*, от *capra* ‘ящик’. В связи с изменением значения *лат.* *gula* во французском и румынском возникли новые означающие для понятия «горло»: *фр.* *gorge* < *лат.* *gurgēs* ‘пропасть’, *рум.* *gît*, *gîtlej* (слав). При этом наименьшее количество лексических замен дает итальянский, наибольшее — испанский и румынский:

<i>лат.</i>		<i>ит.</i>	<i>исп.</i>	<i>фр.</i>	<i>рум.</i>
«челюсть»	<i>maxilla</i>	<i>mascella</i>	<i>quijada</i>	<i>machoir</i>	<i>falcă</i>
«щека»	<i>bucca</i>	<i>guancia</i>	<i>mejilla</i>	<i>joue</i>	<i>obraz</i>
«подбородок»	<i>mentum</i>	<i>mento</i>	<i>barba</i>	<i>menton</i>	<i>bărbie</i>
«рот»	<i>os</i>	<i>bocca</i>	<i>boca</i>	<i>bouche</i> , <i>gueule</i>	<i>gură</i>
«горло»	<i>gula</i>	<i>gola</i>	<i>garganta</i>	<i>gorge</i>	<i>gît</i>

3. Стремление к мотивировке означающего путем образования производных и аналитических наименований. Например, слово *nihil*

‘ничто’ потеряло обоснование своего смысла (свою «внутреннюю форму») с исчезновением из языка лат. слова *hilum* ‘безделка’ и было заменено сочетаниями *pata res* ‘рожденная вещь’ > *исп.* *pada* ‘ничто’, *nulla res* ‘никакая вещь’ > *ит.* *nulla* ‘ничто’, *ne gente* ‘ни человека’ > *ит.* *niente* ‘ничто’, *ne mica* ‘ни крошки’ > *рум.* *nimic*; *лат.* *avus* ‘дед’ заменяется на *фр.* *grand-père*, *рум.* *tata mare* и т. п.

Простые лексемы заменяются производными от слов, имеющих какое-либо отношение к обозначаемому понятию: латинскому слову *vir* ‘мужчина’, в румынском соответствует *bărbat* от *лат.* *barba* ‘борода’, латинскому *fenestra* в испанском соответствует *ventana* от *ventus* ‘ветер’ и т. п. Прозрачность внутренней формы слова закрепляет его ассоциативные связи с другими словами языка и способствует его запоминанию.

4. Стремление разговорной речи к краткости (эллиптичности) обозначения. Отсюда: *silva forestis* ‘чужой лес, лес феодала’ > *ит.* *foresta*, *фр.* *forêt* ‘лес’; *via strata* ‘мощеная дорога’ > *ит.* *strada*, *рум.* *stradă* ‘дорога’, *plicare tentoria* ‘складывать палатки’ > *рум.* *a pleca* ‘уезжать’, *plicare vela* ‘складывать паруса’ > *исп.* *llegar* ‘приезжать’.

5. Эмоциональность и экспрессивность разговорной речи. Помимо метафорического употребления слов, этой тенденцией объясняются иноязычные названия для забавных или экзотических предметов, например, германизм *ит.* *zazzera* ‘грива, шевелюра’, кельтизм *фр.* *bouc* ‘козел’, албанизм *рум.* *țap* ‘козел’ (при том, что ‘коза’ — *лат.* *sarğa* — как более нейтральное и употребительное слово сохранилось во всех романских языках).

Экспрессивность, вызывающая замену наименования, обычно связана с оценочными смыслами «плохо», «мало», заложенными в самих понятиях, тогда как их нейтральные синонимы и антонимы сохраняют свои наименования.

Ср. ‘вода’ — *лат.* *aqua* > *ит.* *acqua*, *исп.* *agua*, *рум.* *apă*, но ‘грязь’ — *лат.* *lutum*, *ит.* (герм.) *fango*, *фр.* (кельт.) *boue*, *исп.* (ибер.) *barro*, *рум.* (слав.) *poțoi*.

‘хороший’ — *bonus* — сохраняется во всех романских языках, ‘плохой’ — *malus* > *исп.* *malo*, *порт.* *mau*, но *ит.* *cattivo*, *фр.* *mauvais*, *рум.* *gău*, *кат.* *dolent*;

‘большой’ — *grandis* — слово, общее для всех романских языков кроме румынского и молдавского, тогда как *parvus* ‘маленький’ заменяется везде: *ит.* *piccolo*, *рум.* *puțin*, *исп.* *pequeño*, *фр.* *petit*; ‘сильный’ — *fortis* — имеет продолжение во всех романских языках, ‘слабый’ — имеет разные этимоны: *ит.* *debole* < *лат.* *debilis*, *фр.* *faible* < *flebilis*, *рум.* *slab* (славянизм); ‘здоровый’ — *sanus* имеет продолжение во всех романских языках, ‘больной’ — *лат.* *aegrotus* — имеет разные этимоны: *ит.* *malato* < *н. лат.* *male habitus*, *исп.* *enfermo* < *лат.* *infirmus*, *рум.* *bolnav* (славянизм).

6. Устойчивость связи между понятием и его наименованием, т. е. сохранность слова (не фонетическая) зависит в большей степени от характера обозначаемого понятия. Наиболее стабильной оказывается лексика таких сфер, как «физический мир», «человек», «части тела»,

«животные». Наименее устойчивы названия всего, что связано с деятельностью человека, с его мыслями, эмоциями и оценками.

Устойчивости слова способствует также отсутствие экспрессивных оттенков, употребительность во всех стилях речи, способность обозначать родовое понятие, например, *лат. homo* (в отличие от *vir* и *mulier*) сохранилось во всех романских языках в своем первичном значении «человек».

§ 109. Сравнительная характеристика словарного состава романских языков. Подсчеты, основанные на сопоставлении частотных словарей трех языков — французского, испанского и румынского показали, что из первых, наиболее употребительных 500 слов исконные латинские слова и слова, образованные на латинской основе, составляют во французском и в испанском — 366, в румынском — 325. Из них: (а) 60 слов являются общими (по форме и по первому или второму значению) для всех трех языков; (б) 36 слов — общие для испанского и румынского; (в) 27 слов — для румынского и французского и (г) 76 слов — для французского и испанского. Подключение итальянских соответствий к этим рядам показывает, что итальянский в случае (а) дает 59 совпадений (в ит. нет слова, восходящего к *oblivisci*, **oblitare* ‘забывать’ — *фр. oublier*, *исп. olvidar*, *рум. a uita*), в случае (б) дает 35 совпадений (в ит. нет слова, восходящего к *afflare* ‘доноситься, доходить’, *исп. hallar* ‘находить’, *рум. a afla* ‘узнавать’), в случае (в) дает 26 совпадений (в ит. нет слова, восходящего к *н. лат. *assediare*, **assedere* ‘сидеть, сажать’ — *рум. a așeza*, *фр. asseoir*), в случае (г) дает 74 совпадения (в ит. нет слов, восходящих к **accapare* ‘кончать’ — *исп. acabar*, *фр. achever* — и к *plorare* ‘рыдать’ — *исп. llorar* ‘плакать’, *фр. pleurer* ‘плакать’). По данным Г. Рольфса, отобравшего 51 понятие для проверки лексических соответствий между разными романскими языками, румынский отклоняется от других романских языков в 25 случаях из 51; испанский и португальский — в 18 случаях, французский — в 13 случаях, итальянский — в 11 случаях. Минимальные лексические расхождения между парами языков обнаруживаются у испанского и португальского, каталанского и провансальского, итальянского и французского. Максимальные — у французского и румынского. Таким образом, дистанция между романскими языками в области лексики та же, что и в области грамматики.

Приведенные выше данные подтверждаются также более точными подсчетами В. Г. Гака¹, отобравшего 1000 слов из сопоставительного словаря Р. М. Bergman. The Concise Dictionary of 26 Languages N.-Y., 1968. и установившего чисто статистически степень «центральности» языка. Само понятие «центральнойности» определяется как максимальное количество общих слов (из отобранных 1000) у данного языка с другими языками и минимальное количество обособленных слов, свойственных только данному языку. Кроме того, на том же

¹ Приведенные ниже данные были любезно предоставлены авторам учебника проф. В. Г. Гаком.

материале были установлены пары наиболее близких друг другу романских языков.

а) из 1000 слов свойственны только данному языку: итальянский — 197, французский — 242, испанский — 283, румынский — 431.

б) из 1000 слов общими с другими языками являются: в итальянском 80%, во французском 76%, в испанском 72%, в румынском 57%.

в) наиболее частые попарные лексические совпадения (исключая случаи совпадений всех четырех языков):

1. итальянский и французский — 310

2. итальянский и испанский — 274

3. французский и испанский — 241

4. итальянский и румынский — 139

5. французский и румынский — 114

6. испанский и румынский — 88.

Таким образом, итальянский оказывается, как и следовало ожидать, наиболее «центральным» языком не только по его географическому положению и по его прямым «родственным» связям с эпицентром романизации — Римом, но и по статистическим показателям. Его антиподом является румынский, который был географически и исторически наиболее обособленным романским языком, испытывавшим сильное влияние древнеболгарского, греческого, венгерского и даже турецкого языков.

По мере развития романских языков, их исконная лексика, подобно фонетике и грамматике, тем больше дифференцируется, чем больший промежуток времени отделяет романские языки от их общего источника — народной латыни. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить общеупотребительные слова непрерывной устной традиции в старых и современных романских языках. Например:

<i>ст. и совр. ит.</i>	<i>ст. и совр. исп.</i>	<i>ст. и совр. фр.</i>
‘много’—molto	mucho	mult—beaucoup
‘слышать’—udire	oír	oír—entendre
‘выходить’—uscire	exir—salir	eissir—sortir
‘убивать’—uccidere	matar	ocire—tuer

Замена наименований у фундаментальных понятий происходила в разных языках неравномерно. Наиболее консервативным является, как в фонетическом, так и в лексическом отношении, итальянский язык, наиболее инновативным — французский (наряду с балканороманскими языками).

В отличие от слов непрерывной устной традиции, книжная лексика романских языков становится по мере развития науки, публицистики, литературы все более единообразной благодаря распространению общероманских латинизмов, галлицизмов, итальянизмов (многие из них становятся также европеизмами) ср.: *лат.* cultura, *ит.* cultura, *исп.* cultura, *фр.* culture, *рум.* cultură, *англ.* culture, *русс.* культура; *лат.* natura, *ит.* natura, *исп.* natura, *фр.* nature, *англ.* nature, *русс.* натура и т. п.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВИТИЕ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Раздел первый. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Глава I. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ. ВЫРАБОТКА ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ НОРМ

§ 110. «Защита и прославление» родного языка в странах романской речи. *Италия.* Образование романских языков на базе латинского происходило прежде всего в процессе живого общения носителей языка. Вполне естественно, что и сформировавшись, романские языки и диалекты продолжали служить жителям стран романской речи прежде всего в сфере бытового общения. Постепенно, однако, они стали входить в другие области жизни: в церковные проповеди (ср. Турский поместный собор 813 г. § 26), в художественную литературу. Начиная с IX в., появляются произведения на религиозные темы (см. § 55), несколько позднее, в XI—XII вв., на романских языках создаются произведения эпического и лирического жанра (см. §§ 55—58). Вместе с тем в этот период в романских странах существует богатая художественная литература и на латинском языке (см. § 26). Латынь продолжает оставаться языком науки. С большим трудом романские языки прокладывают себе путь в сфере делового общения. Латинская традиция в романских странах в XII—XIII вв. оказывается еще довольно сильной.

Особенно прочные позиции были у сторонников латинского языка в Италии, где античная традиция имела глубокие корни. История Италии характеризовалась ростом городов как крупных торговых, экономических и культурных центров. Это создавало необходимые условия для развития городской культуры, в городах Италии возникали поэтические школы (Сицилийская школа, поэтический центр в Болонье и др.). С давних времен в Италии существовала традиция народной поэзии на родном языке (в его диалектных разновидностях).

Конец XIII — начало XIV вв. в истории итальянской литературы и итальянского языка связаны с именем выдающегося поэта эпохи раннего итальянского Возрождения Данте Алигьери (1265—1321), которого Энгельс охарактеризовал как колоссальную фигуру современной капиталистической эры, как последнего поэта эпохи средневековья и первого поэта нового времени¹.

Данте прославил итальянский язык прежде всего своим поэтическим творчеством — многочисленными сонетами, канцонами, поэ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 22, с. 382.

мой «Божественная комедия» и др. Произведениями, написанными на итальянском языке, он подтвердил его благозвучность, гибкость, ясность и музыкальность, богатство его выразительных средств. Он блестяще проиллюстрировал способность своего родного языка служить целям отвлеченных рассуждений, написав на итальянском языке философский трактат «Пир».

Данте явился вместе с тем автором первого в истории Италии и других стран романской речи сочинения на филологическую тему — трактата в защиту родного языка «О народном красноречии» (*De vulgari eloquentia*), написанного им в период 1304—1309 гг. на латинском языке с целью привлечь к нему внимание всех тех, кто был наиболее рьяным противником введения родной речи в художественную литературу и науку, кто считал для себя достойным писать и читать только на латинском языке и кого, следовательно, необходимо было убедить.

Трактат Данте состоял из двух частей (в то время их было принято называть книгами). В первой он дает общие рассуждения о языке (эти рассуждения выполнены в духе времени: Данте верил в божественное начало, в смешение языков как наказание людей за дерзость строительства «Вавилонской башни» и т. д.), он рассматривает многочисленные итальянские диалекты (по его выражению «разноголосую итальянскую народную речь» ¹), стремясь выделить тот диалект («достойнейшую и блистательную итальянскую речь»), на котором следует писать поэтические и прозаические произведения. Во второй книге он доказывает, что из всех стихотворных размеров «превосходнейшим» является канцона, подробно характеризует ее и дает ряд практических советов. Трактат остался незаконченным.

Особый интерес для истории романского языкознания представляет первая часть трактата «О народном красноречии». Она ценна прежде всего тем, что в ней впервые предложена классификация романских языков. Данте не называет ее так, более того, он излагает ее в связи со смешением языков после «Вавилонского столпотворения», но по существу это была именно попытка классифицировать известные поэту родственные языки, имевшие единый источник. Данте писал: «...всю остальную часть Европы занимает третий язык, хотя теперь он и представляется тройким; ибо одни при утвердительном ответе говорят «ок», другие «ойл», третьи «си», а именно испанцы, французы и итальянцы. И явным признаком того, что наречия этих трех народов происходят от одного и того же языка, служит то, что многое в них обозначается одинаковыми словами, как *Deus, celum* ², *amor, mare, terra, est, vivit, moritur, amat* и чуть ли не все остальное» (с. 276). Данте ошибся, назвав испанцами носителей языка-«ок» (провансальцев). Однако в целом наблюдения Данте справедливы, а для его времени, когда романские языки не только не изучались, но еще по-настоящему и не утвердили себя, это было оригинальное и ценное высказывание.

¹ Здесь и далее цитируется по кн.: Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.

² Классич. лат. *caelum*.

Автор трактата рассматривает итальянские диалекты, разбирая преимущества и недостатки каждого из них. Многие наблюдения Данте до сих пор не утратили своего значения. Цель такого рассмотрения, как ее формулирует сам автор трактата, — отыскать «блистательную» и «правильную» итальянскую (= итальянскую) речь, которая «ощутима в любом городе и ни в одном из них не залегает», которая составляет «собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города», но по которой «все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и равняются» (с. 285). Народной речью, по мнению Данте, «пользуются в Италии блистательные мастера поэтических творений на народном языке — сицилийцы, апулийцы, тосканцы, романьольцы, ломбардцы...» (с. 287). Своим поэтическим творчеством Данте представлял тосканский (флорентийский) диалект итальянского языка, что в дальнейшем сыграло важную роль в формировании итальянского литературного языка (см. § 7). Однако в трактате на филологическую тему Данте проводит идею единства итальянского языка, стремится доказать, что литературный итальянский язык должен впитать в себя все лучшее, созданное носителями многочисленных итальянских диалектов, в первую очередь поэтами. Единного литературного итальянского языка в то время не было, то, что утверждает Данте — это лишь желаемое. Однако для дальнейшего развития итальянского литературного языка призыв Данте сыграл несомненно положительную роль.

Защищая право родного языка быть языком художественной прозы и поэзии («блистательная итальянская речь приличествует столько же прозаическим, сколько и стихотворным произведениям», с. 287), Данте, тем самым, отстаивал его преимущества перед латынью, его выразительность и способность передать мысль во всех ее нюансах.

Трактат Данте — это первое проявление научного интереса к итальянскому языку и его диалектам, это первое рассуждение о возможности создания на основе диалектов единого итальянского литературного языка, это первое свидетельство понимания единства происхождения романских языков и первая попытка их классификации.

Спустя одно-два десятилетия после смерти Данте в историю итальянской литературы войдут такие имена, как Франческо Петрарка (1304—1374) и Джованни Боккаччо (1313—1375), имена двух бесмертных итальянских поэтов и писателей, которые продолжают дело, начатое Данте и его предшественниками, и своим творчеством окончательно утверждают права родного языка.

В начале XVI в. в Италии создаются первые грамматики итальянского языка (по терминологии их авторов: народного языка — *della Volgare Lingua*). Это «Грамматические правила» Франческо Фортунато и «Прозы» Пьетро Бембо. Последний труд представлял собой рассуждения о народном языке, о его формах и их употреблении, изложенные в трех частях (книгах) в виде письменного монолога, обращенного к кардиналу Медичи. Оба труда развивали мысль, уже ранее, за два века до этого, высказанную Данте, о достоинствах родного языка.

Они ориентировались на тосканский диалект (родной диалект Данте, Петрарки, Боккаччо).

Франция. Движение в защиту родного языка во Франции получило развитие в XVI веке. К этому периоду здесь завершилось формирование централизованного государства. Литература на диалектах, богатая и разнообразная в предшествующие века, пришла в упадок. В то же время художественная литература на языке Парижа не получила еще необходимого развития, поскольку среди образованной части общества по-прежнему было распространено мнение о том, что точности выражения можно достичь только средствами латинского языка. Задачу защиты прав французского языка взяли на себя семь поэтов литературной группы под названием «Плеяда»¹, среди которых наиболее известны Пьер Ронсар и Иоахим Дю Белле. Манифестом Плеяды явился трактат Дю Белле «Защита и прославление французского языка» (Du Bellay «Défense et illustration de la langue française», 1549), в котором говорилось о том, что французский язык — это язык, достойный самых высоких похвал, что он богат и благороден, что он лучше создание литературы («notre Langue, la fleur et le fruit des bonnes Lettres»). Манифест призывал поэтов и писателей к неограниченному творчеству в области языка, к его дальнейшему обогащению. Этот призыв нашел наиболее полное воплощение в романе Франсуа Рабле (François Rabelais, ок. 1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», язык которого особенно богат неологизмами, архаизмами, диалектными словами, заимствованиями из других языков. Многие слова, созданные Рабле, вошли в литературный французский язык.

В XVI в. появляются первые грамматики французского языка: грамматика Жака Дюбуа (Сильвиуса), написанная на латинском языке, трактаты по французской орфографии и по грамматике французского языка Луи Мегре, который предложил реформировать французскую орфографию с целью приблизить ее к произношению. Это также грамматика Пьера де ла Раме (Рамюса), трактаты по грамматике французского языка, авторами которых были отец и сын (Робер и Анри) Этьенн(ы) и др.

Деятельность поэтов Плеяды, трактат Дю Белле, творчество Франсуа Рабле, создание грамматик, медицинская литература, богословские трактаты, появившиеся в этот же период на французском языке, — все это имело результатом признание права французского языка быть использованным в художественных произведениях и в научной литературе. А ордонанс Франциска I (см. § 4) закрепил его права как административного языка и языка деловых документов по всей территории Франции.

Испания и Португалия. Защита родного языка в Испании связана с деятельностью в основном двух филологов: Антонио де Небриха² (1444—1522) и Хуана де Вальдеса (ум. в 1541 г.).

¹ Так в III в. до н. э. именовалась группа александрийских поэтов, которых тоже было семь; само же слово Плеяда, а точнее Плеяды, заимствовано на древнегреческой мифологии, где оно обозначало семь дочерей Атланта.

² В его фамилии имеются разночтения: Небриха или Лебриха.

Антонио де Небриха (Antonio de Nebrija) был преподавателем древних языков. В 1492 г. он создал латино-испанский словарь и грамматику испанского (кастильского) языка. В истории романского языкознания это первая из известных нам грамматик романских языков. Автор ставил своей целью зафиксировать инвентарь многочисленных форм и конструкций, которыми располагал испанский язык его времени, классифицировать их, сопоставить там, где это возможно, с латинскими, особо отметить те из них, которых латинский язык не имел. Это был первый опыт систематизации грамматических средств испанского языка, наглядно показывающий их богатство и своеобразие. Многие наблюдения Антонио де Небриха до сих пор не утратили своей ценности. Грамматика А. де Небриха (*Gramática castellana*) несколько раз переиздавалась, ее последнее издание относится к 1946 г. (Мадрид). Неоднократно переиздавались и его «Правила орфографии» (*Reglas de orthographía en la lengua castellana*), впервые опубликованные в 1517 г. Их последнее издание осуществлено в 1977 г. в Боготе.

Хуан де Вальдес (Juan de Valdés) — просветитель, сыгравший важную роль в истории испанской культуры, известен, в частности, как автор «Диалога о языке» (*“Diálogo de la lengua”*), написанного в 1535—1536 гг. Автор долгое время жил за пределами Испании (в Италии). В течение двух столетий книга существовала в рукописи и была издана лишь в XVIII в. (Она переиздана в Мадриде в 1964 г.). Подобно «Прозам» П. Бембо, это была не грамматика в собственном смысле слова, это были рассуждения о языке, о необходимости создания правил «хорошего слога», образцом которого должна стать речь образованных людей столицы и королевского двора.

Труд Хуана де Вальдеса явился своеобразным предвестником развернувшейся веком позднее, в первую очередь во Франции, деятельности ученых, направленной на упорядочение языка в соответствии с «хорошим обычаем» (*bon usage*). Впрочем, об ориентированности «правильной» речи на королевский двор писал и Данте: «Ибо, если королевский двор является средоточием всего королевства и августейшим правительством для его частей, то и эта речь должна быть общей для всех, а не чьей бы то ни было частной собственностью, и ей следует пребывать и обитать при дворе; и никакая иная обитель не достойна такой обитательницы, каковой является народная речь, о которой мы говорим» (с. 286).

Выразительные возможности испанского языка нашли блестящее доказательство в творчестве автора всемирно известного романа «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса (1547—1616), в языке персонажей многочисленных, также получивших мировое признание, комедий Лопе де Вега (1562—1635) и его школы, в пьесах Педро Кальдерона (1600—1681) и других писателей и поэтов эпохи испанского Возрождения и более поздних периодов.

В Португалии защита и прославление родного языка, выработка его литературной нормы связаны с творчеством многих поэтов и писателей эпохи Возрождения, таких, например, как Жуан де Барруш (1496—1570), известный историограф эпохи Великих географических

открытий, Антонио Феррейра (1528—1569), поэт, автор лирических стихотворений, Луис де Камознс (1524 или 1525—1580), один из наиболее крупных национальных поэтов Португалии, автор свыше 350 сонетов, нескольких комедий и широко известной поэмы «Лузиады» (лузиады — потомки лузитан), в которой в стихотворной форме описано путешествие Васко да Гамы к берегам Индии.

Румыния. В Румынских княжествах вплоть до XVI в. языком литературы (это была в основном литература религиозного содержания и летописи) был старославянский язык. В начале XVI века румынский язык проникает в богослужение. В конце XVIII — нач. XIX вв. появляется художественная литература на румынском языке. Первая грамматика румынского языка (ее автором был Димитрий Евстатиевич из Брашова) датируется 1757 годом. Большой известностью пользовалась «Румынская грамматика» (1828) видного политического деятеля и писателя XIX в. Иона Элиаде-Рэдулеску¹. «Защита и прославление» родного языка, сопровождавшиеся выработкой его литературных норм, относятся уже к XIX веку и связаны с творчеством таких видных поэтов и писателей, как Василе Александри, Михай Эминеску, Ион Лука Караджале, Ион Крянгэ, в дальнейшем также Михаила Садовяну, Тудора Аргези и многих других. Уже в первой половине XIX в. на румынском языке широко ведется политическая и литературная полемика, углубляются и совершенствуются приемы историографического повествования (первые историографические произведения на румынском языке появились еще в XVII в.), создается научная и художественная литература разных жанров, издаются периодические журналы и т. д.

§ 111. Лингвистическая деятельность Академий. В течение XVI—XVIII веков в трех романских странах с перерывом в несколько десятилетий возникают специальные филологические центры — Академии: в 1583 г. в Италии — Академия Круска (*Accademia della Crusca*)², в 1635 г. во Франции — Французская Академия (*Académie Française*) и в 1713 г. в Испании — Королевская Академия (*Real Academia*).

Все три Академии с самого начала сосредоточили свои усилия на составлении толковых словарей. Все они ставили своей задачей зафиксировать родной язык в том виде, в каком им пользуется высшее общество. Однако Академии были созданы в разное время, условия исторического развития каждой страны оказались различными, и это не могло не отразиться на особенностях деятельности каждой из них.

Итальянская Академия *Круска* возникла в Италии в тот момент, когда политическое влияние Флоренции ослабло, когда среди образованной части общества обострилась борьба между сторонниками и противниками признания авторитета тосканского диалекта, особенно остро встал вопрос о создании единой литературной нормы.

¹ Первые грамматики молдавского языка появились в советское время.

² Основная цель деятельности Академии — очищение языка, отсюда и ее название (в переводе на русский язык — Академия Отрубей).

Подготовленный Академией Круска словарь был полностью ориентирован на классический тосканский образец: на язык Данте, Петрарки, Боккаччо¹. Помимо толкования слов, словарь содержал стилистические пометы типа «просторечное», «архаичное», многочисленные цитаты из художественных произведений, пословицы и поговорки, латинские, а иногда и греческие эквиваленты итальянских слов. Появление академического словаря, как и сам факт создания Академии, явились важными событиями лингвистической жизни Италии и Европы XVI—XVII вв.

Академия Круска продолжала свою деятельность и в последующие годы. В наши дни она занимается не только вопросами лексикографии, но и проблемами грамматики и более общими вопросами филологии, являясь основным научно-исследовательским центром Италии по изучению итальянского языка.

Исторические условия создания *Французской Академии* и первоначальный период ее деятельности определялись укреплением абсолютизма во Франции, возрастающей ролью королевской власти и королевского двора. Это наложило отпечаток и на программу Академии, и на ее ориентацию, и на подбор ее членов. С самого начала Академия направила свои усилия на создание словаря, целью которого было помочь французскому языку сохранить свою чистоту («mettre la Langue Française en estat de conserver sa Pureté»). Многолетний труд (на составление словаря ушло около 60 лет) членов Французской Академии завершился выпуском двухтомного словаря (1694). В первом издании слова были сгруппированы по гнездам, т. е. по общности их корней, однако, уже начиная со второго издания (1718), авторы перешли на алфавитный способ подачи слов, поскольку избранный ранее метод организации словаря, по общему мнению всех, кто с ним знакомился и пытался пользоваться им, не оправдал себя.

Словарь Французской Академии стимулировал лексикографическую работу во Франции и внес свой вклад в нормирование французского литературного языка. Он неоднократно переиздавался.

При составлении академического словаря авторы ориентировались на язык высшего парижского общества (или, как они пишут в Предисловии к первому изданию, на речь почтенных людей: *des honnestes gens*) и на язык лучших писателей, что определило отбор слов, включаемых в словарь: он содержал далеко не все слова французского языка, а лишь те из них, которые соответствовали избранному эталону, иными словами, авторы подходили к составлению словаря пуристически. Это вызвало отрицательную реакцию некоторых членов Академии. Один из них, Антуан Фюретьер (1619—1688), еще до выхода в свет словаря Академии, издал брошюру-проспект составляемого им, независимо от словаря Академии, полного («всеобщего») словаря, который должен был содержать все французские слова без каких-либо

¹ В первом издании (1612) это был один том, насчитывающий около тысячи страниц, при последующих изданиях, а его последнее, пятое, издание датировано 1863—1923 гг., словарь выходил уже в нескольких томах или выпусках. Подробно о словаре см.: Касаткин А. А. Словарь Академии Круска. — НДВШ, Филологические науки, 1963, № 4.

ограничений. Фюретьер реализовал свой план (правда, подготовленный им словарь вышел уже после его смерти), однако за одну только публикацию проспекта будущего словаря его автор был исключен из Академии.

Пуризм Французской Академии имел два противоположных по характеру следствия. С одной стороны, под влиянием лингвистической деятельности Академии у определенной части аристократического общества столицы появилось стремление к вычурности выражения, диктуемое желанием сделать речь более изящной (так называемый прециозный стиль). С самого начала своего возникновения прециозный стиль вызвал у многих ироническое отношение. Мольер высмеял его в своих «Смешных жеманницах», где он изобразил двух провинциалок, переехавших в Париж и поддавшихся молному в то время увлечению изысканностью выражения, манер, обращения. Речь героинь его комедии и речь переодетых слуг, подосланных с целью проучить двух жеманниц, пестрит вычурными выражениями типа «наперсник Граций = зеркало», «удобства собеседования = кресла», «лицезреть, почивать, заселить пустыню бала, заполнить пустоты собрания» и т. п. Мольер беспощаден в своем осуждении этого увлечения, его комедия — резкий протест против него. Увлечение прециозностью оказалось недолговечным.

Другим следствием лингвистической (лексикографической) деятельности Французской Академии, на этот раз положительным, было то, что она стимулировала процесс выработки литературной нормы во Франции. Один из членов Академии (первый редактор академического словаря) Клод де Вожла (его полное имя Клод Фавр де Вожла, Claude Favre de Vaugelas, 1585—1650) в 1647 году опубликовал «Ремарки (замечания) о французском языке» (с подзаголовком: Полезные тем, кто хочет хорошо говорить и хорошо писать). В предисловии к своим «Ремаркам» Вожла пишет о том, что в его задачи входит не устанавливать законы и не реформировать язык, а лишь ознакомить читателя с хорошим обычаем (bon usage), подсказать ему принятую форму выражения в тех случаях, когда он колеблется, и что именно поэтому он озаглавил свой труд как «ремарки», замечания, а не как законы, правила и т. п. Под «хорошим обычаем» Вожла имел в виду язык королевского двора и аристократической части столичного общества. В своих «Ремарках» Вожла разъясняет, например, с каким из двух существительных, если они принадлежат разному роду, согласуется прилагательное, когда прилагательное ставится перед существительным, а когда после него, какие предлоги употребляются после тех или иных глаголов и т. п. Он отмечает способы выражения, которые встречаются у вполне уважаемых авторов, но не соответствуют узусу и которым, следовательно, не следует подражать, высказывает соображения по поводу произношения некоторых слов, употребления близких по значению слов и т. д.

«Ремарки» Вожла явились событием в лингвистической жизни Франции его времени. Они и сейчас не утратили значения как исторический документ очень важного для истории Франции периода — первых опытов нормализации языка, выработки его литературных

норм. Достаточно сказать, что в течение XVII в. «Ремарки» Вожла выдержали 20 изданий (при жизни автора вышло в свет только их первое издание). Книга Вожла переиздавалась, в том числе с некоторыми дополнениями, и в последующие века.

Еще до создания Французской Академии о необходимости выработки литературной нормы писал видный поэт и теоретик французского языка XVII в. Франсуа Малерб (François de Malherbe, 1555—1628), который призывал к отбору слов, выражений и грамматических форм, к установлению и соблюдению нормы «хорошего обычая». Вожла продолжил начатое им дело.

Значительным событием для развития научной мысли во Франции, имеющим самое непосредственное отношение к выработке литературной нормы французского языка, явилась грамматика, составленная двумя учеными, трудившимися в стенах монастыря Пор-Руаяль¹: Антуана Арно и Клода Лансело, которая называлась «Всеобщая и рациональная грамматика» (*Grammaire générale et raisonnée*, 1660), в предисловии к последующим изданиям и в научной литературе она именуется как Грамматика Пор-Руаяля (Пор-Рояля).

Оба автора были знающими грамматистами, один из них (Лансело) уже до этого опубликовал серию грамматических пособий по латинскому, греческому, итальянскому и испанскому языкам. Их совместный труд, сравнительно небольшой по объему: 216 страниц малого формата, но ценный по содержащимся в нем наблюдениям, ставил своей целью осмысление грамматической структуры французского языка с точки зрения разума (логики). Подзаголовки, которыми сопровождалось общее название грамматики, недвусмысленно указывали на то, что в задачи авторов входило нормирование языка: «Основы искусства говорить, объясненные ясно и естественно», «Несколько новых замечаний о французском языке». Последний из приведенных подзаголовков свидетельствует о преемственности между их грамматикой и «Ремарками» Вожла. Однако их «ремарки» представляли собой не просто дополнения к книге предшественника, а попытку сопоставить его наблюдения с собственными и найти описываемому явлению объяснение.

Примером того, как авторы «Грамматики» Пор-Руаяля дополняют и развивают Вожла, может служить правило, сформулированное в «Ремарках» Вожла о том, что существительное без артикля не допускает после себя употребления местоимения *qui* 'который' и что, следовательно, *qui* появляется только после существительного, имеющего при себе артикль. Авторы «Грамматики» подыскивают ряд совершенно правильных с точки зрения узуса («хорошего обычая») предложений, в которых местоимение *qui* стоит после существительного, не имеющего артикля: *Il imite Virgile, qui est le premier des poètes* или *Je suis homme qui parle franchement* или *Une sorte de bois qui est fort dur* и т. п. и показывают, что в этих случаях нет отклонения от правила и что дело не в том, что при существительном должен

¹ Монастырь был основан в 1204 г. около Версаля, в 1625 г. резиденция была перенесена в Париж.

обязательно быть артикль, а в том, чтобы оно было тем или иным способом детерминировано (*déterminé*), т. е. чтобы оно представлялось как достаточно определенное, именно в этом, по их мнению, состоит требование разума. Объяснение, как видим, близко к современному¹.

Труд Арно и Лансело назывался грамматикой, однако в нем изучались также звуки и буквы (мы сказали бы сейчас — фонетика и орфография). В их книге присутствует и элемент сравнения, в частности с латинским языком. На это указывается в одном из трех подзаголовков грамматики (два других приведены ранее): «Основания того, что является общим для всех языков и главные различия, которые в них встречаются».

Грамматика Пор-Руаяля сыграла важную роль в развитии научного интереса к французскому языку. И хотя иногда авторы, увлеченные логическими категориями, переносили их на грамматические, «Грамматика» способствовала теоретическому осмыслению языка, его лучшему пониманию.

Французские писатели-классики XVII в. (Корнель, Расин, Мольер и другие) ориентировались на вырабатываемую теоретиками языка литературную норму и своим творчеством совершенствовали, уточняли и дополняли ее.

Важнейшим событием XVIII в., имевшим огромное значение для истории многих стран Европы, была французская буржуазная революция 1789 г., которая свергла монархию во Франции, установила республиканский строй, привела к демократизации всей жизни французского общества. Французская революция явилась своеобразной революцией и для языка: она открыла доступ в язык всем тем словам, выражениям, грамматическим формам, которые продолжали существовать в разговорной речи, но которые сознательно изгонялись из литературной нормы ревнителями ее чистоты и ориентированности на язык королевского двора. Революция была во многом подготовлена деятельностью французских писателей-просветителей и философов XVIII века.

Вольтер (1694—1778), Дени Дидро (1713—1784), Жан Жак Руссо (1712—1778) и другие писатели века Просвещения существенно обогатили французский язык. На страницах «Энциклопедии» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*), издававшейся Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбером в период 1751—1780 гг. (35 томов) и объединявшей передовых французских ученых, писателей, философов, широко обсуждались вопросы языка.

Французская буржуазная революция 1789 г. упразднила Академию. Она была воссоздана позднее, уже в середине XIX века. В наши дни Французская Академия продолжает свою филологическую деятельность. Основным ее направлением по-прежнему являются лексикографические исследования (работа над словарем). В настоящее время Франция по уровню лексикографической работы (количеству

¹ Анализ Грамматики см.: *Donzé R. La grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Contribution à l'histoire des idées grammaticales en France. Berne, 1967.*

и качеству словарей) занимает одно из ведущих мест в романском (и не только в романском) мире.

Наряду с Академией, в Париже с 1865 г. существует Парижское лингвистическое общество, которое представляет один из ведущих научно-исследовательских центров страны. Лингвистические исследования, в том числе лексикографические, грамматические, исторические осуществляются разными секциями Национального совета научных исследований, а также филологическими научными центрами, созданными при наиболее крупных университетах.

Испанская Академия возникла тогда, когда две другие романские Академии выпустили не одно издание своих словарей, и, следовательно, она располагала накопленным до нее опытом лексикографической работы. К тому же Испания в это время уже имела творческое наследие таких мастеров слова, как Сервантес, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерон и др. Вместе с тем, в Испании, несмотря на то, что испанский язык прочно вошел в художественную литературу и широко использовался во всех областях повседневной жизни общества, в начале XVIII в., когда создавалась Академия, все еще была достаточно сильна латинская традиция. Эти три обстоятельства в известной мере определили особенности деятельности Испанской Королевской Академии.

Имея предшественников по лексикографической работе в Италии и во Франции, члены Испанской Академии прежде всего приступили к подготовке словаря. Его первые выпуски появились уже через 13 лет после создания Академии. Словарь Испанской Академии (около 1000 страниц большого формата) получил название «Словарь Авторитетов» (*Diccionario de Autoridades*), поскольку он ориентировался на язык наиболее авторитетных писателей и (в первом издании) содержал цитаты из их произведений (впоследствии цитаты были устранены из словаря). Словарь неоднократно переиздавался и продолжает переиздаваться (последнее поступившее в наши библиотеки издание, 20-е, датировано 1979 годом). Название словаря было изменено сначала на «Словарь кастильского языка» (*Diccionario de la lengua castellana*), затем, уже в начале XX века, на «Словарь испанского языка» (*Diccionario de la lengua española*). Последнее название он носит и сейчас.

В отличие от двух других Академий, Испанская Академия не ограничила свою деятельность изданием словаря, она обратилась к созданию грамматики испанского языка (обе названные ранее Академии также ставили своей целью создание грамматик, но Академия Круска так и не реализовала своих планов, Французская Академия сумела сделать это только в 30-е годы XX века). Созданная Испанской Академией грамматика, получившая название «*Gramática de la lengua castellana*» (с 20-х годов XX в. — «*Gramática de la lengua española*», в последнем издании, 1973 года, она носит название «*Esbozo (эскиз, набросок, опыт) de una nueva gramática de la lengua española*»), вышла первым изданием в 1771 г., уже на следующий год она была переиздана и в дальнейшем переиздавалась неоднократно. В предисловии к «Грамматике» отмечалось, что она ставит целью «обучить

молодежь основам языка с тем, чтобы, говоря на своем языке чисто и правильно, она умела пользоваться им с достоинством и красноречием» (цитируется по изд. 1825 г.). В некоторых случаях, правда, авторы «Граматики» следовали латинской модели, например, изучая употребление существительных, они соотносили его с шестью латинскими падежами и на этом основании устанавливали парадигму склонения испанского существительного, также включающую шесть падежей, и др. Академическая грамматика испанского языка (в последнем издании она значительно расширена и во многом пересмотрена, в нее введен раздел «Фонология», устранены параграфы о склонении существительных и т. д.) сохранила до наших дней статус официальной грамматики, так же как Испанская Академия — статус одного из основных лингвистических центров Испании.

В Румынии в конце XVIII — нач. XIX вв. возникла так называемая Трансильванская школа¹, во главе которой стояли Самуил Мику, Георге Шинкай, Петру Майор, Ион Будай-Деляну и др. Представители Трансильванской школы вели большую просветительную работу, они собрали и опубликовали интересный и ценный материал по истории румынского народа и румынского языка. Они много сделали для нормирования румынского языка, подготовили переход со славянского алфавита (кириллицы) на латинский, который официально состоялся в 1860 году.

Трансильванская школа имела своих последователей в лице ученых, причислявших себя к направлению (течению) латинистов, возникшему в 30-х годах XIX в. и просуществовавшему примерно до 1880 г. Среди представителей этого направления были прогрессивные филологи, как, например, Тимотей Ципариу (1805—1887), опубликовавший первые письменные памятники румынского языка, заложивший основы исторической грамматики. Были, однако, и такие представители этой школы, которые сделали своим основным занятием искусственную латинизацию языка: создавая словарь, они не просто включали или не включали в него слова, а меняли их облик, приближая их к латинским. Ненаучный подход к языку некоторых «латинистов» вызвал критику со стороны ученых, не входивших в это направление.

Одним из создателей румынской филологии по праву считается Богдан Петричейку Хашдеу (1838—1907). Это был ученый широкого профиля, автор многочисленных научных исследований, филолог, историк и писатель. Ему принадлежит первый в истории румынского языкознания трактат по сравнительно-индоевропейской филологии (*Principii de filologie comparativă ario-europăe*, 1875), исследования по старым румынским текстам, их издание и филологический комментарий к ним, им был начат большой словарь румынского языка (он сумел выполнить его, правда, только до начала буквы *b*), в предисловии к которому Хашдеу изложил свою лингвистическую концепцию, подчеркнув особую важность учета при изучении лексики

¹ Трансильвания — одна из исторических областей Румынии.

такого момента, как употребительность слов. Хашдеу был в числе первых членов Румынской Академии.

Академия в Румынии была создана в 1879 г. До этого существовало, начиная с 1866 г., Румынское Литературное Общество, затем — Румынское Академическое Общество (вицепрезидентом последнего был Т. Ципариу).

В 1948 г. Румынская Академия была преобразована в Академию (наук) Румынской Народной Республики, после 1965 г. — Академия (наук) Социалистической Республики Румынии. Это один из ведущих научных, в том числе филологических, центров страны.

В *Молдавской ССР* в 1939 г. был создан Научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики, а в 1949 г. — Молдавский филиал Академии Наук СССР, который в 1961 г. был преобразован в АН МССР. В составе АН МССР — ряд научно-исследовательских институтов, в том числе Институт языка и литературы, где ведется большая научно-исследовательская работа. К наиболее плодотворно развивающимся ее направлениям, наряду с другими, могут быть отнесены лексикологическая и лексикографическая работа и исследования по изучению своеобразия литературной нормы молдавского языка. В Институте языка и литературы АН МССР широко изучаются общие проблемы языкознания, осуществляются исследования, посвященные языкам балканского ареала.

В конце XIX века были созданы Академии языка (литературы) в ряде *латиноамериканских* стран. Направление деятельности большинства из них — лексикологическое и лексикографическое: издается большое количество словарей, в том числе словарей американизмов в испанском и португальском языках, публикуются исследования, посвященные в основном вопросам лексики и фразеологии, изучается взаимодействие индейских языков с испанским и португальским. Начиная с 30—40-х гг. XX в., в ряде латиноамериканских стран создаются филологические центры и филологические факультеты, а с 1962 г. в Уругвае существует «Ассоциация лингвистики и филологии Латинской Америки», в задачи которой входит координация филологических исследований, организация конгрессов и т. п. Большое внимание развитию филологических исследований уделяется правительством Республики Куба. С 1965 г. при Академии Наук Кубы существует «Институт литературы и лингвистики».

В *Канаде* большую лингвистическую работу, в том числе по изучению канадского варианта французского языка, проводит «Общество по изучению французского языка» (Квебек) и Канадско-Французская Академия (Монреаль), созданные, соответственно, в 1943 и 1944 гг.

§ 112. Изучение романских языков в России в XVIII—XIX вв. Характерной чертой XVIII—XIX вв. в истории европейских стран, в том числе в России, является зарождение и интенсивное развитие капиталистического способа производства, капиталистических производственных отношений. Этот процесс сопровождался усилением контактов между странами: достаточно вспомнить деятельность русского царя Петра I, уже в начале XVIII в. неоднократно выезжавшего

за пределы России, приглашавшего в Россию специалистов разного дела из многих европейских стран, в том числе из Франции и Италии. В конце XVIII в. наблюдается приток в Россию иммигрантов романского происхождения.

Контакты с европейскими странами требовали практического знания иностранных языков. В XVIII в. для России, как и для ряда других стран мира, особенно актуальным становится создание практических грамматик, пособий по разговорной речи, двуязычных словарей. В течение XVIII века в России издаются переводные и оригинальные грамматики французского языка, грамматики итальянского языка, а позднее, уже в XIX веке, появляются первые руководства по другим романским языкам, выходит в свет большое количество двуязычных словарей, многочисленные практические пособия.

Научный интерес к романским языкам и их истории возникает во второй половине XIX века в связи с изучением романских литератур.

В 1870 году в Петербургский университет приходит в качестве преподавателя видный специалист по всеобщей литературе Александр Николаевич Веселовский. А. Н. Веселовский (1838—1906) был выпускником Московского университета. После его окончания он несколько лет провел за границей, где имел возможность посещать лекции известных зарубежных специалистов. Он свободно владел многими западноевропейскими языками, в частности французским, итальянским, испанским. Это был филолог широкого профиля: он исследовал литературу итальянского Возрождения, занимался сравнительно-историческим изучением европейских литератур. В круг его научных интересов входила поэтика, особенности языка и стиля поэтических произведений и многие другие вопросы.

В Петербургском университете А. Н. Веселовский возглавил кафедру всеобщей литературы. Он значительно расширил преподавание иностранных языков и ввел изучение древних текстов. А. Н. Веселовский организовал романо-германский кружок, который объединил молодежь, интересующуюся филологией, и который в дальнейшем перерос в самостоятельное научное Неофилологическое общество. По его инициативе в Петербургском университете было открыто романо-германское отделение. Несколько позднее аналогичные отделения возникли в Московском, Киевском, Харьковском университетах. Все это создало необходимые предпосылки для собственно теоретических исследований в области романских языков в дореволюционной России. Как самостоятельная отрасль отечественного языкознания романистика в нашей стране сформируется, однако, уже после победы Великой Октябрьской Социалистической революции.

Глава II. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИИ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

§ 113. Сравнительно-исторический метод в романском языкознании. Научный интерес к изучению древнего состояния романских языков, в частности старофранцузского и старопровансальского, связан во

Франции с именем французского ученого Франсуа Ренуара¹ (1761—1836), члена Французской Академии, который первым в 1816 г. издал грамматику старопровансальского языка, названную им «Грамматикой романского языка»: название объясняется тем, что Франсуа Ренуар приписывал старопровансальскому статус некоего общероманского языка, промежуточного между латинским и романскими. Этому же ученому принадлежит заслуга издания многочисленных старофранцузских и старопровансальских текстов, создание словаря старопровансальского языка (*Lexique roman ou dictionnaire de la langue des troubadours*, 1838—1844, переиздан в 1929 г.).

В 1816 году появилось не имевшее отношения к романским языкам, но явившееся важной вехой в развитии всех отраслей европейского языкознания, в том числе романского, исследование немецкого ученого Франца Боппа (на немецком языке) «О системе спряжения в санскрите в сравнении с системой спряжения в греческом, латинском, персидском и германском языках», за которым последовало исследование другого немецкого ученого (также на немецком языке) — «Немецкая грамматика» Якоба Гримма, где автор проводил сравнение германских языков с некоторыми древними языками.

Еще в конце XVIII в. в Европе стал известен древнеиндийский язык — санскрит, в котором ученым удалось обнаружить ряд сходных черт с древними европейскими языками, такими, в частности, как латинский и древнегреческий. Возникла гипотеза о родстве этих языков. С появлением трудов Ф. Боппа и Я. Гримма существование индоевропейской общности было доказано. В языкознании появился новый метод — сравнительно-исторический, который на долгие годы занял ведущее положение в европейской лингвистике.

Первым ученым, применившим сравнительно-исторический метод к изучению романских языков, был немецкий филолог Фридрих Диц (*Friedrich Diez*, 1794—1876). Своими научными трудами Ф. Диц заложил основы романского языкознания как самостоятельной отрасли науки о языке.

В 1836—1844 гг. Ф. Диц издает три тома «Грамматики романских языков» (*Grammatik der romanischen Sprachen*). Первый том посвящен фонетике, второй — морфологии и словообразованию, третий — синтаксису. В «Грамматике романских языков» Ф. Дица были впервые изучены шесть романских языков: итальянский, испанский, португальский, провансальский, французский, румынский (Диц называет его валахским — *walachisch*) и дано краткое описание еще двух — каталанского и ретороманского (*rumonsch*). Два последних он называет языками, однако в самостоятельные разделы не выделяет, изучая каталанский в конце раздела, представляющего область распространения провансальского, ретороманский — французского языка. Ф. Диц упоминает также галисийский, относя его к области порту-

¹ Фамилии ученых за немногими исключениями даются в их русской огласовке. Оригинальное написание, так же как и названия трудов на соответствующем языке можно найти в книге: *Йордан Й.* Романское языкознание. /Пер. с рум. М., 1971. При изложении материала, относящегося к истории романского языкознания в XIX—нач. XX вв., мы во многом опираемся именно на это исследование.

гальского языка (Portugiesisches Gebiet). Сардинский он рассматривает как диалект итальянского.

Вслед за «Грамматикой» Ф. Диц создает «Этимологический словарь романских языков» (Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen, 1853). Беря за исходную единицу итальянское слово, Ф. Диц приводит соответствующие итальянским словам однокорневые слова из испанского, португальского, провансальского, французского и румынского (валашского) языков, дает их этимологию, рассуждает по поводу спорных случаев, отсылает к соответствующим разделам своей «Грамматики». Словарная статья одного слова иногда занимает целую страницу и представляет по существу небольшой историко-лексикологический этюд (см. также § 105).

В филологическом наследии Ф. Дица — исследования по творчеству трубадуров (они появились еще до выхода его «Грамматики»), издания старофранцузских текстов с филологическим комментарием и др.

Разработкой вопросов индоевропейского и романского языкознания занимался итальянский филолог Грациано Исайя А с к о л и (1829—1907). Асколи заложил основы итальянской диалектологии, создал первый журнал по итальянской диалектологии (см. § 119). Он дал подробное описание ретороманских диалектов (по его терминологии «ладинских наречий» — *saggi ladini*), развивал теорию субстрата (см. § 40).

Исследования по романской филологии продолжил ученик Ф. Дица французский филолог Гастон П а р и с (1839—1903), член Французской Академии, создавший целую филологическую школу (среди его учеников в молодые годы был и наш отечественный ученый В. Ф. Шишмарев, у него учились румынские романисты Ион Кандра, Овид Денсушану, известный австрийский филолог Вильгельм Мейер-Любке и др.). Г. Парис издал большое количество старофранцузских текстов, явился создателем одного из первых лингвистических журналов по романской филологии (см. § 119). Свои теоретические взгляды на вопросы развития романских языков Г. Парис изложил в исследованиях, посвященных средневековой французской литературе («Французская литература в средние века», 1888 и др.).

Существенный вклад в развитие романского языкознания, в частности в изучение народной латыни, внесли такие крупные филологи, как австрийский ученый Гуго Ш у х а р д т (1842—1927), посвятивший специальное исследование вокализму вульгарной латыни, вслед за Асколи развивавший теорию субстрата (см. § 40) и опубликовавший большое количество статей по самым разным вопросам общего и романского языкознания; Густав Г р ё б е р (1844—1911), немецкий филолог, основатель одного из лингвистических журналов по романской филологии (см. § 119), редактор, издатель и участник большого двухтомного «Компендиума по романской филологии» (Grundriss der romanischen Philologie, т. 1, 1833—1888, т. II, 1902), в котором опубликованы многочисленные статьи по вопросам романской филологии, написанные видными учеными-романистами.

§ 114. Младограмматическая школа в романском языкознании. В 70—90-е годы XIX века в Европе наблюдается повышенный интерес к проблемам исторического развития языков, в том числе романских. Именно в эти годы в ряде романских стран открываются специальные кафедры романской филологии, создаются капитальные труды, многие из которых до сих пор не утратили своего значения. Этот период в истории европейского и романского языкознания принято называть эпохой младограмматизма.

Младограмматическое направление в языкознании (оно получило такое название, так как было представлено в основном филологами молодого поколения) основывалось на теоретической концепции, разработанной создателями этой лингвистической школы. В предисловии к совместно написанной (на немецком языке) монографии «Морфологические исследования в области индо-германских языков» (в шести томах, первый из которых появился в 1878 г.) немецкие ученые Герман Остгоф (1847—1909) и Карл Бругман (1849—1919) разработали теоретическую концепцию, в соответствии с которой исторические изменения в языке объясняются действием одного из двух факторов: 1) «фонетических законов» (механический фактор), которые состоят в том, что один и тот же звук в одном и том же окружении и в один и тот же период истории языка дает в своем развитии один и тот же результат; 2) аналогии (психический фактор), т. е. уподобления одной формы другой по созвучию или по значению. Теоретическое обобщение взглядов младограмматиков дал в своей книге (на немецком языке) «Принципы истории языка» (1880, русский перевод, М., 1960) немецкий филолог Герман Пауль (1846—1921).

Деятельность филологов, работавших в русле младограмматического направления, способствовала накоплению огромного фактического материала, в том числе по романским языкам и их истории, она позволила выявить и описать регулярности в развитии звуков каждого конкретного языка, в случае романских языков — в их отношении к латыни, обнаружить некоторые весьма существенные нерегулярности исторического развития языков.

Как в момент своего возникновения, так и в последующие десятилетия, теория младограмматиков вызвала к себе двоякое, прямо противоположное отношение. Некоторые филологи (среди них Г. И. Асколи, Г. Шухардт и др.) считали, что младограмматики уделяют чрезмерное внимание древним языкам в ущерб современным, что они увлечены эмпирическим описанием фактов и стремятся свести историческое развитие языка к фонетическим законам и аналогии. Других, однако, и их было немало, теория младограмматиков привлекла своей стройностью и перспективой изучения конкретного языкового материала. До сих пор в оценке младограмматической концепции имеются расхождения во взглядах.

В романском языкознании младограмматическое направление представлено деятельностью австрийского филолога Вильгельма Мейер-Любке (Wilhelm Meyer-Lübke, 1861—1936).

В. Мейер-Любке является автором капитального труда «Грамматика романских языков» („Grammatik der romanischen Sprachen“,

1890—1902, три основных тома и четвертый, дополнительный, содержащий указатель), которая представляла, по сравнению с одноименной грамматикой Ф. Дица, совершенно самостоятельное исследование. В «Грамматике» В. Мейер-Любке, помимо шести романских языков, изучаемых Ф. Дицем, рассматриваются данные фриульского и энгадинского диалектов ретороманского языка, сардинского языка, отчасти далматинского (автор называет его вельотским, по имени острова Велья в Адриатическом море, где этот язык удерживался дольше всего), для иллюстрации приводятся слова из некоторых итальянских диалектов (венецианского, генуэзского). Звуковые изменения группируются по их отношению к ударности — неударности слога, в зависимости от положения в слове, звукового окружения и т. д. Систематизированы изменения в области морфологии. Заново разработаны многие вопросы синтаксиса предложения.

Помимо «Грамматики» В. Мейер-Любке создал новый «Этимологический словарь романских языков» (*Romanisches Etymologisches Wörterbuch*, 1890—1899), в котором он рассматривает около 10 000 слов, беря в качестве отправной единицы словарной статьи латинское слово. В словарь включен целый ряд слов «под звездочкой» (с предпосланным им так называемым астериском), т. е. реконструированных, на основании фонетических переходов, народнолатинских слов, не засвидетельствованных письменными текстами, но получивших развитие в романских языках. Ряд восстановленных таким образом слов в дальнейшем нашел подтверждение при изучении позднелатинских текстов (см. § 38).

«Грамматика романских языков» и «Этимологический словарь романских языков» В. Мейер-Любке до сих пор не утратили своей ценности, представленный в них фонетический, грамматический и лексический (лексикографический) материал широко используются в филологических исследованиях и в наши дни.

В лингвистическом наследии ученого — первое в истории романского языкознания «Введение» в эту дисциплину (*“Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft”*, 1901, 3-е изд. 1920), а также труды по отдельным романским языкам и их истории (исследование по каталанскому языку, историческая грамматика французского, итальянского языков и др.).

Раздел второй. СОВРЕМЕННОЕ РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Глава I. РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

§ 115. Социологический подход к изучению романских языков. Начало XX в. в истории европейского и романского языкознания характеризуется появлением ряда новых направлений научных исследований. Филологи этого периода, не принадлежавшие ранее названному лингвистическому школам, ищут новые пути осмысления причин языковых изменений, задумываются над необходимостью изучения современного состояния языков.

Одно из направлений разработки лингвистической теории в начале XX в. представлено трудами немецкого ученого-романиста Карла Фосслера (1872—1949), школа которого в истории языкознания получила название идеалистической, или эстетической.

К. Фосслер развивал следующую концепцию. Общество носителей языка есть совокупность индивидов, каждый из которых наделен «душой» и поэтому неповторим, в том числе и по своему языку. Совокупность особенностей душевного склада индивидов создает то, что можно назвать «духом народа». В своеобразии этого «духа народа» и надо искать причины языковых изменений. Формой проявления «духа народа» является его литература, искусство, культура в широком смысле слова. Следовательно, чтобы понять «дух народа» и, тем самым, причины исторических изменений в языке, необходимо изучать прежде всего историю культуры соответствующего народа. Разработке этой концепции К. Фосслер посвятил ряд трудов и, в первую очередь, свое исследование «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), в котором он резко критикует младограмматиков за позитивизм, т. е. за изучение языковых фактов как таковых без попытки найти существующие между языковыми явлениями причинные связи и противопоставляет позитивизму младограмматиков «идеализм» своей концепции, сущность которой состоит именно в поисках причинных связей языковых явлений.

Исходя из развиваемой им концепции, К. Фосслер изучает историю французского языка и публикует (также на немецком языке) исследование «Культура Франции в свете эволюции ее языка» (1913). Эта книга, как и другие многочисленные труды ученого (а в его лингвистическом наследии книги и статьи по итальянской, испанской, провансальской литературе, «Введение в изучение вульгарной латыни» и др.), получила широкую известность. В то же время она вызвала оживленную научную дискуссию. Отбор материала для изучения в книге «Культура Франции...» производился автором в соответствии с развиваемой им концепцией: его интересовали только те языковые изменения, которые так или иначе можно объяснить «духом народа» (история языка в книге рассматривается от ее истоков до XVII века). К. Фосслер обобщил интересный, во многом новый и ценный материал по истории культуры Франции, однако в целом попытка свести историю языка к истории культуры его носителей не могла не оказаться неудачной. Ошибочность философской основы взглядов К. Фосслера, его философский идеализм (признание первичности «духа» над материей) не позволили ему, хотя он исходил из правильного положения о наличии тесной связи истории языка с историей общества и о необходимости изучать их во взаимодействии, создать такую лингвистическую концепцию, которая объяснила бы причины языковых изменений.

Что же касается склада мышления носителей языка (если именно так понимать термин Фосслера «дух народа»), то он, действительно, своеобразен и в той или иной степени влияет на особенности языкового выражения, присущие именно данному языку. Безусловно, он так или иначе проявляется и в культуре народа. Однако содержание

этого понятия не до конца ясно, как не ясна и его связь с конкретными фактами эволюции языка. В ходе формирования романских языков на базе латинского одни языки выбрали для обозначения понятия «стол» латинское существительное *mensa*, другие — слово *tabula*, получившее это значение лишь в поздней латыни, одни романские языки унаследовали в качестве окончания множественного числа *-s*, другие *-i*, одни романские языки в компаративе закрепили наречие, восходящее к латинскому *magis*, другие — к наречию *plus* и т. д. Вряд ли возможно отыскать те «клеточки» склада мышления, которые явились причиной именно того, а не иного развития языка в каждой конкретной области его фонетики, грамматики, лексики. Будучи способным в ряде случаев объяснить особенности языковой формы выражения, присущей разным языкам, склад мышления их носителей не может рассматриваться как причина языковых изменений.

Другим направлением филологических исследований в области языка, разрабатываемым в европейском, отчасти романском языкознании в начале XX века и представляющим также попытку вывести изучение языка за его собственные пределы и связать его с развитием общества, явился так называемый *метод «слова и вещи»* (*Wörter und Sachen*). Среди видных романистов его сторонником был, в частности, Г. Шухардт.

Уже из названия ясно, что целью применения этого метода было изучение слов в связи с обозначаемыми ими предметами и понятиями. Книги и статьи, издаваемые сторонниками этого метода, содержали описание различных предметов быта, флоры, фауны той или иной страны или области, обычаев и верований народа. Применение метода «слова и вещи» позволило вскрыть внутреннюю форму целого ряда слов, понять их этимологию, эволюцию значений. Однако ограниченность метода была заключена в самом его содержании. В поле зрения ученых попадала лексика в весьма незначительной ее части. Увлечение методом «слова и вещи» оказалось сравнительно кратковременным.

Вместе с тем, вопрос о соотношении понятий и обозначающих эти понятия слов, так же как и проблема взаимодействия истории языка и истории культуры продолжают оставаться актуальными, поскольку развитие языка происходит в постоянной связи с развитием общества, а слова и понятия вступают в сложные взаимные отношения, которые изменяются с изменением самого общества.

С начала XX века в разных странах, в том числе романоязычных и особенно во Франции, создаются так называемые «аналогические» или «идеографические» словари, т. е. словари, построенные не по алфавитному принципу, как толковые или двуязычные, а на основе близости понятий, по ономаσιологическому принципу. Объединяются, например, слова, обозначающие цвет, состояние человека, слова, связанные с понятиями «город», «время», «искусство» и т. д. К настоящему времени разработано несколько типов таких словарей. Аналогические или идеографические словари (словари понятий, тезаурусы) помогают выделить активный слой языка, выяснить своеобразие каж-

ного языка в обозначении понятий, общих для носителей разных языков, и, в конечном итоге, облегчают изучение взаимодействия языка и мышления, помогают в исследовании социальной природы языка.

Начало XX века в истории европейского языкознания ознаменовалось появлением труда, не имеющего непосредственного отношения к романскому языкознанию, но оказавшего значительное влияние на его развитие. Речь идет о «Курсе общей лингвистики» (1916) швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857—1913), подготовленного к изданию по материалам его лекций его учениками Шарлем Балли и Альбером Сеше (Sechehaye).

Отправным моментом концепции Ф. де Соссюра было убеждение в том, что язык является «социальным продуктом», что «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному обществу коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» (с. 52)¹, что «язык никогда не существует вне общества... Его социальная природа — одно из его внутренних свойств» (с. 110).

В «Курсе общей лингвистики» содержался целый ряд положений, которые оказались весьма плодотворными для дальнейшего развития научной мысли. Прежде всего, это положение о знаковой природе языка. По определению Ф. де Соссюра, язык — это «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» (с. 53). Составные части знака (понятие и акустический образ) Соссюр предложил назвать соответственно означаемым и означающим и выделил две основные характеристики знака: немотивированность связи акустического образа со значением (за исключением отдельных звукоподражательных слов и междометий) и линейный характер расположения знаков в речевой цепи (означающие, следуя в потоке речи друг за другом, образуют цепь). Исторические изменения языка, какими бы факторами они ни вызывались, «всегда приводят к сдвигу отношения между означаемым и означающим» (курсив Ф. де Соссюра; с. 107—108).

Мысль Ф. де Соссюра о двустороннем характере языкового знака получила развитие, в частности, в теории так называемого асимметрического дуализма лингвистического знака, разработанной (1929) С. О. Карцевским (1884—1955), русским филологом, проводившим большую часть жизни и скончавшимся в Швейцарии, специалистом в области общей теории языка и русского языка, страстным пропагандистом русской культуры и литературы, учеником Ф. де Соссюра. Эта теория нашла широкий отклик и получила дальнейшую разработку в исследованиях многих филологов, в том числе романистов. Согласно этой теории в языке наблюдается постоянное движение, направленное на раздвоение знака, на соединение означающего с

¹ Здесь и далее цитируется по изданию Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию, пер. с франц., М., 1977.

новым означаемым: ср. в русском языке: *Уйди!* — императив, и *Уйди я пораньше, ничего не случилось бы!* — тот же знак дает другое соотношение означающего и означаемого (уйди = если бы я ушел). Это, в свою очередь, порождает синонимию, полисемию и омонимию и служит импульсом языковых изменений. Асимметрия означающего и означаемого относится к числу имманентных свойств языка (т. е. свойств, присущих ему по самой его природе).

Важным положением теории Ф. де Соссюра явился тезис о системном характере языка. В процессе разработки этого положения швейцарского ученого лингвисты пришли, в частности, к мысли о необходимости разграничения понятий системы языка и его нормы: понятия системы и нормы, а также законы, которым они следуют, не совпадают. В системе французского языка, например, для обозначения понятия «страх» существуют два синонима: *peur* и *crainte*. С точки зрения системы языка ничто не препятствует образованию сочетания **faire crainte*. Однако в соответствии с нормой французского языка, закрепленной узусом, сочетание в подобных случаях образуется с участием существительного *peur*, а не *crainte* (*faire peur*).

Перспективным оказалось также введенное Ф. де Соссюром разграничение синтагматических и ассоциативных (парадигматических) отношений. Первые отражают линейный характер речи, вторые — отношения, хранящиеся в виде ассоциаций в памяти носителей языка: «Так, слово *enseignement* ‘обучение’ невольно вызывает в сознании множество других слов (напр., *enseigner* ‘обучать’, *renseigner* ‘снова учить’ и др., или *armement* ‘вооружение’, *changement* ‘перемена’ и др., или *éducation* ‘образование’, *apprentissage* ‘учение’ и др.), которые той или иной чертой сходны между собою» (с. 155). При изучении материала романских (как и других) языков широко пользуются понятиями синтагматических и парадигматических связей языковых единиц. Это позволяет выяснить взаимоотношения языка как системы знаков и речи, включающей понятие не только социальной, но и индивидуальной сферы деятельности человека.

В лингвистике, как и в других науках, задолго до Соссюра различали понятия современного состояния и исторического развития явлений. Очевидно было и то, что изучать их следует во взаимодействии. В языкознании XIX века, однако, совмещения этих двух планов исследования на практике не произошло. Современное состояние языка интересовало филологов почти исключительно в связи с историей соответствующих форм и слов. Современный язык находил в той или иной мере отражение в грамматиках, но делалось это главным образом в целях обобщения практического изучения языка.

Соссюр предложил разграничить названные выше понятия следующим образом: не современное и историческое, а статическое и эволюционное, состояние языка и фаза его эволюции. Для обозначения состояния языка, т. е. того, что дано говорящему на языке (или изучающему его) в каждый данный отрезок времени, он предложил термин синхрония. Раздел языкознания, изучающий состояние языка, он назвал синхронической лингвистикой. Для обозначения фазы (фаз) эволюции языка им был предложен термин диахрония, соответст-

венно — диахроническая лингвистика. Это было не просто введение новых терминов. Это был отличный от прежнего взгляд на язык: само понятие «состояние языка» было новым, оно поднимало вопрос о необходимости отказа от присущего исследователям предшествующих периодов «атомизма», членения языка на его составные части (звуки, слова, формы) и их изучения в отдельности, вне тесной связи друг с другом. Понятие «состояние языка» призывало к изучению языка в совокупности составляющих его знаков (т. е. тех же звуков, слов, форм, но в их взаимодействии, в их системных связях).

Высказав мысль о необходимости строгого разграничения понятий состояния языка и фазы его эволюции, Соссюр противопоставил их друг другу: «Противоположность двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютна и не терпит компромисса» (с. 116). Отделив исторический подход к языку от изучения его современного состояния, Соссюр провозгласил собственно наукой о языке лишь второе. Попутно он высказал мысль о том, что в систему организованы только существующие состояния языка, только те отношения, которые воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием, а отношения, связывающие элементы, следующие во времени (не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием), в своей совокупности не образуют системы (с. 132).

Развитие языкознания, в том числе романского, за годы, прошедшие со времени публикации «Курса общей лингвистики», показали, что в этом отношении Соссюр был неправ. Исторические изменения в языке системы сами по себе: это во многом определяется именно тем, что язык в каждый конкретный период своей истории представляет системное образование — системность синхронии оказывает самое непосредственное воздействие на системность диахронии. Изучение синхронного состояния языка в полном отрыве от истории его становления (последняя может быть не представлена в самом исследовании, но она должна присутствовать в сознании исследующего язык) может привести, а в ряде случаев и приводит к ошибочному пониманию самих системных связей языковых явлений. Как показали многочисленные исследования, выполненные на материале разных языков, и как было доказано в ходе научных дискуссий, которые велись по этому вопросу, синхроническая (синхронная) и диахроническая (диахронная) лингвистика не противостоят друг другу, как это полагал Ф. де Соссюр, а взаимно дополняют друг друга, служат друг другу своеобразным ориентиром в проверке правильности результатов наблюдений.

В современном, в том числе романском языкознании социологический подход к изучению языков получил особенно интенсивное развитие. Создана специальная научная дисциплина — социолингвистика. Она изучает широкий круг вопросов, связанных с социальной природой языка и его общественными функциями: соотношение понятий язык и нация, взаимодействие языков в разных социальных условиях, проблемы двуязычия и многоязычия, социальной дифференциации языка, соотносимость языковых явлений с внеязыковой действительностью, социальную обусловленность выбора языковых

единиц при определенных условиях общения и ряд других вопросов. Применительно к романским языкам, социолингвистические исследования — это изучение национальных вариантов испанского, португальского, французского языков, выявление особенностей использования романских языков в странах Африки, это изучение взаимодействия литературного языка и диалектов, анализ условий сосуществования родственных и неродственных языков в романских странах (Испании, Франции, Канаде, Швейцарии, Бельгии), это изучение тех факторов, которые оказывают наиболее существенное влияние на формирование литературной нормы и происходящие в ней изменения, и др.

§ 116. Стилистика. Лингвистическая география. В предыдущем параграфе рассматривалась лингвистическая концепция К. Фосслера. Одно из ее положений состояло в том, что человеческое общество — это совокупность языков множества индивидов. Фосслер назвал их стилями. В дальнейшем термин «стиль» в предложенном Фосслером понимании был наполнен несколько иным содержанием: им стали обозначать индивидуальность языка отдельных писателей, своеобразие используемых ими выразительных средств языка (сейчас привычными стали такие словосочетания, как «стиль Флобера» или «стиль Арагона» и т. д.).

В ходе дальнейшего развития языкознания ученые обратили внимание на то, что, во-первых, в любом языке существует совокупность средств аффективного выражения, т. е. таких слов, словосочетаний, синтаксических оборотов и т. п., которые служат целям передачи эмоциональной реакции человека, и что, во-вторых, способы выражения эмоциональной речи не во всем совпадают с теми, которые человек использует в процессе обычного, эмоционально не окрашенного общения с собеседником. Слова «стиль» и «стилистика» приобрели новое значение. Стилистикой стала называться такая отрасль языкознания, которая изучает эмоционально окрашенную речь и те языковые средства, с помощью которых достигается необходимый выразительный эффект. Основы этого направления разработаны в трудах видного швейцарского филолога, ученика и последователя Ф. де Соссюра, Шарля Б а л л и (1865—1947). Они изложены в ряде его работ, написанных на французском языке, и особенно детально в его «Французской стилистике» (русский перевод 1961 г.). Многие наблюдения, касающиеся стилистики французского языка и ряда общих вопросов теории языка, можно найти в другой его книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (русский перевод 1955 г.).

Внимание исследователей привлек к себе, вместе с тем, и тот факт, что в зависимости от социальной принадлежности членов языкового коллектива, а также от целевой установки, ситуации и условий общения речь людей, говорящих на том или ином языке, характеризуется разным произношением, использованием разных слов и выражений, выбором разных синтаксических конструкций и способов построения предложений, ср. русск. лит. *Он говорит, что он не знает!*

Он говорит: «Я не знаю.» и просторечное: Он говорит, что я не знаю (= он не знает) или в произношении лит.: *Здравствуйте, Мария Ивановна!* и просторечн. *Здрасьте, Марь Ванна!*. В связи с необходимостью изучения и этих вопросов, возникло новое направление стилистических исследований — изучение социальных и ситуативных разновидностей речи, или ее функциональных стилей: письменной и разговорной литературной речи, просторечья, публицистического стиля и т. д.

В наши дни исследования по стилистике ведутся по всем трем направлениям: изучается индивидуальный стиль писателей, средства эмоционального выражения, функциональные стили речи.

В начале XX века возникает новое направление диалектологических исследований — лингвистическая география (ее называют также ареальной лингвистикой, так как она занимается изучением ареалов, или зон распространения диалектных явлений). Основным приемом обработки диалектных данных стало картографирование — сведение собранного полевым методом (путем опроса по предварительно составленной анкете) диалектного материала в карты, на каждой из которых сплошной линией соединялись населенные пункты, обнаружившие ту или иную общую черту, или, как принято говорить, — вычерчивались изоглоссы исследуемых фонетических, лексических, грамматических явлений. Диалектологические карты объединялись в атласы.

Первым наиболее значительным атласом был «Лингвистический Атлас Франции» (1902—1910). Его составил французский ученый (родом из Швейцарии) Жюль Ж и л ь е р о н (1854—1926). Сбор материала (его осуществил ассистент и сотрудник Ж. Жильерона — Эдмон Эдмон) занял более четырех лет: было обследовано свыше 600 населенных пунктов Франции. К настоящему времени романисты располагают атласами по всем романским языкам, а исследование диалектов по данным лингвистических атласов (лингвистическая география) стало одним из актуальных направлений изучения территориальных разновидностей романских языков.

Глава II. РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

§ 117. Основные направления изучения романских языков. Романское языкознание второй половины XX в., продолжающее в целом традиции предшествующих периодов, представляет вместе с тем качественно новый этап развития научных исследований в области романских языков. Его новизна по сравнению с предшествующими этапами состоит как в дальнейшей углубленной и во многом новой разработке сложившихся ранее научных направлений (см. §§ 115, 116), так и в возникновении новых направлений, подготовленных всем накопленным ранее опытом лингвистических исследований и общим прогрессом науки о языке. Новизна романского языкознания наших дней состоит также в значительном увеличении и расширении круга вопросов, привлекающих внимание филологов, и числа лиц, интере-

сующихся этими вопросами, в установлении международных контактов, в более широкой пропаганде научных достижений.

В настоящее время почти во всех странах Европы, в США, Канаде, странах Латинской Америки и во многих странах Азии и Африки существуют научные центры, в которых успешно разрабатываются проблемы романской филологии, изучаются романские языки и их история. В Европе такие центры есть во всех романских странах, в СССР и социалистических странах, в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, ФРГ и др.

К новым направлениям, характеризующим развитие романского языкознания на современном этапе, следует отнести прежде всего *сопоставительно-типологические исследования*. Типология представляет такой метод научного изучения языка, в основе которого лежит выявление общих для родственных и неродственных языков моделей, изучение системных связей отдельных звеньев каждого языка, иерархии уровней языка и характера отношений между отдельными элементами языковой системы.

Материал романских языков в типологических исследованиях изучается в основном в двух аспектах: в плане сопоставления самих романских языков и в общем ряду с языками других групп. В первом случае определяются общероманские черты и своеобразие каждого романского языка в отношении конкретных форм их проявления, во втором — общеязыковые универсалии. Целью типологического изучения романских языков является создание общероманской языковой модели и полное описание форм ее реализации в каждом языке, входящем в романскую группу.

Уже сейчас выяснено, например, что наибольшее число однотипных построений дает синтаксис романских языков, а наибольшее число расхождений — их фонологические системы. Более или менее исчерпывающе определен общероманский лексический фонд и систематизированы индивидуальные особенности словаря отдельных романских языков. Изучаются с этой точки зрения морфологические формы, обнаруживающие в силу общности происхождения многих из них определенные совпадения, но вместе с тем характеризующиеся и рядом существенных расхождений. Сопоставительно-типологические исследования ведутся в области фразеологии, представляющей наиболее индивидуальный слой каждого языка и в то же время обнаруживающей несомненные черты сходства. Ценным в сопоставительно-типологических исследованиях является и то, что формы и конструкции романских языков изучаются с учетом их использования в речи, или их функциональной активности.

К интересным и важным наблюдениям типологического характера приводит сопоставительное изучение романских языков с языками нероманской группы, в частности с русским. Для французского языка, например, характерна такая модель предложения, в которой действие (состояние) представляется с точки зрения одушевленного субъекта: *J'ai mal à la tête. J'ai froid.* В русском языке в аналогичных случаях одушевленное лицо представлено местоимением в косвенном падеже (в том числе с предлогом): **У меня** болит голова. **Мне**

холодно. В румынском и молдавском языках в тех же случаях используется модель предложения, более близкая русской, чем французской: *Mă doare capul* (Мэ доаре капул) — досл. **Меня** болит голова; *Mi-e frig* (Мь-е фриг) — полное совпадение с русским (Мне холодно). Сопоставительно-типологические исследования этого плана позволяют выявить типологические сходства и различия неродственных языков, но в то же время и глубже понять своеобразие самих романских языков.

К лингвистическим направлениям, особенно интенсивно разрабатываемым в современном романском языкознании (и не только романском), можно отнести исследования в области *семантического синтаксиса*. В рамках этого направления изучаются семантические связи и семантические функции слов — членов предложения, выявляются семантические и семантико-синтаксические модели предложений и т. д.

Один из аспектов теории семантического синтаксиса (синтаксической семантики) представлен исследованиями, посвященными изучению логико-синтаксической структуры предложений. Исследования этого плана исходят из предпосылки о том, что любое высказывание отражает определенную логическую связь понятий, что оно предполагает существование в сознании носителей языка общих представлений и что, следовательно, одной из задач изучения языка должно быть выявление соотношения внешней формы выражения с той совокупностью представлений и логических категорий, которые делают это высказывание понятным обоим (всем) собеседникам. С точки зрения грамматики, французское предложение: *Là, il attendit Marie toute une heure.* — содержит простую синтаксическую единицу, простое предложение с обстоятельством места. С логико-семантической точки зрения в нем, однако, заключены три суждения: *Il se trouvait (il était) là. Il y resta toute une heure. Il attendait Marie.* «Он там был. Он оставался там целый час. Он ждал Марию». В задачи данного аспекта семантического синтаксиса входит исследование логической структуры высказывания в ее соотношении с синтаксической структурой предложения.

При изучении проблем семантического синтаксиса широко используется ономаσιологический подход: от значения к форме выражения.

Среди направлений, весьма актуальных в настоящее время, следует назвать также «школу Гийома». Французский ученый, давший название этому направлению — Гюстав Гийом (Gustave Guillaume, 1883—1960), начал свою научную деятельность еще в 20-х годах текущего столетия, однако его лингвистическая концепция получила признание и привлекла к себе широкое внимание научной общественности лишь в последние десятилетия.

Основу лингвистической концепции Г. Гийома составляет тезис о том, что предметом лингвистики должен стать не столько «язык на выходе», т. е. не столько разнообразие и обилие его речевых реализаций, сколько движение мысли, находящее реализацию в фактах речи, т. е. «язык на входе». Именно поэтому Г. Гийом назвал свою теорию психосистематикой. На основе предварительных наблюдений

над языком в его повседневном использовании и следуя научной интуиции, которой он придавал исключительно большое значение, ученый стремился уловить общие для движения человеческой мысли направления (от общего к частному и от частного к общему, разные этапы формирования представления о времени и т. д.) и создать научную гипотезу относительно механизма образования языковых предпосылок, которые дают возможность той или иной форме выступать в речи в разных своих значениях.

Сугубо теоретическая направленность рассуждений и сложность самой формы изложения материала в трудах Г. Гийома приводят к тому, что некоторые положения его концепции воспринимаются поразному и получают разную интерпретацию. Тем не менее, общетеоретическое значение многих высказываний Г. Гийома, его стремление проникнуть в механизм представлений человека в момент речи с каждым годом привлекают к его научному наследию внимание все большего числа специалистов ¹.

На современном этапе развития романского языкознания филологами разных стран, в том числе Советского Союза, ведутся исследования в области отдельных романских языков, их фонетики, грамматики, лексики, активно изучаются языковые особенности латиноамериканских вариантов романских языков, проводятся исследования по каталанскому, галисийскому, провансальскому, ретороманскому языкам. В Советском Союзе сложилась целая школа по изучению молдавского языка, особенностей его лексики и фразеологии, литературной нормы, взаимодействия местных говоров, ведется большая лексикографическая работа (создаются толковые, этимологические словари молдавского языка, двуязычные словари в том числе русско-молдавские и молдавско-русские).

Не ослабевает в наши дни интерес и к вопросам истории романских языков, которые изучаются как применительно к отдельным романским языкам, так и в сравнительном плане.

Новым в *исторических исследованиях* наших дней является стремление обнаружить наиболее существенные направления исторических изменений каждого языка, соотнести их с общим ходом его развития, выявить, в чем состоит системность самих исторических изменений и в чем их причины, определить условия, ускорившие или замедлившие тот или иной процесс. Задачей исторических исследований в области романских языков является отграничение стабильного от изменчивого в истории языка, необходимого от случайного, регулярно повторяющегося от единичного.

Новое в сравнительно-исторических исследованиях, осуществляемых в настоящее время в области романских языков, состоит в применении в них методов типологического анализа, который позволяет сопоставлять не столько отдельные факты из истории родственных языков, сколько обнаруженные на основе изучения фактов ведущие линии развития языков. Введение методов типологического анализа

¹ См.: Bibliographie de la recherche en psycho-systématique du langage (1911—1977). Québec, 1978.

в сравнительно-исторические исследования позволило, с одной стороны, отвлечься от такого фактора, как обязательность хронологического совпадения исторических изменений в истории двух и более языков (под определенным углом зрения стали изучаться в сопоставительном плане аналогичные явления, засвидетельствованные как в один, так и в разные периоды истории родственных языков) и, с другой стороны, проводить сопоставление синхронных срезов, минуя некоторые промежуточные этапы¹. Все это значительно расширило возможности сравнительно-исторического изучения романских языков и позволило внести ряд корректив в сделанные ранее наблюдения. Сопоставительно-типологические исследования исторического плана показали, например, что синхрония языка, в том числе его современное состояние, не статичны и что, следовательно, Ф. де Соссюр ошибался, определяя состояние языка как статическое понятие (см. § 115). Историко-типологическое сопоставление родственных языков помогает увидеть не только динамику исторических фаз языка (диахронии), но и динамику его состояния (синхронии).

Романское языкознание располагает фундаментальными трудами по истории романских языков. Автором ряда обширных исследований по истории испанского языка является известный испанский филолог Рамон Менендес Пидаль (1869—1968), по истории французского языка — Фердинанд Брюно (1860—1938), Альбер Доза (1877—1955), Марсель Коэн (1884—1974), датский ученый Кристофер Нюроп (1858—1931) и др., по истории итальянского языка — итальянские филологи Бруно Мильори и, Витторе Пизани, немецкий ученый (ФРГ) Герхардт Рольфс и др., по истории румынского языка — румынский филолог Александру Росетти и др. Все названные ученые являются также авторами трудов по современным языкам, многие изучали другие романские языки, общие проблемы романской филологии и теории языка.

Имеется ряд исследований по истории португальского языка, которые осуществили Серафим да Сильва Нето, Эдвин Бухер Вильямс и др.

Многочисленные публикации посвящаются истории молдавского языка, в том числе и особенно вопросам формирования и развития литературного молдавского языка, молдавско-русским (и молдавско-украинским) языковым контактам, этимологической интерпретации молдавской лексики².

Традиции исторического и сравнительно-исторического изучения романских языков в Советском Союзе заложены видными советскими филологами — романистами Владимиром Федоровичем Шишмаревым (1875—1957) и Максимом Владимировичем Сергеевским (1892—1946). В лингвистическом наследии В. Ф. Шишма-

¹ О возможности изучения отдельных состояний языка (синхронных срезов), относящихся к более ранним, чем современный, периодам истории языка, писал еще Ф. де Соссюр (цит. соч. с. 115), см. § 115.

² См. библиографический указатель: «Молдавское советское языкознание» (1924—1974), Кишинев, 1975, а также: «Молдавское языкознание в советской печати», Кишинев, 1978.

рева — «Очерки по истории языков Испании» (1941), «Историческая морфология французского языка» (1952), «Книга для чтения по истории французского языка» (1955) — два последних труда академика В. Ф. Шишмарева отмечены Ленинской премией, а также изданные посмертно «История итальянской литературы и итальянского языка. Избранные статьи» (1972) и ряд других исследований. Перу М. В. Сергиевского принадлежат «Введение в романское языкознание» (1952, 2-е изд. 1954), «История французского языка» (1938, 2-е изд. 1947), «Молдаво-славянские этюды» (1959) и др.

Значительный вклад в развитие отечественной романистики внес академик Лев Владимирович Щ е р б а (1880—1944).

Большая работа ведется филологами разных стран и в области *общих вопросов романского языкознания*. Создан ряд научных трудов, посвященных изучению основных проблем романской филологии, ряд учебников и учебных пособий.

В книге итальянского романиста Карло Т а л ь я в и н и (Carlo Tagliavini) «Истоки неороманских языков»¹, наряду с другими вопросами, много внимания уделяется вопросам дороманских субстратов, влияниям адстратов и суперстратов на формирование и развитие романских языков, изучаются наиболее древние письменные свидетельства литературных романских языков. Голландский филолог Б. Е. В и д о с (Benedetto Elemér Vidos) в «Учебнике по романской филологии» особенно много места отводит истории романского языкознания. Профессор Лондонского университета В. Д. Э л ь к о к (William Denis Elcock) в книге «Романские языки» детально изучает развитие латинских звуков и грамматических форм в романских языках, комментирует тексты древнейших памятников романских языков. Профессор Колумбийского университета (США) Марио П е й (Mario Andrew Pei) в книге «История латинского и романских языков» интересуется, в частности, демографическими проблемами романского мира и высказывает некоторые весьма оптимистические прогнозы относительно их будущего. Французский филолог Вилли Б а л (Willy Bal), написавший свой труд «Введение в изучение романского языкознания» для студентов и слушателей университета в г. Леопольдвиле (Конго), обращает внимание на своеобразие креольских языков и на процесс распространения романских языков за пределы европейских стран. В названных и не названных здесь работах по введению в романскую филологию в той или иной мере изучаются основные проблемы современной и исторической Романии.

Общие проблемы романистики изучали также французский филолог Эдуард Б у р с ь е (1854—1946), швейцарский исследователь Вальтер фон В а р т б у р г (1888—1971) и многие другие.

Наиболее существенные вопросы романской филологии подробно освещены в учебнике проф. М. В. С е р г и е в с к о г о «Введение в романское языкознание» и в «Исследовании народной латыни...» акад. МССР Н. Г. К о р л э т я н у.

¹ Полное название представляемых далее работ и их выходные данные приводятся в списке рекомендуемой литературы.

Несомненный исторический интерес представляет литографированный курс «Лекций по введению в романскую филологию» (1908—1909 учебный год) Дмитрия Константиновича Петрова (1872—1925), видного специалиста в области испанской филологии, профессора Петербургского (Ленинградского) университета, изучавшего, наряду с многочисленными другими вопросами, также вопросы арабо-испанских культурных отношений.

§ 118. Конгрессы и конференции по романистике. Особенностью научной жизни текущего столетия является стремление ученых к контактам, к обмену мнениями, к объединению усилий в разработке аналогичных и смежных вопросов. Установлению научных контактов способствуют международные лингвистические конгрессы. Они собираются как по общим проблемам лингвистики (и других гуманитарных наук), так и по отдельным их отраслям. С 1928 года практикуются регулярные (в основном раз в три года: нарушение периодичности имело место лишь во время второй мировой войны) международные конгрессы по романскому языкознанию (начиная с 1959 года их называют Международными конгрессами по романскому языкознанию и романской филологии). Первый конгресс состоялся в Дижоне (Франция), последний — 16-й — в 1980 г. в г. Пальма де Мальорка (Балеарские острова, Испания). До этого прошли конгрессы в разных городах Италии, Франции, Испании, Португалии, Румынии, Канады, Бразилии.

По числу участников и представительству разных стран конгрессы отличаются друг от друга, но все они, особенно конгрессы, имевшие место в последние годы, весьма представительны и объединяют обычно от 800 до 1000 участников из 30—40 стран мира.

Конгрессам, как правило, предшествует публикация тезисов предполагаемых докладов, а завершаются они опубликованием полных текстов докладов и содержания дискуссии, состоявшейся после каждого из них («Акты Международного конгресса...»: *Actes du . . . Congrès International de linguistique et philologie romanes*). Рабочими языками конгрессов по романистике являются романские языки (французский, испанский, португальский, итальянский, румынский)¹.

Помимо общероманистических конгрессов проводятся специализированные конгрессы романистов: например, международные конгрессы по проблемам испанистики, по вопросам диалектологии и лингвистической географии и др. Романисты участвуют также в международных конгрессах по общему языкознанию (*Congrès des Linguistes*).

Начиная с 1960 г., в Советском Союзе проводятся Всесоюзные конференции по романскому языкознанию. К настоящему времени состоялось четыре таких конференции: в Кишиневе, Ленинграде, Минске и Калининe. Всесоюзным конференциям, так же как и международным конгрессам, предшествует публикация тезисов, завершаются они публикацией полных текстов докладов. Число участников кон-

¹ На последнем конгрессе в Пальма де Мальорка также каталанский.

ференций постоянно растет. Если на первую романскую конференцию в 1960 г. было представлено немногим более 40 докладов, то на последней (1979) их число превышало 200.

Кроме того, регулярно проводятся Всесоюзные юбилейные конференции, на которых зачитываются научные доклады (например, в связи со столетием со дня рождения акад. В. Ф. Шишмарева, акад. Л. В. Щербы и др.), материалы таких конференций также публикуются. Состоялась Первая Всесоюзная научная конференция по испанской филологии (см. Вопросы испанской филологии, Л., 1974).

§ 119. Периодика по вопросам романского языкознания. Традиция романистической периодики восходит к концу 60-х, 70-м годам прошлого столетия. В 1865 г. во Франции создается Парижское Лингвистическое Общество (официально оно было утверждено в следующем году), которое объединило свыше 80 специалистов в области самых различных языков, в том числе латинского и романских. Его целью, как это отмечалось в Уставе, являлось изучение языков, устных сказаний, обычаев и традиций, а также документов, имеющих отношение к этнографии. Уставом запрещалось делать сообщения на темы о происхождении языка как такового и о создании некоего универсального языка. Цели Общества, таким образом, состояли только в изучении конкретных языков и только конкретных вопросов их истории и современного состояния (преобладал, правда, интерес к первому кругу вопросов).

Парижское Лингвистическое Общество уже в 1868 г. опубликовало первый том «Записок» (*Mémoires de la Société de linguistique de Paris*) объемом свыше 400 страниц, а спустя еще год — «Бюллетень» (*Bulletin de la Société . . .*). Первые издавались до 1935 г., второй существует и сейчас.

В 1870 г. на юге Франции в г. Монпелье вышел первый номер периодического журнала по романским языкам (*Revue des langues romanes*), учрежденного другим лингвистическим обществом (*La Société pour l'étude des langues romanes*). В его первых выпусках преобладали статьи, посвященные провансальской тематике (сами статьи были написаны по-французски), широко публиковались старые и современные провансальские тексты (с их переводом на французский язык). В наши дни тематика публикуемых в этом журнале исследований значительно шире.

Двумя годами позднее (1872) два крупных французских лингвиста, члены Парижского Лингвистического Общества, Пауль Мейер и Гастон Парис, создают в Париже журнал «Романия» (*Romania*), а немецкий ученый Густав Грёбер в 1877 г. издает в Германии «Журнал по романской филологии» (*Zeitschrift für romanische Philologie*). Оба журнала много места отводили исторической тематике. С небольшими перерывами оба журнала выходили все эти годы и продолжают издаваться в настоящее время.

В 70-е годы (1873) увидел свет еще один, более специализированный по тематике, романистический журнал, «Итальянский журнал по диалектологии» (*Archivio glottologico italiano*). Он был создан круп-

ным итальянским романистом Г. И. Асколи. Первый его том (объемом свыше 500 страниц) содержал исследование его создателя «Ладинские наречия» (*Saggi ladini*), ставшее одним из фундаментальных трудов по романистике. В своем исследовании Асколи изучал диалекты ретороманского языка, сопоставлял их с некоторыми североитальянскими диалектами. В дальнейшем, как и сейчас, в журнале публикуются статьи различных авторов по вопросам диалектологии и на некоторые другие темы, даются библиографические обзоры новой романистической литературы.

Начиная с 20—30-х годов текущего столетия в разных странах романской, а затем и нероманской речи возникают многочисленные периодические издания. Все они могут быть названы международными, хотя издаются национальными органами печати, поскольку, в силу возросшего научного книгообмена они поступают почти во все крупные библиотеки мира, а на некоторые из них существует индивидуальная подписка.

В настоящее время в разных странах мира издается свыше 30 специальных журналов по романским языкам и проблемам романской филологии. В Италии их семь: кроме названного выше, наиболее известные из них «*L'Italia dialettale*» (1924), «*Lingua Nostra*» (1939), «*Lingua e Stile*» (1966) и др.; во Франции — также семь: кроме ранее названных журналов, это такие известные журналы, как «*Le Français moderne*» (1933), «*Revue de linguistique romane*» (1925) и др. В Испании — шесть: наиболее старый из них (1914) — «*Revista de filología española*», наиболее молодой — «*Lingüística española actual*» (1979). В Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, Югославии издается ряд филологических журналов, в которых публикуются статьи на романистические темы. В Румынии издаются четыре лингвистических журнала, в основном также романистических: «*Revue Roumaine de linguistique*» (1956), «*Studii și cercetări lingvistice*» (1950) и др. В странах Латинской Америки издаются несколько филологических журналов, среди которых специальный журнал по испанистике — «*Nueva Revista de Filología Hispánica*» (1947) и др. Авторитетным изданием является швейцарский журнал «*Vox Romanica*» (1936), датский «*Revue Romane*» (1966). Специальные романистические журналы выходят в США — «*Romance Philology*» (1947), «*The Romanic Review*» (1910) и др. Во Франкфурте на Майне (ФРГ) еще с 1883 г. существует журнал «*Romanische Forschungen*» и так далее.

Материалы по романским языкам публикуют многие зарубежные университеты, которые имеют свои периодические издания (Анналы, Бюллетени и т. п.), и другие высшие учебные заведения и академические учреждения. Статьи по романистике помещают и общелингвистические журналы.

Таким образом, сеть зарубежных периодических изданий, в которых публикуются статьи по романистике, очень широка. Для обеспечения учета появляющихся публикаций существует целый ряд справочных изданий, таких, например, как: *Bibliografia Nazionale Italiana* (Рим), *Bibliographie de la France* (Париж), *El libro español* (Барселона), *Boletim de Bibliografia Portuguesa* (Лиссабон), *Bi-*

bliografia Republicii Socialiste România (Бухапест), Canadiana (Квебек) и многие другие.

В нашей стране существуют два всесоюзных периодических издания, которые в числе других статей, регулярно публикуют статьи по романскому языкознанию. Это «Вопросы языкознания» и «Филологические науки» (последний принадлежит серии «Научные доклады высшей школы»). Оба издаются в Москве. Кроме того, «Известия Академии Наук СССР» имеют специальную серию языка и литературы, на страницах которой публикуются статьи романистической тематики. Отделение языка и литературы АН МССР издает в Кишиневе специальный филологический журнал (на молдавском языке) «Молдавский язык и литература». Статьи по романским языкам публикуют журналы «Русский язык за рубежом», «Иностранные языки в школе» и др.

Крупные университеты страны (Московский, Ленинградский, Киевский и некоторые другие) имеют специальное издание «Вестник . . . университета». В последние годы широко практикуется издание Ученых записок разных вузов, Межвузовских тематических сборников научных статей. Такие издания также можно отнести к периодическим, так как они публикуются относительно регулярно.

В Советском Союзе ежегодно защищается от 30 до 50 диссертаций по романскому языкознанию.

Издается также периодический сборник «Проблемы современного мира» (на английском, испанском, французском, немецком и португальском языках), где большое внимание уделяется исследованиям советских ученых, посвященных странам Латинской Америки.

В СССР существует специальный «Реферативный журнал», в котором в краткой форме излагается содержание наиболее значительных научных работ, публикуемых в нашей стране и за рубежом, в том числе по романским языкам, ведется «Книжная летопись» и «Летопись журнальных статей». Наиболее крупные библиотеки страны (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека АН СССР и др.) регулярно организуют выставки текущих поступлений и публикуют указатели к поступившей в библиотеку литературе. Выставки новых поступлений еженедельно организуются также библиотеками университетов и педвузов, библиотеками Института Языкознания АН СССР и других научно-исследовательских центров страны.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(цифры обозначают номер параграфа)

- Абсолютные времена** — 99
амальгама — 87, 88
аналитический строй языка — 9, 104
аналитические формы — 86, 104
аналогия — 68, 83, 95
анафора — 86, 88
аорист — 97, 99
апокопа — 39, 66, 75
апофония — 82
архаизмы — 106
архаичность (языка) — 9, 79
асимметрический дуализм лингвистического знака 94, 115
ассимиляция — 66
афереза — 66, 75
- Бетаизм** — 77
билингвизм — 4
- Варианты свободные** — 67
варианты позиционные (комбинаторные) — 67, 87, 93, 95, 96
«внутренняя форма» — 108
вольгаре — 26
- Геминаты** — 77
гипербат — 84, 103
- Дейксис** — 86, 88
деривация — 81
дефонологизация — 67, 74
диасистема — 27
диахроническая лингвистика — 115
диглоссия — 4, 51
диссимiliaция — 66
дифтонгизация — 66, 74
- Изогlossы, изофоны** — 71, 116
инновация — 9
интерференция — 51, 69
исконные слова — 69, 106
итеративность — 98
- Каролингское Возрождение** — 26
каузативы — 94
книжные слова, см. «латинизмы»
койне — 6, 14, 24
- Латинизмы** — 48, 69
- Медиальные глаголы** — 94
метатеза — 66
метафония — 66, 73, 74
- метод сравнительной реконструкции** — 38
морфологизация — 99
- Национальный вариант языка** — 4
номинативный тип (строй) предложения — 94
норма (литературная) — 6, 111, 115
- Означаемое/означающее** — 115
относительные времена — 99
окситонные слова — 73, 79
отложительные глаголы — 94
- Палатализация** — 39, 76
парадигматические отношения — 115
парокситонные слова — 73, 75
периферия (инновации) — 72
периферийные языки — 72, 104, 109
перфект — 97, 98, 99
позиция — 66, 67
пропарокситонные слова — 73, 75
проклитика — 66, 86, 87, 90
протеза (гласного) — 66
- Редукция (гласных)** — 39, 75
релевантный признак — 67
рекомпозиция — 73
реприза — 87
- Синкопа** — 39, 66, 75
синтагматические отношения — 115
синтетизм — 9, 104
синхроническая лингвистика — 115
Специя — Римни (лингво-географическая граница) — 71
Страсбургские клятвы — 55
- типология языков** — 117
Турский собор — 26
- Фонологизация** — 67, 74
фоносинтаксис — 66
- Центр (инновации)** — 72
Центральные языки — 72, 104, 109
- Энклиза, энклитика** — 66
эпентеза — 66
эпитеза — 66
этимологические дублеты — 69
- Языковые союзы** — 47, 104

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Обязательная литература

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 23—178.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.
- Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
- Дынинков А. Н., Лопатина М. Г. Народная латынь. М., 1975.
- История Древнего Рима./Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. М., 1971.
- История средних веков./Под ред. акад. С. Д. Сказкина и др., т. 1—2, М., 1971.
- Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы./Пер. с рум., М., 1971.
- Корлягану Н. Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974.
- Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. 1-е изд. М., 1952; 2-е изд. М., 1954.
- Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Шишмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Избранные статьи. Л., 1972.

II. Дополнительная литература

- Алисова Т. Б. Место итальянской школы в современной лингвистике. — В кн.: Современное итальянское языкознание. М., 1971.
- Бородин М. А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.
- Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963.
- Бурсье Э. Основы романского языкознания./Пер. с фр. М., 1952.
- Васильева-Шведе О. К. К проблеме классификации романских языков. — В кн.: Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Часть I, Минск, 1970.
- Вольф Е. М. Об «архаичности» языка в свете его системы и нормы. — В кн.: Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Часть I, Минск, 1970.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Касаткин А. А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII—XX вв. Л., 1976.
- Катагощина Н. А. Некоторые вопросы формирования общепольского письменного литературного языка. — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Левинтова Э. И. Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы испанского языка). — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956.
- Репина Т. А. Аналитизм романского имени. (Склонение существительных на западе и востоке Романии). Л., 1974.
- Реферовская Е. А. Польский язык в Канаде. Л., 1972.
- Скредина Л. М. Об одном направлении во польской лингвистике (школа Гийома). — НДВШ, «Филологические науки», 1971, № 2.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972.
- Степанов Г. В. Польский язык в странах Польской Америки. М., 1963.

- Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
- Таривердиева М. А. Методическое пособие к спецкурсу «Введение в историю романских языков». М., 1974.
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., 1953.
- Федорова Е. В. Латинские надписи. М., 1976.
- Bal W. Introduction aux études de linguistique romane. Avec considération spéciale de la linguistique française. Paris, 1966.
- Camproux Ch. Les langues romanes. Paris, 1974.
- Elcock W. D. The Romance Languages. London, 1960.
- Lausberg H. Lingüística románica./Пер. с нем. Т. I — Fonética, Т. 2.— Morfología. Madrid, 1973.
- Pei M. A. The story of Latin and Romance languages. New York, 1976.
- Renzi L. Introduzione alla filologia romanza. Bologna, 1976.
- Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. Bologna, 1972.
- Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. Paris, 1963; Introducció al llatí vulgar./Пер. с фр. Madrid, 1968.
- Vidos B. E. Manuale di linguistica romanza./Пер. с голландск. Firenze, 1959; Manual de lingüística romanica./Пер. с итал. Madrid, 1969.
- Wartburg W. La fragmentation linguistique de la Romania./Пер. с нем. Paris, 1967.

III. Специальная литература по отдельным вопросам романского языкознания

- Бонфанте Дж. Романизованное население Италии и германцы.— В кн.: Современное итальянское языкознание. М., 1971.
- Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.—Л., 1966.
- Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Доза А. История французского языка. М., 1956.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963.
- Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. М., 1961.
- Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1896.
- Сафаревич Я. О совершенности и несовершенности в латинском языке.— В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Сергиевский М. В. Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания.— Вестник МГУ, № 1, 1946.
- Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. Л., 1941.
- Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М.—Л., 1952.
- Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975.
- Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1967.
- Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas hispanoamericanos. Madrid, 1976.
- Badia Margayit A. Gramática histórica catalana. Barcelona, 1951.
- Baldinger K. La formación de los dominios lingüísticos en la península ibérica. Madrid, 1972.
- Bec P. La languel occitane. Paris, 1973.
- Bec P. Manuel pratique de philologie romane, Paris, t. I, 1970, t. II, 1971.
- Densusianu O. Histoire de la langue roumaine. Paris, 1901.
- Ernout A. Aspects du vocabulaire latin. Paris, 1954.
- Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. Paris, 1964.
- Foulet L. Petite syntaxe de l'ancien français. Paris, 1930.
- Hall R. A. The reconstruction of protoromance.— In: Language, Baltimore, v. 26, Jan.—Mar., 1950.
- Malmberg B. Phonétique générale et romane. The Hague — Paris, 1971.
- Marouzeau G. L'ordre des mots dans la phrase latine. Paris, 1949.
- Menéndez Pidal R. Orígenes del español. Madrid, 1950.
- Mohl F. G. Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899.

- Muliačić Z.** Die Klassifikation der romanischen Sprachen — In: Romanistisches Jahrbuch, XVIII, 1967.
- Rohlis G.** Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. München, 1954.
- Rohlis G.** *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*, t. 1, 2, 3. Torino, 1968—1969.
- Rohlis G.** Studi e ricerche su lingua e dialetti d'Italia. Firenze, 1972.
- Roncaglia A.** La lingua dei trovatori. Roma, 1965.
- Roncaglia A.** Le origini e il Duecento.— In: Storia della letteratura italiana, vol. I. Milano, Garzanti, 1965.
- Silva Neto S.** História da lingua portuguesa. Rio de Janeiro, 1979.
- Vazquez Cuesta P., Mendes da Luz M.** Gramática portuguesa. Madrid, 1971.
- Wartburg W.** Evolution et structure de la langue française. Bern, 1946.
- Wartburg W.** Problèmes et méthodes de la linguistique. Paris, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Часть первая. Романский языковой ареал и исторические условия его образования	6
Раздел первый. Романские языки. Общая характеристика	6
<i>Глава I. Понятие романских языков и Романии</i>	<i>6</i>
§ 1. Романские языки как генетически родственная группа языков	6
§ 2. Понятие Романии	8
§ 3. Количество романских языков	9
<i>Глава II. Романские языки. Социолингвистические аспекты</i>	<i>10</i>
§ 4. Романские языки в современном мире	10
§ 5. Креольские языки	24
§ 6. Понятие литературных романских языков	27
§ 7. Язык — диалект в условиях романской речи	29
<i>Глава III. Общероманские лингвистические проблемы</i>	<i>32</i>
§ 8. Проблема классификации романских языков	32
§ 9. Проблема структурной общности романских языков	38
Раздел второй. Романия как историческое понятие	41
<i>Глава I. Предыстория Романии: Европа и Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э.</i>	<i>41</i>
§ 10. Расселение племен на Апеннинском полуострове	41
§ 11. Племенные группировки на территории Западной Европы	43
§ 12. Древние государства Средиземноморья	44
<i>Глава II. Образование Древней Романии</i>	<i>45</i>
§ 13. Понятие романизации	45
§ 14. Романизация Апеннинского полуострова	47
§ 15. Романизация Пиренейского полуострова	50
§ 16. Романизация Галлии	52
§ 17. Романизация Дакии	54
<i>Глава III. Древняя Романия в поздний период истории Рима и после его падения</i>	<i>56</i>
§ 18. Кризис общественно-политического строя Римского государства и падение Западной Римской империи	56
§ 19. Возникновение государств на римских территориях	57
§ 20. Формирование государств на романизованных территориях	63
<i>Глава IV. Распространение романских языков за пределы Древней Романии</i>	<i>67</i>
§ 21. Образование Латинской Америки. Колонизация Канады	67
§ 22. Колонизация Африки, Азии, Океании. Процесс деколонизации	70
Часть вторая. Истоки романских языков	72
Раздел первый. Латинский язык — основа романских языков	72
<i>Глава I. Этапы истории латинского языка</i>	<i>72</i>
§ 23. Архаический период	72
§ 24. Классический период	74
§ 25. Поздний период	77
§ 26. Латынь в эпоху Средневековья и в Новое время	80
<i>Глава II. Народная латынь</i>	<i>91</i>
§ 27. Понятие народной латыни	91

§ 28. Проблема единства народной латыни	93
§ 29. Хронологический аспект проблемы народной латыни	95
Глава III. Письменные свидетельства народной латыни	97
§ 30. Надписи	97
§ 31. Художественная литература	100
§ 32. Специальная литература	102
§ 33. Исторические сочинения	103
§ 34. Юридические документы	105
§ 35. Литература религиозного содержания («Христианская литература»)	106
§ 36. Грамматики	107
§ 37. Глоссы и схолии	109
§ 38. Приемы и методы восстановления народной латыни	109
§ 39. Особенности народной латыни	111
Раздел второй. Факторы дифференциации народной латыни и ее преобразования в романские языки. Первые письменные свидетельства романских языков	113
Глава I. Этнические факторы дифференциации народной латыни	113
§ 40. Понятия субстрата, адстрата и суперстрата	113
§ 41. Предроманский субстрат Апеннинского полуострова	114
§ 42. Грецизмы	114
§ 43. Кельтизмы	116
§ 44. Иберийский субстрат	117
§ 45. Германизмы	118
§ 46. Арабизмы	119
§ 47. Балканский адстрат	120
§ 48. Латинский культурный суперстрат	120
§ 49. Взаимовлияние романских языков	121
§ 50. Теория Моля	123
§ 51. Понятия адстрата и суперстрата в свете современной теории стратов	124
Глава II. Хронологические и социальные факторы дифференциации народной латыни	125
§ 52. «Хронологическая» теория Грёбера	125
§ 53. Социальные предпосылки дифференциации народной латыни	126
§ 54. Дифференциация народной латыни и формирование романских языков как результат развития внутриязыковых тенденций	127
Глава III. Первые письменные свидетельства романских языков	128
§ 55. Французский язык	128
§ 56. Провансальский язык	130
§ 57. Каталанский язык	130
§ 58. Испанский язык	131
§ 59. Португальский и галисийский языки	132
§ 60. Итальянский язык	133
§ 61. Сардинский (сардский) язык	133
§ 62. Ретороманский язык	134
§ 63. Румынский и молдавский языки	134
§ 64. Далматинский язык	135
Часть третья. Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем	137
Раздел первый. Фонетика	137
Глава I. Пути и предпосылки фонетических изменений	139
§ 65. Понятие «фонетического закона»	139
§ 66. Позиционно обусловленные и спонтанные изменения	140
§ 67. Системность фонетических изменений. Фонетическое изменение и различительная функция фонем	145
§ 68. Причины отклонения от стандартного развития звуков	149
§ 69. Звуковой облик слов книжной традиции (латинизмов). Заимствования как источник изменения фонетической системы языка	150
§ 70. Роль социальных факторов в распространении фонетических изменений	155
§ 71. Пространственные границы фонетических изменений	157

§ 72. Временные границы фонетических изменений. Их абсолютная и относительная хронология	160
<i>Глава II. Преобразование латинской фонетической системы в разных областях Романии. Тенденции развития и характерные особенности фонетических систем</i>	<i>163</i>
§ 73. Просодическая структура слова. Ударение. Его характер в латинском и романских языках	163
§ 74. Изменения в ударном вокализме. Типы дифтонгизации. Романские максимальные системы гласных	164
§ 75. Изменения в безударном вокализме. Романские минимальные системы гласных	168
§ 76. Общероманские изменения согласных. Этапы палатализации. Образование аффрикат и мягких согласных	172
§ 77. Развитие согласных и групп согласных в интервокальной позиции	175
§ 78. Развитие конечных латинских согласных	178
§ 79. Сравнительная характеристика фонетических систем романских языков	181
§ 80. Латинские и романские звуки-фонемы и их графическая передача	186
<i>Раздел второй. Грамматика</i>	<i>189</i>
Грамматические романизмы и их происхождение	189
<i>Глава I. Именные части речи: существительные, прилагательные, наречия, местоимения в латинском и романских языках</i>	<i>194</i>
§ 81. Существительные. Их словообразовательные и семантические подклассы	194
§ 82. Грамматические категории имени: род и число	197
§ 83. Склонение существительных и прилагательных	200
§ 84. Прилагательные. Качественные и относительные прилагательные. Грамматические категории прилагательных	206
§ 85. Качественные наречия	209
§ 86. Местоименные актуализаторы	210
§ 87. Личные местоимения	214
§ 88. Определенный артикль	219
§ 89. Указательные местоимения	227
§ 90. Притяжательные местоимения	229
§ 91. Указательные наречия места и времени	231
§ 92. Неопределенный артикль, неопределенные местоимения и наречия. Вопросительно-относительные местоимения и наречия	232
§ 93. Предлоги	235
<i>Глава II. Глагол</i>	<i>239</i>
§ 94. Семантические подклассы глагола, их формальные проявления	239
§ 95. Формальные группы глаголов. Их смысловая нагрузка. Позиционное варьирование и аналогическое уравнивание позиционных вариантов в системе глагола	245
§ 96. Категория лица. Формальные варианты личной флексии	247
§ 97. Формы выражения неопределенности и устраненности субъекта. Категория залога. Изменение ее означающего	252
§ 98. Формы выражения видовых значений в латыни и в романских языках	256
§ 99. Временные формы индикатива в латинском и в романских языках	259
§ 100. Ирреальные наклонения в латинском и в романских языках	269
§ 101. Неличные формы глагола	273
§ 102. Союзы; относительные местоимения	281
§ 103. Порядок слов	283
§ 104. Сравнительная характеристика грамматических систем романских языков	285
<i>Раздел третий. Лексика</i>	<i>288</i>
<i>Глава I. Общероманский лексический фонд</i>	<i>288</i>
§ 105. Этимологические словари	288
§ 106. Народно-латинское лексическое наследие (исконная романская лексика)	290
<i>Глава II. Лексическая дифференциация романских языков</i>	<i>295</i>

§ 107. Пути замены наименований и типы изменения значений слов . . .	295
§ 108. Причины лексических изменений	296
§ 109. Сравнительная характеристика словарного состава романских языков	300
Часть четвертая. Развитие романского языкознания	302
Р а з д е л п е р в ы й. Основные этапы формирования романского языко- знания	302
<i>Глава I. Романские языки как объект изучения. Выработка их литературных</i> <i>норм</i>	<i>302</i>
§ 110. «Защита и прославление» родного языка в странах романской речи	302
§ 111. Лингвистическая деятельность Академий	307
§ 112. Изучение романских языков в России в XVIII-XIX вв.	314
<i>Глава II. Сравнительное изучение романских языков в истории романского</i> <i>языкознания</i>	<i>315</i>
§ 113. Сравнительно-исторический метод в романском языкознании	315
§ 114. Младограмматическая школа в романском языкознании	318
Р а з д е л в т о р о й. Современное романское языкознание	319
<i>Глава I. Романское языкознание начала XX в.</i>	<i>319</i>
§ 115. Социологический подход к изучению романских языков	319
§ 116. Стилистика. Лингвистическая география	325
<i>Глава II. Романское языкознание во второй половине XX в.</i>	<i>326</i>
§ 117. Основные направления изучения романских языков	326
§ 118. Конгрессы и конференции по романистике	332
§ 119. Периодика по вопросам романского языкознания	333
Предметный указатель	336
Рекомендуемая литература	337

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА АЛИСОВА,
ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА РЕПИНА,
МАРИЯ АКОПОВНА ТАРИВЕРДИЕВА

ВВЕДЕНИЕ
В РОМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

(для студентов-романистов
филологических факультетов
университетов)

Редактор Б. А. Никонов. Издательский редактор Л. М. Иванова. Художественный редактор Н. Е. Ильенко. Технический редактор З. А. Муслимова. Корректор В. Н. Круглянская

ИБ № 3302

Изд. № Р-359 Сдано в набор 29.01.82. Подп. в печать 12.07.82. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 21,5 усл. печ. л. 21,5 усл. кр.-отт. 23,37 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Зак. № 1245
Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Высшая школа». Москва, К-51. Неглинная ул., д. 29/14

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валуевская 28

Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 129041, Б. Переяславская, 46